

В. ВЕНЦЛОВИЧЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АДАМА МИЦКЕВИЧА

—
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ
(1798—1855)

11K-1 одо. 95-1 стр 143. 801-13
2

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АДАМА МИЦКЕВИЧА

113
70

ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

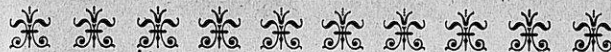
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

съ біографіей и портретомъ А. Д. Мицкевича.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ
поставилено ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиній дворъ, 18 | М О С К В А, Кузнечій мостъ, 12
1902

Венцковичъ

В. ВЕНЦКОВИЧЪ

БИОГРАФІЯ

А. МИЦКЕВИЧА,

СОСТАВЛЕННАЯ

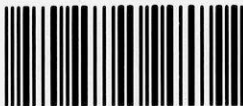
П. Н. ПОЛЕВЫМЪ

Въ польской литературѣ, несмотря на большое изобиліе біографическаго матеріала, касающагося личности и характера Мицкевича, описывающаго подробно различныя эпохи его жизни—до сихъ поръ все же нѣтъ ни одной полной и серьезной біографіи великаго поэта. Чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что менѣе Мицкевича замѣчательные современные ему поэты уже удостоены учеными изслѣдователями біографическихъ трудовъ, которые могутъ быть названы классическими; а между тѣмъ, по отношенію къ біографіи Мицкевича не сдѣлано до сихъ поръ даже систематическаго свода фактовъ (въ родѣ трудовъ Анненкова и Варгенева для біографіи Пушкина) — свода, который бы давалъ возможность разобратся въ разнородномъ біографическомъ матеріалѣ и указать бы путеводную нить къ наиболѣе правильной и безпристрастной оцѣнкѣ поэта. А между тѣмъ современники Мицкевича, близкіе и дорогіе ему люди, свято хранящіе въ памяти преданія о его частной жизни и поэтической дѣятельности, одинъ за другимъ сходятъ въ могилу, унося съ собою память о быломъ. Даже семья Мицкевича, принята подъ покровительство польской

Мицкевичъ. Т. I.

1929-29

2007089783

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 января 1902 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфа, Сиб., Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

эмиграціей, бездѣйствуетъ; издаваемое Владиславомъ Мицкевичемъ вообще очень слабо и недостаточно освѣщено критикой... Чѣмъ объяснить такое странное явленіе, такое равнодушіе къ памяти великаго поэта? Неужели тѣмъ, что интересъ къ изученію его произведеній слабѣетъ въ средѣ польской интеллигенціи?.. Или, можетъ быть, тѣмъ, что, въ настоящее время, идеалы ея слишкомъ далеки отъ идеаловъ Мицкевича, и насущные вопросы дѣятельности не даютъ ей возможности вполне безпристрастно отнестись къ той жизни, которая окружала великаго поэта, особенно въ послѣдній періодъ его жизни.

Если наше предположеніе хоть сколько-нибудь справедливо по отношенію къ польской интеллигенціи, то, конечно, каждому должно быть понятно, что безпристрастная оцѣнка различныхъ сторонъ поэтической и общественной дѣятельности Мицкевича еще не скоро наступитъ для насъ русскихъ, и многія стороны біографіи Мицкевича останутся для насъ навсегда темными и не вполне понятными. Вотъ почему мы не считаемъ возможнымъ помѣщеніе полной и подробной біографіи Мицкевича во главѣ печатаемаго нами полнаго собранія сочиненій поэта, и удовольствуемся самымъ краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ біографическихъ фактовъ, ради уясненія внутренней и внѣшней связи между поэтическими произведеніями Мицкевича.

Адамъ Мицкевичъ родился въ селѣ Заосвѣ (близъ Новогрудка, Минской губерніи), въ самый Рождественскій сочельникъ, 24 декабря 1798 года; онъ происходилъ изъ стараго литовскаго рода, давно уже захудалаго и обѣдѣннаго. Отецъ Мицкевича, Николай, былъ мелкимъ безомѣстнымъ шляхтичемъ, владѣлъ въ Новогрудкѣ только небольшимъ домикомъ и вынужденъ былъ содержать свою многочисленную семью адвокатствомъ. На десятомъ году Адамъ отдалъ былъ въ училище къ доминиканамъ, въ Новогрудкѣ. Отсюда, въ 1815 году, Адамъ Мицкевичъ, учившійся очень хорошо, направленъ былъ въ виленскій университетъ, среди

профессоровъ котораго одинъ изъ родственниковъ Мицкевича былъ деканомъ факультета. Здѣсь Адаму удалось попасть на казенную стипендію, и четыре года своего пребыванія въ виленскомъ университетѣ онъ всегда считалъ лучшими годами своей жизни. Виленскій университетъ былъ въ то время на верху своей славы, и между профессорами было много людей весьма почтенныхъ и замѣчательныхъ. Одни были представителями строгаго, въ то время уже отживавшаго свой вѣкъ классицизма, другіе проводниками болѣе новаго, болѣе романтическаго направленія. Мицкевичъ съ особенною любовью изучалъ здѣсь старыхъ польскихъ поэтовъ, занимался древними литературами и знакомился съ новыми, въ то время взглядами Лелевеля на всеобщую исторію. Первые поэтическіе опыты Мицкевича сильно отзывались классицизмомъ и дидактикой, и только совершенно случайное обстоятельство заставило поэта перейти къ другому, болѣе благодарному роду. Сынъ профессора русской словесности (Чернявскаго), маленькій мальчикъ, любимецъ Мицкевича, прочиталъ ему однажды заученную наизусть *Людмилу* Жуковскаго... Мицкевичъ пришелъ въ восторгъ отъ баллады и самъ обратился къ этому роду произведеній. Первою балладою его была *Лилия*, а за нею послѣдовали и другія, заимствованныя изъ народныхъ литовскихъ преданій. Особенно изобильно стали быть ключи поэтическаго вдохновенія тогда, когда Мицкевичъ, окончивъ университетъ, покинулъ Вильно и получилъ въ Ковнѣ мѣсто учителя латинскаго языка. Связи его съ Вильной и виленскими друзьями не порывались; онъ чувствовалъ, что творитъ новое и прекрасное; они сознавали, что между ними явился великій поэтъ.

Въ этотъ богатый поэтическимъ вдохновеніемъ періодъ пребыванія въ Ковнѣ (1820—1823), когда написаны были между прочими, и *Ода къ молодости*, и *Гражина*—Мицкевичу пришлось пережить такую сильную страсть, которая чуть-чуть не свела его въ могилу и оставила глубокой слѣдъ на послѣдующемъ періодѣ его жизни. Героинею романа;

прикрываться, корчить из себя *валленродствоующих*“. Любопытно, для характеристики эпохи, то, что ни русское общество, въ периодъ появленія *Валленрода*, ни польская интеллигенція—не проникали въ самую суть поэмы, не видали идеи, положенной въ ея основу, и не предвидѣли, какъ страшны будутъ сѣмена, посѣянные поэтическимъ творчествомъ Мицкевича!

Въ концѣ 1827 года Мицкевичу разрѣшено было пріѣхать въ С.-Петербургъ, а потомъ и посѣдить въ немъ посылиться. Московскіе пріатели, провожая Мицкевича, поднесли ему на прощанье серебряный кубокъ, съ вырѣзанными на немъ стихами И. Кирьевскаго *).

Въ С.-Петербургѣ Мицкевичъ постоянно вращался въ лучшемъ обществѣ столицы. Особенно важно, въ биографическомъ смыслѣ, его обличіе съ домогъ знаменитой, европейской пианистки Маріи Шимановской, на дочери которой онъ впоследствии женился. Обласканный Жуковскимъ, Мицкевичъ здѣсь же, въ Петербургѣ, ближе сошелся съ Пушкинымъ, съ которымъ первое знакомство свелъ гораздо ранѣе (еще въ Одессѣ). До какой степени силенъ былъ въ это время поэтический даръ Мицкевича, можно судить потому, что способность къ импровизаціи стихами, которою всегда отличался Мицкевичъ, въ это время проявлялась изумительными фактами:—въ сочельникъ Рождества 1827 года, на предложенный Н. Малиновскимъ сюжетъ онъ импровизировалъ, въ два часа, стихами, цѣлую историческую драму: „*Салуга Зборовский*“ **).

Въ 1829 г. сбылась любимая мечта поэта, давно задумавшаго совершить артистическое путешествіе въ классиче-

*) Мыѣ удалось видѣть этотъ кубокъ, хранящійся дондѣ у Владислава Мицкевича. Никакихъ стиховъ на немъ не вырѣзано, и только внутри его вырѣзаны имена братьевъ Кирьевскихъ, Баратынскаго, Н. Полевого, Шевырева и С. Соболевскаго.

**) Любопытно, при этомъ, однакоже, что въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ Россіи былъ написанъ только «Фарисъ».

скую страну искусства,—Италію. „При помощи вліятельныхъ друзей и покровителей, Мицкевичу удалось, хотя не безъ труда, получить заграничный паспортъ, съ которымъ онъ и отплылъ 13 мая 1829 г. изъ Кронштадта, давъ слово вилленскому пріятелю, чистокровному романтику, А. Э. Одынцу, съѣхаться съ нимъ въ Дрезденъ“. Одынецъ (извѣстный польскій поэтъ) благоговѣлъ передъ Мицкевичемъ и записывалъ изодня-въ-день все походы, все бесѣды свои съ знаменитымъ поэтомъ въ теченіе двухъ-лѣтняго ихъ путешествія (1829—1830). Должно предполагать, что средства къ странствованіямъ Мицкевича доставлены были также его покровителями и друзьями.

Съѣхавшись съ Одынцомъ въ Дрезденъ, Мицкевичъ отправился въ Веймаръ на поклоненіе великому германскому поэту—старцу Гете, къ которому онъ имѣлъ рекомендательныя письма. Оказалось, что Гете, глубоко и многосторонне-образованный, зорко слѣдившій за всеми новыми явленіями въ области поэзіи, уже знакомъ былъ съ произведеніями Мицкевича (между прочимъ и съ его *Конрадомъ Валленродомъ*) по нѣмецкимъ переводамъ. Любезно принятое старцемъ-поэтомъ, оба пріятеля провели въ его обществѣ двѣ недѣли; но, кажется, впечатлѣнія, вынесенныя ими, далеко несоотвѣтствовали ихъ пламеннымъ ожиданіямъ *).

Изъ Веймара странники направились по Рейну, спустились въ Италію черезъ Силезію, были въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, и когда пріѣхали въ Римъ, то увидѣли себя въ кругу старыхъ знакомыхъ, среди которыхъ имъ приходилось жить въ Литвѣ и въ Россіи. Тутъ были и польскіе магнаты, и знаменитые европейскіе художники, и рус-

*) Академикъ П. Дубровскій, въ своей биографіи Мицкевича (Спб. 1859) сообщаетъ, между прочимъ, будто Гете подарилъ Мицкевичу *золотое перо* и сказалъ: «Вы теперь величайшій изъ живущихъ европейскихъ поэтовъ: Гете ужъ сходитъ въ могилу». Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что этого никогда не было и быт не могло.

скіе аристократы, и ученые... Среди этого въ высшей степени пріятнаго общества, жизнь Мицкевича и Одынца потекла незамѣтно, день за днемъ. Рауты, литературные вечера, прогулки по римскимъ развалинамъ въ обществѣ археологовъ и глубокихъ знатоковъ искусства—все увлекало молодыхъ поэтовъ и заставило ихъ забывать о дѣйствительности. Здѣсь же пришлось пережить Мицкевичу и еще одинъ романъ, длившійся почти два года. Дочь графа Анквиача-Скорбека, Генриетта-Эва, напомнила поэту первую мечту его юности, и онъ влюбился въ нее не на шутку. Эва отвѣчала Адаму полною взаимностью чувства; но гордость графа поставила непреодолимую преграду между влюбленными: — о бракъ съ бѣднымъ литовскимъ шляхтичемъ графъ не хотѣлъ и слышать. Видя это, Мицкевичъ не рѣшался настаивать, не дѣлалъ предложенія и находилъ, что съ его стороны всякій рѣшительный шагъ могъ бы уронить его достоинство. Какъ разъ въ это время разразилось осенью 1830 года извѣстное повстаніе въ Царствѣ Польскомъ, столь сильно измѣнившее положеніе Польши... Отчасти подъ вліяніемъ грозныхъ историческихъ событій, происходившихъ на родинѣ, отчасти подъ вліяніемъ того чувства, которое не находило себѣ исхода, — Мицкевичъ сталъ въ Римѣ впервые отвѣчать отъ того философскаго вольнодумства, которое было моднымъ направленіемъ между виленскою молодежью 1820-хъ годовъ, и вдаваться въ противоположную крайность — въ религиозный мистицизмъ, который и привелъ его въ послѣдствіи на край гибели.

Этотъ поворотъ былъ роковымъ для Мицкевича во многихъ отношеніяхъ. Вѣроятно подъ вліяніемъ его, и, во великомъ случаѣ, безъ малѣйшей причины со стороны предмета своей страсти, Мицкевичъ вдругъ рѣшился покинуть тотъ кружокъ, среди котораго такъ незамѣтно провелъ два года — и внезапно уѣхалъ изъ Рима (19 апрѣля 1831 года), даже не простившись съ Анквиачами, которыхъ ему уже никогда болѣе не пришлось видѣть впоследствии. Друзья поэта

утверждаютъ, что этотъ отъѣздъ произошелъ именно въ то время, когда его менѣе всего можно было ожидать, потому что графъ былъ уже почти согласенъ на бракъ своей дочери съ Мицкевичемъ и только ожидалъ того, чтобы гордый юноша „хорошенько попросилъ“ у него руки дочки.

Повидимому, Мицкевичъ, не чувствовавшій въ себѣ ни способностей война, ни способностей государственнаго чело-вѣка, все же проникся желаніемъ участвовать въ движеніи и раздѣлить жребій съ тѣми, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, погibали въ это время подъ Варшавой. Но, въ то время, какъ Мицкевичъ ѣхалъ на родину, повстаніе было подавлено, Варшава слана Паскевичу и Мицкевичу пришлось уже раздѣлить только „страданія польской эмиграціи“...

Считаясь по Европѣ, Мицкевичъ жилъ нѣкоторое время въ Дрезденѣ, и здѣсь читалъ и писалъ очень много, какъ бы очнувшись отъ того чада блаженства, который былъ на него навѣянъ изящными и художественными впечатлѣніями его жизни въ Римѣ, среди избраннаго кружка друзей и аристократовъ. Взявшись, по совѣту Одынца, за переводъ Байронова „Гяура“, онъ вдругъ оставилъ его въ сторонѣ и, подавленные возникшей въ немъ идеѣ національности, подъ вліяніемъ разсказовъ, слышанныхъ отъ очевидцевъ, написалъ нѣсколько превосходныхъ вещей, проникнутыхъ глубокимъ патриотизмомъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ извѣстному поэтическому разсказу о взятіи *редута Ордона*. Здѣсь же, въ Дрезденѣ, подъ вліяніемъ очень смутныхъ и смѣшанныхъ настроеній, написана 3-ья часть *Дзядовъ*, въ которой, не щадя красокъ, Мицкевичъ набрасываетъ очень яркую картину того состоянія, въ которомъ очутилось польское общество послѣ повстанія.

Но здравый поэтическій смыслъ, истинное пониманіе національности и то чувство мѣры, которое постоянно составляло отличительную черту всѣхъ произведеній Мицкевича въ лучшую пору его дѣятельности — еще разъ взяли верхъ надъ

отвлеченною, фантастическою стихією, охватившею Мицкевича послѣ 1831 года. Онъ вдругъ вырывается (послѣ 3-ей части *Дзядовъ*) изъ объятій байронизма и бросается въ совершенно противоположную сторону. Изъ-за этихъ воспоминаній и впечатлѣній, еще ярче выступавшихъ на скудной и скучной чужбинѣ, въ душѣ поэта возникло цѣльное и прекрасное произведение, которое, безспорно, должно было обезсмертить имя Мицкевича. Это произведение — „пѣснь о панѣ Тадеушѣ“. Написанная спокойно, задуманная широко и связанная съ тою многознаменательною эпохою Наполеонова нашествія на Россію, отъ которой поляки ожидали „возрожденія старой Польши“, — панъ Тадеушъ уподобляется новѣйшими польскими критиками безсмертнымъ эпопеямъ Гомера, и въ этомъ случаѣ ихъ нельзя упрекнуть въ слишкомъ большомъ преувеличеніи.

Поэма писалась среди самыхъ неблагопріятныхъ условій вѣшнихъ, среди большой нужды матеріальной, отчасти у изголовья умравшаго въ чахоткѣ друга, но писалась горячо. Выливалась цѣлымъ, непрерываемымъ потокомъ поэтическаго вдохновенія, высоконастроеннаго любовью къ далекой родинѣ. Казалось, что вдохновеніе спѣшило воспользоваться удобнымъ временемъ, спѣшило излиться въ тѣ немногія, и увы, очень краткія минуты просвѣтлѣнія, которыя еще оставались въ распоряженіи великаго поэта! Мицкевичъ жилъ (при началѣ поэмы) въ Дрезденѣ, а потомъ, въ 1832 году, въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ былъ серьезно озабоченъ хлопотами о продажѣ авторскаго права на изданіе всѣхъ своихъ сочиненій за пенсію въ 1000 злотыхъ (150 р. сер.), которую бы онъ могъ получать пожизненно *).

Первое извѣстіе о поэмѣ встрѣчается въ письмѣ Мицкевича отъ 8 декабря 1832 г.: „пишу сельскую поэму въ

*) Къ этой отчаянной мѣрѣ отчасти побуждало его то, что его сочиненія подвергались контрафакціи въ Германіи.

родѣ Германа и Доротеи, и накропалъ уже съ тысячу стиховъ“... Онъ писалъ „Тадеуша“, бросалъ его, и опять къ нему возвращался, увлекаемый неудержимою силою воспоминаній о родномъ краѣ. Въ февралѣ 1834 г., онъ уже писалъ Одынцу: „Вчера кончилъ *Тадеуша* — огромныя двѣнадцать пѣсней; много пустого, но много и хорошаго“... „...Лучшее, что тамъ есть — картины съ натуры нашего края и нашихъ домашнихъ обычаевъ“... И въ томъ же письмѣ мы видимъ по нѣкоторымъ, весьма прозрачнымъ намекамъ, что вдохновеніе поэта видимо изсякло, что ясное сознание его уже вновь начинали заволакивать туманные мистическіе образы, потому что къ своему упоминанію о Тадеушѣ онъ находить нужнымъ добавить: „...Конечно, я уже никогда болѣе не обращу пера на пустыи. Можетъ быть я и *Тадеуша* бросилъ бы, но онъ уже былъ близокъ къ концу. Кончилъ съ трудомъ, потому что духъ порывалъ меня *въ другую сторону, къ продолженію Дзядовъ*, изъ которыхъ я намѣренъ сдѣлать единственное мое произведеніе, достойное чтенія“. Поэтому, видимо, и въ голову не приходило, чтобы *Панъ Тадеушъ* могъ пережить всѣ его произведенія!..

Несмотря на восторгъ самый неподдѣльный, самый искренній и общій, вызванный появленіемъ поэмы, Мицкевичъ относился и къ своему произведенію, и къ его успѣху совершенно безучастно... „Духъ увлекалъ его въ другую сторону“ — и вѣдь прямо къ гибели!..

Уже въ декабрѣ 1834 года онъ участвуетъ, въ Парижѣ, въ основаніи особаго польскаго религіознаго общества *Соединенныхъ Братъевъ*, и около того же времени пишетъ Одынцу: „Вижу, что я слишкомъ много жилъ и работалъ для міра сего, для пустыхъ похвалъ и мелкихъ цѣлей. Только то писаніе чего-нибудь стоитъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ исправиться и научиться мудрости“.

Около того же времени въ жизни поэта произошла важная перемѣна, вызванная, повидимому, также его новымъ, страннымъ настроеніемъ: Мицкевичъ женился на дочери шв-

нистки Шимановской, въ домѣ которой онъ бывалъ такъ часто въ Петербургѣ. Невѣсту свою, Селинну Шимановскую, Мицкевичъ зналъ только понаслышкѣ, черезъ друзей своихъ. Слыша похвалы Селингѣ, Мицкевичъ сказалъ друзьямъ, что онъ не прочь бы жениться на ней... Друзья выписали Селинну въ Парижъ, и „устроили дѣло“ *).

Занятости о нарождавшейся семьѣ и о хлѣбѣ насущномъ на время отрезвили Мицкевича, и заставили его подумать о дѣйствительности. Занятости о хлѣбѣ насущномъ вынуждали поэта даже помышлять о постановкѣ эффектной драмы (*Barские конфедераты*) на сценѣ театра „*Porte-Saint-Martin*“, а затѣмъ въ 1832 году заставили его рѣшиться принять кафедру латинской словесности въ Лозаннскомъ Университетѣ. Между тѣмъ его парижскіе друзья успѣли приготовить ему иное, болѣе подходящее положеніе. Въ 1840 году Мицкевичу была предложена кафедра Славянскихъ литературъ, въ *Collège de France*, съ очень приличнымъ содержаніемъ. Положеніе это, въ высшей степени почетное, должно было сильно польстить самолюбію поэта и, повидному, способно было бы оживить угасавшія его творческія силы. Его друзья и почитатели его таланта вправѣ были ожидать отъ него очень много. И дѣйствительно, около этого времени его еще разъ (послѣдній) осягнуло давно небывалое поэтическое вдохновеніе: въ день Рождества 1840 года, когда друзья давали Мицкевичу объѣдъ, Мицкевичъ, вызванный на импровизацію Словацкимъ, отвѣчалъ ему съ давно-забытымъ жаромъ!.. Но трудъ профессорскій, кропотливый и постоянный, оказался не по душѣ Мицкевичу: онъ не могъ удержаться на высотѣ спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ преподаванію и больше говорилъ своей публикѣ на тему своего преподаванія и больше говорилъ своей публикѣ о Польшѣ, чѣмъ о славянствѣ, съ которымъ онъ былъ во-

* Эта женитьба не принесла счастья Мицкевичу: жена его, въ сущности прекрасная и достойная женщина, была постоянно больна и до смерти своей (1855) сходила три раза съ ума.

обще мало знакомъ, да въ сущности даже и не могъ быть знакомъ, потому что эпоха „Славянскаго Возрожденія“ была тогда еще въ самомъ началѣ, и самое изученіе славянства еще только зачиналось на кафедрахъ. Но болѣе всего сбивало еще пути Мицкевича его несчастное пристрастіе къ мистическому мышленію, которому, подъ вліяніемъ извѣстнаго мистика и теозофа Товянскаго, Мицкевичъ окончательно подпалъ уже въ 1841 году. Товянскій образовалъ въ католической церкви положительный расколъ; ересь, въ которую онъ увлекъ за собою массу послѣдователей, получила въ слѣдствіи названіе *товянизма*. Не входя въ объясненіе ея сущности, замѣтимъ только, что она во многомъ имѣла сходство съ современнымъ спиритизмомъ, и что вліяніе товянизма, отразилось не только на частной жизни Мицкевича, но и на его лекціяхъ по славянскимъ литературамъ. Лекціи, мало-по-малу, подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма, перешли въ идеализацію всѣхъ, даже и весьма непривлекательныхъ, сторонъ древне-польской старшны и ея историческаго быта; „племя славянское изображено, какъ нѣчто единое, въ которомъ дѣйствуютъ, развивалась, двѣ діаметрально противоположныя и взаимно-исключающія себя идеи: русская и польская. Идеѣ польской предрекаема была побѣда при ополченіи противъ сѣвернаго колоса того европейскаго запада (т.-е. собственно Франціи), который дѣйствуетъ въ *Христово-наполеоновскомъ* тонѣ и духѣ“. Рядомъ съ этими странными идеями Мицкевичъ сталъ все громче и громче проповѣдывать противъ бездушія и холодности польской эмиграціи и даже на кафедре перенесъ свои упреки противъ ея равнодушія къ *общему* дѣлу. Слѣдствіемъ такого страннаго отношенія Мицкевича къ полякамъ было то, что онъ долженъ былъ сначала сложить съ себя званіе предѣдателя польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ, а вскорѣ послѣ того потерялъ и кафедру въ *Collège de France*, въ слѣдствіе своего крайне-небрежнаго отношенія къ профессорскимъ обязанностямъ. На послѣднихъ лекціяхъ своихъ онъ сталъ,

подъ влияніемъ своего тягостнаго душевнаго омраченія, обращаясь къ публикѣ, спрашивая слушателей, „видѣли-ли они *воплощенное откровеніе*“ и дѣлать воззваніе къ духу Наполеона для духовнаго общенія съ нимъ.

Послѣ этихъ, пережитыхъ Мицкевичемъ, невзгодъ и тревоженій наступилъ временно опять нѣкоторый періодъ просвѣтленія нравственнаго. Около 1847 года онъ даже прекратилъ сношенія съ Товянскимъ и наконецъ высвободился изъ-подъ его удручающаго вліянія. Въ самомъ началѣ февральской революціи Мицкевичъ отправился въ Италію, съ цѣлью образованія польскаго легіона, и вернулся въ Парижъ полнѣй надеждъ на возрождающуюся власть потомковъ Бонапарта. Временно, въ теченіе года, Мицкевичъ здѣсь былъ редакторомъ газеты „*Tribune des Peuples*“, закрытой въ 1849 году. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ скромное мѣсто бібліотекаря при арсенальной бібліотекѣ въ Парижѣ, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увлекался бонапартизмомъ, въ развитіи котораго, при полномъ непониманіи Россіи и русскаго народа, поэтъ-мечтатель видѣлъ возможность возрожденія Польши. Даже кровавые ужасы декабрьскихъ дней 1852 года не отвезили Мицкевича и не поколебали его вѣры въ Наполеона III, отъ котораго съ ужасомъ отвернулись и отступили всѣ друзья Мицкевича, и котораго такъ яростно осмѣялъ проклятіями другой вдохновенный поэтъ-изгнанникъ изъ своего Джерсейскаго уединенія. Увлеченный бонапартизмомъ и мечтами о мнимой пользѣ родины, о которой менѣе всего способенъ былъ заботиться Наполеонъ III, Мицкевичъ, въ началѣ крымской кампаніи, рѣшился на совершенно безумный шагъ. Вскорѣ послѣ смерти жены, онъ вдругъ покинулъ свою скромную должность бібліотекаря и отправился въ Константинополь, съ порученіемъ отъ французскаго правительства — *содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи!* Лихорадка, захваченная въ Бургасѣ, быстро свела поэта въ могилу... Онъ умеръ 28 ноября 1855 года, въ Константинополѣ. Прахъ Мицкевича былъ перевезенъ въ Мопоранск, близъ Парижа.

Послѣ смерти поэта, польское общество, по особой подпискѣ, достигнувшей довольно крупной цифры, обезпечила семью Мицкевича и оградила авторскія права на изданіе его сочиненій отъ всякихъ попытокъ контрафакціи. Одинъ изъ его сымовай (старшій), Владиславъ, основалъ въ Парижѣ, около люксембургскаго дворца, польскую книжную торговлю, занимался и журналистикой, и отчасти пропагандой польскихъ идей среди французскаго общества. Имъ были изданы нѣкоторыя брошюры по польскому вопросу, напечатаны кое-какіе мемуары, и наконецъ начато въ концѣ 1860-хъ годовъ изданіе полнаго собранія сочиненій отца, далеко неоправданное общ. хъ ожиданій своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Лучшимъ изданіемъ сочиненій поэта и до сихъ поръ все еще остается парижское изданіе сочиненій Мицкевича, подъ редакцію И. Клячко и Е. Янушкевича, напечатанное въ Парижѣ М. О. Вольфомъ (въ типографіи Мартина, въ 1860—61 гг.); къ этому изданію приложены и тотъ превосходно гравированный Дангеномъ и Дюпономъ портретъ Мицкевича, который мы прилагаемъ и къ настоящему изданію сочиненій его на русскомъ языкѣ.

II. Полевой.

30 декабря 1881.

Спб.

БАЛЛАДЫ И РОМАНСЫ.

Мицкевичъ. Т. .

ПЕРВОЦВѢТЪ

(Primula veris).

Чуть первый жавронка привѣтъ
Раздался съ неба чистъ и звонокъ.
Ужъ самый ранній первоцвѣтъ
Изъ золотыхъ блестялъ пеленокъ.

я.

Цвѣточекъ, рано изъ земли!
Еще мгла полночи сурова,
Съ горъ пятна снѣга не сопли,
Еще не высохла дуброва.

Зажмурь златистый твой глазокъ,
Укройся, цвѣтикъ первородной,
Вѣдь сгубить иней зубокъ,
Жемчужинка росы холодной.

цвѣтокъ.

Дни мотылька намъ даль Творецъ;
Съ восходомъ жизнь, въ полдня конецъ;
Но мигъ въ апрѣлѣ драгоцѣнный
Всѣхъ декабрей поры осенней.

Ты ищешь дара для боговъ,
Друзей или милой? — На вѣночекъ
Возьми для нихъ ты мой цвѣточекъ,
Вѣнокъ то будетъ изъ вѣнковъ.

я.

Въ травѣ ничтожной въ перелѣскѣ
Ты дикимъ выросъ, милый цвѣтъ!
При маломъ ростѣ, маломъ блескѣ,
Чѣмъ удивить ты можешь свѣтъ?

Не красками зари румяной,
Не строемъ лилій, не чалмой
Очаровательной тюльпана,
Не персей розы красотой.

Я изъ тебя вѣнокъ сплетаю;
Но слишкомъ вѣришь ты въ себя!
Друзья и милая, не знаю,
Привѣтно ль примутъ въ даръ тебя?

цвѣтокъ.

Мнѣ, ангелу весны чудесной,
Привѣтъ найдется у друзей;
Вѣдь дружба съ блескомъ несомнѣтна,
И тѣбѣ, какъ мнѣ, отрадна ей.

Ужель я милыхъ рукъ нисколько
Не стою, Лиля? — дай отвѣтъ?
За первой юности букетъ
Слеза мнѣ первая — и только!

РОМАНТИЗМЪ.

Что съ тобою, красота увялая? —
Но какъ-будто не слышитъ она.
— «Въ небесахъ бѣлый день, моя милая;
Вкругъ тебя ни души, тишина...
Такъ кого же ты ищешь и кликаешь?
Или горе тяжелое мыкаешь?» —
Но какъ-будто не слышитъ она.

То стоитъ словно окаменѣлая,
То, движенія быстрыя дѣлая,
Вкругъ себя она быстро глядитъ;
То слезами она заливается,
За кого-то какъ-будто хватается,
То смѣется, то плачетъ навзрыдь.

«Ты ли, Ваня? Ужъ ночь приближается...
Ахъ, и мертвый онъ любить меня!
Только тише! нето догадается
Ночью мачиха злая моя.

«Впрочемъ, пусть! Вѣдь тебя схоронила я,
И скучна стала жизнь мнѣ постылая,
Ты мертвецъ, — страшно мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Я ль тебя испугаюсь, несчастная?
Вотъ лицо, вотъ глаза твои ясные...
Въ бѣлый саванъ ты, Ваня, одѣтъ.

«Самъ ты бѣлъ, и все тѣло холодное,
Холодны твои руки, какъ ледъ...
Ляжемъ здѣсь — вотъ мѣстечко свободное —
Пусть меня Ваня къ сердцу прижметъ.

«Я одна! ты пойми мои жалобы...
Ужъ два года ты умерь... Да, да!
Ахъ, съ тобой умереть я желала бы:
Бѣлый свѣтъ мнѣ постылъ навсегда.

«Лучше жизнь отъ меня пусть отвяжется...
Плачу — слышу насмѣшки одни,
Говорю — людямъ странно все кажется,
А что вижу — не видятъ они.

«Приходи ко мнѣ днемъ... Ты — видѣние.
Нѣтъ, тебя я руками держу...
Не спиши, подожди хоть мгновенье:
Я словечко одно лишь скажу...»

«Но — поютъ пѣтухи... Съ грустью слушаю...
Загорѣлась на небѣ заря...
Онъ исчезъ... Я разсталась съ Ванюшкою!
Всѣхъ на свѣтѣ несчастнѣе я».

Такъ ласкалась, въ слезахъ причитала
Эта дѣвушка, — вопли неслись...
Вотъ бѣдняжка на землю упала,
И на крикъ ея люди сошлись:

«Сотворите молитву! — кричали
Добряки: — духъ Ванюши здѣсь былъ:
Онъ при жизни — мы всё это знали —
Эту дѣвушку сильно любилъ».

Съ добряками я самъ согласился,
Полный вѣры, и тоже молился.
— «Эхъ, ты, дѣвочка! — старецъ сказалъ,
И заставилъ умолкнуть всѣхъ сразу:

— Вы очкамъ моимъ вѣрите и глазу:
Никакихъ я здѣсь душъ не видалъ.

«Всякихъ сказокъ наслушавшись древнихъ,
О духахъ лишь болтаютъ въ харчевняхъ.
Эта дѣвочка бредила вслухъ,
А народъ къ бабьимъ бреднямъ не глухъ».

— Въ этой дѣвочкѣ чувство глубоко, —
Отвѣчалъ я, — ей вѣритъ народъ
И не видитъ того твое око,
Что изъ насъ каждый сердцемъ пойметъ.

«Правду мертвую зная, но худо
Съ правдой внутренней жизни знакомъ,
Никогда не увидишь ты чуда:
Чудеса скрыты въ сердцѣ людскомъ».

С В И Т Е З Ъ .

Въ странѣ Новогрудской, кто бъ ни былъ ты, стань,
Достигнувъ Плужинскаго бора,
На мѣсть и на воды озера глянь:
Достоинъ глубокаго взора.

То *Свитезь*. Огромнѣйшимъ кругомъ лежитъ
Его глубокая равнина;
Лѣсовъ она въ черной оправѣ блеститъ,
Какъ чистая, гладкая льдина.

И если ночной подлѣзжаешь порой
Лицомъ къ этимъ воднымъ алмазамъ —

Хорь звѣздъ надъ тобой, и хорь звѣздъ подъ тобой,
И видишь два мѣсяца разомъ,

Не знаешь, хрустальная ль къ небу стѣна
Идетъ, изъ-подъ ногъ возвышаясь,
Хрустальныхъ ли синихъ небесъ вышина
Нисходитъ, къ ногамъ нагибаясь.

Тотъ берегъ невидимъ; что верхъ, и что низъ —
Не скажешь; средь области звѣздной
Сдается, что самъ ты въ пространствѣ повисъ,
Объятый лазурною бездной.

Какъ ночью, при тихой погодѣ, глазамъ
Приятно тѣхъ мѣсть обольщене;
Но въ ночь подъѣзжать къ этимъ страшнымъ мѣстамъ
Потребно имѣть дерзновенье —

Затѣмъ, что тамъ черти пируютъ подчасъ.
Иль бьются они рукопашно.
Дрожу, я какъ слушаю старцевъ разсказъ,
А на ночь и вспомнить-то страшно.

Порой подъ водой словно вихри шумятъ;
Тутъ съ дымомъ и пламенемъ взрывы,
Громъ битвы, стонъ женскій, тревога, набатъ,
Стукъ, грохотъ и разныя дивы.

Вдругъ дымъ тотъ разсѣется, шумъ весь пройдетъ,
Исчезнутъ всѣ ужасы битвы;
Чуть листъ надъ водой шелеститъ, а изъ водъ
Исходитъ стонъ женской молитвы.

Чтожь это? — Тутъ всякій свое говорить;
На дно заглянуть невозможно;

Есть много разсказовъ, но кто-жь отличить,
Что вѣрно въ разсказахъ, что ложно?

Владѣлецъ, которому озеро то
Въ наслѣдье оставили предки,
Старался развѣдать — и какъ тутъ, и что?
Но были безплодны развѣдки.

И вотъ въ глубину на двѣ сотни локтей
Заказанъ былъ неводъ. Работы:
Тутъ было немало. Вотъ съ возомъ сѣтей
Готовы и лодки и бѣты.

Когда-жъ я сказалъ, что при дѣлѣ такомъ
Не худо, чтобъ панъ помолился, —
Онъ жертвы въ костелы послалъ, а потомъ
И ксендзъ изъ Цырына явился, —

И съ берега онъ въ облаченыхъ своихъ
Кропиль, совершалъ свое дѣло.
Вотъ поданъ сигналъ: лодки двинулись вмгъ,
И неводъ пошелъ... зашумѣло...

Сѣть тонетъ, грузятся совсѣмъ полавки, —
Богъ вѣсть, глубина тутъ какая:
Веревки натянуты, сѣть изъ руки
Чуть лѣзеть: надежда плохая!

Вотъ на берегъ тапчатъ съ обѣихъ сторонъ
Тотъ неводъ... Конецъ ужъ... Поймали!
Сказать-ли, какой тутъ былъ змѣй извлеченъ?
Скажу — такъ повѣрять едва-ли.

Однако скажу. Оказалось: не змѣй,
А женщина это живая:

Уста, что кораллы; съ свѣтлорусыхъ мудрей
Сбѣгаетъ струя водяная.

Вотъ на берегъ всходить. Однихъ тутъ испугъ
Въ дрожь кинулъ, вздымается волосъ;
Другіе бѣжать приготовились... Вдругъ
Та съ рѣчью... Плѣнительный голосъ!

«Послушайте вы, молодежь! Этихъ волнь
Довынѣ никто не касался
Безъ каръ: дробился тутъ дерзостный чолнь,
И въ бездну пловець погружался.

Тебя... — такъ владѣльцу вѣщала она, —
И слугъ твоихъ эта же чаша
Ждала... Но твоихъ это предковъ страна,
И кровь въ тебѣ движется наша.

«Самъ Богъ, любопытство твое извиня,
Хоть должно-бъ взыскать съ тебя строго,
Открыть вамъ всѣ тайны готовъ чрезъ меня —
Затѣмъ, что вы начали съ Бога.

«На мѣстѣ, закиданномъ нынѣ пескомъ,
Обросшемъ густою осокой,
Что гнется порою подъ вашнмъ весломъ,
Стоялъ прежде городъ высокой.

«Онъ Свитеземъ звался: тутъ храбрыхъ людей
И дѣвъ было красныхъ немало.
То было владѣнье Тугановъ-князей.
И долго оно процвѣтало.

«Вы видите: озера блескъ тутъ закрытъ
Лѣсами по цѣлой границѣ;

Лѣсовъ этихъ не было: прямо былъ видъ
Къ тогдашней литовской столицѣ.

«Однажды могучая русская рать
Пришла, осадила Мендога.
Мендогъ устоять-ли? чего ему ждать?
Пошла по Литвѣ всей тревога.

«Къ отцу моему онъ писалъ: «Помоги!
Жду войско я съ дальней границы.
Туганъ, отъ тебя — это знаютъ враги —
Зависитъ спасенье столицы.» —

«Туганъ, прочитавши письмо даль приказъ
По войску въ кругу приближенныхъ,
И быстро въ пять тысячъ дружина сошлась
Изъ всадниковъ вооруженныхъ.

«Звукъ трубный. Ликуетъ воинственный станъ,
Къ походу все войско готово;
Но, руки ломая, спущенный Туганъ
Домой возвращается снова.

«Пойми, — онъ сказалъ мнѣ, — за что погибать
Должны мои ратные люди?
Нашъ Свитезь — не крѣпость: ее защищать
Лишь могутъ булатъ нашъ да груди.

»Когда я дружину свою раздѣлю.
То тѣмъ не спасу я Мендога,
А если все войско въ сраженіе пошлю,
Кто женъ охранять будетъ строго!»

— «Не бойся, отецъ! — я сказала! — пора!
Спѣши, жди побѣды блестящей.

Богъ насъ защитить. Мнѣ приснился вчера
Надъ городомъ ангель парящій:

«Обвелъ, словно молніей, городъ весь онъ
Мечемъ: «Не должны вы крушиться:
Возьму подъ защиту, — сказалъ онъ, — всѣхъ жевъ,
Пока ихъ мужья будутъ биться.» —

«Туганъ двинулъ войско и скрылся въ пыли,
А ночь едва только настала,
Ка. топотъ раздался, гамъ, крики вдали
И грозно ура! прозвучало.

«Гремѣли тараны, твердыни воротъ,
Разбитыя въ щепы, упали;
Въ паническомъ страхѣ сбѣгался народъ,
И жены, и дѣти дрожали,

«Гвалтъ общій: «Врагъ близко, не справиться съ нами,
Ворвутся къ намъ русскіе скоро...
Ахъ, лучше мы сами себя умертвимъ:
Избавитъ насъ смерть отъ позора». —

«И бѣшенство тутъ пересилило страхъ!
Свое достойніе сами
Спѣшили несчастные жечь на кострахъ,
И воздухъ гудѣлъ голосами:

«Проклятье тому, кто себя не убьетъ!»
И тщетны слова мои были:
Спѣшили устроить одни эшафоты;
Другіе-жъ топоры приносили.

«Преступное дѣло грозило... Какъ быть?
Иль съ гнетомъ цѣпей помириться,

Иль рѣзать другъ друга, кровь ближнихъ пролить?
«О, Боже! — я стала молиться:

«Когда мы не можемъ бороться съ врагомъ,
Съ мольбою одно Тебѣ скажемъ:
Пусть лучше убьетъ насъ небесный твой громъ,
Иль въ землю живые мы ляжемъ.»

«Тогда что-то бѣлое разомъ вокругъ
Сверкнуло — ночь утромъ смѣнилась;
Съ испугомъ я внизъ посмотрѣла, и вдругъ
Земля изъ-подъ ногъ моихъ скрылась.

«Такъ мы отъ позора спаслись, отъ рѣзни...
Ты видишь — здѣсь травы явились:
То Свитезя жены и дѣти — они
Въ растенья теперь превратились.

«Какъ бѣлыя бабочки, бѣлымъ цвѣткомъ
Они надъ водою бѣлѣютъ;
Какъ елка зимою подъ первымъ снѣжкомъ,
Ихъ листья въ водѣ зеленѣютъ.

«По смерти, подъ видомъ такого цвѣтка,
Живутъ непорочныя души;
Не смѣетъ коснуться ихъ смертныхъ рука —
Подобныхъ цвѣтовъ нѣтъ на сушѣ.

«Когда же царь русскій и русская рать
О чудныхъ цвѣтахъ тѣхъ узнали,
То ими спѣшили шеломъ украшать
Вѣнки для себя заплетали.

«Но кто прикасался къ нимъ только рукой, —
Такая въ цвѣтахъ была сила, —

Тотъ разомъ здоровье терялъ и покой,
Того ожидала могла.

«Давно это было, въ иной періодъ,
Осталось о немъ лишь преданье,
Да въ сказкахъ его поминаетъ народъ.
Царей тѣмъ цвѣтамъ давъ названье.»

И дѣва умолкла. Всѣ лодки тогда
И сѣти тонуть стали съ трескомъ,
Запрыгали волны туда и сюда
И кинулись на берегъ съ пескомъ.

Все озера вдругъ раздвоились до дна,
А дѣва на дно опускалась,
Пучиною снова закрылась она
И людямъ съ тѣхъ поръ не являлась.

СВИТЕЗЯНКА.

Кто тотъ молодецъ статный, красивый,
Что за дѣвица съ нимъ, краснымъ,
Вдоль по прибрежью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ?

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать онъ — милый другъ красоти-дѣвицы,
Знать она — парня зазноба.

Каждую ночью въ тѣни осокори
Онъ ее здѣсь поджидаетъ:

Молодецъ — ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть, когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть, куда исчезаетъ...
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Искрой ночной пропадаетъ.

«Полно таяться со мной, дорогая!
Вымолви слово, для Бога:
Гдѣ твоя хата и семья родная,
Какъ къ тебѣ путь и дорога?»

«Минуло лѣто, листочки валятся;
Холодно въ полѣ просторномъ...
Али всегда мнѣ тебя дожидаться
Здѣсь, на прибрежьи озерномъ?»

«Али всегда ты, какъ стѣнь гробовая,
Вродишь полночной порою?
Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
Лучше останься со мною!»

«Вотъ и избѣнка моя не далеко,
Видишь — гдѣ въ чащѣ лощина...
Будеть у насъ съ тобой лавка и печка,
Будеть и хлѣбъ, и дичина.»

— «Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли;
Знаю я все ихъ уловки:
Въ голосѣ ихъ соловьиныя трели,
Въ сердцѣ ихъ — лисьи снововки.»

— «Ты насмѣешься потомъ надо мною,
Кинешь меня и загубишь!

Я тебѣ тайну, пожалуй, открою,
Только... ты вправду-ли любишь?» —

Молодецъ клялся у ногъ своей милой,
Бралъ горсть сырой земли въ руку,
Бралъ, заклиная темною силою,
На душу бралъ вѣчную муку.

«Будь» же ты вѣрнѣ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто клятву забудетъ,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе тамъ ему будетъ!

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парню махнула рукой и, какъ птица,
Въ темныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ
Гонится ловчій — задаромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостянки.

Онъ надъ стремниной идетъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вдругъ вихоръ взвылъ по дубровѣ сонливой,
Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины...
Въявь али греза ночная?

Тамъ, надъ Свитѣзью, изъ темной пучины,
Всплыла краса молодая...

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росой;
Легкою тканію стань бѣлоснѣжный
Обвить, какъ легкою мглою.

«Парень пригожій мой, парень красивый, —
Молвила дѣвица страстно:
— Кто ты? Зачѣмъ надъ Свитѣзью бурливой
Бродишь порою ненастной?»

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлѣтной,
Глупой и вѣтренной дѣвки:
Ты по ней сохнешь, а ей, переметной,
Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
Нявчаться съ думой печальной:
Бросься къ намъ въ волны и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый, и ласточкой пибкой
Будешь надъ озеромъ мчаться,
Али здоровой, веселою рыбкой
Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой
Ландышей мы набросаемъ,
Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,
Дивныя грезы узнаемъ».

Смокнула. Вѣтеръ покровъ ей колышитъ,
Млечную грудь открывая...

Парень, хоть смотреть не смотреть, а слышитъ —
Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
Мчится, воды не касаясь,
То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ прыгнуть — и назадъ отступаетъ:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна покатилась,
Плещеть, ласкается, манитъ...
Сердце въ немъ замерло, кровь расходилась...
Память и мысли туманитъ.

И позабылъ онъ про прежнюю лобу,
Клятвою презрѣлъ святою;
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ надъ волнами несется онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ;
Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плыветъ что есть мочи,
Доплыль и обвилъ руками:
Смотрится ей въ ненаглядныя очи
Льнетъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
Вспыхнулъ сквозь тѣмнеть ночную;

Ловчій взглянулъ и въ красоткѣ озѣрной
Призналъ подругу милую.

«Такъ-то ты вѣрнѣ въ священномъ обѣтѣ?
Если кто клятву забудетъ,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!»

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струей
Рыбкой веселой плескаться:
Тѣло твое распадется землею,
Очи пескомъ засорятся.

«А за измѣну душа проклятая
Вѣчно при той осокори
Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плыветъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
А вихорь воетъ въ дубровѣ сонливой;
Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины;
Пѣнится, плещетъ и стонетъ...
Разомъ раскрылись сѣдыя пучины:
Дѣвица съ молодцемъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни —
Дѣвица съ молодцемъ краснымъ.

Молодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
Дѣвица въ плѣсѣ играетъ...

Молодецъ ловчимъ когда-то быть въ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Р Ы Б К А.

Изъ родной подь лѣсомъ хатки
Вышла Зося: вздохи рвутся,
Волосъ въ дикомъ безпорядкѣ,
Слезы, слезы — такъ и льются.

Вотъ знакомое озѣрко!
Вотъ и рѣчка! Съ воплемъ муки
Зося стала у пригорка
И ломаетъ бѣлы руки

«Эй! Подводныя жилицы! —
Зося кличетъ: — Свитезянки!
Не отвергните, сестрицы,
Обольщенной поселанки!

«Панъ, любимый страстно мною,
Мнѣ въ любви взаимной клялся,
А сосватался съ княжною:
Онъ надъ Зосей посмѣялся.

«Пусть же злой обманщикъ съ нею
Раздѣляетъ счастья долю,
Но надъ горестью моею
Я ругаться не позволю.

«Жизнь на свѣтѣ — помя мнѣ вострый.
Что мнѣ жить? Позоръ — не шутка!

Нимфы! Къ вамъ иду я въ сестры...!
Ахъ, прости, мой сынъ-малютка!»

И слезами захлебнулась,
И зажавъ глаза руками,
Зося съ берега рванулась
И исчезла подь волнами.

Тамъ, за лѣсомъ, домъ свѣтлѣетъ;
Подъѣзжаютъ гости къ дому.
Тамъ пируютъ; дворъ людѣетъ;
Много блеска, шума, грому.

Въ лѣсъ малютку безъ пеленокъ
На рукахъ слуга выносить;
Рвется, мечется ребенкомъ,
И визжитъ, и груди просить.

Хлопецъ къ рѣчкѣ съ нимъ подходитъ,
Гдѣ, раскинувшись бесѣдной,
Надъ водою зелень сводитъ
И сплетаетъ вѣтку съ вѣткой.

«Бѣдный птенчикъ! Ужъ испытанъ
Имъ и голодъ! Злые люди!
Гдѣ ты, Зося? — говорить онъ: —
Зося! Дай ребенку груди!» —

Здѣсь я, — слышанъ въ тьмѣ подводной
Чей-то шопоть, полный ласки: —
Я дрожу въ водѣ холодной;
Мнѣ песокъ набился въ глазки;

«Между камешкомъ надонныхъ
Бьюсь, мечусь я, какъ песчинка:

Я глотаю мушекъ сонныхъ,
А питье мое — росинка.

На рукахъ дитя качая,
Хлопецъ снова произносить:
«Гдѣ ты, Зося? Гдѣ, родная?
Твой ребенокъ груди просить».

Вдругъ, какъ будто что плеснуло,
Гладь воды вздохнула зыбко,
И надъ влагою блеснула
Встрепенувшаяся рыбка —

И скользить надъ легкой струйкой,
Легкой змѣйкой извиваясь
И серебряной чешуйкой
До воды едва касаясь.

Позолотой блещетъ спинка,
Острый носикъ, въ видѣ стрѣлки,
Съ боку красная щетинка,
Глазки словно бисеръ мелки.

Вдругъ чешуйка разступилась...
Диво! — слышенъ женскій голосъ,
Грудь красавицы открылась,
Голова и длинный волосъ.

Въ тростникахъ стыдливо кроясь,
Подплыла она съ улыбкой;
Женскій видъ по самый посяетъ,
А къ хвосту осталась рыбой, —

И беретъ она ребенка,
Къ бѣлой груди прижимаетъ,

Кормить бѣднаго и звонко
«Люди, люди» припѣваетъ.

Крошка смолкъ, вкусивъ роднаго
Молока живую струйку,
И — къ слугѣ, а Зося снова
Въ рыбью прячется чешуйку,

И — буль-буль — и рыбка снова
Скрыта влаги тайниками;
Только воздухъ съ дна рѣчнаго
Вверхъ пробился пузырьками.

Вечеркомъ и спозаранка
Хлопецъ тутъ, — и, въ ту жъ минутку
Выплывая, Светезянка
Кормитъ сираго малютку.

Но однажды вечеръ длился,
А урочно порою
Вѣрный хлопецъ не явился
Къ рѣчкѣ съ ношей дорогою.

Знать пройти той стороною
Хлопцу случай не позволить:
Той порою панъ съ женою
Вдоль рѣки гулять изволилъ.

Панъ домой не воротился...
За кустомъ, во мглѣ тумана,
Хлопецъ робко притаился,
Ждетъ-пождетъ: не видно пана!

Кисть руки свернуть надъ глазомъ,
Смотрить... ждать... ужъ ждать нѣтъ мочи!

Вновь глядитъ, а съ каждымъ разомъ
Гуще сумракъ — дѣло къ ночи.

Вотъ ужъ звѣзды! — И украдкой
Добрый хлопецъ, сжавъ сердечко,
Тихо выступилъ съ оглядкой —
Къ рѣчкѣ... къ рѣчкѣ... Гдѣ же рѣчка?

Чудеса! Гдѣ извивался
Свѣтлой рѣчки токъ стеклянный —
Лишь оврагъ сухой остался,
Ровъ безводный, грунтъ песчаный.

Панъ съ женой и рѣчки влага —
Сгибло все, навѣки скрыто;
А у самаго оврага
Лишь остались платя чьи-то.

Надо рвомъ скала крутая
Встала глыбой посѣдлой,
Раздвоясь и представляя
Видъ четы окаменѣлой.

Хлопецъ, точно околдованъ,
Чась, другой стоялъ безмолвный;
Словно тутъ онъ былъ прикованъ,
Неподвижный, страха полный.

«Зося! Зося!» Вдругъ онъ крикнулъ:
«Зося!» — эхо отвѣчало.
Смертный хладъ въ него проникнулъ
Зоси словно не бывало.

На скалу, на ровъ безводный
Посмотрѣлъ онъ: чья бь работа?

И со лба стеръ потъ холодный
И смекнулъ, казалось, что-то,

И дитя, собравшись съ силой,
Взялъ онъ, дико усмѣхнулся,
Молвилъ: «Господи, помилуй!»
И домой стремглавъ вернулся.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЯТИ.

Дѣтки! Ступайте къ часовнѣ нагорной!
Дѣтки! Скорѣй! Торопитесь!
Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной,
Долго, усердно молитесь!

«Тятя не ѣдетъ... До страшной потери
Долго ль? — Хранимъ ли онъ Богомъ?
Есть по лѣсамъ кровожадные звѣри;
Есть и разбой по дорогамъ».

За городъ дѣти къ часовнѣ нагорной
Кинулись мигомъ въ дорогу.
Тамъ предъ иконою они чудотворной
Стали и молятся Богу;

Ставъ на колѣни, головки склоняютъ
Низко — до праха земнаго,
Вѣчное имя Отца призывають,
Сына и Духа Святаго.

«Вѣрую», «Отче» прочли, да и снова,
И «Богородицу» тоже,

Все наизусть до послѣдняго слова,
Все — и «Помилуй мя, Боже».

И литанію божественной Дѣвъ
Старшій запѣлъ, и всей силой
Прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
Слышится: «тятю помилуй!»

Бдуть... Колеса стучать по дорогѣ;
Грохотъ воевъ на раскатѣ.
Кинулись дѣти въ веселой тревогѣ:
«Тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!»

«Стой!» — и купецъ вылетаетъ изъ брички;
Дѣти ласкать его стали.
«Что, мои дѣтушки? Что, мои птички?
Что вы безъ тяти: скучали?»

«Мама здорова? Тети здорова?
Лакомки! Вотъ вамъ изюму!» —
Дѣти кричатъ — не разслышавъ ни слова:
Столько на радостяхъ шуму!

Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ
(Съ радостью рядомъ — отвага!)
Самъ же съ дѣтьми онъ свой путь продолжаетъ...
Вдругъ изъ-за лѣса — ватага!

Вышли злодѣи: лохмотья покрыты
Свѣжими пятнами крови;
Страшные рожи не мыты, не бриты;
Ножъ и кистень наготовѣ.

Вскрикнули дѣти, къ отцу въ перепугѣ
Лѣзутъ подъ полы шинелю;

Нѣту лица на дрожащей прислугѣ —
Въ ужасѣ всѣ помертвѣли

«Все забирайте! Всплеснувши руками,
Никнетъ купецъ головою:
«Лишь не творите дѣтей сиротами,
Милую женку вдовою!»

Грабятъ злодѣи: одинъ отпрягаетъ
Добрую лошадь; тотъ съ крикомъ
Требуетъ денегъ, ножомъ угрожаетъ
Звѣрства въ неистовствѣ дикомъ.

«Стойте!» — раздался вдругъ крикъ атамана.
«Прочь!» — и отхлынула шайка.
«Добрый купецъ! Умирать тебѣ рано.
Съ Богомъ домой поѣзжай-ка!»

Тотъ атаману поклонъ, а разбойникъ:
«Нѣтъ, — говорить, — ты на свѣтѣ
Жить не остался бѣ, ты былъ бы покойникъ,
Если бѣ не добрыя дѣти!»

«Имъ поклонись! Я бѣ аршинною бритвой
Самъ искрошилъ твое тѣло,
Если бѣ не дѣтки съ своею молитвой!..
Слушай, куччина, въ чемъ дѣло:

«Слышали мы, что ты ѣдешь, заранѣ;
Мы ужъ давно сосчитали
Нашу поживу въ твоемъ караванѣ:
Вотъ мы засѣли — и ждали.

«Вижу — тутъ дѣти... Глядь! Молятся Богу...
Я и смотрѣлъ, какъ на шалость,

Даже смѣялся, а тамъ понемногу
Въ сердце забралась и жалость.

«Вдругъ я припомнилъ родную сторонку,
Хаты родительской крышку...
Ножъ уронилъ я, какъ добрую женку
Вспомнилъ да сына-мальчишку.

«Дѣти! Вотъ тятя вашъ! Съ Богомъ идите!
Да у домашней божницы
Въ дѣтской молитвѣ порой помяните
Грѣшную душу убійцы!»

КУРГАНЪ МАРИСИ.

(Мотивъ изъ литовской пѣсни).

чу же земаць.

Тамъ, гдѣ Нѣманъ въ берегъ плещеть,
Тамъ, гдѣ лугъ прибрежный блещеть
Педь росой, — курганъ зеленый
Вижу, снизу окруженный,
Какъ вѣнкомъ, густою кущей
Розъ, малиною цвѣтущей,
И увѣчанный цвѣтами
Да черемухи кустами.
Три дорожки отъ кургана
Разбѣжались, безпрестанно,
Какъ три змѣйки, извиваясь
То налѣво, то направо;
Третья, — къ хатѣ направляясь,
И хотѣлось бы мнѣ, право,

Знать, красавица, что это
За курганъ? Я жду отвѣта.
На вопросъ мой отзовися.

дъ в у ш к а.

Вся деревня не забыла:
Въ хатѣ той жила Марися
Этотъ холмъ — ея могила.
По одной тропинкѣ милый
Ходитъ плакать надъ могилой,
По другой же — мать сѣдая,
А подруга молодая
По дорожкѣ третьей бродить...
Вотъ и солнышко восходить:
Всѣ они сберутся вскорѣ,
Ихъ привычка неизмѣнна.
Спрячясь въ кустъ, и непременно
Самъ ты ихъ увидишь горе.
Вотъ смотри, идетъ и милый,
Неугѣшный и унылый.
И старушка,
И подружка —
Всѣ несутъ цвѣты и плачуть.

я с ь.

Что такое это значить!
Въ голубой небесной выси
Уже солнце заблестало,
А все нѣтъ моей Марисы.
Иль она еще не встала?
О, Марися дорогая,
Жду тебя! Иль разсердилась
Ты за что и, избѣгая
Съ милымъ встрѣчи, быстро скрылась?
Нѣтъ не то. Ты не забыла

Про меня и не сердилась,
Нѣтъ, взяла тебя могила;
Ты со мною распростилась,
И изъ насъ одинъ другаго
Не увидить въ мірѣ снова.

Спать ложился я бывало и былъ веселъ безконечно,
Зная, что опять съ Марисей завтра встрѣчусь я конечно,
И тогда спалось мнѣ сладко. А теперь здѣсь спать я стану,

Головой склоняся къ кургану,
И ее во снѣ увижу, можетъ быть закрывши вѣки;
Можетъ статься, здѣсь придется мнѣ глаза закрыть навѣки.

Прежде много я трудился;
Всюду Яся поспѣваетъ! —
Мною мой отецъ гордился;
А теперь онъ голодаетъ;
Я же... Эхъ, мнѣ до того ли!..
Пусть хлѣбъ погнубить въ полѣ,
Пусть въ стогахъ сгниваетъ сѣна,
Пусть нѣтъ въ хатѣ дровъ полѣна,
Перегрызли волки стадо —
Безъ Мариси мнѣ не надо
Ничего! Напрасно сваты
У моей толкуются хаты,
Нѣтъ! съ тоской моей глубокой
Я отправлюсь въ путь далекій,
И никто, хоть міръ обрыщетъ,
Въ немъ скитальца не отыщеть.
За горами, за полями,
Буду биться съ москалями,
Чтобъ они меня убили.
Ты, Марися, спишь въ могилѣ!..

МАТЬ.

Для чего я поздно встала?
Въ полѣ ужъ людей немало...

Ты, Марися, какъ бывало,
Мать свою не будишь нынѣ...
Я всю ночь прорыдала,
Волю давъ своей кручинѣ,
И лишь утромъ задремѣла...
Мой Семень всталъ до разсвѣта
И ужъ косить въ полѣ гдѣ-то,
А меня, зная, пожалѣлъ онъ
Разбудить, — не шилъ, не ѣлъ онъ
И ушелъ... Коси, работай,
Я-жъ останусь здѣсь съ охотой,
Для меня нашъ домъ — постылый.
Кто къ обѣду все наладить?
Съ нами кто за столъ присядетъ?
Нѣтъ на свѣтѣ дочки милой!
При тебѣ, когда жила ты,
Не ушла бы я изъ хаты.
Были въ хатѣ вечеринки,
Собирались хлопцы, дѣвки,
Были веселы зажинки,
Веселѣи еще досѣвки...
Безъ тебя-жъ вокругъ нелюдимо.
Люди всѣ проходятъ мимо,
Лучше ихъ къ себѣ не кликай;
Дворъ заросъ травой дикой,
И о насъ всѣ посабыли...
Дочь моя лежитъ въ могилѣ.

ПОДРУГА.

Рано утромъ какъ подруги,
Здѣсь бывало мы болтали.
И другъ другу повѣрили
Наши тайны надосугѣ.
Ранней утренней порою
Не придешь сюда ты снова,

Душу я предъ кѣмъ раскрою,
 Горе высказать готова?
 Мнѣ съ тобою, какъ съ сестрою,
 Грустью, счастьемъ не придется
 Въ мірѣ этомъ подѣлиться:
 Грусть все грустью остается
 Да и въ счастіи мнѣ сдается,
 Не могу я веселиться.

* * *

Чужеземецъ, эти рѣчи
 Слыша, втайнѣ прослезился
 И, вздохнувъ о грустной встрѣчѣ,
 Въ лодку сѣлъ и удалился.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

При послыжѣ имъ балады: «Вотъ люблю!»).

Все глухо; ничто тишины не мутить.
 Вотъ — полночь пробили часы.
 У стѣнъ монастырскихъ лишь вѣтеръ шумить
 Да лапоть въ окрестностяхъ псы.

Почти догорѣвъ, опустилась свѣча
 Въ подсвѣчникъ до самого дна;
 То гаснетъ, то, выбросивъ два-три луча,
 Вдругъ съизнова вспыхнетъ она.

Мнѣ страшно... А этотъ нестрашенъ былъ часъ
 Когда-то, въ золотые года,

Напомнилъ онъ мнѣ, какъ, бывало, не разъ...
 Но — прочь! То прошло навсегда.

Я счастья теперь ужъ въ той книгѣ ищу...
 Наскучило — съ ней расстаюсь:
 «Дай къ лучшимъ предметамъ я мысль обращаю!» —
 И вотъ — то вздремну, то очнусь.

Случалось: порой примечаются мнѣ
 Ликъ милый и лица друзей...
 Кидаюсь... гляжу... Только тѣнь по стѣнѣ
 Мелькнетъ — и еще мнѣ грустнѣй.

«Дай лучше возьму-ка перо; и въ тиши,
 Какъ мысли ужъ съ мыслью не свести,
 Начну что-нибудь для друзей отъ души —
 Начну... а ужъ кончу-ль, Богъ вѣсть.

Пособить, чай, память о прошлой веснѣ
 Мнѣ зимній стихокъ улучшить,
 А страшное что-нибудь хочется мнѣ
 Сказать — и Марію включить.

Пусть пишетъ съ нею живописецъ портретъ,
 Чтобъ имя прославить свое!
 Пусть выставитъ разумъ и сердце поэтъ,
 Избравъ идеаломъ ее!

Но — слава... въ ея не вторгаюсь я храмъ,
 А такъ, для забавы пою,
 И, если припомню, повѣдаю вамъ
 Съ Маріей продѣлку свою.

Марія — на муку людей создана —
 На нѣжность скупа была такъ,

Что, сколько въ любви ни клянись ей, она
«Люблю» не промолвить никакъ.

Въ отплату за это, бывало, когда
Полуночный часъ наступалъ,
Марію предъ самымъ я сномъ иногда
Такою балладой пугалъ.

ВОТЪ ЛЮБЛЮ! *)

Марія! Взгляни: гдѣ кончается боръ —
Лоза пошла справа въ зарѣсть,
Налѣво прелестной долины узоръ,
А спереди — рѣчка и мостъ.

Тамъ ветхая церковь, гдѣ совы живутъ;
Стоитъ колокольня гнильемъ;
Кусты позади колокольни растутъ,
Въ кустахъ же — могилы кругомъ.

Душа-ли зачатая тутъ завелась
Иль чортъ, — но изъ жившихъ окрестъ
Никто безъ тревоги въ полуночный часъ
Не могъ миновать этихъ мѣстъ.

Лишь полночь настала — вдругъ храмъ потрясень,
И двери скрипятъ на петляхъ;
Дрожитъ колокольня и слышится звонъ,
И гикъ, и шипѣнье въ кустахъ;

*) Содержаніе этой баллады взято изъ народной пѣсни.

Блуждаютъ огни, громъ за громомъ гудить,
И въ саванахъ тѣни встають,
И бродягъ, пріемля чудовищный видъ,
Различные призраки тутъ.

То трупъ по дорогѣ безглавый вдругъ — шастъ!
А то голова одна — страхъ:
Распялены очи, отверзтая пасть,
И въ пасти огонь, и въ очахъ.

То видится волкъ, какъ въ натурѣ онъ есть:
Глядь! — машетъ орлинымъ крыломъ!
И стоить лишь «сгинь-пропади» произнести —
Нѣтъ волка: лишь хохотъ кругомъ.

Не разъ тотъ, кому здѣсь бывать довелось,
Путь этотъ порядкомъ ругнудъ:
То хрустнуло дышло, то на богъ весь возъ,
Не то, такъ конь ногу свихнулъ.

Хотя-жъ я и помнилъ, что старый Андрей
Меня предварялъ, заклиналъ —
Смѣясь я не вѣровалъ въ силу чертей
И все тѣмъ путемъ проѣзжалъ.

Однажды отправился въ Руту я, — Ночь.
Вотъ мостики! Вдругъ лошади тутъ
И стали. Возница бичомъ во всю мочь
Стегаетъ ихъ съ крикомъ — нейдуты!..

Рванулись — и дышло аминь моему:
Крракъ... треснуло. Чѣмъ пособлю?
Вотъ въ полѣ пришлось ночевать одному!
«Люблю», — говорю, — «вотъ люблю!»

Сказалъ лишь — покойница въ этотъ же мигъ
 Всплываетъ, гляжу, надъ водой —
 Вся въ бѣломъ, и бѣлъ же какъ снѣгъ ея ликъ,
 Вънець вокругъ, чела огневой.

Хотѣлъ я бѣжать, но отъ страха упалъ...
 Всѣ силы собравъ наконецъ,
 «Да славится имя Господне!» вскричалъ.
 — «Амины!» отозвался мертвецъ.

«Кто-бъ ни былъ ты, слушай, честной человекъ!
 Помогъ ты мнѣ въ тяжкой борьбѣ.
 Дай Богъ тебѣ долгій и счастливый вѣкъ!
 Большое спасибо тебѣ.

«Во мнѣ зришь ты грѣшную душу, но я,
 Чай, скоро ужъ въ небо вступлю.
 Отъ муки чистилища спасъ ты меня
 Словечкомъ единымъ: «люблю».

«Пока еще звѣзды глядятъ съ высоты
 И первый пѣтухъ не пропѣлъ —
 Я все расскажу тебѣ. Слушай! А ты
 Другимъ возвѣстишь мой удѣлъ.

«На свѣтѣ, блистая своей красотой,
 Жила я — лѣтъ много назадъ, —
 Маріей звалась; былъ сановникъ большой
 Отецъ мой, былъ знатень, богатъ.

«Хотѣлъ онъ, при жизни его, чтобы шла
 Я замужъ; но ктожъ мнѣ чета?
 Искателей много нашлось: ихъ влекла
 Съ приданымъ моя красота.

«Ихъ множество льстилось надеждой пустой;
 Я-жь, гордая, тѣшилась тѣмъ,
 Что, ставъ предъ поклонниковъ этихъ толпой,
 Могла имъ отказывать всѣмъ.

«Пріѣхалъ и Юзя... Вниманья вполне
 Достойнъ онъ былъ; но робѣлъ
 И, юный, при страстномъ стремленьи ко мнѣ,
 Любви выражать не умѣлъ.

«Напрасно несчастный себя онъ крушилъ
 И плакалъ, любовью томимъ,
 Всѣ ночи и дни онъ меня лишь смѣшилъ
 Отчаяннымъ горемъ своимъ.

«Уѣду я, — мнѣ онъ промолвилъ съ тоской.
 — «Чтожь? Съ Богомъ!» — Отправился онъ
 И дни свои кончилъ — и здѣсь, надъ рѣкой,
 Въ зеленомъ гробу схороненъ.

«Мнѣ стала съ тѣхъ поръ моя жизнь немила,
 Но поздно раскаялась я:
 Минувшаго я воротить не могла,
 И жгла меня совѣсть моя.

«Разъ въ полночь гуляли мы: слышимъ вдругъ громъ
 И стоновъ со скрежетомъ смѣсь...
 Глядь! Юзя явился; былъ страшень лицомъ
 Утопленникъ — огненный весь.

«Онъ гущу вдыхаемыхъ дымныхъ клубовъ
 Въ чистилищный токъ извергалъ; —
 Ко мнѣ-жь тутъ сквозь стоны и скрежетъ зубовъ
 Пронзительный голосъ взывалъ:

«Ты знала, что женщину создалъ Господь
Для мужа; она изъ него
Взята, чтобъ ему его душу и плоть
Лелѣять — не мучить его.

«А ты, словно съ каменнымъ сердцемъ въ груди,
Была недоступна сердцамъ,
И каждому ты говорила: «уйди!»
Ни чѣмъ не внимая мольбамъ.

«За эту жестокость чистилищный дымъ
Съ тобою я доколь раздѣлю,
Пока надъ тобою изъ живущихъ однимъ
Не скажется слово: люблю.

«И Юзя того же словца у тебя
Просилъ съ горькимъ плачемъ своимъ;
Теперь же онъ просить, ты видишь, кдуби
Устами и пламя, и дымъ».

«Умолкъ онъ, — и бѣсы душею моею
Владѣли столѣтье: меня
Днемъ — въ цѣпи, въ огонь, — а потомъ, безъ цѣпей,
Я на ночь изъ бездны огня.

«Къ могилѣ шла Юзи; противно землѣ
И небу, быда я должна
Пробѣжихъ пугать здѣсь въ полуночной мглѣ,
Всѣмъ людямъ вредна и страшна.

«Я пѣшихъ блуждать заставляла; инымъ,
Кто ѣдетъ, коня загублю.
Сто лѣтъ я внимала проклятыямъ однимъ;
Ты первый сказалъ: вотъ люблю!

«Зато я грядущее нынѣ должна
Открыть тебѣ; вотъ твой удѣлъ:
Марію полюбишь и ты, — но она...»
Вдругъ — первый пѣтухъ тутъ зацѣлъ,

Вѣщуныя кивнула, съ отрадой въ очахъ
Взглядъ кинула мнѣ и потомъ
Пропадала. Такъ облачный паръ въ небесахъ
Разносится вдругъ вѣтеркомъ.

Смотрю: на мосту колесница моя
Цѣлехонька; страхъ мой исчезъ. —
Усопшимъ въ поминъ помолитесь, друзья,
Маріи — Царицѣ небесъ!

ПАНИ ТВАРДОВСКАЯ.

Пьютъ, курятъ, ѣдятъ, веселятся:
Не пиръ — разлитое море!
Чуть стѣны корчмы не валятся...
«Ай жги да гулай, мое горе!»

Пашой подбоченясь, Твардовскою
Въ корчмѣ за столомъ засѣдаетъ,
Гарцуетъ и чарой бѣсовскою
Тумана въ глаза напускаетъ.

Какъ саблюю свистнетъ надъ ухомъ
Солдату, который храбрился
Да спорилъ со всѣми — такъ духомъ
Въ зайченка храбрець обратился.

Подсудку, что молча съ ёдою
 Возился въ кострюль-ль, на блюдь-ль,
 Слегка потрезвонилъ кисою —
 Глядять — а подсудокъ ужъ пудель.

Твардовской опять за продёлки:
 Сапожнику ко лбу приставилъ
 Воронку — да чмокъ! — и горёлки
 Три полныя кварталы доправилъ.

Пока кубокъ съ водкой онъ двигалъ
 Поближе къ себѣ — что за чудо?
 Запёнился кубокъ, запрыгалъ...
 Глядь на дно — «ты, братецъ, откуда?»

Самъ бёсъ на днѣ кубка возился...
 Весь нѣмцемъ — кургувою штучкой —
 Учтиво гостямъ поклонился,
 Снялъ шапку и сдѣлалъ имъ ручкой.

Изъ кубка на скатерть, какъ кошка,
 Спрыгнувъ и подросъ на два локтя:
 Носъ крюкомъ, куриная ножка,
 На лапахъ свиные когти.

«Здорово, Твардовской! Сердечно
 Я радъ повидаться здѣсь съ другомъ:
 Хоть я Мефистофель, но вѣчно
 Готовъ къ твоимъ панскимъ услугамъ.

«А помнишь-ли, панъ, какъ условье
 На Лысой горѣ мы съ тобою
 Писали на шкурѣ воловьей,
 И бёсы клялися толпою.

«Что я свой контрактъ не нарушу,
 И ты поклялся передъ ними,
 Что долженъ намъ панскую душу
 Отдать черезъ два года въ Римъ?»

«Вотъ семь уже лѣтъ миновало,
 А ты только пекло морочишь,
 Да чарой мугишь и нимало
 Сбираться въ дорогу не хочешь.

«Съ лѣнивымъ такимъ пилигримомъ,
 Сыграли мы шутку другую! —
 Корчма называется Римомъ;
 Я милость твою арестую.»

Твардовской охотно бы скрылся
 Отъ этого dictum serbum,
 Да бёсъ за кунтушь уцѣпился:
 «А гдѣ же, панъ, nobile verbum?»

Что дѣлать? Ума не хватило,
 Такъ плачешь, а надо платиться.
 Твардовской задумался было,
 Да скоро успѣлъ ухитриться.

«Ну что же? контрактъ нашъ контрактомъ;
 Своей не теряетъ онъ силы...
 Но справься-ка съ подлиннымъ актомъ —
 Тамъ сказано вотъ что, мой милый:

«Имѣю я право три раза
 Задать тебѣ всякой работы.
 А ты долженъ слушать приказа
 И все мнѣ исполнить до йоты.

«Вонъ конь на холстѣ намалеванъ:
Чтобъ мигомъ тотъ конь оживился,
Быль взнузданъ, осѣдланъ, подкованъ,
А я бы на немъ прокатился!

«Да, свой ты мнѣ хлысть изъ песочку
Для sprawy съ лошадкой лихою;
Да, видишь, вонъ въ этомъ лѣсочку
Построй-ка мнѣ домъ для постою.

«Домъ выстрой изъ ядеръ орѣха,
Высокій, съ вершину Креньпака...
Изъ пейсовъ жидовскихъ застреха...
Усыпь ее сѣменемъ мака,

«И въ каждое сѣмечко мѣрно
Натыкай гвоздочковъ по тройкѣ,
А гвозди чтобъ были примѣрно
Въ три пяди, какъ надо для стройки.»

Сказаль, а ужъ бѣсъ за работу:
Коня накормилъ и охолодилъ,
Вьетъ хлыстигъ, ну: словомъ, до поту
Трудится — и все изготовилъ.

Твардовской въ сѣдло, и пытается,
Какъ выѣзженъ конь и спокоенъ;
Взялъ рысью, въ галопъ поднимаетъ;
Глядитъ — анъ и домъ ужъ достроенъ.

«Ну, конечно съ службой одною!
Осталась служба другая:
Влѣзай-ка вонъ въ миску съ водою —
А въ мискѣ водица святая.»

Затрясся мой бѣсъ какъ осина,
Весь скорчился, съежился, сжался;
Но... — слушай слуга господина —
И въ мискѣ бѣднякъ искупался:..

Потомъ, словно пращъ, изъ посуды
Онъ выскочилъ, фыркнувъ: «Ну, страсти!
Не вѣдалъ я хуже причуды,
Зато ужъ и ты въ моей власти...» —

«Изволь еще службу исправить,
И съ мрачностью вашей бѣсовской
Мы квиты... Позволь-ка представить
Тебя моей женкѣ, Твардовской?»

«Чу, слышишь, кричитъ за дверями?..
Пока за тебя Асмодею
Я буду работать съ чертами,
А ты поживи-ка вотъ съ нею.

«Ты пани во всемъ подчинишься...
Люби ее, будь ей послушень...
А ежели въ чемъ провинишься,
Ну... весь договоръ нашъ нарушень!»

Бѣсъ слушаетъ, самъ понемногу
Все на дверь, да на дверь косится,
А крики все ближе къ порогу...
Твардовской на бѣса грозится,

И требуетъ кончить раздѣлку,
И въ дверь, и въ окно не пускаетъ
А бѣсъ... шмыгъ въ замочную щелку —
Да такъ и теперь пропадаетъ.

ТУКАЙ, ИЛИ ИСПЫТАНІЯ ДРУЖБЫ.

I.

Духомъ твердѣ, я умираю.
 Плакать нѣ о чемъ, друзья.
 Всѣ сойдемъ къ тому же краю
 Мы съ дороги бытія.
 Все равно увянуть розы,
 Въ ранній мигъ иль въ поздній часъ:
 Ни отчаянье, ни слезы
 Не воротять къ жизни насъ.
 Жилъ я пышно, знаменито
 Цаномъ многихъ волостей;
 У меня была открыта
 Въ замкахъ дверь для всѣхъ гостей.
 Кто ко мнѣ на угощенье
 Приглашаемъ не былъ? Кто?
 Имя, власть, богатство — тлѣныя!
 О, великое значенье!
 О, великое ничто!
 Дымъ и прахъ великость эта.
 Я своимъ величьемъ свѣтъ
 Удивлялъ, и вотъ отъ свѣта
 Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
 По чужимъ краямъ скитался;
 Книгобѣдъ былъ; разумъ мой
 Все за призракомъ гонялся
 Жалкой мудрости земной,
 О, тщета научной муки!
 Изучай и то, и то!
 Порча глазъ и бездна скуки!
 О, великія науки!
 О, великое ничто!

Дымъ и прахъ вся мудрость эта;
 Свѣтъ ученья — тщетный свѣтъ;
 Вотъ и отъ науки свѣта
 Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
 Чтима мной была и вѣра
 Свято въ сердца простотѣ:
 Награждалъ я для примѣра
 Добродѣтель; тѣ и тѣ
 Храмы украшалъ дарами
 И молился въ каждомъ храмѣ:
 Думалъ, долгій вѣкъ за то
 Богъ мнѣ дастъ: чтожъ вижу нынѣ?
 О, великая святыня!
 О, великое ничто! *)
 Святость, набожность вся эта —
 Дымъ и прахъ! Спасенья нѣтъ.
 Вотъ во мракъ отъ вѣры свѣта
 Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
 О Творецъ! Безъ сожалѣнья
 Ты играешь нами: вдругъ
 Умираетъ пань; — изъ слугъ,
 Ожидавшихъ награжденья,
 Не успѣлъ онъ никому
 Заплатить за ихъ услуги.
 Даль ты милую ему,
 Даль друзей: вдругъ смерть во тьму
 Шлетъ его — прощайте, други!
 Лишь успѣлъ онъ разцвѣсти
 Сердцемъ — милая, прости!»

Такъ, средь жалобъ и роптаній
 При друзьяхъ своихъ, склоняся

*) За богохульство ожидаетъ Тукая кара. Эта мысль проведена авторомъ и въ послѣдующихъ балладахъ.

На приязненные длани,
 Навсегда Тукай угасъ.
 Вслѣдъ за тѣмъ ударъ громовый
 Кровлю зданія сорвалъ
 И средь залы вдругъ суровый
 Старецъ, какъ съ небесъ упалъ!
 До колѣнъ брада сѣдая;
 Весь въ морщинахъ, ветхій ликъ;
 Въ полъ дубинкой ударяя,
 «Гей! Тукай!» воззвалъ старикъ,
 И сорвавъ его съ постели,
 За собою онъ повлекъ...
 Вотъ вдвоемъ перелетѣли
 Валъ и стражу сквозь потокъ
 Ливня, въ мракъ, гдѣ порою
 Чуть проглядывавшій лучъ,
 Робко брошенный луною,
 Мигомъ гаснулъ въ гущѣ тучъ.
 Мчатся черезъ межи, границы,
 Черезъ топей глубину,
 Черезъ окрестности Гнилицы,
 Черезъ Колдычева *) волну,
 И средь лѣса ужъ густаго,
 Гдѣ до тучъ гора Зярнава,
 Снизу черная какъ мгла,
 Сизый верхъ свой подняла,
 Стали. Старецъ на колѣни
 Палъ тутъ у могильной сѣни,
 Ввелъ глаза: уста открылъ,
 Поднявъ руки, длани стиснулъ,
 Трижды вопиикнулъ, трижды свистнулъ
 И затѣмъ, проговорилъ!
 Ну, Тукай, дорожка эта

Замѣчай, ведетъ отсель
 За болота, къ краю свѣта,
 Гдѣ живетъ мудрецъ Полець.
 Мудрый мудрому и нуженъ;
 Ты — ученый, знаю я;
 Добродѣтель мнѣ твоя
 Тоже извѣстна; ты былъ друженъ
 Съ жизнью, ты ее любилъ,
 Былъ хорошимъ человѣкомъ,
 Только, видишь, долгимъ вѣкомъ
 Богъ тебя не надѣлилъ.
 Но удѣлъ твой не потерянь:
 Снова для друзей земныхъ
 Можешь жить ты; будь увѣренъ
 Въ силѣ способовъ моихъ!
 Жить для слугъ и для сердечно
 Обожаемой жены;
 Дни твои, продолжены,
 Могутъ длиться даже вѣчно!
 Могъ тебѣ-бъ я услужить
 Средствомъ жить и вѣчно жить,
 Но, по высшему завѣту.
 По уставамъ, роковымъ,
 Я открою тайну эту.
 Не иначе, какъ двоимъ:
 Одному нельзя. Другаго
 Человѣка избери!
 Да не промахнись, смотри!
 Друга вѣрнаго такого
 Надо тутъ избрать тебѣ,
 Чтобъ ему ты вѣрилъ смѣло
 Такъ, какъ самому себѣ.
 Разсуди, какое дѣло;
 Оправдаешь выборъ онъ —
 Даръ ты примешь жизни вѣчной;

*) Колдычево — названіе озера.

Нѣтъ? то будешь присужденъ
 Къ смерти, къ мукѣ безконечной». —
 «Старецъ!» возразилъ Тукай:
 «Вѣщихъ словъ твоихъ значенье
 Непонятно. Объяснение
 Нужно. Выразумѣ дай!» —
 «Слушай: выбери другаго
 Человѣка, — старецъ снова
 То же молвилъ, — но притомъ
 Дѣльно съ сердцемъ и съ умомъ
 Долженъ ты сообразиться.
 Важный шагъ? Не погрѣши!
 Жребій тѣла и души
 Этимъ выборомъ рѣшится!
 Будетъ избранный твой другъ
 Вѣренъ — наживешься вволю
 Ты, принявъ безсмертья долю;
 Нѣтъ? — ты жертва вѣчныхъ мукъ!»!

Онѣмѣлъ Тукай: ни слова!
 Въ душу влѣзешь ли другаго
 Человѣка? Многихъ слугъ
 Хотѣ иной за вѣрныхъ числить,
 А измѣну встрѣтитъ вдругъ.
 «Развѣ милую, — онъ мыслитъ, —
 Взять мнѣ тутъ или жену?» —
 И раздумья въ глубину
 Погрузился. «Да, конечно,
 Или ту, кому сердечно
 Преданъ я, кого люблю;
 Или ту, съ кѣмъ все дѣло
 Въ бурномъ жизненномъ теченьѣ,
 Да!» — И вновь его сомнѣнья
 Стало мучить, оробѣлъ
 И молчать: ему, какъ видно,

Предъ самимъ собою стыдно
 Такъ, что даже покраснѣлъ;
 Снова въ мысли углубился:
 Вотъ ужъ, кажется, рѣшился;
 Слово, кажется, звучитъ
 Ужъ въ устахъ его; рѣшенье
 Ужъ созрѣло... Вотъ — мгновенье!...
 Нѣтъ! Опять Тукай молчитъ.
 «Такъ умри жъ! — въ негодованьѣ
 Самъ себѣ онъ говоритъ: —
 Жизнь — безумное желанье!
 Жизнь влачить мнѣ для чего?
 Этой жизни смыслъ потерянь,
 Если нѣту никого,
 Въ комъ бы могъ я быть увѣренъ».
 И раздумываетъ онъ
 Снова: «Какъ: Я окружень
 И прислугой, и связями,
 И женою, и друзьями,
 Всѣми окружень — и вотъ!»!...
 Вдругъ затмился неба сводъ,
 Грянулъ громъ... землетрясенье!
 Страхъ и ужась! Нѣтъ спасенья!
 Хляби водныя кипять,
 Горы рушатся, трещать,
 Лѣсъ пылаетъ, никнутъ скалы;
 Тамъ — обвалы; тутъ — провалы;
 И — при грохотѣ громовъ —
 (Власть была ль то злыхъ духовъ,
 Богъ ли такъ распорядился)
 Вдругъ Тукай ужъ очутился
 Вновь на ложѣ средѣ своихъ
 Приближенныхъ. При такихъ
 Дивныхъ дивахъ — дыбомъ волосъ!
 Чу! звучитъ въ пространствѣ голосъ:

«Покорись же злой судьбѣ!
 Человѣка нѣтъ такова,
 Ты кому бы, слово въ слово,
 Вѣрилъ такъ, какъ самъ себѣ».
 «Есть! — вскричалъ Тукай, — имѣю
 Друга я». — И вдругъ сошла
 Блѣдность у него съ чела;
 Прежней свѣжестью своею
 Просіялъ онъ разомъ вновь,
 Взоры блещуть: онъ — здоровъ!
 Всталъ воскресшій изъ могилы
 Въ цвѣтѣ жизни, въ цвѣтѣ силы;
 Изумились доктора:
 Живъ Тукай и предвоенъ,
 Словно вовсе не былъ боленъ, —
 Вотъ природы-то игра!
 Только вдругъ Тукая оку
 Хартія мелькнула сбоку
 Близъ подушки. Онъ глядитъ:
 Точно! На бычачьей кожѣ
 Литеры: помилуй, Боже!
 Здѣсь секретный быть открытъ
 (Адской силою конечно)
 Способъ жить на свѣтѣ вѣчно.
 Эту хартію Тукай
 Въ мигъ схватилъ: читать давай!
 И читаетъ:

«Молодая

Лишь луна взойдетъ мерцаю,
 Ты отправься той порой
 Въ рощу ту, что за горой.
 Тамъ есть камень посѣдѣлый,
 А подъ камнемъ — корень бѣлый:
 Корень этотъ ты сорви —

И живи себѣ, живи!
 А какъ смерть почувешь — смѣло
 Ты вели свое все тѣло
 По частямъ расчлѣвовать,
 А тотъ корень уварить
 Дай въ водѣ надъ сильнымъ жаромъ
 И намазать этимъ взваромъ
 Повели въ концѣ всего
 Части тѣла своего:
 Мигомъ духъ сростется съ тѣломъ,
 Въ мигъ ты встанешь здоровымъ, цѣлымъ
 Въ цвѣтѣ юности опять;
 И такимъ путемъ свободно
 Можешь, сколько разъ угодно,
 Умирать и оживать».

Шло за этимъ наставленьемъ,
 Что блюсти при отсѣченьѣ
 Головы и рукъ, и ногъ,
 Что, когда и какъ творится,
 И въ какой водѣ варится
 Тотъ волшебный порошокъ;
 Сколько взять, чего, и этакъ
 Или такъ — объяснено,
 И въ post scriptum напоследокъ
 Было вотъ что внесено:

«Если тотъ, кто умашенье
 Тѣла будетъ совершать,
 Намъ отдастся въ искушенье
 И рѣшится показать
 Чудный корень тотъ другому,
 Или къ часу роковому
 Умашенья не свершить,
 Иль въ иномъ чемъ погрѣшить —

Корень въ мигъ лишится силы:
 Тѣло въ снѣдъ пойдетъ могилы,
 Въ адъ же прынетъ, къ намъ спѣша,
 Вашей милости душа.
 Пунктъ условный чистъ и ясенъ;
 На него коль ты согласишь,
 То, чтобы въ силу онъ вошелъ,
 Актъ нашъ пусть тебѣ предъявитъ
 И взаменъ намъ твой представитъ
 Мефистофель, нашъ посоль.
 При взаимномъ соглашеньѣ
 Помни: ты объ искушеньѣ
 Предварень. Не бей челомъ
 И не жалуешься потомъ
 На бѣсовскую приманку!
 Не толкуй ни то, ни се!
 А затѣмъ — по формѣ все:
 «Тартаръ. Въ шабашъ, спозаранку».
 Подписалъ и расчеркнулъ
 Самъ владыка: «Вельзевулъ».
 Актъ, вѣнчаемый успѣхомъ.
 Былъ скрѣпленъ «Адрамелехомъ».

Понахмурился Тукай:
 Онъ постскриптума таково
 И не чаялъ; дѣло снова
 Плохо, какъ тутъ не смѣйка!
 Вотъ онъ сѣлъ, облокотился,
 И на актъ сославши взоръ,
 Носъ повѣсилъ, лобъ потеръ;
 Табачку нюхнулъ, рѣшился
 Вновь прочесть, пергаментъ взялъ,
 На рукѣ его повзвѣсилъ,
 Обглядѣлъ, перечиталъ
 И опять сидитъ невеселъ.

Думалъ, думалъ, да потомъ
 Хватъ объ столъ онъ кулакомъ,
 И, проскрежетавъ зубами,
 Вдругъ вскочилъ изъ-за стола
 И, взмахнувъ передъ собою
 Энергически рукою:
 «Эхъ! — вскричалъ, — куда ни шло!
 Пусть такъ будетъ!» — Вновь садится
 И; молчитъ онъ: не сидится!
 Всталъ и ходитъ; на чело
 Точно облако легло.
 Не лишится бы разсудка!
 Дѣло съ дьяволомъ — не шутка!
 Мыслить: «или вѣчно жить,
 Или — дьяволу служить
 Вѣчно», — и молчать, ни слова;
 Но за мыслью мысль готова
 Волновать его, крушить.
 И Тукай средь мыслей мрака
 Только губы жметъ; однако
 Надо чѣмъ-нибудь рѣшить.
 Отъ друзей толпы кипучей
 Онъ ушелъ — и, одинокъ,
 Волею своею могучей
 Движетъ разума станокъ.
 Тутъ свой актъ до утвержденья,
 Взявъ клещами размышленья,
 Онъ порядкомъ сжалъ его,
 И межъ думъ многообразныхъ
 Щупомъ смысла своего
 Ищетъ сходствъ аналогичныхъ,
 Тѣ жь сужденья, что въ одномъ
 Прежде выводѣ смыкались,
 Раздѣляетъ онъ: анализъ
 Ихъ сбъчетъ своимъ ножомъ;

Заключение готово,
 Гдѣ въ экстрактѣ мыслей сокъ
 Содержался весь, и въ слово
 Такъ Тукай его облекъ:
 «Чтожь? Какія-бъ искушенья
 Ни были со всѣхъ сторонъ
 (Тѣ, о коихъ извѣщенъ
 Я заранѣе), дѣленья
 Всѣ ихъ, кажется, должны
 Въ три быть пункта сведены:
 Чтобъ привлечь кого къ измѣнѣ,
 Надо въ томъ, кого злой гений
 Хочетъ къ этому склонить,
 Любопытство возбудить,
 Иль (корысть не за горами)
 Подкупить его дарами,
 Иль встревожить, напугать
 Тѣмъ; другимъ иль третьимъ взять
 Человѣчью душу надо;
 Три дороги кознямъ ада.
 Наконецъ, чтобъ въ трехъ словахъ,
 Вратцѣ, выразилось это,
 Три тутъ видятся предмета:
 Любопытство, жадность, страхъ.
 Посему такой особѣ,
 Взявъ которая свой щитъ,
 Въ той, другой и третьей пробѣ
 Искушенье оразить
 И упорно, хладнокровно
 Трижды выстоять въ борьбѣ,
 Можно вѣрить безусловно,
 Такъ, какъ самому себѣ».

Вотъ Тукай за дѣло хочетъ
 Взяться. Вотъ ужъ онъ хлопочетъ

О чернилахъ и пескѣ;
 Всталъ, идетъ, чтобъ на листѣ
 Изготовить актъ свой грѣшный,
 Но идетъ стопой неспѣшной:
 Темно кажется ему,
 И писать въ такую тьму
 Невозможно; онъ не въ силахъ,
 Да и плѣсень на чернилахъ.
 Вотъ онъ двѣ свѣчи зажегъ
 И чернилъ не поберегъ:
 Въ двѣ чернилицы ихъ налилъ;
 Послѣ-жъ зубы приоскалилъ
 И съ гримасой посмотрѣлъ:
 Локоть что ли заболѣлъ.
 Взялъ перо: — въ раскепѣ волосъ;
 Тиснулъ къ ногтю: расколосось;
 Взялъ другое: кончикъ тупъ.
 Сквозь ужимку блѣдныхъ губъ
 Онъ ворчитъ и тяжело дышитъ;
 Напоследокъ, сѣлъ и пишетъ
 На краю листка того:
 «Въ утверждение сего
 Подписуюсь». — А за симъ
 Вслѣдъ словами нужно имя.
 Добрыхъ полчаса прошло
 Прежде, чѣмъ, склонивъ чело
 И качая головою,
 Полонъ думой роковою,
 Онъ на форменномъ листѣ
 Кончилъ дѣло съ буквой Т —
 Съ первой буквой. Въ той же строчкѣ,
 Вновь въ раздумье углубленъ,
 Маленькихъ четыре точки
 Выставилъ легонько онъ.

Ужь написано, готово...
 Нѣтъ! На письменный свой трудъ
 Все онъ смотреть, смотреть снова...
 Нечему смѣяться тутъ:
 Всякій самъ попробуй — нутка!
 Дѣло съ дьяволомъ — не шутка.
 Какъ же былъ онъ сверхъ того
 Озадаченъ. Вотъ проказа
 Чорта! При началѣ фразы:
 «Въ утверждение сего»
 Буква В вдругъ зажуужкала,
 Зашумѣла, завизжала,
 Стала корчиться въ краяъ,
 Трогаться отчасти съ мѣста
 И вздыматься словно тѣсто
 При броженъѣ на дрождахъ.
 Ужась! Эдакія страсти!
 Тутъ округлость нижней части
 Этой буквы, что была
 У него подъ чуткимъ ухомъ
 Такъ шумлива, стала брюхомъ,
 Вверхъ ли ребрами пошла,
 И изъ верхней половины,
 Что шпѣла все сперва,
 Вышла чорту голова:
 Форму эдакой кувшины
 Попадаются. Орлиный
 Носикъ былъ тутъ для красы;
 Шейка точно у осы;
 Словно у козла, борода,
 Взглядъ въ воловій, а походка
 Видимъ была плоха:
 Ноги-то подъ эту вбито
 Лошадинное копыто,
 Та — со шпорой пѣтуха:

Чортикъ тотъ сухой, тшедушный
 Крылья мельницы воздушной
 Изъ-за плечъ тутъ шири развелъ,
 И къ такой особѣ шелъ
 Этотъ складъ и этотъ профиль;
 Явно — то былъ Мефистофель,
 Вельзевуловскій посоль.
 Прежде, чѣмъ сообразиться
 Панъ Тукай успѣлъ о томъ,
 Что тутъ дѣлать — оградиться
 Въ этомъ случаѣ крестомъ,
 Иль просить, склоняся челомъ,
 Посѣтителя садиться
 И бесѣду съ нимъ начать,
 Тотъ его за палець — хватъ,
 Кожу ножичкомъ царапнулъ,
 И атомъ лишь крови капнулъ,
 Мефистофель ужъ стянулъ
 Перышко; на кончикъ дунулъ,
 Въ каплю крови окунулъ
 И Тукаю въ руки всунулъ,
 И, придерживая ту
 Руку, ею водить, водить,
 За чертой ведетъ черту,
 И за буквою выходитъ
 Буква въ полной чистотѣ.
 Напередъ ужъ было Т.
 Глядь! на бѣломъ ужъ чернѣютъ
 Вновь чегыре и имѣютъ
 Виды полные свои;
 Точно такъ: У, К, А, И.
 Сверхъ того рукъ Тукай
 Данъ былъ маленькій толчокъ
 Подъ конецъ — и вышелъ съ края
 Черезъ то надъ И крючекъ.

Все исправно, все въ порядкѣ.
 Чортикъ свистнулъ; только пятки
 Тутъ мелькнули. Экой бѣсъ!
 Съ нимъ возись теперь!.. Исчезъ.

Л И Л И И.

Не слыханное дѣло:
 Убила пани пана;
 Убивъ его, зарыла
 Подъ рощей, гдѣ поляна;
 И лилей сверхъ тѣла
 Засыявъ землю, пѣла:
 «Расти, цвѣтокъ, высоко,
 Какъ панъ лежитъ глубоко;
 Какъ панъ лежитъ глубоко,
 Такъ ты расти высоко».

Потомъ, не смывши крови,
 Разбойница стрѣлою
 Бѣжать пустилась лугомъ,
 Оврагами, горою.
 Дуль вѣтеръ и на землю
 Спускался мракъ все гуще,
 То каркала ворона,
 То филинъ гукалъ въ пущѣ.

Она ручья достигла,
 Гдѣ росъ столѣтній букъ
 И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
 Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ!
 «Кто тамъ?» — запоръ подался,

Глядитъ ей старецъ въ очи;
 Она вбѣгаетъ съ крикомъ,
 Какъ привидѣнныя ночи.
 Уста убійцы сини
 И взоръ недвижно тушь,
 Сама блѣднѣе смерти:
 «А! мужъ — онъ трупъ!»

«Какими ты судьбами,
 Жена, Господь съ тобою?!
 Что дѣлаешь въ лѣсу ты
 Одна ночной порою?»

— «Вонъ тамъ, гдѣ прудъ, за лѣсомъ,
 Нашъ замокъ видѣнъ справа;
 Мой мужъ пошелъ на Кіевъ
 Съ войсками Болеслава.
 Уходитъ годъ за годомъ —
 Не плетъ женѣ онъ вѣсти,
 А кровь во мнѣ кипѣла...
 Скользка дорога чести!
 Бѣда мнѣ! измѣнила
 Я мужу и святынѣ:
 Король суровъ къ измѣнѣ...
 Мужья вернулись нынѣ...»

«А! мужъ вдовѣ не страшень!
 Вотъ ножъ! вотъ крови слѣды!
 Покаялась тебѣ я:
 Его ужъ нѣтъ, ужъ нѣтъ!
 Твое святое мнѣнье
 Хочу я знать: что дѣлать,
 Чтобъ вымолвить прощенье?
 Хоть въ адъ пойду, готова
 На всякое мученье,

Лишь скрыть бы мнѣ отъ міра
На вѣки преступленье». —

«Жена! промолвилъ старецъ, —
Тебя не злое дѣло
Страшитъ, а только кара?
Иди же въ замокъ смѣло
И знай, что тайной вѣчной
Покрѣпъ твой грѣхъ сердечный.

«Таковъ ужъ Промыслъ Божій,
Что мужъ одинъ лишь въ силѣ
Жены измѣну выдать, —
А мужъ твой спитъ въ могилѣ».

Обрадовалась пани,
Бѣжать пустилась снова, —
Въ потьмахъ достигла дома,
Ни съ кѣмъ не молва слова.
Стоять у замка дѣти,
Кричатъ они: «Мамаша!
А гдѣ же дѣлся папа?»
— «Покойникъ? вашъ папаша?..»
Она молчитъ и жмется:
«Онъ тамъ, гдѣ роца наша;
Онъ вечеромъ вернется».

Весь вечеръ ждали дѣти,
Потомъ другой и третій;
Недѣлю ждали, ныли —
И, наконецъ, забыли.

А ей забыться трудно,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,

Улыбки нѣтъ помину,
Не знаютъ сна зеницы!
Ночной порою часто
То въ дверь стучится кто-то,
То ходитъ вдоль свѣтлицы.
«О, дѣти! — слышно гдѣ-то: —
Отецъ вашъ — я вѣдь это!»

Минула ночь, не спится,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину!

«Бѣги скорѣе, Ганка,
Узнай ты ради Бога,
Не къ намъ ли ѣдутъ гости?
Столбомъ пылитъ дорога.
И топотъ все слышишь, —
Бѣги узнай скорѣе.

«Да, ѣдутъ, ѣдутъ къ замку,
Отъ пыли небу жарко,
Ржутъ кони вороные,
Блестаютъ сабли ярко.
Да, ѣдутъ, ѣдутъ гости —
Покойника родные!» —

«А! здравствуй! здравствуй снова,
Невѣстка! все-ль здорова?
Гдѣ братъ?» — «Его ужъ нѣтъ,
Покинулъ онъ нашъ свѣтъ!»
— «Когда?» — «Вотъ годъ ужъ минулъ!
Онъ умеръ... въ битвѣ стинулъ.»
— «Не вѣрь ты въ сказку эту,
Войны ужъ больше нѣту;

Своими ты глазами
Его увидишь съ нами.»

А пани, какъ стояла,
Такъ тутъ же и упала, —
Сталъ взоръ недвижно тупъ,
Забилъ грудь тревогу:
«Гдѣ онъ? гдѣ мужъ? гдѣ трупъ?»
Очнулася понемногу
И будто въ упоеньѣ
Спросила черезъ силу.
«Когда же онъ вернется,
Мой ненаглядный, милый?» —

«Мы ѣхали всѣ вмѣстѣ,
Но братъ умчался вскорѣ:
Хотѣлъ дружину встрѣтить,
Тебя утѣшить въ горѣ;
Онъ завтра жъ будетъ съ нами.
Должно быть, онъ дорогой
Съ пути прямого сбился.
Пообождемъ немного,
Пошлемъ людей верхами, —
Онъ завтра жъ будетъ съ нами!»

Послали слугъ, и точно
Ждутъ день, другой нарочно;
Но, такъ какъ тщетно ждали, —
Рѣшились ѣхать далѣ.

Невѣстка вострепелась:
«Родные! — молвить живо, —
Осенній путь не сладокъ —
И вѣтеръ, и дождливо;

Въ брата ждали больше,
Такъ ждите ужъ и дольше.»

И ждутъ. Зима минула,
Но брата не вернула.
Все ждутъ; толкуютъ: можетъ,
Вернется онъ весною?
А братъ лежитъ въ могилѣ,
И надъ могилой тою
Цвѣты растутъ высоко.
Какъ онъ лежитъ глубоко.
Всю весну братья ждали —
И ужъ не ѣдутъ далѣ,

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье;
Сберутся будто ѣхать,
А сами ждутъ возврата, —
Прождали такъ до лѣта
И позабыли брата.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье:
Какъ оба загостились,
Такъ оба и влюбились.
Надежда у обоихъ,
И кровь играетъ въ жилахъ;
Не могутъ жить съ ней оба,
А безъ нея — не въ силахъ.
И вотъ они по чести
Идутъ къ ней оба вмѣстѣ.

— «Невѣстка! не прими ты
Въ обиду нашей рѣчи:
Сидимъ мы здѣсь напрасно —

Не будетъ съ братомъ встрѣчи.
Теперь ты въ полномъ цвѣтѣ,
А молодость на свѣтѣ
Проходитъ безъ возврата:
Возьми за брата брата:»

Сказали это братья —
И смотреть такъ сурово;
То тотъ, то этотъ гнѣвно
Свое промолвить слово;
Рука дрожить и саблю
Ужъ обнажить готова.

Примѣти гнѣвъ ихъ, пани
Замаялась и смутилась,
Отерочки попросила
И въ лѣсъ бѣжать пустилась.
Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній бужъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ!
Теперь ей нужень снова
Совѣтъ отца святого.

«Ахъ, что мнѣ дѣлать?! Братья
Въ меня влюбились оба,
И я люблю обоихъ, —
Такъ чьей мнѣ быть до гроба?
Богатою вдовою
Осталась я съ дѣтями,
И мнѣ одной, безъ мужа,
Не справиться съ дѣлами.
Но я любви не стою,
Не быть ужъ мнѣ женою!
Меня за преступленье,

Ужасное видѣнье
Преслѣдуетъ ночами;
Стучитъ оно дверями
И ходить по покою.
Я часто надъ собою
Дыханье слышу тупа
И озираюсь тупо!
Онъ ножъ, покрытый кровью,
Подноситъ къ изголовью,
Устами искры сыплетъ,
Влечетъ меня и щиплетъ.
Довольно я терпѣла:
До замка нѣтъ мнѣ дѣла...
Но я любви не стою,
Не быть ужъ мнѣ женою!» —

«Безъ мзды,—промолвилъ старецъ,—
Злодѣйства не бываетъ;
Но если грѣхъ оплаканъ, —
Богъ грѣшникамъ внимаетъ.
Свершить могу я чудо,
Дана мнѣ власть Господня:
Хоть годъ, какъ сгинулъ мужъ твой.—
Воскреснетъ онъ сегодня.» —

«Воскреснетъ? Что ты, отче!
Вѣдь онъ ужъ мнѣ немилъ!
Убийцы ножъ навѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!
За грѣхъ мой тяжкій снова
Я все снести готова,
Чтобъ отогнать видѣнье:
Пускай лишусь я крова,
Приму хоть постриженье,
Пойду хоть въ тьму могиль...»

Но, нѣтъ! не дѣлай чуда?
Вѣдь, онъ ужъ мнѣ немилъ!
Убийцы ножъ навѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!»

Вдохнулъ глубоко старецъ,
Закрывъ лицо руками,
Потомъ воздѣлъ ихъ къ небу
И залился слезами.
— «Иди скорѣе замужъ,
Не бойся привидѣнья;
Усопшимъ нѣтъ возврата
Ихъ сонъ безъ пробужденья. —
И мужъ твой не возстанетъ
Безъ твоего велѣнья.» —

«Но братья любятъ оба,
Такъ чей мнѣ быть до гроба?»
— «Всего вѣрнѣй предаться
Судьбѣ и Божьей волѣ.
Предъ утренней росой
Пусть оба выйдутъ въ поле,
И каждый тамъ, на мѣстѣ,
Сплететъ вѣнокъ невѣстѣ.
Пускай вѣнки означатъ
Примѣтою люблю
И въ храмѣ ихъ, на выборѣ,
Положатъ предъ тобою:
Чей выберешь ты первый,
Того и будь женою.»

Довольная совѣтомъ,
Теперь ужъ привидѣнья
Убийца не боится:
Оно къ ней, безъ сомнѣнья,

Не явится безъ зова,
А ужъ она — ни слова.
Обрадовалась пани
Рѣшенію такому
И вновь пустилась молча
Бѣжать обратно къ дому.
Бѣжитъ она, то лугомъ,
То лѣсомъ, то горою,
И слышитъ чьѣ-то поступъ
Какъ будто за собою.
Темно кругомъ, ненастно;
А чей-то шопотъ ясно
Ночную будить глушь:
«Вѣдь, это я — твой мужъ!»
Убийца ошалѣла,
У ней сталь дыбомъ волосъ,
А оглянуться страшно:
Въ кустахъ все тотъ же голосъ
Ночную будить глушь:
«Вѣдь, это я — твой мужъ!»

Но вотъ насталъ день свадьбы.
Соперники, съ вѣнками,
Пришли съ зарей изъ поля
И въ храмъ снесли ихъ сами.
Невѣста, вслѣдъ за ними,
Съ подругами своими
Вступаетъ въ глубь кастаны
И, взявъ вѣнокъ съ престола,
Подходить къ братьямъ ближе:
«Тутъ лиліи съ травой...
Такъ чьи же это, чьи же?
Кого мнѣ быть женою?»

Одинъ изъ братьевъ, старшій,
Благословляя рокъ,

Но, нѣтъ! не дѣлай чуда?
Вѣдь, онъ ужъ мнѣ немилъ!
Убийцы ножъ навѣки
Насъ съ мужемъ разлучил!»

Вдохнулъ глубоко старецъ,
Закрывъ лицо руками,
Потомъ воздѣль ихъ къ небу
И залился слезами.
— «Иди скорѣе замужъ,
Не бойся привидѣнья;
Усопшимъ нѣтъ возврата
Ихъ сонъ безъ пробужденья. —
И мужъ твой не возстанетъ
Безъ твоего велѣнья.» —

«Но братья любятъ оба,
Такъ чей мнѣ быть до гроба?»
— «Всего вѣрнѣй предаться
Судьбѣ и Божьей волѣ.
Предъ утренней россою
Пусть оба выйдутъ въ поле,
И каждый тамъ, на мѣстѣ,
Сплететъ вѣнокъ невѣстѣ.
Пускай вѣнки означатъ
Примѣтою любовь
И въ храмъ ихъ, на выборъ,
Положатъ предъ тобою:
Чей выберешь ты первый,
Того и будь женою.»

Довольная совѣтомъ,
Теперь ужъ привидѣнья
Убийца не боится:
Оно къ ней, безъ сомнѣнья,

Не явится безъ зова,
А ужъ она — ни слова.
Обрадовалась пани
Рѣшенію такому
И вновь пустилась молча
Бѣжать обратно къ дому.
Бѣжить она, то лугомъ,
То лѣсомъ, то горою,
И слышитъ чью-то поступь
Какъ будто за собою.
Темно кругомъ, ненастно;
А чей-то шопотъ ясно
Ночную будить глушь:
«Вѣдь, это я — твой мужъ!»
Убийца ошалѣла,
У ней сталъ дыбомъ волосъ,
А оглянуться страшно:
Въ кустахъ все тотъ же голосъ
Ночную будить глушь:
«Вѣдь, это я — твой мужъ!»

Но вотъ настала день свадьбы.
Соперники, съ вѣнками,
Пришли съ зарей изъ поля
И въ храмъ снесли ихъ сами.
Невѣста, вслѣдъ за ними,
Съ подругами своими
Вступаютъ въ глубь кастела
И, взявъ вѣнокъ съ престола,
Подходятъ къ братьямъ ближе:
«Тутъ лили съ травою...
Такъ чьи же это, чьи же?
Кого мнѣ быть женою?»

Одинъ изъ братьевъ, старшій,
Благословляя рокъ,

Къ невѣстѣ подбѣгаетъ:
 «Моя ты — мой вѣнокъ!
 Нарочно между лилій,
 Какъ знакъ условный свой,
 Я вплелъ вотъ эту ленту...
 Онъ мой, онъ мой, онъ мой!» —

«Неправда! крикнулъ младшій:
 Увидите вы сами
 То мѣсто, гдѣ запаса
 Я вѣтми цвѣтами;
 Я сорвалъ утромъ рано
 Подъ рощей, гдѣ поляна,
 Съ могилы ихъ одной...
 Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Пошла межъ братьевъ ссора,
 Содомъ стоитъ отъ спора,
 Готовъ начаться бой;
 Стучать они мечами
 И рвутъ вѣнокъ руками.
 «Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Все злѣи звучали рѣчи,
 Какъ вдругъ погасли свѣчи
 И затрепали двери, —
 У всѣхъ сталъ дыбомъ волосъ:
 Вошла особа въ бѣломъ.
 Знакомый видъ... и голосъ
 Звучитъ, какъ изъ-за гроба:
 «Мои цвѣты! Вы оба
 Вѣнкомъ съ моею могилы
 Скрѣпили нашъ союзъ.
 Бѣда тебѣ, убійца!
 Видь, это я — твой мужъ!

Вамъ, братья, горе тоже!
 Ни бой, ни брака ложе
 Васъ не спасутъ, увы!
 Съ преступною женою...
 Идите же за мною:
 Вѣнокъ и вы — мои!»

И вдругъ поколебался
 Весь храмъ до основанья,
 И треснулъ сводъ, и рухнулъ
 Средь общаго стenanья.
 То мѣсто все покрыли
 Ряды цвѣтущихъ лилій
 И такъ растутъ высоко,
 Какъ панъ лежалъ глубоко.

Г У Д О Ч Н И К Ъ .

Что это за дѣдушка — весь какъ лунь сѣдой,
 Съ длинной, вплоть до пояса, бѣлой бородой?
 Вотъ его два хлопчика подъ руки ведутъ.
 Мимо поля нашего всѣ втроемъ идутъ.

Старецъ по струнамъ пилитъ, подпѣвая въ ладъ;
 Въ дудочки изъ перышекъ хлопчики дудятъ.
 «Слушай! — старцу крикнулъ я: — геи! Завороты!
 Вотъ сюда — къ пригорку-то! Благо по пути!

«Ишь, у насъ тутъ игрище: празднуемъ посѣвъ.
 Вотъ гудокъ и кетати тутъ, дудки и прицѣвъ
 Всѣмъ съ тобою подѣлимся, — будемъ пировать!
 И село близехонько: есть гдѣ ночевать».

И старикъ приблизился, отдавъ всёѣмъ поклонѣ,
Тамъ, гдѣ борозда идетъ, сѣлъ тутъ съ краю онъ;
По бокамъ два хлопчика сѣли и глядятъ,
Какъ тутъ люди сельскіе душу веселятъ.

Бубны и пищалки тутъ входятъ въ пыль игры;
Изъ сухаго дерева зажжены костры;
Медъ пьютъ люди старые; пляшутъ группы дѣвъ;
Праздника значеніе: уродась посѣвъ!

Вдругъ пищалки смолкли; бубны не бубнятъ;
Отъ костровъ отпрянули и гурьбой сѣбшатъ
Старцы, парни, дѣвушки, другъ за другомъ вслѣдъ
Къ старому гудочнику: «Здравствуй! здравствуй, дѣдъ!

«Видѣть гостя милаго кстати довелось.
Рады! Издалека, чай, Богъ тебя привнесъ?
Обогрѣйся, дѣдушка! Вотъ у насъ огни!
А усталъ, умаляса — лягъ да отдохни!»

Повели къ огню его: дѣдушка пошелъ;
Посадили стараго за дерновый столъ —
Въ серединѣ сходбища — къ сытному куску:
«Вотъ покушай, дѣдушка, да испей медку!

«Вотъ вѣдь и гудокъ съ тобой, и двѣ дудки тутъ!
Самъ-третей въиграй-ка намъ, коль тебѣ не въ трудъ,
И, твоей наполнивши пустоту сумы,
Молвимъ вашей милости и «спасибо» мы».

— «Ну, такъ смирно! Слушайте!» дѣдъ проговорилъ
И, всплеснувъ ладонями, «смирно» повторилъ.
«Коль хотите, дѣтушки, я сыграю вамъ...
Эхъ! Да чтожъ сыграть-то мнѣ?» — «Что изволишь самъ».

И гудокъ схвативши свой, дѣдъ въ себя втянулъ
Кружку меду добраго; хлопцамъ подмигнулъ;
Тѣ взялись за дудочки; онъ и заскрипѣлъ,
Подалъ тонъ, наладилсь; вотъ онъ и запѣлъ:

«Шель я, шель вдоль Нѣмана по всему теченію,
Шель отъ поля до поля, медленно шагаючи;
Шель отъ лѣсу до лѣсу, отъ сельца къ селенію,
Пѣсенки завѣтныя всюду распѣваючи.

«Шѣль я: сотни слушали тутъ ушей расправленныхъ,
Но меня не поняли; съ тайною печалію,
При слезахъ проглоченныхъ, вздохахъ мной подавленныхъ,
Видѣлъ я, что надобно отправляться далѣе.

«Кто бы понималъ пѣсню мою, тотъ бы вѣрно сжалился
Надъ моею глубокою, тайною печалію, лило
И со мной онъ вмѣстѣ бы всплакнулъ, запечалился;
Я же и остался-бъ тутъ: не пошелъ бы далѣе.»

Смолкъ старикъ, и прежде онъ, чѣмъ опять запѣлъ,
Зорко всю окружающую мѣстность оглядѣлъ,
И въ одну все сторону наконецъ глядять
Неподвижно, пристально... Кто-же тамъ стоитъ?

Кто? Пастушка милая тамъ вѣнокъ плететь;
Стебли то совѣтъ она, то ихъ разовѣтъ;
Юноша вблизи стоитъ — вѣрно, милый другъ:
Свитые цвѣты беретъ онъ у ней изъ рукъ.

Кротость и спокойствіе на ея челѣ,
Скромно очи ясныя клонятся къ землѣ, —
И не весела она, да и не грустна,
Только въ мысль какую-то вся погружена.

Какъ на травкѣ видимо вылетѣла пушокъ
И тогда, какъ вѣявшій стихнулъ вѣтерокъ,
Такъ покровы легкіе у нея чуть-чуть
На груди колыхнутся, хотъ спокойна грудь.

Вотъ изъ-за покрововъ тѣхъ вѣтвь она взяла
Дерева какого-то, взоръ свой навела
На листы поблеклые и потомъ сейчасъ
Вѣтку ту отбросила, словно разсердясь;

Отвернула голову; будто вдругъ бѣжать
Покусая, шагъ сдѣлала — и стоитъ опять,
Кверху, въ небо синее устремивъ глаза.
Гляди! Лицо огнемъ горить, на зрачкѣ — слеза.

А гудочникъ все молчитъ, лишь порой слегка
Звонкихъ струнъ касается вѣрнаго гудка;
Взоръ межъ тѣмъ направилъ онъ на пастушкинъ ликъ,
И, казалось, взоръ его въ сердце ей проникъ.

Вновь играть собрался онъ, крикнулъ, посмотрѣлъ,
Меду доброй кружкою грудь свою согрѣлъ;
Хлопцамъ подмигнулъ опять: тѣ готовы. Вотъ
Поданъ тонъ, наладились, — и старикъ поетъ:

«Для кого, скажи, свиваешь
Ты вѣнокъ изъ алыхъ розъ?
Ты счастливица увѣнчаешь,
Но — кого? Рѣши вопросъ!

«Кто тебѣ по сердцу? Знаешь?
Онъ! — рѣшила та вопросъ.
Для него ты и свиваешь
Свой вѣнокъ изъ алыхъ розъ.

«Одного ты увѣнчаешь,
А другой-то перенесъ
Сколько мукъ любви — ты знаешь —
Безъ вѣнка изъ алыхъ розъ.

«Коль страдальца повстрѣчаешь —
Вспрѣтъ его хотъ парой слезъ!
Вѣдь его не увѣнчаешь
Ты вѣнкомъ изъ алыхъ розъ.»

Кончилъ. — За сужденіе сходка принялась.
Утверждали, будто бы на селѣ у насъ
Кто-то пѣлъ ту пѣсенку въ старые года,
Только ужъ не помнилось — кто? да и когда?

Старецъ, вновь молчаніе силясь водворить:
«Дѣтушки! Послушайте! — началъ говорить, —
Я скажу, та пѣсенка пѣта гѣмъ была.
Чуть-ли не изъ вашего родомъ онъ села.

«Посѣщая нѣкогда чуждыя края,
Былъ во время странствія въ Королевцѣ я,
И туда же странникъ вдругъ изъ Литвы приплылъ:
Родомъ онъ изъ этихъ же мѣстъ, я знаю, былъ.

«Грустной не повѣдалъ онъ тайны никому,
По какому поводу грустно такъ ему.
Отъ своихъ товарищей отдѣляясь потомъ,
Онъ не возвращался ужъ въ свой родимый домъ.

«Часто я видалъ его — утромъ на зарѣ
Иль при свѣтѣ мѣсяца о ночной порѣ
Средь полой блуждающимъ, или на пескѣ
Берега приморскаго, въ той же все тоскѣ.

«Какъ скала порою онъ, стоя клалъ въ ряду
Въ непогоду лютую, въ дождь, на холоду,
Мрачный, свои жалобы вѣтру лишь ввѣрять,
Слезы-жъ уносилъ его моря бурный валъ.

«Я къ нему приблизился: строгій видъ храня,
Онъ не отодвинулся, вижу отъ меня.
Не сказалъ ни слова я, — только взялъ гудокъ,
Да и сталъ наигрывать и запѣлъ какъ могоъ.

«Вижу: слезы брызнули у него изъ глазъ;
Онъ кивнулъ мнѣ: пѣсня-то по душѣ пришлась;
Взялъ мою онъ руку тутъ, стиснулъ — и потомъ
Вмѣстѣ ужъ мы плакали — онъ и я — вдвоемъ.

«Познакомясь болѣе, съ нимъ сошелся я;
Мы взаимно облизались, стали мы друзья.
По своей привычкѣ онъ больше все молчалъ,
И ему нарѣдко я тѣмъ же отвѣчалъ.

«Наконецъ измученный долгою тоской,
Явно сталъ сближаться онъ съ гробовой доской.
Я ему и другомъ былъ, и слугой, какъ могоъ;
Я его въ болѣзни той нянчилъ и берегъ.

«Угасаль онъ медленно. Разъ меня призывалъ
Къ ложу бѣдный мученикъ: «чувствую, — сказалъ, —
Что моимъ страданіямъ наступилъ конецъ.
Буди воля Божія! Отпусти, Творецъ!

«Согрѣшилъ въ единомъ я, что напрасно жилъ;
Жизнию-жъ отдѣльною я не дорожилъ
И безъ сожалѣнія оставляю свѣтъ.
Я для свѣта этого умеръ съ давнихъ лѣтъ.

«Съ той поры, какъ самъ себя изъ страны родной
Я изгнавъ, задвинулся этихъ скалъ стѣной —
Пересталъ въ глазахъ моихъ мѣръ существовать:
Жизнь въ воспоминаньяхъ лишь могоъ я сознать.

«Я за то, что вѣрнѣ ты до конца мнѣ былъ
(Такъ онъ, пожимая мнѣ руку, говорилъ),
Хоть вознаградить тебя не могу, — но радъ
Нынѣ передать тебѣ все, чѣмъ я богатъ.

«Знаешь ты ту пѣсенку, что я пѣлъ порой,
Слезно выражалъ въ ней горькій жребій мой?
Помнишь ты слова ея? Помнишь голосъ, тонъ?
Тотъ напѣвъ — несчастнаго задушевный стонъ!

«Съ кипарисной вѣткою у меня притомъ
Есть тесьма изъ локона женскаго: въ земномъ
Мирѣ семъ имущество тутъ и все мое!
Все возьми, — и пѣсню ту: изучи ее!

«И ступай вдоль Нѣмана! Можетъ, въ той странѣ
Встрѣтишь ту, которую не видать ужъ мнѣ.
Спой ей эту пѣсенку: угодишь, авось!
Покажи и вѣтку ей: тронешь, чай, до слезъ.

«Чай, вознаградить тебя, приметъ въ домъ на часъ:
Молви ей...» И взоръ его, помутясь, угасъ.
Имя жъ Богоматери на устахъ его
Замерло неконченнымъ... Больше ничего

«Не успѣлъ онъ высказать, недостало силъ, —
Руку умирающій къ сердцу приложилъ,
Палець указательный направляя свой
Въ сторону, въ которую все смотрѣлъ живой».

И замолкъ гудочникъ тутъ, а кругомъ искалъ
 Взоромъ пастушки онъ; самъ же доставалъ
 Вѣтку ту завѣтную... Но — пастушки нѣтъ!
 Скрылась за толпой она: тщетно смотреть дѣдъ.

Вдругъ — мелькнулъ покровъ ея, взвитый вѣтеркомъ.
 Ликъ къ глазамъ приложеннымъ былъ закрыть платкомъ.
 Вель ее тутъ подъ руку кто-то изъ чужихъ:
 Вотъ и за селомъ они! Не видать ужъ ихъ!

Подбѣжали къ мѣсту всѣ, гдѣ старикъ сидѣлъ.
 «Чтобы это значило?» — всякій знать хотѣлъ.
 Старецъ не отвѣтствовалъ — самъ ли онъ не зналъ
 Иль, быть можетъ, знаючи, отъ людей скрывалъ.

ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
 Воротился воевода.
 Онъ слугамъ велитъ молчать;
 Въ спальню кинулся къ постелѣ;
 Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
 Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
 Онъ потупилъ грозны очи.
 Сталъ крутить свой свѣтый усъ...
 Рукава назадъ закинулъ,
 Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
 «Гей, ты, кликнулъ, чортговъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
 Ни собаки, ни затвора?
 Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
 Приготовь мѣшокъ, веревку,
 Да сними съ гвоздя винтовку.
 Ну, за мною!.. я-жъ есъ!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
 Тихимъ крадутся дозоромъ,
 Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
 На скамейкѣ у фонтана,
 Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
 И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
 Чѣмъ лишь только я, бывало,
 Наслаждался, что любилъ:
 Бѣлой груди воздыханье,
 Нѣжной ручки пожиманье,
 Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
 Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
 Отъ меня ты отперлась.
 Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
 Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
 И ему ты отдалась.

«Я искалъ во мракѣ ночи
 Милой панны видѣть очи,
 Руку нѣжную пожать;
 Пожелать для новоселья
 Много лѣтъ ей и веселья,
 И потомъ навѣкъ бѣжать».

Панна плачетъ и тоскуеть.
 Онъ колѣни ей цѣлуеть,
 А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
 Ружья на земь опустили,
 По патрону откусили,
 Вблизи шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
 «Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно, —
 Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
 — Вѣтеръ — что ли? плачутъ очи;
 Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
 Порохъ въ полку не попалъ». —

«Тише ты, гайдучье племя!
 Будешь плакать, дай мнѣ время!
 Сыпь на полку... Наводи...
 Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣ... выше...
 Съ паномъ справлюсь самъ. Потише!
 Прежде я; — ты погоди».

Выстрѣлъ по саду раздался,
 Хлопецъ пана не дождался;
 Воевода закричалъ,
 Воевода пошатнулся...
 Хлопецъ видно промахнулся:
 Прямо въ лобъ ему попалъ.

Б Ъ Г С Т В О .

На войнѣ онъ. Годъ ужъ минулъ.
 Нѣтъ его: быть можетъ, спинулъ.

Дни-то юности летать.
 Дочь! Смотри! Отъ князя — свать.

Князь ужъ дома, Князь пируеть.
 Дѣва бѣдная горюеть,
 Исхудала, извелась;
 Слезы катятся изъ глазъ.
 Огнеметная зѣница
 Стала мутная водица;
 Лицъ, что полной былъ луной,
 Тощъ, какъ мѣсяцъ молодой.
 Красота уйдетъ — не схватишь
 И здоровъеце утратишь!

Плачетъ мать съ исходомъ силъ.
 Ксендзъ ужъ свадьбу огласилъ.

Бдутъ гости съ шумомъ съ громомъ,
 А невѣста, какъ во снѣ:
 «Мнѣ могила будетъ домомъ,
 Гробъ постелью будетъ мнѣ
 На кладбище путь мой, въ яму,
 А не къ свадебному храму.
 Онъ не живъ — умру и я.
 И тебѣ, о, мать моя,
 Скоро быть отъ скорби въ гробѣ.
 Намъ не жить! Умремъ мы обѣ». —
 «Дочь! Иди! Тебя ужъ вотъ
 Ксендзъ на исповѣдъ тамъ ждетъ.

Какъ тутъ быть? — Кума приходитъ;
 Вѣдьма старая — она
 Вмигъ напасти все отводитъ,
 Колдовству научена:
 «Прочь ксендза! Иная мѣра

Тутъ нужна: ужъ знаю я.
 Богъ и вѣра — вздоръ, химера!
 Помощь вамъ спасетъ мой:
 Чары надобны при этомъ;
 Нужны: папиртникъ съ цвѣтомъ,
 Приворотная трава,
 Да волшебныя слова.
 Все кума вамъ сдѣлать въ силахъ.
 Предоставьте ей все знать!
 Ваше-жъ дѣло — принимать
 Лишь подарочки отъ милыхъ.

«Ты волосъ его возьми,
 Въ змѣйку своей ихъ и сожми,
 Да на счастьеце невѣстѣ
 Два связки колечка вмѣстѣ!
 Да изъ лѣвой ты руки
 Каплю крови извлеки!
 Мы надъ змѣйкой — для свиданья —
 Станемъ дѣлать заклинанья,
 Сквозь колечки станемъ дуть,
 И хоть онъ въ могилѣ будъ —
 Все-жъ придетъ и изъ могилы
 Онъ — твой суженый, твой милый,
 И вамъ вмѣстѣ — общій путь»

И дѣвица дѣломъ грѣшнымъ
 Занилась — и ужъ ѣздокъ
 Мчится къ ней галопомъ спѣшнымъ...
 Чу! Дверей ея замокъ
 Щелкнулъ... Не мертвецъ-ли это?
 Не съ того ли прибылъ свѣта?
 Все утихло. Спать и перъ.
 Все уснуло: ей не спится.
 Полночь пробили часы

Ожиданьемъ грудь томится...
 Чу! Вотъ кто-то загремѣлъ...
 Ёдетъ... Брякаютъ подковы...
 Боязливо песь дворовый
 Заорчалъ — и присмирѣлъ.

Вотъ внизу — паги и порохи!
 Вотъ ужъ въ длинныхъ корридорахъ
 Стукъ походки слышенъ ей!
 Трое вслѣдъ затѣмъ дверей
 Отперлось поочередно:
 Въ бѣломъ весъ и ликомъ бѣлъ,
 Въ спальню онъ войдя свободно,
 Близъ нея на ложе сѣлъ.

Часъ за часомъ такъ пріятно
 Лется быстрымъ ручейкомъ
 И уходитъ невозвратно.
 Конь заржалъ, сова потомъ
 Прокричала; не забыли
 Чтобъ часовъ, часы пробили.

«Я заѣхалъ по пути.
 Конь мой ржетъ. Пора. Прости!
 Иль вставай! Садись со мною
 На коня! Дѣли мой путь —
 Путь послѣдній подъ луною —
 И моею вѣчно будъ!»

Свѣтитъ мѣсяцъ. Поскакали.
 Лѣсъ. Поля. Тѣ ѣдутъ далѣ.
 Ёдутъ; ѣдутъ... Гдѣ-жъ конецъ?
 Можетъ быть, ѣздокъ — мертвецъ!
 Конь какъ вихрь несется полемъ:
 «Знаю-де кого несущу!» —

Вровень онъ съ крыломъ соколинымъ
 Мчится лѣсомъ. Глушь въ лѣсу.
 Черезъ мрачные притоны,
 Гдѣ сосновый лѣсъ такъ дикъ,
 Перепуганной вороны
 Иногда раздастся крикъ;
 Да порою издастече,
 Гдѣ съ лозой срослась лоза,
 Какъ мерцающія свѣчи,
 Волчьи свѣтятся глаза.

«Конь мой, конь, скачи быстрѣе!
 Вотъ ужъ мѣсяцъ, ставъ блѣднѣе,
 Сходить съ облачныхъ высотъ!
 Прежде-жъ, чѣмъ онъ западѣтъ
 И сокроется отъ взгляда —
 Десять скалъ еще намъ надо,
 Десять рѣкъ и девять горъ
 Миновать. Во весь опоръ
 Мчись, о конь мой! Мѣсяцъ нынцѣтъ;
 Черезъ чащу пѣтухъ, гой, крикнеть». —
 «Но куда, о, милый мой,
 Ты везешь меня?» — «Домой.
 На горѣ стоитъ Мендога
 Домъ мой *). Днемъ къ нему дорога
 Всѣмъ открыта; ночью-жъ въ домъ
 Ъзжу я одинъ тайкомъ. —
 «Замокъ тамъ съ землею своею
 Ты имѣешь?» — «О имѣю,
 И на вѣки онъ вѣковъ
 Крѣпко замкнута безъ замковъ». —

*) Гора эта, подъ Новогрудкомъ, служитъ кладбищемъ, и поэтому въ томъ краю выраженіе: «отправиться на Мендогову гору» значитъ: умереть.

«Милый мой! Трудна дорога:
 Тише! Тише! Ради Бога.
 Мнѣ держаться тяжело,
 Свади сиди за тобою». —
 «Правой, милая, рукою
 Ухватишься ты за сѣдло!
 Ахъ! Да въ ней ты держишь что-то:
 Вѣрно ларчикъ свой съ работой?» —
 «Нѣтъ, молитвенникъ святой». —
 «Вотъ вѣдь лишній грузъ какой!
 Тише ѣхать какъ могу я,
 За собой погоню чуя?
 Слышишь? Вотъ перепрыгнуть
 Долженъ конь: предъ нами — бездна.
 Эта книжка бесполезна.
 Брось ее, чтобъ какъ-нибудь
 Сбавить грузъ коню лихому
 Къ перескоку роковому!» —
 Палъ молитвенникъ во прахъ:
 Конь летитъ во весь размахъ,
 И, какъ будто бы избавленъ
 Отъ всего, чѣмъ былъ онъ сдвоенъ, —
 Вдругъ раскидкой легкихъ ногъ
 Въ десять сажень даль скачокъ.

Въ изворотъ отъ изворота
 Ъдутъ двое чрезъ болота
 За блудящимъ огонькомъ;
 Огонекъ проводникомъ
 Служить имъ и блѣднымъ пыломъ
 Въ даль ведетъ ихъ по могиламъ;
 Синеватый льетъ онъ свѣтъ:
 Тѣ — за этимъ свѣтомъ вслѣдъ.

«Милый! Милый! Я въ тревогѣ.
 Чай, на такой дорогѣ

Человѣчьяго слѣда
 Не бывало никогда?» —
 «Бѣгство... Что тутъ думать много?
 Бѣглецамъ вездѣ дорога.
 Бѣглецовъ ведетъ домой
 Путь извитый — непрямой;
 И слѣдовъ здѣсь вдоль дороги
 До жилища моего
 Человѣческія ноги
 Не явили — оттого,
 Что для пѣшаго народа
 Нѣтъ въ мои владѣнья входа;
 Средь своихъ я волостей
 Принимаю коль гостей
 То туда не пѣшихъ просятъ:
 Ихъ иль ввозятъ или вносятъ;
 Для богатыхъ — пышный цугъ,
 А для бѣдныхъ — руки слугъ.

«Конь мой, конь, скачи быстрее!
 Неба край ужъ сталъ свѣтлѣе;
 Близокъ день; заря горитъ;
 Мѣдь ужъ скоро возвѣститъ
 Время скучнаго обряда.
 Двѣ скалы до той поры,
 Двѣ рѣки и двѣ горы
 Миновать еще намъ надо.
 Мчнись во весь свой конскій духъ!
 Черезъ часъ — второй пѣтухъ». —

«Милый! Милый! Конь нашъ рвется
 Въ сторону: держи его,
 Онъ пугается... Чего?
 Я не знаю... Иль придется
 Пострадать мнѣ... Видишь, сталъ

Какъ брыкаться онъ ногами!
 Надо мною жъ ребра скалъ
 И деревья тутъ съ сучками:
 Зацѣплюсь я на бѣду —
 И погибну, пропаду». —
 «Конь, мой другъ, боится блеску,
 Даже утро не любя.
 Что я вижу за привѣску.
 На рукъ-то у тебя?
 Шнуръ какой-то, въ родѣ плетки!» —
 «Ахъ, мой милый, это — четки
 И реликвии при нихъ:
 Части тутъ мощей святыхъ,
 Образокъ...» — «Зачѣмъ взяла ты
 Этотъ шнуръ съ собой проклятый?
 Тутъ янтарь да бирюза
 Все блестятъ коню въ глаза.
 Ишь дрожить... несвычайнъ къ свѣту:
 Чуть рукой махнешъ ты — въ бокъ
 Онъ и дѣлаетъ отскокъ.
 Брось, мой другъ, игрушку эту!»

Та бросаетъ: конь — легокъ —
 Разомъ далѣ въ пять миль скачекъ.
 «Развѣ здѣсь твое жилище?
 Милый! Это вѣдь кладбище!» —
 «Вздоръ! Не бойся ничего!
 Такъ — холмиста эта мѣстность.
 Укрѣпленная окрестность
 Это замка моего:
 Близокъ мой пріютъ домашній». —
 «А могилы? А кресты?»
 «Нѣтъ, мой другъ, ошиблась ты:
 Это, видишь, замка башни.
 Стѣну мы перепрыгнемъ —

И ужь будемъ на порогѣ.
Вмигъ ты мой увидишь домъ —
И навѣкъ конецъ дорогѣ!

«Стой здѣсь, конь мой. Тутъ — предѣль.
Прежде, чѣмъ пѣтухъ пропѣлъ,
Свершена тобой дорога.
Путь нашъ конченъ. Много, много
Ты и рѣкъ, и горь, и скаль,
Добрый конь мой, миноваль.
Ты дрожишь? И я неволью
Трепещу на этотъ разъ.
Мнѣ съ тобою вмѣстѣ больно:
Мучить крестъ обоихъ насъ». —

«Чтожъ ты сталъ, мой ненаглядный?
Посмотри: росю холодной
Вся покрыта я, и дрожь
Проняла всю. Чтожъ ты ждешь?
Вѣтеръ съ каждою минутою
Все свѣжѣе: забну я.
Ты въ свой плащъ меня закутай! —
«Голова тебя моя
Пусть согрѣетъ! Преклонится
Дай мнѣ къ персямъ лишь твоимъ
Головой! Челомъ моимъ
Самый камень раскалится
Могъ бы: столько у меня
Въ головѣ огня, огня!

«Что за гвоздикъ, дорогая,
На груди твоей виситъ?» —
«Это крестикъ: мать родная
Мнѣ дала...» — «Ахъ, онъ явнѣ
Мнѣ чело: стрѣлы острѣе

Гвоздикъ этотъ. Для чего
Онъ тебѣ? Скорѣй, скорѣе
Съ бѣлыхъ персей сбрось его!

Сброшенъ крестъ — символъ распятыя:
Всадникъ взорами сверкнулъ
И, дѣвицу взявъ въ объятья,
На нее огнемъ дохнулъ,
Конь заржалъ — и ржанье, вхомъ
Повторяясь, отдалось
Человѣчимъ громкимъ смѣхомъ
И далече разнеслось;
Конь затѣмъ въ одно мгновенье
Черезъ стѣну, какъ стрѣла,
Скокы! — И — чу! Пѣтушьи пѣнье!
Чу! Гудятъ колокола.
Не успѣлъ еще явиться
Къ ранней службѣ ксензъ тогда —
Конь и всадникъ и дѣвица
Вдругъ исчезли навсегда.

На кладбищѣ тишь царила.
Много памятниковъ, плитъ.
За крестомъ тамъ крестъ стоитъ.
Безъ креста одна могила,
Гдѣ земля не улеглась,
Видно рыта лишь сейчасъ.

Ксензъ потомъ сюда явился,
И, съ усердіемъ, въ тиши
Продолжительно молился
За двѣ грѣшныя души.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.

Онъ пришелъ толковать съ молодцами.

«Дѣти, сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта

Три замышлены въ Вильнѣ похода:

Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ — Кейстутъ-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удалые —

(Да хранить васъ литовскіе боги!)

Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду:

Трое васъ — вотъ и три вамъ дороги.

«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.

Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоценныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:

Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Явтарю — что песку тамъ морскаго.

«Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха:

Въ Польшѣ мало богатства и блеску;

Сабель взять тамъ нехудо, но ужъ вѣрно оттуда

Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

«Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвпцы:

Весела — что котенокъ у печки,

И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки.

«Быль я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздила я тоже,

И оттуда привезъ себѣ женку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку».

Сыновья съ нимъ простылись и въ дорогу пустились.

Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый,

Дни за днями проводитъ: ни одинъ не приходитъ.

Будрысъ думалъ: «ужъ видно убиты!»

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,

И подъ буркою ноша большая.

«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли ли?»

— «Нѣтъ, отецъ мой, полочка младая».

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,

Черной буркой ее покрывая.

«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»

— «Нѣтъ, отецъ мой, полочка младая».

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,

Черной буркой ее прикрываетъ.

Старый Будрысъ хлопочетъ и спроситъ ужъ не хочеть,

А гостей на три свадьбы сзываетъ.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми...

Сидѣль на цвѣтномъ кашемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Эвлисы мелькаютъ
Въ обѣтвыхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинувъ чалму; недвижимо.
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышитъ
Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходитъ —
Рабы разступились толпою;
Кизляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
И молвитъ, склонясь предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенный Альдеборана!

«Блесни же мнѣ свыше, свѣтило диван!
Слуга твой, въ усердѣ горячемъ,
Принеси тебѣ вѣсти, что вѣтеръ Ляхистана
Даритъ тебя новымъ карачемъ

«Въ Стамбулѣ сады падишаха едва ли
Такою красуются розой...

Она — уроженка холодной той доли,
Куда ты уносишься грезой».

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво —
И ахнулъ весь дворъ и смутился...

Паша на красавицу глянулъ лѣнливо —
И медленно на богъ склонился.

Чубукъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки;
Уста посинѣли... къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ ренегатъ... и навѣки.

II.

«Карать чародѣйку!» — кричатъ янычары;
Законники тоже: «карать!»
«Казнить назарейку за адскія чары!
«Вбить въ камни ее! Вмуровать!»

«Гассанъ, что и тигровъ и львовъ былъ жесточе,
Тотъ строгій паша-ренегатъ,
Кого ни единой красавицы очи,
Казалось, вовѣкъ не плѣнять, —

«Гассанъ!.. Онъ двукратно имѣлъ отъ Хокана
Его одалыскъ по пятку
За то, что Хоканъ получилъ отъ Гассана
На блюдѣ Ифлака башку.

«И что-жь? Хотя онъ красотою блестяли,
Гассанъ ихъ отвергъ, пренебрегъ,
А нынѣ сраженъ вдругъ очами газели,
Какъ взглядомъ змѣи мотылекъ

«Подъ стражей надежной на жертву народу
Пускай приведетъ ее бей!» —
Вотъ — ждутъ правовѣрные, часъ ужъ къ исходу,
И кади ужъ ѣдетъ. Скорѣй!

Вотъ кади прѣхаль! Вотъ камни готовы!
Толпа нетерпѣнемъ полна...
Но бей не является; сбиты оковы:
Пропали и бей, и она.

МОЛОДОЙ ПАНЪ И ПОСЕЛЯНКА.

I.

Поселянка молодая
Въ рошѣ ягоды беретъ;
Къ ней лошадка вороная
Пана юнаго несетъ.

И съ поклономъ, и съ привѣтомъ
Соскочилъ ѣздокъ съ коня:
Дѣва вспыхнула при этомъ,
Глазки ясные склони

«Дорогая поселянка!
Помоги, душа моя!
На охоту спозаранка
Въ этотъ лѣсъ заѣхаль я —

«И блуждаю. Гдѣ мѣстечко?
Не найду я: одолжи,
Молви въ помощь мнѣ словечко:
Путь-дорожку укажи!

«Мнѣ окрестность незнакома:
Прямо ѣхать иль свернуть?» —

«О, панъ къ ночи будетъ дома.
Указать нетрудно путь.

«Вотъ — подъ деревомъ лощинка;
Тамъ кустарникъ, и пошла
Дальше узкая тропинка
Влѣво около села.

«Дальше — мостикъ черезъ рѣчку,
И за мельницею вамъ
Надо вправо взять къ мѣстечку...
Да оно ужъ видно тамъ».

Панъ въ отвѣтъ: «Теперь найду я!»
И уста къ устамъ склони —
Чмокъ! и послѣ поцѣлуя
Подсвисталь къ себѣ коня.

Прянулъ. Тѣнь стрѣлой мелькнула,
И не видно ужъ его!
Грустно дѣвушка вздохнула:
Я не знаю — отчего.

II.

Поселянка молодая
Въ рошѣ ягоды беретъ;
Къ ней лошадка вороная
Пана юнаго несетъ.

И кричитъ онъ подъѣзжая:
«Покажи иной мнѣ путь!
Подъ селомъ рѣка большая —
Иль велишь мнѣ утонуть?»

«Нѣтъ ни мостика, ни броду,
 Это значить — изъ огня
 Ты послала прямо въ воду
 Добра молодца меня».

«Есть тамъ, панъ, тропа другая:
 Можно вправо повернуть».

«Ну, спасибо, дорогая! —
 «Дай вамъ Богъ счастливый путь!»

Въ лѣсъ дорожка потянула,
 Панъ мелькнулъ, и нѣтъ его!
 Снова дѣвушка вздохнула:
 Я смекаю — отчего.

III.

Поселянка молодая
 Въ рошѣ ягодики беретъ:
 Къ ней лошадка вороная
 Пана юнаго несетъ.

И кричить онъ: «Ради Бога!
 Полно, милая моя!
 Что же это за дорога?
 Въ ровъ глубокой вѣхалъ я.

«Лѣтъ за сотню передъ нами
 Проложили тутъ развѣ путь,
 Въ лѣсъ проѣхавъ за дровами,
 Селянинъ какой-нибудь.

«Цѣлый день я на охотѣ,
 И лошадки не кормилъ;

И ѣздокъ, и конь въ работѣ:
 Зной обонхъ истомилъ.

«Хоть домой и опоздаю —
 Ничего! Пусть ждутъ меня!
 А теперь я разнуздаю,
 Да на кормъ пущу коня.

«Самъ водицы хоть немного
 Выпить! тутъ источникъ есть.
 Послѣ същется дорога, —
 Только-бъ душу-то отвести!» —

И съ поклономъ, и привѣтомъ
 Соскочилъ ѣздокъ съ коня;
 Дѣва вспыхнула при этомъ,
 Глазки ясные склона.

Онъ молчать... она вздыхаетъ...
 Разговоръ пошелъ потомъ:
 Громко панъ тутъ начинается,
 Та отвѣтствуетъ тишкомъ.

Ихъ слова — секретъ; тогда же
 Дуль противный вѣтерокъ,
 Такъ что къ рѣчи пана даже
 Я прислушаться не могъ.

Но, всмотрясь, я понемногу
 Былъ наглядно убѣжденъ,
 Что пастушку про дорогу
 Не спрашивалъ ужъ онъ.

СОНЕТЫ.

Мицкевичъ. Т. I.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Лаура милая! проносится-ль порою
Предъ памятью твоею блаженство прошлыхъ дней,
Когда наединѣ, въ бесѣдѣ межъ собою,
Мы забывали міръ и чуждыхъ намъ людей?

Въ бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ, подъ зеленью живою,
Гдѣ вьется по лугу, журча легко, ручей,
Не разъ ночь крыла насъ любовной пеленою
Въ часы таинственныхъ желаній и рѣчей.

А мѣсяцъ озарялъ сквозь облако угадкой
Грудь снѣжную твою и золото кудрей,
Придавъ красу небесъ красѣ земной твоей...

Тогда сердца у насъ смолкали въ нѣгѣ сладкой,
Встрѣчались уста, во взорѣ взоръ тонулъ,
Лилась слеза къ слезѣ и вздохъ ко вздоху льнулъ.

II.

КЪ ЛАУРЪ.

Едва тебя увидѣлъ, ужъ воспламенился
И въ незнакомомъ взорѣ давняго знакомства я искалъ,
И на щекахъ твоихъ взаимности румянецъ расцвѣталъ,
Какъ розы грудь, когда въ нее зари отгѣнокъ перелился.

Едва зашла ты, ужъ взоръ слезой я отуманилъ;
Твой голосъ проникалъ до сердца и за душу онъ хваталъ—
Казалось, ангель душу ту по имени назвалъ
И въ колоколъ небесный онъ минуту избавленіе ударилъ.

О милая! Пускай твои глаза признанья не боятся,
Когда тебя я взглядомъ, голосомъ когда моимъ волную
(Не говорю о томъ, что и судьба, и люди противъ насъ
грозятся).

Что долженъ я бѣжать, что безнадежно, другъ, тебя
люблю я,
Пусть бракъ земной инаго подарить твоей рукою —
Признайся только мнѣ, что Богъ свѣчалъ меня съ твоей
душою.

III.

Съ собой говорю я, съ другими нѣмѣю,
Вдругъ къ сердцу вся кровь приливаетъ моя;
Въ глазахъ моихъ искры мелькають, блѣднѣю;
Нѣмъ съ вопросомъ: не боленъ ли я?

Тѣ шепчуть: вполне-ль я разсудкомъ владѣю?
Весь день такъ я мучусь. Вотъ время спанья!
Авось хоть минутку украсть я успѣю
У мукъ моихъ послѣ несноснаго дня!

Нѣтъ! Сонъ благодатный страдалцу невѣдомъ;
Мнѣ сердце бьетъ въ голову огненнымъ бредомъ,
Вскочивши, я фразы слагаю, твержу:

Вотъ то-то, и это злодѣйкѣ скажу!
Но только увижу тебѣ — и ни слова!
А тамъ вновь горю я и мучусь я снова.

IV.

Ты ходишь такъ просто; въ блестящую фразу
Ты словъ не слагаешь; со всѣми скромна;
А рады всѣ быть къ тебѣ ближе — и сразу
Въ одеждѣ пастушки царица видна.

Вчера были пѣсни и говоръ; былъ праздникъ;
Звучали твоихъ тамъ подругъ имена;
Тотъ гимны имъ пѣлъ? тотъ острился проказникъ:
Вошла ты — настала сейчасъ тишина.

Такъ въ пирномъ разгарѣ смолкаетъ вдругъ зала,
Гдѣ къ хору недавно зывалъ зашѣвало,
И бурно все шло въ плясовомъ колесѣ.

Вотъ — тишь водворилась: чтобъ значило это?
«То ангель промчался», — былъ отзывъ поэта.
Всѣ гости почтили: узнали — не всѣ.

V.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

Ты-ль это? такъ поздно?» — «Я сбился въ потемкахъ съ дороги.

При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
Грустила? меня вспоминала?» — «Скажи мнѣ, могла я
О чемъ постороннемъ подумать, любимецъ мой строгій?»

«О, дай же мнѣ руку! Позволь цѣловать эти ноги!
Дрожишь? что съ тобою?» — «Не знаю; въ лѣсу я гуляя
Пугаюсь, чуть листь зашумптъ, или птица ночная.
Ахъ, знать мы преступны, коль сердце такъ полно тре-
воги!»

— «Взгляни-ка мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не бы-
вала

Вина такъ смѣла и тревога съ улыбкой такою.
Ужель ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позволяла?»

«Сижу я далеко; люблюсь съ отрадой нѣмою...
Итакъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь тобою,
Какъ будто ты духомъ, какъ будто ты ангеломъ стала.»

VI

Ханжа насъ бранить, а шалунъ въ легкокрыломъ
Разгулѣ глумится, что двое въ стѣнахъ —
Ты — съ юностью нѣжною, я — съ моимъ пыломъ —
Сидимъ мы: я — въ думахъ, ты — въ горькихъ слезахъ.

Я боюсь съ искушеньемъ, хоть бой не по силамъ,
Тебя же пугаетъ бриданье въ цѣпяхъ,
Которыми рокъ приковалъ насъ къ могиламъ:
Какъ знать тутъ, что дѣется въ нашихъ сердцахъ?

Чтожь это? Удѣлъ наслажденья или муки?
Приникнувъ къ устамъ твоимъ, сжавъ твои руки,
Могу ли удѣлъ свой я мукой назвать?

Когда жъ намъ приходится тяжело рыдать
Въ минуту свиданья предъ вѣкомъ разлуки —
«Вотъ, вотъ наслажденье!» могу ль я сказать?

VII.

УТРО И ВѢЧЕРЪ.

Въ вѣнкѣ огнистыхъ тучъ съ востока день блистаетъ,
На западѣ луна скрываетъ ликъ во мглѣ,
За солнцемъ роза грудь роскошно открываетъ,
Фиалка, вся въ росѣ, лежитъ склонясь къ землѣ.

Лаура у окна балкона заблестала
И, пряди распустивъ косы своей златой,
— «О чемъ уже съ утра печальны вы (сказала),
Фиалка и луна, и ты, о милый мой?»

Я вечеромъ пришелъ, — и новое видѣнье!
Луна среди небесъ румяна и полна,
Фиалка поднялась, оживъ съ вечерней тѣнью.

Наряднѣй, веселей Лаура у окна,
И снова я сижу у ногъ ея въ волненьѣ;
Но, какъ и поутру, душа моя мрачна.

VIII.

КЪ НЪМАНУ.

Нѣманъ, родная рѣка моя! Гдѣ эти воды,
 Что я черпалъ когда-то въ безсильныхъ горсти бывало,
 На которыхъ потомъ еще въ дикую глушь уплывалъ я,
 Ища беспокойному сердцу прохлады свободной?

Здѣсь Лаура; глядяся съ восторгомъ на образъ свой
 чистый,
 Любила плести свои косы и ихъ убирала цвѣтами,
 Здѣсь образъ ея, нарисованный въ лонѣ волны серебри-
 стой,
 Молодой и влюбленный, не разъ омочилъ я слезами.

Нѣманъ родной мой, гдѣ этихъ источниковъ слѣдъ,
 А съ нимъ столько счастья, надежды такъ много?
 Гдѣ милыя игры младенческихъ лѣтъ?

Гдѣ лучшія бурнаго вѣка тревоги?
 Гдѣ Лаура моя? Гдѣ друзья мои тоже?
 Все прошло, отчего жъ не пройдутъ мои слезы!

IX.

СТРѢЛОКЪ.

Въ день знойный, измученъ, стрѣлокъ молодой
 Въ раздумьѣ, вдыхая стоялъ надъ рѣкой:
 «Нѣтъ, прежде», — онъ мыслить, — «увидю тебѣ я,
 Чѣмъ скроюсь навѣки изъ этого края!

«Увижу — невидимый!».. Всадница вдругъ
 Въ уборѣ Діаны съ зарѣчья блеснула,
 Сдержала коня, взоръ назадъ повернула
 И ждетъ... вѣрно спутника!.. Значить: самъ-другъ.

Стрѣлокъ отступилъ; весь онъ въ трепетѣ сжался
 И съ горькой усмѣшкой, какъ Каннъ, глядитъ...
 Дрожащей рукою зарядъ его вбить...

Вотъ — словно отъ мысли своей отказался —
 Отходить... пылъ видитъ вдали онъ: взято
 Ружье на прицѣлъ... Не подѣхалъ никто.

X.

Жалокъ тотъ, чье сердце беззаимность губить;
 Жалче тотъ, чье сердце злая скука гложетъ;
 Но по мнѣ всѣхъ жалче, кто совсѣмъ не любитъ
 Иль любви минувшей позабыть не можетъ.

Вѣтреной кокеткѣ въ ласкѣ онъ откажетъ,
 Видя идолъ новый, взглянетъ старовѣрецъ;
 Ангела жъ коль встрѣтитъ, то опомнясь скажетъ:
 «Какъ къ его стопамъ мнѣ пасть съ поблеклымъ сердцемъ?»

Тамъ онъ презираетъ, тутъ себя винить онъ;
 Дѣвъ земныхъ онъ гонитъ, отъ богинь бѣжитъ онъ;
 Въ немъ, простясь съ надеждой, сердце каменѣетъ,

И какъ разоренный храмъ оно въ пустынь —
 Рушится и гибнетъ: жить въ его святинѣ
 Божество не хочетъ, человѣкъ не смѣетъ.

XI.

КЪ

Ты въ очи мнѣ глядишь, вздыхаешь ты: напрасно!
 Во мнѣ — змѣиный ядъ. Прочь! Осторожна будь!
 Побереги себя! Довѣрчивость опасна.
 Ты увлекаешься. Спѣши уйти! Забудь!

Одну еще люблю я добродѣтель страстно:
 То — искренность; такъ знай, что мнѣ ты сыплешь въ грудь
 Лишь искры адскія. Я гибну: это ясно.
 Зачѣмъ же ангела мнѣ въ жребій свой втиснуть?

Я наслаждаться радъ, но обольщать не стану
 Изъ гордости. Дити! Я — пересохшій злакъ.
 Ты только расцвѣла, а я давно ужъ вяну.

Твоя обитель — свѣтъ, моя — кладбище, мракъ.
 Такъ вейся-жъ, юный плющъ, вокругъ тополей зеленыхъ,
 Давъ мѣсто терніямъ при гробовыхъ колоннахъ!

XII.

ВЪ АЛБОМЪ

Петру Мошинскому.

Поэзія! гдѣ кисть живой твоей руки?
 Едва начну писать, и — мысли со страницы
 Глядятъ, какъ узники, исполнены тоски,
 Изъ-за рѣшетки ихъ удушливой темницы...

Поэзія! скажи, гдѣ музыка твои?
 Пою, но моего она не слышитъ пѣнья.
 Не долетаютъ такъ до слуха соловья
 Подземнаго ручья журчанье и движенье.

Не только краски, звукъ художника-творца,
 Но даже и перо, покорный рабъ пѣвца,
 Уже не признаетъ моихъ правъ на чужбинѣ:

И пишетъ не стихи, — о, музы, гдѣ, гдѣ вы? —
 А знаки нотные мелодіи... увы! —
 Она не пропоетъ мнѣ этой пѣсни нынѣ...

XIII.

Неволя въ первый разъ меня лишь веселитъ;
 Я на тебя гляжу, а лба не тѣмнитъ мнѣ туча;
 Я мыслю о тебѣ, а мысль моя — летуча;
 И вотъ — люблю тебя, а сердце не болитъ.

Не разъ я признавалъ за счастье мигъ разгула,
 Не разъ въ пылу и то за счастье принималъ,
 Что слово сладкое кокетка мнѣ шепнула, —
 Но, высканъ счастиемъ, его я проклиналъ.

Тѣхъ мнимыхъ ангеловъ, когда любилъ я много,
 Какъ много лилъ я слезъ въ мучительномъ огнѣ!
 Теперь... теперь о нихъ и вспомнить больно мнѣ.

Съ тобой лишь счастливъ я — молюсь и славлю Бога
 За то, что Онъ такъ благъ: послалъ тебя мнѣ Онъ —
 Тебя, кѣмъ я Ему молиться наученъ.

XIV.

О, милая! повѣрь, мой воспоминанья
 Смущаетъ часто страхъ невольный за тебя,
 И я боюсь, что ты, уставши отъ страданья,
 Страдаешь и теперь, терзаясь и любя.

Чѣмъ виновата ты, что создана прекрасно,
 Что я любилъ твой смѣхъ, что взглядъ твой жегъ меня?
 Не знали сами мы, что въ страсть игра опасна;
 Богъ слишкомъ много далъ намъ чувства и огня.

Почти всегда вдвоемъ, не нарушая долга,
 Съ кипучей страстью мы боролись долго, долго,
 Хоть были молоды и въ насъ кипѣла кровь,

А нынѣ, о Творецъ!.. — у Бога не прощенья
 Въ слезахъ теперь молю, свершивши преступленья, —
 Молю, чтобъ отстрадавъ, не мучилась ты вновь.

XV.

СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ.

Съ добрымъ утромъ! Разбудить-ли? Вижу чудную кар-
 тину.

Ахъ, ея душа на небо унеслась на половину,
 А другая половина блещетъ въ дѣвственныхъ чертахъ,
 Словно солнца полушарье въ серебристыхъ облакахъ.

Съ добрымъ утромъ!.. Вотъ вдохнула... Солнца лучъ
 въ окно прокрался.
 Жмуришь глазки ты отъ свѣта... Я тобой залюбовался,

Льнуть къ устамъ шалуни мухи, налетая на тебя...
 Съ добрымъ утромъ въ небѣ солнце, а съ тобою вмѣстѣ я!

Съ добрымъ утромъ! Но я вижу, ты, мой другъ, еще
 не встала,

На пушистомъ ложѣ нѣжась. Потому спрошу сначала:
 Какъ, скажи, твое здоровье? За тобою я слѣжу.

Съ добрымъ утромъ! Развѣ руку не могу поцѣловать я?
 Ты желаешь, чтобъ ушелъ я? Ухожу. Возьми, вотъ, платье,
 Встань скорѣй и «съ добрымъ утромъ!» я тогда тебѣ
 скажу.

XVI.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Кончена бесѣда. Спи! Спокойной ночи!
 Ангеломъ небеснымъ сонъ твой да хранится!
 Послѣ слезъ пролитыхъ отдохнуть пусть очи,
 Пусть покоемъ сладкимъ сердце освѣтится!

Спи! Спокойной ночи! Каждого мгновенья,
 Что мы были вмѣстѣ, — слѣдъ да отразится
 Въ этомъ снѣ приятномъ! Въ дымкѣ сновидѣнья
 Образъ мой пусть лучшимъ для тебя приснится!

«Спи! Спокойной ночи! Но еще взгляни ты
 Мнѣ въ глаза!.. Ты хочешь ужъ прислугу кликнуть...
 Дай припасть мнѣ къ персямъ!—Ахъ! Онѣ закрыты.

Дверь ты замыкаешь... Если-бъ могъ проникнуть
 Въ скважину — тебѣ я сомъ сомкнуть бы очи
 Не даль, повторяя: спи! спокойной ночи!

XVII.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Добрый вечеръ! Право, лучше и пріятнѣй нѣтъ при-
вѣта:
Ни въ глухую ночь, когда намъ разставаться неизбежно,
Ни при встрѣчѣ раннимъ утромъ въ блескѣ солнечнаго
свѣта
Не прощаюсь никогда я, не здороваюсь такъ нѣжно,

Какъ при сумеркахъ вечернихъ съ ихъ отрадной ти-
шиною...
Даже ты сидишь безмолвно и отъ радости краснѣешь,
Лишь услышишь: добрый вечеръ! и въ подобный часъ со-
мною
Тихимъ вздохомъ или взглядомъ разговаривать умѣешь.

Пусть для всѣхъ живущихъ вмѣстѣ утро доброе сіяетъ,
Освѣщая трудъ, который руки ихъ соединяетъ
Пусть любовниковъ счастливыхъ охраняетъ тьма ночей;

Чтобъ они въ ночномъ блаженствѣ всѣхъ заботъ нашли
забвенье,
А у тѣхъ, кто любитъ тайно и таитъ души движенья,
Добрый вечеръ пусть скрываетъ слишкомъ яркій блескъ
очей.

XVIII.

КЪ Д. Д.

Визиты.

Вошелъ лишь и съ нею успѣлъ я два слова
Промолвить — звонокъ! — и ливрейный (тутъ хамъ

Съ докладомъ: визитъ!..) Чу! Звонять уже снова;
Одинъ — изъ воротъ, а другой — къ воротамъ.

При входахъ всѣхъ волчи я вырылъ бы ямы,
Устроилъ кашканы по всѣмъ тутъ мѣстамъ;
А это не въ помощь — за Стиксъ бы я самый
Ушелъ, окопался-бъ и спрятался тамъ.

Догучникъ сидитъ: смерть душа моя чуетъ,
Казнится, мановенья послѣдняго ждетъ,
А онъ все о раутѣ вчерашнемъ толкуетъ!

Вотъ — взялъ онъ перчатки... вотъ — шляпу беретъ!..
Я ожилъ; — мнѣ снова духъ жизни дарованъ:
Чтожь? — Вновь онъ усѣлся!.. Сидитъ, какъ прикованъ.

XIX.

КЪ ДѢЛАТЕЛЯМЪ ВИЗИТОВЪ.

Какъ милымъ быть гостемъ — хочу я повѣдать
Совѣтъ мой: расскажемъ укрась свой визитъ,
Что тамъ-де танцуютъ, тамъ сѣли обѣдать, —
Хлѣбъ дешевъ, — дождливое время стѣнать.

Коль двое въ салонѣ тутъ — гость и хозяйка,
Смотри, наблюдая: каковъ ихъ привѣтъ?
И все ли на мѣстѣ? И ихъ туалеты
Въ порядкѣ ли полномъ?.. Она... замѣчай-ка!..

Смѣется, но нехотя; онъ достаетъ
Часы изъ кармана и смотритъ лукаво,
Учтивъ, но въ глазахъ-то замѣтна отвара, —

Вставай и «прощайте» скажи; твой чередъ!
 Желаю-де весело жить вамъ и здраво, —
 Когда-жъ ты ихъ вновь посѣтишь?—Черезъ годъ.

XX.

ПРОЩАНІЕ.

Къ Д. Д.

Такъ сердце свое у меня отняла ты?
 А впрочемъ едва-ли его я имѣлъ.
 Иль — совѣсть?.. А онъ-то?.. Иль требуешь платы?
 За золото развѣ тобой я владѣлъ?

А все-же не даромъ; въ сердечныя траты
 Входилъ я; души я своей не жалѣлъ;
 Всѣ ласки твои окупилъ; — и могла ты
 Меня оттолкнуть? Знать, таковъ мой удѣлъ!

Теперь открываю свои побужденья:
 Ты гимновъ хотѣла; — а что они? Дымъ.
 Что вирши?—Для нихъ-то ты счастьемъ моимъ.

Играла? Но нѣтъ — не продамъ вдохновенья, —
 И имя твое лишь бы вспомнилось мнѣ —
 Гдѣ таили рѣзны — замерзли-бъ онѣ!

XXI.

ДАНАИДЫ.

Прекрасный полъ! О гдѣ ты, вѣкъ златой? О гдѣ вы,
 Дни чудные, когда за полевой цвѣтокъ,
 За ленту алую — сдавалось сердце дѣвы,
 И передъ милою быть сватомъ голубь могъ?

Теперь дешевый вѣкъ, и нѣжный полъ-дороже.
 Той золото даю: нѣтъ! гимны ей слагай!
 Той сердце предлагалъ: отдай и руку! Боже!
 Ту пѣль и славилъ я: богатъ-ли? отвѣчай!

О Данаиды! Я кидаль (несчастный грѣшникъ!)
 Святыню въ бочку вамъ; при гимнахъ, при дарахъ,
 Я сердцемъ жертвовалъ; расплавленнымъ слезахъ.

И вотъ я сталъ скупецъ изъ мота, сталъ насмѣшникъ
 Изъ агнца! Хоть служить еще готовъ я вамъ
 Дарами, пѣснями: — души ужъ не отдамъ!

XXII.

ИЗВЕНЕНІЕ.

Я пѣлъ все о любви средь круга своего;
 Тѣмъ нравилось, а тѣ тайкомъ произносили:
 «Что онъ вздыхаетъ все? Ужели ничего
 Инаго онъ ни пѣть, ни чувствовать не въ силѣ?

Онъ въ зрѣлыхъ ужъ лѣтахъ: подобный пыль его —
Одно ребячество.» — Иные же спросили:
«Даръ пѣсенъ отъ боговъ данъ развѣ для того,
Чтобъ намъ лишь о себѣ поэты голосили?»

Великомудрый судъ! — Алкееву схватилъ
Я лиру и на ладъ урсинскій возгласилъ,
Глаголомъ выпренимъ, — глядь! Слушателей нѣту!

Разсѣялись они; ихъ громъ мой изумилъ;
Я-жъ струны оборвалъ и лиру кинулъ въ Лету.
По слушателямъ быть назначено поэту.

ПОВѢСТИ И СКАЗКИ.

КОРЧМА ВЪ УПИТѢ.

Истинно происшествіе.

Упита, нѣкогда уѣздный городъ, нынѣ
Мѣстечко жалкое, гдѣ глухо, какъ въ пустынѣ.
Одна часовня въ немъ, да хаты здѣсь и тутъ;
Гдѣ рынокъ былъ, теперь грибы одни растутъ.
Валь городской, гдѣ мостъ подъемный находился,
Крапивою густой обросъ и обвалился.
Развалины кругомъ; старинный замокъ срытъ,
И тамъ теперь корчма убогая стоитъ.

Въ корчмѣ на отдыхѣ отъ скуки и безъ цѣли
Прислушивался разъ къ бесѣдѣ я. Сидѣли
Тамъ трое. Первый былъ полякъ не молодой
Съ конфедераткою на головѣ сѣдой;
Огромные усы; жупавъ — какого цвѣта
Онъ прежде былъ, рѣшить довольно трудно это, —
Да сабля на боку. Моложе былъ сосѣдъ;
Во фракъ изъ грубаго сукна онъ былъ одѣтъ,
Покручивалъ свой чубъ, то молча нагибался.
И кистью сапога игралъ и улыбался,
То надъ причетникомъ, что красный крестъ носилъ
И платье длинное, подружески трунилъ.
Четвертый былъ жидокъ. Къ еврею обратился

Старикъ: «Гей! бѣлый свѣтъ еще не провалился!
 Намъ трупами-теперь пугать жиды къ чему?»
 Повѣрьте, кумовья, вы слову моему:
 Лишь только попадетъ Сицинскій на кладбище,
 Насъ медомъ угостятъ... Не правда-ли, дружище?»
 Гряхнулъ жидъ бородой. Я слухъ насторожилъ.
 Сицинскій? Здѣсь? Сейчасъ о немъ онъ говорилъ?
 — «О трупѣ, молвилъ я, какомъ вы говорите?
 Какой Сицинскій здѣсь тревожить васъ въ Упитѣ?» —
 Старикъ мнѣ отвѣчалъ: «Все расскажу. Эхъ-ма!
 На мѣстѣ, гдѣ теперь жидовская корчма,
 Сицинскій въ замкѣ жилъ, какъ магнатъ, и друзьями
 Конечно окруженъ, былъ съ сильными связями;
 Имѣлъ приверженцевъ, къ себѣ ихъ привлекалъ
 И какъ диктаторъ онъ на сеймикахъ блисталъ,
 Гдѣ истинныхъ вельможъ осаживалъ бывало:
 Однако и того ему казалось мало.
 Всѣмъ начала колоть глаза такая спѣсь...
 Тутъ сеймики подошелъ и всполошился весь.
 Межъ тѣмъ какъ самъ магнатъ на выборахъ побѣды
 Ждалъ для себя и звалъ всю шляхту на обѣды,
 Когда на сеймики сочли шары, тогда
 Сицинскій ни причемъ остался. Не бѣда!
 И шляхту всю, какъ извергъ первый въ мирѣ,
 О scelus погубить рѣшился онъ... O diae!
 Онъ далъ обѣдъ. Къ нему всѣ гости собрались,
 Отъ яствъ лопился столъ и вина полились...
 Но головы гостей оравленный напитокъ
 Вдругъ одурманилъ. Въ нихъ сказался силъ избытокъ;
 Шумъ, крики, споръ и брань, смѣшенье языковъ,
 Смѣнились саблями удары кулаковъ;
 И въ дикомъ бѣшенствѣ безумнаго обѣда
 Сосѣдъ неистово хлесталъ и билъ сосѣда.
 Но отравитель самъ недолго ликовалъ.
 Перуномъ былъ тогда убитъ онъ наповалъ.

Какъ тотъ Ajax sorulo infixus acuto
 Expirans flammas: такъ онъ былъ наказанъ люто!»
 «Аминь», тогда сказала причетникъ. Экономъ
 Во фракѣ заявилъ о мнѣнїи иномъ
 И, истину извлечъ стремясь изъ глупой сказки,
 Шутя доказывалъ, лукаво щуря глазки,
 Что управляющій, съ которымъ друженъ онъ,
 Который книгами всю жизнь былъ окруженъ,
 О томъ Сицинскомъ тамъ упоминалъ не разъ:
 Онъ руки королю связалъ, сгубивши насъ.

За этимъ экономъ свой выводъ сдѣлалъ смѣло,
 Что тамъ не въ сеймики, конечно, было дѣло,
 Шло дѣло о войнѣ... съ кѣмъ? трудно угадать:
 Со Шведомъ, думали, или съ Туркомъ воевать;
 И короля тогда Сицинскій, какъ предатель,
 Въ Упиту заманилъ, гдѣ ждалъ ужъ неприятель.

Хотѣлъ онъ продолжать, но пана эконома
 Причетникъ осадилъ: «Тамъ только жди содома,
 Гдѣ учить пономарь приходскаго ксендза
 И лѣзетъ къ старикамъ молокососъ въ глаза.
 Я знаю лучше васъ фактъ многимъ неизвѣстный:
 Не сеймики, не война громъ вызвали небесный.
 Безбожье — вотъ вина. Сицинскій, говорятъ,
 Приходъ ограбилъ свой, хотя и былъ богатъ,
 Самъ въ церковь не ходилъ и чуждый снисхожденья,
 Работать мужиковъ гонялъ и въ воскресенье.
 Хотя ему не разъ епископъ угрожалъ...
 Съ амвона проклиналъ!—но Сицинскій не внималъ
 И въ праздникъ годовой, зная, съ бѣсомъ хороводясь,
 Когда обѣдня шла, велѣлъ копать колодезь.
 Но тутъ-то и ждала безбожника бѣда:
 Такая хлынула изъ-подъ земли вода,
 Что всѣ поля, гдѣ нивы колосились,
 Всѣ тучные луга въ трясину обратились

Его-жь Сицинского тутъ убилъ небесный громъ
 Со всей его семьей и сжегъ огромный домъ,
 И окаянный трупъ земля принять не хочетъ,
 Какъ прочихъ мертвецовъ, и червь его не точитъ
 Нѣтъ мѣста для него на кладбищѣ, и онъ
 Покоя мирнаго въ сырой земли лишень.
 Его уже не разъ съ кладбища похищали
 И бросивъ трупъ въ корчму, еврея имъ пугали».
 Онъ смолкъ и — настежь дверь. За дверью видѣнь былъ
 Трупъ мертвеца; на всѣхъ онъ ужась наводилъ.
 Какъ пара костылей, торчали ноги; руки
 Крестъ-на-крестъ сложены, лицо съ печатью муки
 И полусгнившій ротъ у мертвеца зиялъ,
 И рядъ его зубовъ наружу выставлялъ;
 Но вообще мертвецъ напоминалъ живаго
 И словно избѣжалъ онъ тлѣнья гробоваго.
 Какъ съ полотна картинъ старинныхъ иногда,
 Гдѣ краски выцвѣли стерлись безъ слѣда,
 То тамъ, то здѣсь какъ бы глядятъ изъ мрака
 Фигуры блѣдныя, но видны однако,
 Такъ не согрѣтъ мертвецъ былъ жизненнымъ огнемъ
 Но каждый бы узналъ черты живаго въ немъ.
 Лишь стоило на нихъ взглянуть, чтобъ въ содроганье
 Притти. Лишь мертвеца, какъ будто въ наказанье,
 Преступниковъ живыхъ всю дикость сохранилъ
 И звѣрства прежній духъ въ чертахъ его застылъ.
 По смерти видѣнь былъ разбойникъ, страшный люду,
 Напоминающій предателя Іуду.
 Онъ плечи долу гнулъ и голову склонилъ,
 Какъ будто бы позоръ къ землѣ его давилъ,
 Какъ будто бы его кто вытащилъ изъ ада,
 Куда хоть силою душа вернуться рада.

Хотя вертепъ, гдѣ былъ разбойничій притонъ,
 Разрушить Божій громъ иль люди, все же онъ

По равнымъ признакамъ зловѣщимъ или грустнымъ,
 Дастъ угадать, кто жилъ въ вертепѣ этомъ гнусномъ.
 По шкурѣ сброшенной змѣю мы узнаемъ;
 Такъ и Сицинского узналъ я въ трупѣ томъ».

Друзья! воскликнулъ я: не нужно ссоръ и преній.
 Онъ сдѣлалъ не одно, но много преступленій:
 Людей свелъ съ ума, виномъ ихъ отравлялъ,
 Опуталъ королей и край родной тервалъ.

Но чтожь такое ты, народное преданье?
 Ты правды искорка подъ пепломъ, ты мечтанье,
 Иероглифъ нѣмой онъ говорить о чемъ? —
 Ты надпись стертая съ потеряннаго ключемъ,
 Минувшей славы ты оставшееся эхо,
 Гдѣ рядомъ съ правдой ложь, рассказъ достойный смѣха
 Ученыхъ... Но сперва, оставивъ этотъ смѣхъ,
 Пускай отвѣтствуетъ ученыхъ мудрый цехъ
 И ясно объяснить, призвавъ на помощь знанье,
 Намъ — что такое все народныя преданья?

КОРОЛЕВА ЛЯЛЯ И КОРОЛЬ БОБО.

За морями, за долами встарину былъ славень чудный
 Край цвѣтущій и обильный, рыбный, хлѣбный, много-
 людный,

Гдѣ король могучій Бобо храбрымъ воиномъ считался
 И кудесникомъ при этомъ втихомолку назывался,
 Почитаемый народомъ и толпою приближенныхъ,
 И другими королями близкаго странъ и отдаленныхъ.
 Посреди своихъ сокровищъ, не скупясь на нихъ, конечно
 Жизнью пользовался Бобо — прадно, весело, безопасно:

Спать ложился съ пѣтухами, поднимался поздно съ ложа,
Пить и бражничать не мало, на охоту ѣздил тоже.
По своимъ владѣньямъ рыскалъ постоянно по бездѣлю
И дворцовъ построилъ триста шестьдесятъ шесть съ тою
цѣлю,
Чтобы въ нихъ попеременно ночевать день каждый, — сло-
вомъ

Отъ начала мірозданья подъ небеснымъ нашимъ кровомъ
Никогда на бѣломъ свѣтѣ, сомнѣваться въ томъ смѣшно бы,
Не бывало и не будетъ короля счастливей Боба.

Не имѣлъ онъ сына, — видно, такъ ужъ боги пожела-
ли —

Лишь была у Боба дочка и носила имя Ляля,
Чуднымъ разумомъ и чудной красотою отличалась,
Но хотя она красивѣй и разумнѣй всѣхъ считалась —
Въ свѣтѣ не было несчастнѣй королевны бѣдной этой.
Родилась-ли Ляля въ черный годъ, подъ скверною пла-
нею,

Иль ее околдовали при посредствѣ чаръ — не знали
Ничего объ этомъ люди и различно толковали,
Но вполне всѣмъ было ясно, что ей жизнь не улыбалась,
Что горючими слезами Ляля часто заливалась.
Да и какъ ей можно было не тужить, въ тоскѣ рыдая:
Женихамъ не полюбилась королева молодая.
Королевичи изъ дальнихъ городовъ къ ней пріѣзжали
И князья-сосѣди тоже королеву посѣщали,
Всѣ едва увидя Лялю приходили въ восхищенье,
Но никто изъ нихъ однако ей не дѣлалъ предложенья.

Время шло межъ тѣмъ; напрасно Ляля свадьбы поджи-
дала

И, мечтая о замужествѣ, съ грустью тайною вздыхала;
Потерявъ надежду мужа рода царскаго дожидаться
Съ знатнымъ подданнымъ была бы рада Ляля обвѣнчаться.

Черезъ тетку, черезъ дядю жениховъ себѣ искала
И тронмъ поочередно руку, сердце предлагала.
За такую милость всякій низко кланялся, однако
Изловчался извернуться отъ незаданнаго брака.
Тотъ доказывалъ, что, прежде совершенія обряда,
Ивъѣстить свое семейство о своей женитьбѣ надо
Да къ родителямъ поѣхать попросить благословенья,
И — взнуздавъ коня, поспѣшно королевскія владѣнья
Покидалъ, и уже больше въ край родной не возвращался;
А другой, хотя жениться непременно обѣщался,
Но, — отца похоронивши, — попросилъ отсрочки краткой.
Трауръ кончился, явились къ Лялѣ дружки, но украдкой
Молодой какъ въ воду канула и его не отыскали.
Такъ, найдя предлогъ удобный, женихи всѣ отставали
И скрывались отъ невѣсты всякій разъ по-одиночкѣ,
Отдавая справедливость королевской чудной дочкѣ,
Толковали, что ихъ панна восхищала и плѣняла:
Но, какъ къ будущей супругѣ, сердце къ Лялѣ не лежало.
Почему? — Не знаютъ сами, — имъ, по правдѣ, это странно:
Всѣ достоинства имѣя, хороша, богата панна
И въ придачу — королевство!.. Соблазнительное дѣло!
Но никакъ съ разсудкомъ сердце согласиться не хотѣло. —
Потому такъ относились женихи къ ней, что въ то время
Притворяться не умѣло человеческое племя;
Не могло понять такого преступленья, святотатства,
Чтобъ на дѣвущкѣ жениться не любя, изъ-за богатства,
Погубивъ два сердца разомъ навсегда, безъ состраданья.
Потому предпочитали женихи птти въ изгнанье,
Чѣмъ владѣній королевскихъ безъ любви жены добиться,
И скорѣе соглашались даже съ родиной проститься,
Чѣмъ бездушно на не милой, не любя ее, жениться.

Время шло, да шло... Напрасно Ляля свадьбы поджи-
дала,

И, мечтая о замужествѣ, съ грустью тайною вздыхала:

«Въ міръ каждая дѣвица изъ простаго даже круга,
Мужика-ли, пастуха-ли, а найдеть себѣ супруга,
И дѣтей имѣетъ; мнѣ же горькій жребій достается:
Безъ дѣтей, безъ мужа вѣрно коротать весь вѣкъ при-
дется.

И никто не пожалѣетъ, не пойметъ души тревогу
И не станетъ ежедневно за меня молиться Богу!..»

Сумасбродная однажды мысль пришла печальной Лялѣ:
«Выйду я за поваренка, чтобы тамъ ни толковали!»

Какъ нарочно въ это время, изъ деревни прямо взятый,
Подъ окномъ кастрюли чистилъ парень грязный и лох-
матый.

«Эй, послушай, поваренюкъ, подойди-ка на два слова.
Я тебя счастливымъ сдѣлать на всю жизнь твою готова.
Но, сперва кастрюли бросивъ, къ роднику ты отправляйся,
Смыть съ лица всю грязь и сажу хорошенько постарайся
Да и руки вымой тоже, а тебя здѣсь буду ждать я.
Дамъ тебѣ, когда вернешься, мальчикъ, праздничное платье,
Шляпу съ перьями, получишь и серебряныя шпоры
И кошель съ рублями — словомъ, все что нужно: всѣ
уборы.

Купишь въ городѣ коня ты — это первая забота —
И прискачешь въ королевскій замокъ, въ главные ворота,
Гдѣ, себя назвавши княземъ, долженъ ты къ отцу явиться,
Я-жъ устрою такъ, что зятемъ онъ тебя назвать рѣ-
шится.»

Въ дрожь и холодъ поваренка отъ такихъ рѣчей бро-
сало,

А потомъ какъ пласть упалъ онъ, перепуганный не мало,
И вопилъ, слезамъ давъ волю: «Ахъ, зачѣмъ ты, коро-
левна,

Шутишь такъ надъ парнемъ бѣднымъ!» Отвѣчала Ляля
гнѣвно:

«Поваренюкъ глупый, развѣ ты не можешь догадаться,
Что печеныя голубки сами въ ротъ тебѣ валются?
Лучше все безпрекословно исполний, что мнѣ угодно,
А не то объ этомъ будешь сожалѣть всю жизнь без-
плодно.»

— «Ахъ!» воскликнулъ поваренюкъ, — «мнѣ-ль за это дѣло
браться?»

Не могу я, если-бъ даже и хотѣлъ повиноваться.
Ты не знаешь, какъ живется сиротѣ почти съ пеленокъ
И не вѣдаешь, что долженъ дѣлать каждый поваренюкъ:
Въ лѣсъ ломать сухія вѣтви отправляйся спозаранку,
Собери въ одну ихъ кучу и потомъ, поднявъ вязанку,
На спящій домой тащи ихъ черезъ сплуд еле-еле
И къ землѣ въ дугу пригнувшись. — При такомъ тяжеломъ
дѣлѣ

Пересталъ расти я скоро, не похожъ на человѣка,
Какъ забитый жеребенюкъ, я совсѣмъ почти калѣка,
И когда бы ко двору я на конѣ лхмомъ примчался,
Я бы карликомъ ничтожнымъ и смѣшнымъ всѣмъ пока-
зался.»

— Это дѣло поправимо», королева отвѣчала:
«Ты скажи, что происходишь изъ страны такой (читала
Я о ней въ старинныхъ книгахъ), гдѣ всѣ люди — неве-
лички,

Люди — карлики по росту, что у нихъ другой нѣтъ клички
И что въ той странѣ далекой сынъ любимый короля ты.
Велики иль малорослы, стройны станомъ иль горбаты —
Короли между собою равны всѣ на бѣломъ свѣтѣ.»

— «Дорогая королева, посмотри на руки эти
И на всю мою фигуру... Съ толку я собою кого-же?
Мнѣ къ лицу ли наряжаться, какъ какой-нибудь вельможа?
День и ночь вертѣть обязанъ я на вертелѣ жаркое,
Подгорѣлъ самъ, какъ жаркое: дѣло дѣлая такое,
Чищу вечеромъ кастрюли, горькой участи покорный,
Съ рукъ сошла полуда словно, и вся кожа стала черной!»

— «Не бѣда», сказала Ляля, ножкой маленькой затопавъ.
«Объяви, что королевичъ ты изъ царства вѣоіоповъ,
Гдѣ отъ солнца загораютъ люди всѣ, какъ мнѣ извѣстно.
Короли между собою равны въ мірѣ повсемѣстно»

Слыша это, поваренокъ прикусилъ языкъ свой разомъ.
У него отъ изумленья словно умъ зашелъ за разумъ,
На себѣ рвалъ волоса онъ, то ломалъ безумно руки,
То скрипѣлъ зубами, будто грызъ орѣхи, ради скуки,
Плакалъ громче все и громче, и слезами заливался
И, пугая Лялю, громко наконецъ расхохотался.

БРИТО — СТРИЖЕНО.

Прихворнуть слегка случится,
Каждый къ доктору стучится;
А опасно захвораетъ —
Знахарей къ себѣ сзываетъ:
Эти лечатъ отъ подагры;
Отъ чахотки, отъ хирагры.
Кровь, когда придется, мечутъ,
Глухоту и глупость лечатъ,
Но у нихъ, — пройди все царство, —
Отъ упрямства нѣтъ лекарства...

Жилъ Мазуръ одинъ. Пропала
У него однажды сука,
Что весь домъ оберегала.
Безъ нея Мазуру мѣла.
Онъ туда-сюда, однако

Воротилась вдругъ собака,
Но увы, на половину
Кто-то выбрилъ сукѣ спину.

«Ахъ: разбойники! Рѣшились
На такую злую штуку;
Выбрить пса не постыдились!..
— «Ты скажи, — остригли суку»,
Возвразила мужу жена:
«Псовъ стригутъ; а ты вдругъ — брита.» —
«Вотъ какъ бабы судятъ тонко!»
Мужъ замѣтилъ ядовито:
«Ахъ, ты умница! Липо-то
Голо, какъ ладонь, у бабы,
А учить пришла охота
Насъ, усатыхъ... Ты могла бы
Увѣрять всѣхъ, мнѣ сдается,
Что нашъ лысый панъ стрижется.»
— «А усы у эконома,
Что повисли, словно плети,
Видѣлъ ты?»: хозяйка дома
Прервала; «усици эти,
Скажешь стрижены, иль бриты?» —
«Къ чорту всѣхъ пановъ на свѣтѣ!
Бога лишь благодаря ты,
Что нашъ песь домой приплелся,
Только-бъ брить его не надо.»
У жены отвѣтъ нашелся;
— «Я сама ужасно рада,
Хоть смотрѣть на суку гадко!
Можно-ль было стричъ такъ гладко?» —
«Ты глупа!» — Жена сердито:
«Съ дурнемъ мнѣ самой докука,
«Присмотрись-ка — сука брита.»
— Врешь ты; выстрижена сука.» —

Мужъ съ женою препирался,
А кругомъ народъ собрался,
Шумный споръ велся открыто,
И одинъ крикъ раздавался:
Брита! — «Стрижена! — Нѣтъ, брита!

Шель сосѣдъ. Къ нему пристали:
«Я ли правъ, скажи, — она ли?»
Шель еврей: «Скажи намъ, ну-ка —
Ты по правдѣ, безъ обману:
Брита-ль, стрижена-ли сука?»
Отъ жидъ къ ксендзу и къ пану
Перешли потомъ, и — что-же?
Ксендзъ и панъ сказали тоже,
Что сосѣдъ и жидъ, въ ту пору,
Прекративши тѣмъ ихъ ссору!
Что жена Мазура — дура
И что выбрить песь Мазура.

На пути возвратномъ въ полѣ
Мужъ сказалъ: «Ну, недотрога!
Вновь ты спорить будешь, что ли?»
Но жена молчала строго.
Песь ихъ встрѣтилъ у порога.
«Вотъ и бритый нашъ... Здорово!»
Мужъ кричить, а баба снова:
— «Здравствуй, стриженный...» — Ни слова
Не сказалъ Мазуръ на это,
Но, задумавши расправу,
Вмѣсто всякаго отвѣта,
Потащилъ жену въ канаву
И топить сталъ бабу. Съ роду
Такъ нырять ей не случалось:
Захлебнулась, бултыхалась,
Но ее толкалъ онъ въ воду,

Говоря: «Твоя защита —
Правда: стрижена иль брита?»
Гибель видѣла бѣдняжка
Умирать ей было тяжко,
Но два пальца выставила
Изъ воды она наружу
И какъ ножницами стала
Ими стричь, переча мужу.

Это видя, мужъ въ тревогѣ
Поскорѣй давай Богъ ноги.
Доползла жена до хаты,
А Мазуръ пошелъ въ солдаты.

Б А Р О Н Ъ .

Гдѣ хорошо живется, тамъ и отчизна. Кто же
Во снѣ все то могъ видѣть, чело склонивъ на ложе,
Чѣмъ пользовался въ жизни баронъ и наслаждался?
Имѣніями князя пришлецъ распоряжался
И въ бракъ вступалъ съ княгиней-вдовою, приносящей
Въ приданое два графства, всѣ земли и блестящій
Великолѣпный замокъ, настолько знаменитый,
Что гости ежегодно съ безчисленною свитой,
Изъ Англии, изъ Польши толпами наѣзжали,
Какъ-будто чудеса ихъ въ томъ замкѣ ожидали.

Такъ нечего дивиться, что, утромъ просыпаясь,
Въ пуху гагачьемъ нѣжась и словно въ немъ купаясь.
Баронъ, откинувъ пологъ индійскій съ кружевами,
Привѣтствовалъ лучъ солнца подобными словами:
«Гдѣ хорошо живется, тамъ и страна родная!»
И дернула ленту съ кистью, такъ день свой начиная.

Тогда, какъ-бы по взмаху жезла волшебницъ, стройно
 Вошла въ покой фаланга нарядныхъ слугъ, спокойно
 Беззвучно разбѣстившись и въ ожиданьѣ дѣла
 У самаго порога какъ бы окаменѣла:
 По выраженью только лица и глазъ казалось
 Повятымъ, что приказа покорно дожидалась
 Нѣмецкая прислуга во фракахъ и манжетахъ
 И въ башмакахъ какъ будто лишь въ первый разъ надѣ-
 тыхъ.

Тотъ съ зеркаломъ, тотъ бритвы припасъ... Баронъ въ
 постелѣ

Приподнялся, и слуги къ барону подлетѣли.
 Несли паки сорочку изъ бѣлаго батиста;
 Когда-жъ баронъ облекся въ бѣлье, два камериста
 Накинули на плечи ему халатъ расшитый
 Цвѣтами, словно роза, по ткани глянцовитой;
 Свой день баронъ встрѣчаетъ всегда въ такомъ халатѣ.
 Надѣвъ его — всѣ знаютъ — онъ хочетъ встать съ кровати,
 И, передъ нимъ согнувшись, тогда, какъ по удару
 Въ ладоши, два лакея приносятъ туфель пару
 Изъ красной мягкой кожи марокской, съ золотой
 Звѣздой на туфлѣ каждой. Въ ту обувь съ быстротою,
 Легко, какъ птицы въ гнѣзда, всегда нога входила
 И по коврику, какъ по льду коньки, она скользила
 Къ столу, гдѣ уже кофе дымясь готово было.

Лилъ камердинеръ кофе. Какъ статуя живая,
 Арабъ ждалъ съ свѣжей трубкой и съ фитилемъ зажжен-
 нымъ

По первому же знаку онъ съ чубукомъ саженымъ
 Склонялся предъ барономъ, фитиль свой раздувая.
 Какъ на чалмѣ турецкой, въ волнистыхъ складкахъ шалц,
 Камения дорогіе на янтарѣ сверкали,
 А сзади въ то же время слуга — цирюльникъ живо
 Барона стригъ, гребенкой причесывалъ красиво,

Помадиль жирнымъ масломъ, чтобъ не были такъ жестки
 И глаже стали кудри, а чтобъ не сбить прически
 Обвязывалъ фуляромъ всю голову у пана
 Узломъ, напоминавшимъ подобіе тюльпана.

Баронъ куриль, пуская дымъ трубки на досугъ
 То въ потолокъ покоя, то въ носъ своей прислугѣ.
 Угадывая волю его, она склонилась
 И вышла въ тѣ же двери, въ которыя явилась.
 Баронъ одинъ остался, пуская дымъ волнистый
 То кольцами большими, то струйкою душистой.
 Баронъ одинъ остался, и мысль его, казалось,
 Въ дыму томъ ароматномъ блуждала и терялась.
 До янтара касаясь устами вѣроятно
 Онъ сильно былъ разбѣганъ и бормоталъ невнятно,
 Несвязно такъ, что если-бъ мы слухъ насторожили —
 Отрывистыя фразы понятны-бъ мало были.
 Такъ, напримѣръ, шепталъ онъ: «Гдѣ лучше намъ жи-
 вется,

Тамъ и отчизна наша, нашъ домъ.
 Нѣтъ лучше дома.
 Чтѣ слава! Хлѣбъ намъ нуженъ, а слава — развлеченье!..
 Несчастье умудряетъ! Живи, пока жавется;
 А тамъ пускай мѣръ цѣлый вверхъ дномъ перевернется!»
 Такъ онъ шепталъ, давъ волю словамъ неувольнимымъ,
 Которыя сливались съ густымъ табачнымъ дымомъ.

Мечтанія барона нарушилъ мракъ: затмѣнье
 Какъ будто бы настало для солнца въ то мгновенье.
 Двѣ маленькія ручки, — баронъ узналъ тѣ ручки —
 Негаданно закрыла ему глаза, какъ тучки.
 Онъ выпустилъ невольно изъ губъ янтаръ, сверкавшій
 Отъ перловъ драгоценныхъ и на коверъ упавшій.
 Прижавши руку къ сердцу съ комической тоскою
 И надъ собой махая слегка другою рукою,

Какъ иногда на муху или бабочку мы машемъ
 И отгоняемъ прочь ихъ въ саду фуляромъ нашимъ, —
 Баронъ тяжелымъ вздохомъ прервалъ свое молчанье,
 И рѣчь его звучала, какъ комара жужжанье:
 — «Ахъ, если это счастье мое закрыло очи,
 Принявши образъ мрака, — пусть вѣчно длится ночь,
 А если это волны, что въ бездну низвергають,
 Такъ ласково и вѣжно въ *ничто* насъ обращаютъ,
 Пускай умру сейчасъ же, какъ свѣчка потухая!..»
 И голову все ниже склонялъ баронъ, вздыхая.
 Тогда одна изъ ручекъ мѣшать не стала глазу;
 Баронъ, какъ-бы очнувшись отъ обморока, сразу
 Отъ тьмы освобожденный, присматривался къ свѣту
 И предъ собой увидѣлъ смѣясь въ минуту эту
 Онъ стройную фигуру, которая стояла
 Какъ королева ночи, вся въ черномъ. Оттѣняла
 Такого-жъ цвѣта шляпка лицо ея. Станъ тонкій
 Рельефнѣй выставлялся подъ черной амазонкой —
 Костюмъ знакомый дамамъ нѣмецкимъ и до нынѣ.
 Въ рукѣ княгиня — это была сама княгиня —
 Держала хлыстъ, который служилъ ей развлеченьемъ,
 И грызла рукоятку съ алмазнымъ украшеньемъ.

Когда такъ забавлялся баронъ, слуга съ докладомъ
 Вбѣжалъ: «Гофратъ съ визитомъ пожаловалъ къ вамъ на
 домъ...»
 Затѣмъ въ дорожномъ платьѣ съ бичемъ въ рукѣ явился
 Полсотни лѣтъ прожившій мужчина, поклонился
 И дружески, небрежно кинувши головою,
 Пожалъ барону руку. Съ поспѣшностью живою
 Баронъ придвинулъ гостю одно изъ мягкихъ кресель
 Съ поклономъ; гость вторично поклонъ ему отвѣсилъ.
 Усѣлись оба молча. Баронъ распорядился,
 И камердинеръ тотчасъ безмолвно устремился
 Въ тотъ уголъ, гдѣ стояла изъ трубокъ пирамида

И чубуки торчали различныхъ формъ и вида.
 Чубукъ проворно выбравъ въ два локтя съ половиной,
 Слуга, привычный къ дѣлу такому, въ мигъ единый
 Набилъ для гостя трубку, самъ закурилъ, съ поклономъ
 Поднесъ его гофрату и скрылся.

Гость съ барономъ

Безъ словъ сидятъ и курятъ. Друзья при каждой встрѣчѣ,
 По нраву, по привычкѣ всегда скупясь на рѣчи,
 Понять одинъ другаго умѣли очень скоро,
 Не прибѣгая вовсе къ словамъ для разговора:
 Не звуками однимъ — къ чему-же утруждаться? —
 Но и табачнымъ дымомъ мысль можетъ выражаться.

Гофратъ, въ себя вбирая густые клубы дыма,
 Его фонтаномъ къ верху пускалъ неутомимо;
 Баронъ напротивъ правилъ совѣмъ другихъ держался —
 Ротъ широко открывши, всю комнату старался
 Густымъ наполнить дымомъ, какъ будто дѣлалъ дѣло,
 И облако, казалось, тогда надъ нимъ висѣло.

Гость сильно изумился. Короткій сдѣлавъ роздыхъ,
 Въ себя всей силой легкихъ вбирая свѣжій воздухъ,
 Онъ дунулъ такъ, что разомъ дымъ синій разступился.
 Тогда въ пространствѣ чистомъ вновь потолокъ открылся,
 Какъ голубое небо, когда его лазури
 Не затемняютъ тучи весною послѣ бури.
 Исполнивъ эту штуку, гофратъ слегка нагнулся,
 Схвативъ чубукъ свой длинный вновь сильно затянулся
 И, дымомъ ротъ наполнивъ затылкомъ одною,
 Шаръ выпустилъ огромный въ арбузъ величнюю,
 Который тихо, плавно сталъ кверху подниматься,
 Однако, не желая никакъ въ долгу остаться,
 Баронъ пустилъ вдогонку за первымъ шаромъ новый
 Шаръ маленькій, но быстро достичь его готовый;

Когда жь они столкнулись, то оба величаво
Помысли вновь, нальво — одинъ, другой направо.

Улыбкой поощривши подобный фокусъ ловкй,
Гофратъ самъ затянулся съ особенной сноровкой
И ротъ раскрыль: въ немъ долго дымъ скопленный клу-
бился,

Стуцался постепенно, волнами расходился
И вырвался наружу, въ единое мгновение,
Кольца принявши форму, повиснувъ безъ движенья —
Надъ головой барона: вотъ-вотъ дымъ расплывется, —
Но за кольцомъ барона еще кольцо несется,
За нимъ другое, третье, слетаетъ съ устъ гофрата,
И каждое проходить чрезъ своего собрата.
Потомъ всѣ эти кольца между собой слилися
И конусообразной фигурой разрослися...
Невольно содрогался, баронъ нашъ изумлялся,
Смотрѣль, но просто вѣрить глазамъ своимъ боялся,
Что посреди германцевъ искусникъ есть подобный,
Который восхитилъ бы курильщиковъ Китая, —
Но самъ желая фокусъ продѣлать безподобный,
Баронъ тотъ конусъ
.

КОЛОКОЛЬ И КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Раззвонились колокольчики, лишь наладили одно,
Ихъ же слушалъ мѣдный колоколь, въ землю врывшійся
давно:
«Посмотри на насъ: хоть малы мы, а какъ звонко зали-
ваемся,
Ты жь и нѣмъ, и глухъ, и жребіемъ мы съ тобой не по-
мѣняемся».

— «Эхъ, собратья голосистые», грустно колоколь сказалъ:
«Этимъ вы ксендзу обязаны: въ землю онъ меня втопталъ».

БЛОХА И РАВВИНЪ.

Въ талмудъ однажды раввинъ съ ушами погрузился
Его жь блоха кусала; онъ, наконецъ, озлился
И, улучивъ минуту, поймалъ блоху. Попала
Въ тиски она, вертѣлась и наконецъ сказала:
«Прости! Тебѣ сердиться, мудрецъ, не подобаетъ!
Оставь мнѣ жизнь!» На это ей раввинъ отвѣчаетъ:
— «Нѣтъ, кровь за кровь! Погибни, псчадыя Веліала!
Ты, какъ филистимлянка, чужую плоть терзала.
У муравьевъ есть склады; въ работѣ неустанной
Съ цвѣтовъ собираютъ пчелы воскъ, медъ благоуханный.
Какъ пьяница, одна ты среди людей шныряешь,
Обсеешь ихъ кровь и ихъ-же еще при томъ кусаешь.
А потому тебя я казнитъ за это въ правѣ». —
Блоха-же передъ смертью, готовая къ расправѣ,
Одно ему сказала: «Ты самъ живешь чѣмъ, равви?»

Д Р У З Ъ Я.

На свѣтѣ нѣтъ истинной дружбы давно,
Она только тому даетъ для насмѣшекъ.
Большіе друзья были Мешекъ и Лешекъ:
Когда одному попадался орѣшекъ,
Дѣлили непремѣнно съ другимъ онъ зерно.
Живя душа въ душу, не знали, казалось,

Различья они, что «мое», что «твое»;
 Подобная дружба, кто знал их житье,
 И въ старое время не часто встрѣчалась.
 Однажды въ дубравѣ подь крики грачей
 И пѣнье кукушекъ друзья толковали,
 Какъ вдругъ посреди самыхъ нѣжныхъ рѣчей
 Ревъ страшный вблизи услышали.
 Вскарабкался Лешекъ на дубъ въ тотъ-же мигъ,
 А Мешекъ, неволкій всегда, сперепугу
 Оставшись внизу, сталъ втупикъ
 И руки протягивалъ другу,
 Но другъ былъ на самой вершинѣ. Какъ снопь,
 Тогда блѣдный Лешекъ на землю свалился,
 Предъ нимъ-же косматый медвѣдь очутился,
 Толкнулъ его мордою въ лобъ,
 Обнюхалъ лежащаго смѣло
 И думая: это, знать, мертвое тѣло!
 Ушелъ мишка въ лѣсъ: Нашъ литовскій медвѣдь
 Не станетъ на трупъ и смотреть.
 Тогда только Мешекъ очнулся. А съ дуба
 Спросилъ его Лешекъ тогда:
 «Ну, что, на носу, братъ, висѣла бѣда?
 Однако зачѣмъ онъ такъ долго, такъ грубо
 Сопѣлъ надъ тобой, словно что-то шепталъ.
 Надъ ухомъ твоимъ, мнѣ сдается.»
 — «Шепнулъ онъ мнѣ», Мешекъ тогда отвѣчалъ:
 «Что истинный другъ лишь въ бѣдѣ познается. —

БОЛЬНОЙ КОРОЛЬ И ЛИСИЦЫ.

По указу Его Львинаго Величества,
 Данному въ Вертепекѣ (мѣстожителство
 Короля, по нездоровью тамъ живущаго)

Какъ помощники монарха всемогущаго.
 Мы, министры, состояще
 При особѣ королевской, настояще
 Приказаніе съѣшимъ оповѣститъ:
Первый пунктъ. Избрать для депутаціи
 Представителей звѣриной нашей націи
 И всеѣмъ избраннымъ животнымъ объявить,
 Чтобъ въ Вертепекъ они немедленно отправились,
 И Его Величеству представились
 Съ выраженьемъ чувствъ ихъ вѣрнопогоданныхъ,
 Имъ самой природою преподанныхъ,
 Королю всеѣхъ благъ на свѣтѣ пожелавъ,
 Дабы долго жилъ онъ и былъ здоровъ.
Пунктъ второй. Все депутаты оные,
 Столь почетнымъ полномочіемъ снабженные,
 Жирными должны быть обязательно
 И сіе исполнить слѣдуетъ старательно. —
 Данъ апрѣля перваго числа
 Въ королевскомъ лѣтнемъ помѣщеніи,
 А за симъ, въ избѣжанье зла
 И оберегая каждаго посла
 Постановлено еще распоряженіе:
 На проѣздъ со всеѣхъ концовъ страны
 Вплоть до мѣста назначенія
 Для себя послы взять паспорта должны
 Изъ Секретной канцеляріи. — Да вѣдаютъ
 Все и нашему вельнью послѣдуютъ:
 Пусть никто къ посламъ не прикасается.
 Ихъ царапать и кусать не дозволяется
 Никому въ дорогѣ — ни полиціи,
 Ни вельможамъ, ни чиновникамъ юстиціи.»

* * *

Исполнить торопясь
 Вышеозначенный указъ,

На выборы сошлись без прегословья
Бараны и ослиное сословье;

За ними приплелись

И всѣ другіе звѣри,

Извѣстные, по крайней мѣрѣ.

Однѣ лисицы только уперлись,

Отъ выборовъ воздерживаясь ловко.

Чѣмъ объясняется подобная уловка?

Проговорилась такъ на этотъ счетъ

Одна лиса-плутовка:

«Слѣды звѣрей уже не первый годъ

Я изучаю строго.

И вотъ что нужно намъ принять въ расчетъ:

Слѣдовъ, направленныхъ къ монарху очень много,

Но отъ него обратнаго слѣда

Еще никто изъ насъ не видѣлъ никогда.»

Т Р О Й К А.

Въ Литвѣ изъ всѣхъ поѣтовъ одинъ собратъ Антоній
Держалъ въ конюшнѣ тройку — лихіе были кони!
О нихъ еще такъ живо теперь воспоминанье,
Что могъ бы этой тройки я сдѣлать описанье,
И нечего дивиться, что вечеромъ вчера я,
Толкуя о прошедшемъ и старъ перебирая,
Спросилъ! «А что же случилось, скажи-ка, съ этой тройкой?»
И вотъ какой отвѣтъ мнѣ далъ баснописецъ бойкій:
— «Въ судьбѣ ея скрывалось загадочное что-то.
Чтобъ отдохнули кони — хозяйская забота! —
Никто на нихъ не ѣздилъ, ихъ цѣлый годъ кормилъ,
Но кони межъ собою согласе позабыли
И грызлись постоянно, какъ дикіе; задорно,

Хотя была конюшня удобна и просторна.

Я, наконецъ, ихъ продалъ, и продалъ разнымъ людямъ

Но — измѣнять рѣшеніе судебъ напрасно будемъ! —

Запретъ всю эту тройку кацапъ какой-то снова,

И кони, только съ мѣста — ржать начали сурово:

«Эй ты, хохоль потише!» заржаль лезгинецъ гордый:

«Не фыркой прямо въ носъ мнѣ, коль дорожишь, ты мор-
дой!»

Мазуръ ему на это: — «Самъ много позволяешь.

Полегче: двину такъ я, что разомъ захромаешь!

Казакъ ярится тоже: «Ахъ мужики, уроды!

Задамъ я вамъ обоймъ въ конюшнѣ у колоды...»

И взапуски вся тройка, не въ силахъ удержаться,

Вдругъ начала кусаться и бѣшено брыкаться

Когда-жъ, свой кнутъ схвативши, кацапъ стегать ихъ на-
чалъ,

То такъ хохла, мазура, лезгинца озадачилъ,

Что кони усмирились... Какъ шелковая стала

Вся тройка и галопомъ до станціи скакала,

Такъ что едва возница остановить могъ сани.

Лошадкамъ сѣна дали съ овсомъ, и, послѣ бани

Горячей, кони вмѣстѣ по-дружески ѣсть стали

И словно межъ собой они не враждовали.

Тутъ весь секретъ открылся. Такъ кони уродились:

При отдыхѣ ругались, а подъ кнутомъ мирились.

ХОРЕКЪ НА ВЫБОРАХЪ *).

Тѣмчасъ послѣ пораженія

Межъ звѣрей пошло броженье;

Созванъ былъ совѣтъ, и скоро

*) Слово *Chórąg* по-польски имѣетъ двойное значеніе. Такъ называется хорекъ, а также и *трусь*. — На этомъ каламбурѣ основана вся басня.

На совѣтѣ вышла ссора.
 Каждый хвасталъ, что ни слово,
 Обвинялъ одинъ другаго.
 Лишь хорекъ, какъ трусъ отпѣтый,
 Былъ забытъ въ бесѣдѣ этой.
 На совѣтѣ томъ военномъ

Гражданинъ-хорекъ не могъ быть важнымъ членомъ непре-
 мѣннымъ

И въ политикѣ къ тому же смыслилъ мало, но рѣшился
 Молвить слово, и къ собранью съ рѣчью смѣлой обра-
 тился:

— «Предлагаю вамъ, граждане, я вопросъ для разрѣ-
 шенья:

Почему на полѣ битвы понесли мы пораженья?
 Потому-ли, что способныхъ полководцевъ не имѣемъ?
 Нѣтъ! рутина насъ заѣла, въ предразсудкахъ мы косимъ.

Мы — правдивы въ этомъ будемъ —

Булаву вручаемъ людямъ

Далеко не по заслугамъ или талантамъ. Это вѣрно.
 Тѣхъ мы цѣнимъ за породу кровожадную безмѣрно,

За рога, за жиръ ихъ тѣла,

Словно въ этомъ все и дѣло.

Кто начальствуетъ надъ нами? — Примотрѣться не хо-
 тите-ль?

Левъ, нашъ презусъ, всѣхъ пороковъ старо-барскихъ пред-
 ставитель,

Зубръ совѣтникъ одряхлѣвшій и едва влачащій ноги...

А медвѣдь — что скажетъ войску въ дни борьбы, войны,
 тревоги?

Леопардъ ползень былъ-бы, если-бъ былъ умнѣй, ко-
 нечно

Волкъ-полковникъ тѣмъ лишь славенъ, что всѣхъ грабилъ
 безсердечно

И ведетъ процессъ съ ягненкомъ. О лисѣ же я ни слова:

Вѣдь она сама готова

Намъ признаться, что на взятки
 Всѣ лисицы очень падки.

Относительно кабана помолчу я лучше тоже:

Жреть онъ жолуди и только, дѣлый годъ въ трясинѣ лежа,
 И ему трясина эта всякихъ славныхъ битвъ дороже, —
 А осель всегда шутомъ былъ и теперь такимъ остался. —
 Весь совѣтъ единодушно этой рѣчью восхищался
 И хорьку за краснорѣчье поручить хотѣлъ начальство

Надъ всѣмъ войскомъ, но съ измальства
 Крайне робкій, въ перепугѣ и прислушиваясь къ крику
 Восхваленій, нашъ ораторъ просто сбился съ панталыку
 Перетрусилъ и замаялся.

— «Ахъ, трусника! Лучше въ норку убирайся! крикъ
 раздался.

Отъ норы хорекъ былъ близокъ и объ этомъ зналъ заранѣ
 И среди насмѣшекъ, брани

Онъ юркнулъ въ нору и скрылся подъ землю очень
 скоро,

Гдѣ насмѣшливо замѣтилъ не безъ тайнаго укора:

— «Вотъ что значить предразсудки! Ими свѣтъ весь зара-
 зился:

Могъ бы быть я полководцемъ, если-бъ трусомъ не ро-
 дился.»

ОСЕЛЬ И СОБАКА.

Когда желаешь ты, чтобъ песъ тебя любилъ,
 Люби собаку самъ, какъ Локманъ говорилъ.
 Зналъ это и осель, хоть и привыкъ глумиться
 И долженъ былъ за это поплатиться.
 Какая съ нимъ стряслась бѣда —
 Въ науку всѣмъ скотамъ я рассказалъ рѣшился.

Навьюченный, как водится всегда,
 Осель тотъ за хозяиномъ тащился,
 А сзади, наблюдая, чтобъ осель
 Не растерялъ выюковъ и попроворнѣй шелъ,
 Собака, высунувъ языкъ, бѣжала.
 Какъ добрый стражъ, она осла
 Ни разу за ноги въ дорогѣ не хватала,
 Но тѣшила его: то съ боку гарцовала,
 То впередъ, хвостомъ вилая, шла.
 И такъ они брели часа два, три спокойно;
 Но солнце такъ сіяло знойно
 Что наконецъ хозяинъ ихъ усталъ
 И спать подъ деревомъ улегся.
 Осель того, казалось, только ждалъ:
 Сперва траву вблизи дороги пощипалъ,
 Добрелъ и до межи и наконецъ увлекся,
 Хвостомъ взмахнулъ.

И быстро черезъ ровъ перепрыгнулъ.

Тогда предъ нимъ открылся лугъ зеленый,
 Гдѣ не было колючекъ, всякой сорной

Травы, и только клеверъ росъ.

— «Вотъ это важно, — вкусно какъ овесъ!

А ты, хозяинъ, спи, спи, сдѣлай одолженье...» —

И наѣдаться сталъ осель до пресыщенья,

Такъ что у пса невольно аппетитъ

При этомъ разыгрался.

— «Мой осликъ», онъ сказалъ: «ты сытъ,

А я съ утра не ѣлъ, совсѣмъ проголодался.

Я знаю, у тебя въ выюкахъ есть ветчина —

Нельзя-ли къ ней мнѣ приложиться?

Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: прилягъ ты, старина,

Я-жъ встану на-дыбки». — Осель не шевелится,

Какъ черствый эгоистъ, жуетъ себѣ да ѣтъ,

Ворчливо говоря: «Однако,

Какъ этотъ песь всегда мнѣ надѣбъ!

Пойди ты къ своему хозяину, собака:
 Проснется и накормитъ онъ тебя».

И внѣ себя

Отъ гнѣва, что ему осмѣлились мѣшать,

Осель неистово траву сталъ пожирать,

Ее съ корнями даже вырывая

И челюстямъ своимъ работу задавая.

Вдругъ показался волкъ изъ-за куста

И броситься хотѣлъ на жаднаго скота.

— «Братъ, защити!» — Осель молилъ собаку.

— «Нѣтъ, я не братъ тебѣ, самъ выдержи съ нимъ драку.

Когда хозяинъ твой проснется, можетъ быть,

Рѣшится онъ тебя спасти и защитить».

Но волкъ задралъ осла тотчасъ-же, безъ опаски.

Здѣсь и конецъ всей сказкѣ.

УПРЯМАЯ ЖЕНА.

Теперь самоубійствъ такъ много, что патрули
 Разставлены вдоль набережныхъ рѣкъ;

И если блѣднолицыя человѣкъ,

Разстроенный по виду, — вы смѣкнули? —

Въ измятомъ платѣ въ явится порой,

То думаютъ, что онъ намѣренъ утопиться.

Тогда патруль, желая отличиться,

Какъ истинный герой,

Прохожаго отъ гибели спасаетъ,

Иль иначе сказать, въ тюрьму препровождаетъ. —

По набережной Сены какъ-то разъ

Вверхъ по рѣкѣ бѣжалъ такой прохожій.

Жандармъ къ нему: «Спросилъ позвольте васъ,

Куда бѣжите вы?» — «О, Боже!

Жена моя рѣкой унесена:

Знать, утонула бѣдная она!

— «Вы о гидравликѣ не слыхивали съ роду?

Изрекѣ жандармъ: — зачѣмъ бѣжать впередъ?

Когда попало тѣло въ воду,

Тогда внизъ по рѣкѣ оно плыветъ».

Но мука такое сдѣлала возраженье:

— «Наперекоръ всему и всѣмъ моя жена

Любила поступать, и есть соображенье,

Что и теперь плыветъ она

Не по теченію, а противу теченья».

МИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г И М Н Ъ.

На день Благовѣщенія.

Чтимъ Дѣву мы святую —
Величья образецъ;
Въ звѣздахъ ея вѣнецъ
Иеговы одесную.

Сей день посвящаемъ, о Дѣва, тебѣ.
Блесни намъ во храмъ, гдѣ, трепета полный,
Въ усердной, сердечной мольбѣ
Народъ предъ тобою склонился, безмолвный!
Сей голосъ Пророка: «звучить мой органъ,
Но пѣнье земное убого:

Для Божіей славы гласъ надобень Бога.
Блесни намъ во храмъ сквозь дальній туманъ!
Воззри на насъ ангельскимъ окомъ!
Божественнымъ духомъ мой духъ воспали!
Да гимнъ мой несется надъ прахомъ земли
Небесъ громозвучнымъ потокомъ!

Содѣй, чтобъ могла моя слабая грудь
Тѣмъ труднымъ архангела гласомъ дохнуть,
Который въ день судный и мертвыхъ разбудить, —
Тѣмъ гласомъ, что вырветъ изъ мрачныхъ гробовъ
И встать къ новой жизни принудить

Пыль міра, ниспавшую въ бездну вѣковъ!
Пусть гамнѣ мой промчится сквозь всю безконечность
Къ пролету сквозь адъ и сквозь звѣзды могучь!

Да будетъ онъ столько живучь,
Чтобъ могъ пережить онъ и самую вѣчность!»

Какое свѣтло, мы видимъ, встаетъ?

То Дѣва идетъ на вершину Сіона,

Какъ всходитъ денница изъ лона

Морскихъ свѣтло-зѣркальныхъ водъ,

Какъ облако тѣмъ лишь бѣлѣй, что денница

Лучомъ золотымъ въ него бьетъ на-откосъ,

Такъ Дѣвы одѣжда бѣлѣйшею зрится

Подъ златомъ ея свѣтозарныхъ волосъ.

Игова возрѣлъ — и въ ней самъ отразился

И небо разверзлось и голубь явился.

И бѣлыя крылья торжественно онъ

Простеръ, осяннѣ Сіонъ, —

И перья тѣхъ крылій съ ихъ пухомъ сребристымъ

Нависли вѣнцомъ надъ челомъ Ея чистымъ.

Молнія! Громы!

Плетъ вѣсть

Неизрекомый!

Будь! Есть!

Сынъ отъ чрева

Самъ Господь.

Мать — Дѣва;

Богъ — плоть.

КЪ МАРИИ Л.

(Въ день принятія ея св. причастія).

Сегодня самъ Христосъ призвалъ тебя къ себѣ
И угостилъ тебя за трапезой своею —
И ангель не одинъ завидовалъ тебѣ!
Ты взоръ потупила — и я благоговѣю:
Лучами Божества горить и блещетъ онъ —
И я дрожу, твоимъ смиреньемъ пораженъ
Святымъ и скромнымъ. Мы пока еще... о Боже!
Безчувственно лежимъ и спимъ на грѣшномъ ложѣ —
Предъ Агнцемъ неба ты, колѣни преклони,
Уже являешься, полна благоговѣньемъ,
И на уста твои, отверстія моленьемъ,
Лучъ первый падаетъ зардѣвагося дня.
Хранитель ангель твой съ зарей къ тебѣ слетаетъ,
И чистъ, какъ лунный свѣтъ, и тихъ, онъ раздвигаетъ
Завѣсу грезъ твоихъ, и понемногу онъ,
Весь полнь заботливой и нѣжной благодати,
Склоняясь надъ тобой, твой утончаетъ сонъ:
Надъ колыбелью такъ лпкъ матери склоненъ
Предъ пробужденіемъ любимаго дитяти; —
Когда-жъ Хранителя огне-безсмертный взоръ
Ужъ слпшкомъ яркій блескъ на сонную простеръ
И на устахъ у ней улыбка слишкомъ живо
Играетъ — этотъ блескъ свой ангель торопливо
Умѣривъ, занавѣсь невинныхъ грезъ и снова
Слегка надъ спящею задерживаетъ вновь,
Лишь вздохъ ея беретъ съ собой и улетаетъ,
Но прежде, чѣмъ летѣтъ, онъ къ утру оставляетъ
Ей прелесть новую, какъ новенькій нарядъ,
Который милому ребенку коль дарить,
То сонному кладутъ тихонько къ изголовью; —

И та, что ангеломъ хранима, все милѣй,
 Все лучше—съ каждымъ днемъ и выскана любовью
 Съ днемъ каждымъ большею отъ Бога и людей.
 Я-бъ отдалъ всѣ мои земныя наслажденья
 За сонъ, гдѣ мнѣ твои дались бы сновидѣнья!

АРИМАНЪ И ОРМУЗДЪ.

Изъ Зенд-авесты.

Безмѣрной пропасти по самой серединѣ,
 Нангустѣйшей тьмы въ мрачнѣйшей сердцевинѣ
 Гнѣздилися Ариманъ, укрыты тамъ, какъ злодѣй,
 Какъ ярый левъ — свирѣпъ, и ядовитъ, какъ змѣй.
 Однажды онъ возсталъ, и силы напрягая,
 И грудью волны тьмы кромѣшной раздвигая,
 По мраку, какъ паукъ по паутинѣ, онъ
 Вскарабкался въ ту высь, гдѣ блещетъ Божій тронъ,
 И тамъ, облокотясь надъ гранью дня и ночи,
 Поднявши голову и кверху вскинувъ очи,
 Увидѣлъ Ормузда: межъ тварей Богъ-творецъ,
 Какъ солнце между звѣздъ, какъ межъ дѣтей отецъ,
 Являлся тамъ въ своемъ верховномъ совершенствѣ;
 Злой духъ тутъ пораженъ былъ мыслью о блаженствѣ —
 О вѣчномъ счастьи, — и эта мысль одна,
 Громадна какъ весь мѣръ, и тяжести полна,
 Какъ грузъ вселенной всей, мгновенно въ это время
 Съ такою силою ему сдавила темя,
 Что вновь онъ головой поникнулъ, ослабѣлъ.
 И опустился вновь, и сызнова засѣлъ
 Безмѣрной пропасти по самой серединѣ,
 Нангустѣйшей тьмы въ мрачнѣйшей сердцевинѣ.

РАЗУМЪ И ВѢРА.

Склонилось лишь мое надменное чело
 Передъ Создателемъ, какъ туча предъ десницею —
 Богъ въ небо взнесъ его всевластною десницею,
 И стало тамъ оно, какъ радуга, свѣтло, —

И будетъ тамъ свѣтлѣть, путь указуя къ вѣрѣ, —
 И если-бъ гнѣвный вновь разверзся небосклонъ
 И убоился-бъ мой народъ потопа — онъ
 Увидитъ радугу и вспомнитъ о примѣрѣ.

Смиренье, Господи, возвысило меня:
 Но какъ-бы въ небесахъ я ни мерцалъ высоко —
 Въ моемъ мерцаніи пусть видитъ смертныхъ око
 Лишь отблескъ твоего безмѣрнаго огня!

Средь человѣческой кипучей пестрой сферы
 Являлись розно мнѣ: тамъ — мнѣнье, тамъ языкъ;
 Предъ окомъ разума кругъ мутенъ и великъ,
 Но малъ и ясенъ онъ — передъ очами вѣры.

И васъ я изучалъ, земные мудрецы:
 Какъ прахъ, васъ гонитъ вихрь; возрѣнья ваши узки;
 Изъ раковинъ своихъ вы можете-ль, моллюски,
 Мѣръ Божій оглинуть во всѣ его концы?

«Необходимость — вотъ одинъ законъ могучій»
 Твердятъ одни; «во всемъ владычествуетъ онъ,
 Какъ мѣсяцъ на морѣ.» — «Что это за законъ?»
 Другіе говорятъ: — «людьми играетъ случай,

Какъ вѣтеръ пылью». — Нѣтъ! Есть Богъ, что, сотворивъ
 Весь мѣръ, перехватилъ всю землю Океаномъ

И тутъ же завѣщаль угесамъ-великанамъ
Дробить его валы и сдерживать порывы; —

И бурный Океанъ съ земнаго дна не встанетъ,
Онъ, вѣчно движимый, въ своемъ движеніи сжатъ:
Чѣмъ выше шагъ впередъ, тѣмъ глубже шагъ назадъ,
Онъ вѣчно прядаетъ, но въ небо онъ не прыгнетъ;

А свѣта яркій лучъ, что солнцемъ низведенъ,
Играетъ на волнахъ, но, въ нихъ не погружался,
И въ видѣ радуги картинно отражаясь,
Восходитъ къ небесамъ, откуда вышелъ онъ.

Умъ человѣческій! Тебѣ-ль съ Творцомъ тягаться?
Ты въ длаи Божества имѣешь капли видъ.
Безмѣрнымъ пусть тебя міръ океаномъ чтитъ
И мыслить къ небесамъ волной твоей подняться!

Напрасно!.. Кажется, ужъ горизонтъ въ рукахъ,
Пловецъ подъ парусомъ челнокъ свой дальше двинулъ,
Чтожъ? Землю потерялъ, а неба не достигнулъ
И не приблизился къ нему онъ ни на шагъ.

Привставъ ты клонившись; бурлишь по произволу;
Блестишь и тьмившись ты, — вдругъ ясный Божій лучъ
Ты кроешь саваномъ тяжелыхъ, сѣрыхъ тучъ
И — градомъ падаешь; а все-же здѣсь ты — долу, —

Межъ тѣмъ, какъ вѣры свѣтъ, слетая съ высоты,
Способенъ растопить лдяныя града зерна
И воды озарить спокойно, благотворно...
Ахъ, разумъ, былъ ли бы безъ вѣры видимъ ты?

ВЕРХОВНЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Великій есть артистъ: Онъ, въ качествѣ пѣвца,
Составилъ хоръ духовъ, настроилъ всѣ сердца,
Стихиі самыя всѣ натянулъ, какъ струны,
И проводя по нимъ и вихри, и перуны,
Одну и ту же пѣсню отъ вѣчности поетъ, —
А міръ все слушаетъ, и что въ ней — не пойметъ.

Художникъ тотъ огнемъ писалъ на сводѣ звѣздномъ,
И сводъ тотъ отражать велѣлъ пучинамъ, безднамъ;
Колоссовъ типы Онъ на высяхъ горъ ваялъ
И изъ металловъ ихъ подземныхъ отливалъ, —
А міръ, средь чудныхъ дѣлъ и предъ такой картиной,
Досель не могъ постичь въ нихъ мысли ни единой.

Витія мощный тотъ не тратилъ лишнихъ словъ:
Она вкратцѣ возвѣстилъ Зиждителя міровъ;
Всю книгу чувствъ и думъ своихъ предъ дальнимъ людомъ
Своею изъяснилъ Онъ жизнью, дѣломъ, чудомъ;
Онъ слишкомъ для людей великъ, — и чтожъ? Глядятъ
Они съ презрѣніемъ: «что?» — думаютъ — «собрать!»

А ты, земной артистъ!.. Что всѣ твои творенія,
Картины, мраморы, глаголы, пѣснопѣнья?
И жалуешься ты, что дольняя толпа
Для пониманья чувствъ и дѣлъ твоихъ тупа!
Взгляни на Вышняго, и, Божій сынъ, съ судьбою
Мирись, неузнанный иль презрѣнный толпою!

МУДРЕЦЫ.

Спать мудрецы. Въ упоеніи гордыни холодной
Только уснули — вдругъ будить ихъ говоръ народный,
Будто бы Богъ воплотился и по свѣту ходить.

Будто о небѣ съ людьми Онъ бесѣды заводитъ.
«Дерзкій! Убьемъ Его! Онъ — возмутитель», — вскричали:
«Ночью убьемъ, чтобъ народа толпы не мѣшали».

Вотъ мудрецы при свѣтильникахъ ночью вскочили,
И на же-мудрственныхъ книгахъ умы изощрили —
Разумы крѣпкіе, словно мечи изъ булата;
Съ ними слѣпая ватага ихъ школы поднята:
Бога ловить понеслись; въ ополченъ на Бога
Вождь ихъ — предатель; пряма, но ужасна дорога.
«Ты-ль здѣсь?» На Сына Маріи они закричали
«Я», — Онъ спокойно вѣщалъ: мудрецы блѣдны стали,
«Ты-ль это?» — «Я», — и наемники вмгъ удалились,
Въ трепетъ пришли мудрецы и во прахъ преклонились;
Видать, что Богъ не караетъ, а только страшаетъ,
Встали; преступную ярость испугъ поощряетъ.
Съ Бога сорвали покровъ, и сверкая очами,
Тѣло его поражали кощунства бичами,
Копьями разума Божіе сердце пронзали;
Онъ же молился за нихъ, — и когда низлагали
Гордость въ могилу его — вышелъ исполненный силы
Онъ изъ души мудрецовъ, полной тьмою могилы.

Злость мудрецовъ при такомъ погребеніи Бога
Пиръ свой свершила. Въ природѣ возникла тревога!
Міръ задрожалъ, но сводъ неба спокоенъ остался:
Люди! Богъ живъ — Онъ въ душѣ мудрецовъ лишь скон-
чался.

ПОЛУНОЧНАЯ БЕСѢДА.

Съ Тобой бесѣдую. Не словъ, но мыслей звуки
Прими, о Царь небесъ, и гость моей души!
Съ Тобой бесѣдую въ полуночной тиши,
Когда не спать однѣ отчаянныя муки.

Нѣмѣю предъ Тобой, не пнуть словъ уста.
Вдали — Ты властвуешь, Твоей все служить волѣ,
Вблизи — Ты служишь самъ; Ты въ небѣ — на престолѣ,
А въ сердцѣ у меня — Ты подъ гвоздемъ креста.

И отъ меня къ Тебѣ — свѣтилу — солнцу — мчитса,
Какъ лучъ Твоей, каждая изъ добрыхъ, чистыхъ думъ,
И возвратясь ко мнѣ, мой озлащаетъ умъ:
Лучъ посланъ; лучъ блеснетъ и блескомъ отразится.
Мой каждый шагъ къ добру, о горній Властелинъ,
Твоей украшаетъ тронъ — и нѣтъ наградамъ мѣры.
Какъ Ты на небесахъ, пусть такъ дарами вѣры
Сіяетъ на землѣ твой рабъ, твой бѣдный сынъ!

Ты — Царь мой; Ты же мой и подданный гонимый.
Грѣшу-ль я мыслю: мысль эта есть копье,
Которымъ тѣло вновь пронзается Твое.
Грѣшу-ль желаніемъ: то — оцетъ, подносимый
Къ святымъ Твоимъ устамъ. Тебя терзала я,
И въ гробъ тебя пока не вгонитъ злость моя,
Какъ рабъ, котораго властитель лютый губить,
Ты терпишь: пусть же самъ сей злобный господинъ
Несетъ, какъ Ты, свой крестъ, и мучится и любитъ.
На этомъ свѣтѣ — онъ мучитель Твой и сынъ!

Съ заразою въ душѣ я къ ближнимъ обратился
И всѣ сомнѣнья имъ тревожныя открылъ:
Недобрый человѣкъ съ презрѣваемъ отскочилъ,
А добрый сжалился, но все-жъ отворотился.
Цѣлитель неземной! Съ надзвѣздной высоты
На язвы тѣ глядишь безъ отвращенія ты.

Гдѣ изъ души моей, среди глухихъ собратій
Я могъ извлечь лишь стонъ, который межъ проклятій
Такъ звученъ въ адской тьмѣ и тихъ во мглѣ земной,

Глубокой, тяжкій стонъ — стонъ совѣсти больной, —
 Ты, грозный Судія, животворящимъ духомъ
 На совѣсть мнѣ дохнувъ, внималъ мѣ чуткимъ слухомъ.
 Когда спокойнымъ я земной толпѣ кажусь,
 Съ душевной бурей я предъ людьми таюся;
 Подъ мглою гордости, чтобъ не разить ихъ очи,
 Я прячу пламя стрѣлъ, рождаемыхъ грозой:
 На доно лишь Твое, Отецъ, средь тихой ночи,
 Истаивъ, эта мгла вдругъ падаетъ — слезой.

В И Д Ъ Н І Е.

Ударилъ громъ — и вдругъ мое все тѣло,
 Какъ тотъ цвѣтокъ, что округленный видъ
 Имѣя, весь изъ пуху состоитъ, —
 Архангелъ лишь дохнулъ — взвилось, взлетѣло,
 Зерно души осталось лишь, и мнѣ
 Сдавалось, что въ мучительнѣйшемъ снѣ
 Лежалъ я долго; — пробужденъ, взираю
 И потъ съ чела въ просонкахъ отираю:
 То отиралъ я прошлые мои
 Грѣхи съ себя, что въ видѣ чешуи,
 Объемлющей стволъ дерева, висѣли
 Вокругъ меня. Тутъ цѣлый міръ земной
 И небеса, гдѣ прежде всюду тайны
 Являлись, да загадки предо мной,
 Вводившія въ круженья разумъ мой —
 Все озарилъ мнѣ свѣтъ необычайный;
 Мой взоръ прозвалъ пучину естества
 До дна ея, какъ солнца лучъ пронзааетъ
 Глубь водную: я зрѣлъ, какъ истекаетъ
 Безмѣрный океанъ изъ Божества,
 Весь полный блеска, благодати, — и въ этомъ
 Я океанѣ, воленъ и могучъ,

Въ лучахъ Творца самъ могъ летать, какъ лучъ,
 И видя все, зѣницей быть и свѣтомъ; —
 И въ первомъ же я блескѣ разлился
 По всей природѣ, и природа вся
 Была насквозь прочувствована мною
 Въ единый мигъ; — я центромъ былъ лучей,
 Которые раскидывалъ я въ ней;
 Казалось, сталъ я осью міровою —
 И вокругъ меня міры, планеты всѣ
 Вращались въ безконечномъ колесѣ,
 И будучи въ недвижномъ положеніи
 Самъ, только ихъ я чувствовалъ движеніе; —
 Былъ всѣхъ стихій въ зародышѣ я тутъ —
 Въ мѣстахъ, отколѣ духи тѣ идутъ,
 Что весь кругомъ, объятый небесами,
 Свѣтъ двигаютъ, а неподвижны сами:
 Такъ солнце съѣтъ изъ себя лучи,
 Которые свѣтлы и горячи,
 И зрѣть даетъ, что зрѣнью уловимо,
 А само въ существѣ своемъ незримо: —
 И былъ я въ колесе
 На ободѣ, раставутомъ въ эфирѣ:
 Тотъ ободъ, огибая небеса,
 Все раздается далѣе. все шире
 До безконечности — во всѣ края,
 Но не объемлетъ Бога. Тутъ мой
 Душа, тотъ кругъ безмѣрный наполняя,
 Увидѣла, что вѣчность всю должна
 Пылать, свой пылъ и пламя умножая,
 Что будетъ безъ конца горѣть она,
 И, ширясь, развиваться въ томъ горѣннѣ,
 Свѣтлѣть, яонѣть, творить, и сверхъ того
 Расти въ любви, любя свое твореніе
 И — близить часъ спасенія своего.
 Я, сквозь тѣла людскія проникая

И ни въ одномъ изъ нихъ не отдыхая,
 Все видѣль въ нихъ, все чуждѣ, осязалъ, —
 Въ нихъ—чистѣ—входили, и—чистѣ—ихъ оставлялъ.

Порой водѣ глубокой и волнистой
 Я объяснялъ, лучъ солнца золотистый
 Отколь идетъ, рождается онъ гдѣ, —
 А солнцу — то, что дѣется въ водѣ.
 Ощупывалъ съ лица я и съ изнанки
 Сердца людскія; въ черепы людей
 Заглядывалъ я, какъ алхимикъ въ склянки —
 И видѣль всѣ оттѣнки ихъ страстей,
 Желаній, мыслей; видѣль, гдѣ коварство
 Готовитъ втайнѣ свой смертельный ядъ,
 И гдѣ творится доброе лѣкарство; —
 И врѣлъ я, Духи какъ кругомъ стоятъ
 И черные и бѣлые; тѣ — злые
 Душъ недруги, а эти — ихъ друзья,
 Хранители ихъ, ангелы благіе;
 Тѣ Духи надъ пучиной бытія
 Своими машутъ вѣчными крылами,
 Смягчая жаръ иль раздувая пламя,
 Смѣясь или рыдая; — въ вѣковыхъ
 Кругахъ тѣ Духи, злы иль благотворны,
 Всегда тому угодливо-покорны,
 Кого они въ объятіяхъ своихъ
 Сжимаютъ. Такъ услужливая няня
 Ребенка пѣстуетъ, и если онъ
 Ея руковожденю поручонъ
 Отцомъ богатымъ при великомъ санѣ,
 Покорно волю чтитъ птенца того —
 Къ добру иль къ злу ведетъ она его.

(Не конченное, взято изъ рукописи).

БОГДАНУ ЗАЛѢСКОМУ.

Соловко мой! леги и пой!
 На разставаніѣ сладко пой
 Былымъ слезамъ, свершеннымъ снамъ,
 И пѣснѣ, конченной тобой!

Соловко мой! смѣни перо,
 Соколы крылья припаси,
 И златострунныя въ когтяхъ
 Давида гусли къ намъ неси!

Гласъ прозвучалъ, и жребій палъ
 И бремя сокровенныхъ лѣтъ
 Дало ужъ плодъ! насъ чудо ждетъ!
 Теперь возрадуется свѣтъ!

ОДА КЪ МОЛОДЕЖИ.

Безъ духа, безъ сердца, — то остовы людскіе!
 О юность, крылья мнѣ подай!
 Да возлечу надъ мертвымъ міромъ въ рай,
 Гдѣ сны фантазіи живые,
 Гдѣ чудеса восторгъ творить,
 Гдѣ новизны цвѣты онъ разсыпаетъ,
 И въ образъ золотой надежду облакаетъ!...

Пусть тотъ, кого ужъ возрастъ тяготитъ,
 Клони къ землѣ чело, изрытое годами,
 Такой кругъ міра только зреть,
 Какой обводитъ онъ потухшими глазами;

Надъ доломъ, юность, возлетай!
 Пусть все доступно будетъ взгляду,
 И окомъ солнца проникай
 Всю человѣчества громаду!

Внизъ погляди! окутанъ вѣчной мглой,
 Міръ, пошлости затопленный въ пучинѣ:
 Земля то предъ тобой!...
 Смотри! на мертвой водѣ равнинѣ
 Тамъ въ скорлупѣ какой-то выплылъ гадъ.
 Пловець, корабль и руль—онъ полный самъ снарядъ;
 Мельчайшихъ гадовъ онъ преслѣдовать пустился;
 То вверхъ всплыветъ, то сгинетъ въ глубинѣ,
 Не льнетъ къ нему волна, и онъ не льнетъ къ волнѣ,
 И вотъ о край скалы онъ, какъ пузырь, разбился!...
 Какъ жилъ и какъ погибъ, до свѣта не дождеть:
 То себялюбцевъ родъ!

О юность! лишь тогда твой нектаръ жизни въ сладость,
 Когда могу его съ другими я дѣлить:
 Небесныя сердца тогда вкушаютъ радость,
 Когда соединить ихъ золотая нить.

Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!
 Въ взаимномъ счастьѣ наши цѣли,
 Единствомъ сильны мы, умны, когда кипимъ.
 Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!...
 Счастливы, кто тѣломъ легъ своимъ,
 Судьбой преслѣдуемъ неправой,
 Воздвигъ ступень ко граду славы
 Великодушно онъ другимъ.
 Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!
 Хотя и крутъ, и скользокъ путь,
 Вражда и слабый духъ взбираться намъ мѣшаетъ;
 Пусть сила силу отражаетъ,
 А бодрый духъ должна намъ молодость вдохнуть!

Кто гидры снесъ главу дитятей въ колыбелѣ,
 Тотъ юношей сотретъ кентавровъ родъ,
 Спасая жертвы тотъ въ аду, достигнетъ цѣли,
 За лаврами до неба достигнетъ.
 Такъ досягай, куда и взоръ не досягаетъ!
 Ломай, чего разсудку не сломать!
 О юность, мощь въ тебѣ орлиная летать,
 Какъ молнія, твоя десница сокрушаетъ!

Ну, руку въ руку! Шаръ земной
 Мы цѣпью обовьемъ живой!
 Направимъ къ одному всѣ мысли и желанья,
 Туда всѣ души напружемъ!..
 Міръ съ своего содвинься основанья,
 На новые пути тебя мы поведемъ,
 И плѣсень снявъ съ себя, во всей красѣ природы
 Зеленые ты вспомнишь годы.

Какъ тамъ, гдѣ ночь и гдѣ хаосъ,
 Стихій смятенныхъ въ колебанѣ,
 Лишь Богъ «да будетъ» произнесъ,
 Міръ утвердился въ основанѣ,
 Бумсуетъ вѣтръ, течетъ глубъ водъ,
 И въ блескѣ звѣздъ лазурный сводъ:

Такъ человѣчество мракъ ночи обнимаетъ...
 Еще кипитъ борьба стихійная страстей;
 Но молодость огнемъ пылаетъ:
 Міръ духа выступитъ изъ сумрачныхъ тѣней!
 Любви онъ въ лонѣ зародится,
 А дружбою связь вѣчная скрѣпится.

Лды неподвижныя сойдутъ. И сгинетъ слѣдъ
 Предубѣжденій, тмищихъ свѣтъ...
 Прійѣтъ тебѣ, заря освобожденя,
 Во слѣдъ тебѣ и солнце избавленья!

ПѢСНЯ ФИЛАРЕТОВЪ *).

Друзья, гдѣ юность наша?
Живемъ мы только разъ:
Вѣдь золотая чаша
Не даромъ манитъ насъ.

Пускай въ часы бездѣлья
Кругомъ поидетъ она;
Предвѣстницу веселья
Хватай и пей до дна.

Гость пришлый — гость постылый:
Свой польскій медъ мы пьемъ
И пѣсни Польши милой
Охотнѣ поемъ.

Училисъ мы, признаться,
Не для того чтобъ гнить,
Но какъ римляне драться,
Какъ греки пѣть и пить.

Вонъ тамъ сидятъ хористы...
Законникъ! у стола
Сегодня веселись ты,
А завтра — за дѣла.

Блескъ золота литого
Толпу пьянитъ давно,

*) *Филареты*, или любители «добродѣтели», общество студентовъ виленскаго университета, имѣвшее цѣлью строгую жизнью воспитать въ своей средѣ людей, способныхъ пользоваться свободою. Это общество закрыто въ 1823 г.

А мы изъ золотого
Бокала пьемъ вино.

Мы не придемъ къ свободѣ
Путемъ красивыхъ фразъ;
Всѣ рѣчи въ этомъ родѣ —
Молчите! — сгубятъ насъ.

Тотъ — химикъ и все знаетъ, —
Ему-ль въ ошибку впасть? —
Другой же извлекаетъ
Съ губъ женскихъ жизни сласть.

Проникнувъ въ глубь вселенной,
Познавъ пути планетъ,
Бездомный и смиренный,
Былъ бѣденъ Архимедъ.

Ньютонъ, который знаетъ
Движеніе міровъ,
Пусть братьевъ сосчитаетъ,
Забывъ небесный кровъ.

Прочь циркуль, и отдайте
Вѣсы, аршинъ — другимъ,
Но силы измѣряйте
Стремленіемъ благимъ.

Гдѣ есть въ сердцахъ отвага,
Гдѣ циркуль — мысль, масштабъ —
Общественное благо,
Тамъ человѣкъ не слабъ.

Друзья, гдѣ-жъ юность наша?
Живемъ мы только разъ...

Берите — вот вамъ чаша...
Бѣжить за часомъ часъ,

Кровь стынетъ... Безполезно
На свѣтъ жить тогда
И вѣчность насъ, какъ бездна,
Поглотить безъ слѣда.

Т О С Т Ы.

Чтобъ было — я спрошу открыто —
Безъ свѣта въ вѣчной тьмѣ ночей,
Безъ теплоты и безъ магнита,
Безъ электрическихъ лучей?

Чтобъ было? — Хаосъ, безъ сомнѣнья,
Тьма, холодъ, вѣчной смерти слѣдъ...
Восхвалимъ солнца порожденье:
Да здравствуетъ лучистый свѣтъ!

Но если цѣлая планета
Окоченѣла безъ тепла,
Что значить лучъ холодный свѣта?
О, теплота, тебѣ хвала!

Но вѣтеръ теплоту развѣетъ
И снова воздухъ охладитъ;
Межъ тѣмъ къ магниту тиготѣетъ
Игла... Да здравствуетъ магнитъ!

Когда-жъ въ кружѣ сидѣть мы станемъ
Собравшись завтра, какъ вчера,

Какъ банка лейденская грянемъ
Въ честь электричества — ура!

Ч И Н Ы.

(На мотивъ Беранже).

Свой усь закрутите,
Друзья, и пляшите,
Какъ предки веселые наши,
Враговъ въ полѣ бейте
И дружески пейте...
Въ честь предковъ осушамъ мы чаши.

Когда полякъ чинами соблазнится,
То лѣзетъ, словно въ банѣ на полкъ,
Все выше, чтобъ креста скорѣй добыться,
И спину гнетъ, — но все пойдетъ не въ прокъ!
И не поможетъ униженье,
Когда онъ совѣсть продастъ:
Тогда, безъ всякаго сомнѣнья,
Самъ шею онъ себѣ свернетъ.

Забудь же о чинѣ,
По этой причинѣ,
Какъ предки веселые наши...
Пей, шляхтичъ, и въ горѣ,
Пляши на просторѣ...
Въ честь предковъ осушимъ мы чаши.
Вотъ астрономъ, что звѣзды все хватаетъ,
Повѣсивъ ихъ на грудь и на животъ.
Для орденовъ онъ все позабываетъ
И въ нихъ, блестя, является въ народъ.

Но не замедлитъ смерть явиться
 Съ крестомъ тяжелыхъ адскихъ мукъ...
 Креста такого не боится
 Самъ дьяволъ, всѣхъ пороковъ другъ.

Свой усь закрутите,
 Друзья, и пляшите,
 Какъ предки веселые наши...
 Не думай о чинѣ
 Ты, шляхтичъ, въ кручинѣ...
 Въ честь предковъ осушимъ мы чаши:

СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА.

Передъ хатю въ пущѣ стояли
 Егера въ самомъ строгомъ порядкѣ,
 Часовые же входъ охраняли:
 Умиралъ ихъ полковникъ въ той хаткѣ.
 Изъ селеній крестьяне сбѣгались:
 Вождь извѣстенъ былъ сельскому люду,
 О здоровьѣ его всѣ справлялись.
 И простой народъ плакалъ повсюду.

Приказавши коня боевог
 Осѣдлатъ, жизни чуя утрату,
 Вождь хотѣлъ увидать его снова
 И велѣлъ привести къ себѣ въ хату.
 Также саблю, мундиръ свой стрѣлковый
 Онъ потребовалъ. Что ни случится,
 Онъ хотѣлъ, какъ Чарнецкій суровый,
 Предъ кончиною съ ними проститься.

Только конь уведенъ былъ изъ хаты,
 Ксендзъ съ святыми дарами явился;
 Поблѣднѣли отъ горя солдаты,
 А народъ на колѣняхъ молился.
 Даже старые воины края,
 Что съ Костюшкой дѣлили всѣ битвы,
 вмѣсто слезъ только кровь проливал,
 Въ хатѣ, плача, творили молитвы.

На зарѣ звонъ въ часовнѣ раздался,
 Но солдаты давно уже скрылись,
 А въ окрестностяхъ врагъ показался...
 Вкругъ покойника люди толпились.
 Распростертъ на скамьѣ трупъ холодный,
 Крестъ недвижныя руки сжимали,
 Въ изголовьѣ сѣдло, плащъ походный,
 Съ боку мечъ и дуэтовка лежали.

Но по-женски красивъ отчего же
 Этотъ воинъ почившій?.. О, Боже,
 Что за грудь!.. Ахъ, сомнѣній нѣтъ больше:
 Хорошо всѣмъ извѣстная въ Польшѣ,
 Это дѣва, герой-агитаторъ,
 Вождь повстанцевъ — Эмилиа Платеръ.

ПѢСНЯ СОЛДАТА.

Дай, сосѣдъ, мнѣ, ради Бога,
 Новый уголь: здѣсь не спится:
 Изъ окна видна дорога,
 Гдѣ нерѣдко почта мчится;

И едва рогъ почтальона
 Въ ночь услышу — сердце бьется:
 Что трубать, для эскадрона
 «На коней!» мнѣ все сдается.

Снятся кони мнѣ и пики,
 Дымъ костровъ, смѣхъ, шумъ, движенье,
 Часовыхъ полночныхъ крики
 И солдатъ веселыхъ пѣнье.

Просыпаюсь, и капрала
 Слышу голосъ: «Ну, лѣнивый,
 Поднимайся! Спать не мало, —
 Бить враговъ пойдемъ, служивый!».

Но — чужбина вокругъ... Признаться,
 Что намъ въ этой мирной жизни!
 Лучше намъ въ грязи валаться,
 Голодать, лишь бы въ отчизнѣ.

Тамъ, когда бы ночь настала,
 Я-бъ не думалъ спать ложиться,
 Чтобъ услышать зовъ капрала:
 «Эй, идемъ съ врагами биться»...

Ф А Р И С Ъ.

(Кассида, написанная въ честь Эмира Тадж-уль-Фехра) 1).

Какъ легкая ладья, побережье оставляя,
 Вновь рѣзво прыгаетъ въ лазури водяной,
 И лоно веслами морское обнимая,

Лебяжью вносить грудь надъ пѣнистой волной, —
 Наѣздникъ такъ, Арабъ, стремглавъ съ утеса гонить
 Коня въ пустынную, невѣдомую даль;
 Копыто конское въ песокъ текущемъ тонетъ
 Съ шипѣньемъ, какъ въ водѣ расплавленная сталь.

И — вотъ плыветъ мой конь среди сухого моря,
 Дельфина персями съ волной сыпучей спора.

Шибче! Шибче! Онъ скользитъ,
 До песку едва касаясь.
 Дальше! Дальше! Подвигаясь
 Съ вихремъ пыли, онъ летитъ.

Онъ черенъ, воронѣй, какъ туча громовая;
 Звѣзда на лбу его горитъ, какъ лучъ дневной; —
 Какъ перья страуса — онъ, гриву развѣвая,
 Молніеносныхъ ногъ сверкаетъ бѣлизной.

Конь — огонь; мелькаютъ ноги.
 Лѣсъ и горы! Прочь съ дороги!

Тщетно пальма — тѣнь и плодъ
 Предлагаетъ мнѣ кивая:
 Лоно пальмы разрывая,
 Мчится бурный конь впередъ.
 Стыдно пальмѣ: ночь — укрылась
 Въ свой оазисъ, притаилась,
 И въ дали изподтишка
 Водить шопотно листьями,
 Насмѣхаясь надъ мечтами
 И отвагой ѣздока.

А тамъ, скосясь, границъ пустыни часовые —
 Глядятъ на всадника утесы въковые,

И вхомя отразивъ гремячій бѣгъ коня,
Я слышу — говорятъ съ угрозой про меня:

«Сумасбродъ! Куда онъ мчится?
Тамъ, куда онъ полетѣлъ,
Головъ его не скрытись
Отъ палящихъ солнца стрѣлъ
Ни подъ сочныхъ пальмъ листьями,
Ни подъ бѣлыми шатрами:
Тамъ кругомъ одинъ навѣстъ —
Раскаленный сводъ небесъ.
Только скалы тамъ ночуютъ;
Только звѣзды тамъ кочуютъ».

Давъ ударъ коню, вперёдъ
Я усилил свой полетъ.
Нѣтъ препонъ; угрозы тщетны.
Оглянулся: гдѣ-жъ они —
Тѣ утесы? Чуть замѣтны
Гдѣ-то тамъ — въ дали, въ тѣни, —
И гиганты, полу-кругомъ
Предстоявшіе мнѣ — тутъ,
Вижу, кроясь другъ за другомъ,
Длиннымъ рядомъ вспять бѣгутъ.

А коршунъ, слыша тѣ угрозы, былъ увѣренъ,
Что бедуна въ плѣнъ онъ можетъ взять — и вдругъ
Въ погоню ринулся, схватить меня намѣренъ,
И трижды надо мной онъ вывелъ черный кругъ

«Чую — крикнулъ онъ — поживу.
Не бывать безумцу живу!
Трупомъ пахнетъ, — будетъ трупъ.
Конь тотъ глухъ и всадникъ глухъ.
По пескамъ ѣздохъ здѣсь рыцетъ,

На пескахъ дороги ищетъ;
На песчаномъ конь пути
Хочетъ пастбище найти;
Но бесплодна силъ ихъ трата;
Здѣсь заѣжнимъ нѣтъ возврата.
Вѣтеръ духъ летучій свой,
Коль порой сюда заброситъ,
То мгновенно за собой
И слѣды свои уноситъ.
Нѣту корма тутъ конямъ;
Здѣсь лишь пастбище — змѣямъ.
Только трупы здѣсь ночуютъ,
Здѣсь лишь коршуны кочуютъ».

И когти коршуна въ глаза мнѣ развернулись
И трижды съ глазу-въ-глазъ мы съ нимъ переглянулись, —
И кто-же уступилъ? Онъ — коршунъ — отлетѣлъ.
Я мѣткою стрѣлой казнить его хотѣлъ,
Но — глядь: ужъ онъ виситъ на вѣтрѣ — тамъ — вдали;
Одно лишь пятнышко усматриваетъ око,
И — меньше, меньше все... Вотъ — точка чуть видна —
И въ небѣ наконецъ истаяла она.

Конь — огонь; мелькаютъ ноги.
Скалы, птицы! Прочь съ дороги!

Тутъ изъ-подъ солнца вдругъ, какъ лебедь, по лазури
Всплываетъ облако, — летитъ на крыльяхъ бури,
И также хочетъ тамъ промчатся въ небесахъ,
Какъ мчусь я по землѣ, въ пустынѣ, на пескахъ,
И надъ челомъ моимъ расширяя и нависнувъ,
Грозитъ мнѣ, заодно со свистомъ вѣтра свиснувъ:

«О безумецъ! Мчатся радъ
Самъ — куда — не разумѣетъ;

Тамъ отъ жажды грудь истлѣетъ
И уста перегорятъ.
Влаги капли тамъ единой
Изъ скупыхъ не брызнетъ тучъ
На чело, гдѣ прахъ пустынный
Ляжетъ слоємъ, сухъ и жгучъ.
Тамъ серебрянаго слова
Не проронитъ водный токъ.
Блескомъ утра золотого
Зарумяненный востокъ
Тамъ на жалкую былинку
Чуть лишь слезку опустилъ —
Тощій вѣтеръ ту слезинку
Ужъ укралъ и проглотилъ».

Угрозы ни къ чему. Я мчусь еще быстрѣе;
Полетъ-же облака все ниже, все слабѣе,
И позади меня на вѣковой утесъ
Оно, усталое, поникнувъ, оперлось.
Я кинулъ взоръ назадъ; ищу его глазами:
Тамъ — дѣлмый сводъ небесъ лежалъ ужъ между нами,
Но мнѣ изобличалъ видъ облака того,
Что въ сердцѣ дѣлалось при этомъ у него;
И видѣлъ я сперва, какъ ликъ его краснѣетъ
Отъ злости, — какъ потомъ отъ зависти въ тотъ ликъ
Цвѣтъ жолчи, быстро въ немъ разлившейся, проникъ,
А тамъ и все оно, гляжу, какъ трупъ чернѣетъ,
И, наконецъ, упавъ на скаты темныхъ горъ,
Межъ ними кроется, чтобъ спрятать свой позоръ.

Конь — огонь; мелькаютъ ноги.
Птицы! Тучи! Прочь съ дороги!

Осмотрѣлся я кругомъ,
Какъ въ пространствѣ мировомъ

Смотритъ солнце, озираясь;
Вижу — нѣтъ уже гонцовъ
Кто-бъ, со мною состязаясь,
Былъ на споръ еще готовъ, —
На землѣ нѣтъ, въ дольномъ мірѣ, —
Нѣтъ и въ небѣ, нѣтъ въ эфирѣ.
Здѣсь въ теченіе вѣковъ
Вся природа сонъ вкушаетъ;
Спать ей шорохъ не мѣшаетъ
Человѣческихъ шаговъ.
И стихіи міровыя,
Неподвижныя, нѣмыя,
Вѣчно дремятъ здѣсь въ тиши,
И мое къ нимъ приближеніе
Не приводитъ ихъ въ движеніе:
Такъ животныя въ глуши,
Невидавшія отъ вѣка
Даже тѣни человѣка,
Если вдругъ случайно тутъ
Встрѣтятъ образъ человѣчій,
То сначала, съ первой встрѣчи,
Прочь въ испугѣ не бѣгутъ.

Нѣтъ! Я не первый здѣсь: пески тутъ кѣмъ-то врыты.
Вотъ рыи и насыпи! За ними, мнится, скрыты
Въ засадѣ хищники... они добычи ждуть...
Смотрю: и всадники, и кони видны тутъ,
Ужасной бѣлизной и тлѣніемъ одѣты.
Я къ нимъ: недвижимы... Зову: молчать... Скелеты
И трупы лишь одни! — Здѣсь выгребъ ураганъ
Засыпанный пескомъ когда-то караванъ.
Вотъ смѣшанныхъ костей бѣлѣющая гора!
Вотъ остовъ бѣдока на остовѣ верблюда
Сидитъ, и по его ланитѣ костяной
Изъ впадинъ, гдѣ глаза горѣли яркимъ взоромъ,

Бѣжить сухой песокъ сыпучею струей
И глухо шепчетъ мнѣ съ зловѣщимъ онъ укоромъ:

«Сумасшедшій бедуинъ!
Ты куда летишь одинъ?
Видишь — кости каравановъ?
Здѣсь — владѣнье урагановъ!
Мощный вихрь тебя убьетъ». —
Не страшусь: лечу впередъ.

Конь — огонь; мелькаютъ ноги.
Трупы! Вихри! Прочь съ дороги!

Вдругъ главный, вижу я, крушитель этихъ странъ
Грозитъ мнѣ гибелью — строптивый ураганъ.
Уединенный онъ среди песковъ носился,
Но, издали меня узрѣвъ, остановился,
Задумался и прахъ, имъ поднятый, крутитъ
На мѣстѣ; думаетъ и самъ себѣ шумитъ:
«Какой тамъ это вихрь — одинъ изъ младшихъ братій
Моиыхъ, какъ видится, — такой некрупной стати,
Полета низкаго, — отважился влетѣть
Въ мѣста, которыми лишь мнѣ дано владѣть?»
Такъ прошумѣвъ ко мнѣ онъ гнѣвно повернулся
И на меня столбомъ громаднымъ потянулся,
Приблизился ко мнѣ, и, видя въ первый разъ
Простого смертнаго столь дерзостнымъ, отпрянулъ,
Взлетѣлъ — и съ вышины пятого въ землю грянулъ
И изъ конца въ конецъ Аравію потрясъ; —
И вдругъ вцѣпясь въ меня разверстыми когтями,
Какъ коршунъ въ воробья схватилъ меня, жечь сталъ
Дыханьемъ огненнымъ и ударять крылами,
Объ землю бить меня, и долу въ прахъ влечь,
И засыпать пескомъ... Но я не поддавался:
Полу-раздавленный, я снова поднимался

И схватывался съ нимъ всей силой крѣпкихъ плечъ;
Его песчаные, вьющіеся клубомъ
Я члены разрывалъ остервенѣлымъ зубомъ,
Четвертоваль его... Ужъ въ образѣ смерча
Хотѣлъ онъ у меня уйти изъ-подъ плеча,
И, мной обхваченный въ пол-тѣла отбивался,
Рванулся... пополамъ въ обхватѣ перервался —
И трупъ шумѣвшаго такъ грозно въ облакахъ
Гиганта, дождь песку съ высотъ низринувъ съ громомъ,
И съ валомъ городскимъ равнялся объемомъ,
Упалъ къ ногамъ моимъ — поверженный во прахъ.

Здѣсь — отдыхъ! Гордо здѣсь взираетъ бедуинъ
На звѣзды; да и тѣ очами золотыми
Всѣ смотрятъ на меня — затѣмъ, что я одинъ,
Одинъ въ пустынѣ я могу быть видимъ ими.
Всей грудью я дышу, и, кажется, всего
Степного воздуха Аравіи здѣсь мало
Для ненасытнаго дыханья моего.
Такъ полно здѣсь оно, широко, вольно, стало!
А зрѣнью моему кругомъ какой просторъ!
И, мнится, до того усилился мой взоръ,
Что шель бы за предѣлъ, хотя-бы въ этомъ мірѣ
Былъ глубже сводъ небесъ и горизонтъ былъ шире.
И какъ объятія здѣсь раскинуть я могу!
Мнѣ кажется, что въ ихъ торжественномъ кругу
Вселенная-бы вся, отъ самаго востока
До запада, легла свободно и широко!
Вотъ—въ небо, какъ стрѣлу, я мысль мою мечу:
Мысль выше... выше все... и я за ней лечу.
Когда пчела свое лишь жало углубляетъ,
То вмѣстѣ съ жаломъ тутъ и сердце оставляетъ:
Какъ мысль моя едва на небо унеслася,
То и душа за ней умчалась въ тотъ же часъ.

II.

А Н Т А Р Ъ 2).

(Кассида).

На ноги ставьте верблюдовъ, о братья 3)!
 Вьюки ремнемъ съ ихъ горбатой спиной
 Стянуты, обмундуютъ. Мстить и карать я
 Буду. — Ночь теплая съ ясной луной!

Вдемъ! — Какъ есть для спасенья отъ зноя
 Тѣнь на землѣ, такъ для храбраго есть
 Средство спастись отъ позора: то — мечь.
 Только, щитомъ себя разума крою,
 Надо умѣть отъ напасти уйти,
 Въ сѣти соблазновъ не впасть на пути.

Истинной дружбы я вѣдаю цѣну:
 Сѣраго волка въ друзья я возьму,
 Лютаго барса, хромую гѣну:
 Тайну я вѣрю изъ нихъ хоть кому.
 Каждый звѣршина, храня ее свято,
 Въ горѣ съ насмѣшкой не кинетъ собрата,
 Звѣрь за обиду на мечь возстаеъ;
 Сила у нихъ противъ силы идетъ;
 Всѣ они храбры, но я ихъ храбрѣе:
 Первый сплужу у врага я на шею;
 Гдѣ-же добыча пошла на раздѣлъ —
 Я въ сторонѣ; тутъ, кто въ иадности смѣлъ,
 Тотъ торжествуетъ, — а я передъ златомъ
 Гордо держу себя мужемъ богатымъ,
 Щедрымъ. — Не выше-ль дѣйствительно тотъ,
 Кто превосходство свое сознаетъ?

Тѣхъ оставляю — и горя мнѣ мало!
 Знаю: посредствомъ благихъ своихъ дѣлъ
 Ихъ я къ себѣ привязать не успѣлъ;
 Сердце-жъ мое къ нимъ и вѣкъ не лежало.
 Есть три товарища: будетъ съ меня!
 Храброе сердце да вонъ — изъ оружья —
 Сабля, что мечетъ фонтаны огня,
 Съ лукомъ, что выгнѣтъ, какъ шея верблюжья; —
 Перевязь лука — то роскошь сама:
 Золотомъ шита, кругомъ — бахрома;
 Гладкій, чеканный колчанъ есть при лукѣ, —
 А съ тетивы того лука тугой
 Принетъ стрѣла — и по воздуху звуки
 Жалобныхъ стонувъ летятъ за стрѣлой:
 Мать этакъ стонетъ пронзительно-звонко,
 Если изъ рукъ у ней вырвутъ ребенка.

Тать пусть ночной, когда люди всѣ спятъ.
 Входить, — и прочь отпугнувъ жеребятъ,
 Матокъ доить, молоко выжимая!
 Я не таковъ. Я — не трусъ, и хвоста я
 Женскаго не былъ носителемъ: тотъ
 Къ женщинамъ пусть на совѣты идетъ!
 Сердце не страуса въ персяхъ ношу я; —
 Даже и страхъ неожиданно чул,
 Ровно въ груди оно ходитъ моею:
 Бьется-жъ пугливый пускай воробей!
 Видѣлъ-ли кто, чтобъ, какъ щеголь я мелкой —
 Прихвостень женскій, по цѣлымъ часамъ
 Брови подкрашивалъ съ тонкой отдѣлкой 4)
 Иль въ благовонныхъ водахъ волосамъ
 Ванны творилъ? — Я съ пути не сбивался,
 Ночь хоть была, и песчаной волной
 Било въ глаза мнѣ, метало дресвой:
 Я на верблюдицѣ прямо все мчался —

Вихрь под ногами, пустыня кипитъ,
 Брызжетъ огонь изъ-подъ быстрыхъ копытъ.
 Голодѣ-ли мучилъ меня — удостойтъ
 Я и вниманья его не хотѣлъ
 И успѣвалъ его тѣмъ успокоить, —
 Прахомъ пустыни питаясь, летѣлъ,
 Мчался, — и былъ до того непреклоннымъ
 Съ голодомъ лютымъ въ бореньѣ, что онъ
 Долженъ себя былъ признавать побѣжденнымъ.
 Въ лагерѣ-ль быть мнѣ случалось — снабженъ
 Былъ я тутъ множествомъ яствъ и напѣтковъ:
 Гдѣ, у кого было столько избытковъ?..
 Но — расстаемся мы этого дня.
 Горечь кипитъ на душѣ у меня:
 Бѣду; — позора душа не выносить;
 Васъ коль не брошу — душа меня броситъ.
 Мщенія жажда мнѣ жила въ всё рветъ,
 Точно какъ праха, что пряху прядетъ
 И обрываетъ неровныя нитки.
 Чуя, что этотъ позывъ не умолкъ,
 Каждое утро я дѣлалъ попытки!
 Алчущій, съ пастью открытою, волкъ
 Такъ на добычу выходить, поздрами
 Нюхаетъ воздухъ и мчитъя стенами,
 И утомленный отъ трудныхъ скачковъ,
 Тщетныхъ засадъ и услій бесплодныхъ,
 Воетъ — въ сообществѣ многихъ волковъ
 Также измученныхъ, также голодныхъ; —
 Словно какъ вырѣзокъ новой луны,
 Тощи они, — ихъ бока сведены,
 Челюсти выдались; зубы объ зубы
 Такъ и звенять, точно стрѣлы, гдѣ грубый
 Ими обманъ свой прикрывъ, чародѣй
 Ловко въ рукѣ ихъ вращаетъ своей — ⁵⁾,
 Или жуужгать они точно какъ пчѣлы,

Въ слѣдѣ что за маткой летятъ черезъ доли,
 И надъ крутымъ пчеловода холмомъ
 Улей, какъ гроздья, объемлютъ кругомъ.
 Скулы волковъ тѣхъ — лишь кости безъ мяса;
 Точно расколотый дерева стволъ —
 Пасть ихъ. — Тотъ первый завылъ, и пошелъ
 Вой ихъ всеобщій, и вся залилася
 Стая, какъ плачущихъ женъ и дѣтей
 Хоръ по скончанья фарисовыхъ дней ⁶⁾.
 Тотъ замолчалъ вдругъ — и всё умолкаютъ.
 Мнится, что всемъ такимъ облегчаютъ
 Волки свой голодъ: обмѣнъ круговой
 Жалобъ и стоновъ миритъ ихъ съ судьбой.
 Вотъ — и притихли: не лучше-ль безгласно,
 Молча терпѣть, чѣмъ горланить напрасно?
 Вотъ — подбѣгаю къ цистернѣ ⁷⁾: летитъ
 Полкъ казуаровъ ⁸⁾, крылами шумитъ,
 Ропщеть... Я первый напился, — а птицы
 Пусть-ка потянутъ ужъ мутной водицы!
 Пьютъ и опивки! Ихъ вождь полковой
 Не испугалъ тутъ моею дорогой,
 Доброй верблюдицы: я появился —
 «Прочь вы, крылатые!» — Мигъ — и напился..
 Бѣду съ олимпиадою: что они? гдѣ?
 Вижу, что кинулись къ грязной водѣ,
 Зобы вздуваются, клювы нагнулись —
 Добрые знаки! Вотъ — всё постыпнулся
 Къ влагѣ; шумитъ водонойный ихъ станъ,
 Точно на роздыхъ пришелъ караванъ; —
 Снова вздымаются, — снова садятся
 Къ водохранилищу жмутся, тѣснятся.
 Спѣшно глотаютъ остатки воды,
 И торопливо смыкаются въ ряды,
 Тянутся, точно въ степныя равнины
 Сходятъ съ оазы въ рѣдахъ бедунны.

Жесткая почва — подруга моя;
 Къ ней прижималъ съ наслажденіемъ я
 Мало-ли разъ свой скелетъ человѣчій —
 Тощія руки, костлявыя плечи,
 Члены, которыхъ составы всѣ счастье
 Такъ же легко, какъ въ извѣстность привести
 Кости игральныя — тѣ, что на лавку
 Мечетъ игрокъ, зорко глядя на ставку.

Если грустить по Антарѣ война —
 Это понятно: Антаръ ей слугою
 Вѣрнымъ былъ долго, и помнить она
 Службу Антара. — Моею душою —
 Этимъ игрищемъ всѣхъ неудачъ —
 Нынѣ играетъ несчастье, какъ въ мячъ.
 Сотни страданій, рѣшить чтобы дѣло,
 Что кому взять изъ Антарова тѣла,
 Въ спорѣ о высохшихъ членахъ моихъ
 Жеребій мечуть ⁹⁾: — изъ бѣдствій земныхъ
 Каждое лѣзетъ съ особой любовью
 Мнѣ на заплечье; отвсюду — гроза;
 Я засыпаю — бѣда къ изголовью
 Многомъ садится и плятѣ глаза,
 Мѣсто себѣ выбирая къ удару
 Самому злomu: — ознобу и жару
 Я подвергаюсь отъ тяжкихъ заботъ, —
 Каждая въ день свой и часъ меня бьетъ,
 Точно какъ дрожь чередной лихорадки,
 Только здѣсь болѣе люты припадки.
 Точно какъ птицы средь знойнаго дня
 На воду мечутся; жаждой томимы,
 Эти заботы летятъ на меня
 Стаей, и мною стократно гонимы —

Снова летятъ, не смотря на отгонъ,
 Сверху и снизу и съ разныхъ сторонъ.

* * *

Знаете вы, какъ — измученъ и злобенъ —
 Я, босоногій, во время жаровъ,
 Въ прахѣ пустынь пзвиваюся, подобенъ
 Змѣю блестящему — сыну песковъ.
 Въ нѣгѣ я выросъ средь пышнаго быта,
 Славныхъ я предковъ потомокъ, но я —
 Сынъ терпѣливости строгой; мол
 Грудь ея жестоко тканью прикрыта;
 Въ сердце свое на житѣ я втиснулъ
 Смѣлость гѣны; я ноги обулъ
 Стойкостью въ дѣлѣ; — въ степи безъ намета,
 Въ зной безъ покрывки, я, чуждый расчета,
 Весель, богатъ и открыто гляжу —
 Ибо я жизни своей не щажу;
 Въ счастья богатствомъ своимъ не гордился,
 Праздности глупой бѣжалъ — и трудился;
 Былъ-ли разносчикъ я сплетенъ пустыхъ?
 Ложью пятналъ-ли я славу другихъ?

Помните-ль страшную ночь вы? — Сплошная
 Тьма налегла на весь міръ, и такая
 Стужа была, что Арабъ свои жегъ
 Стрѣлы и лукъ, чтобъ развѣсть огонекъ —
 Только-бъ согрѣться! Готовый къ походу
 Выступилъ бодро я въ ту непогоду;
 Молніи были свѣтилами мнѣ,
 Громъ былъ трубою, зовущей къ войнѣ,
 Ужасъ и трепеть — мнѣ спутники были;
 Руки мои въ эту ночь отпустили
 Многихъ вдовицами женъ, — сиротствомъ
 Многихъ дѣтей я взискалъ, — и потомъ.

Въ эту-же ночь мечъ кровавый возвыся,
 Я возвратился подъ бурей домой,
 Къ утру-жь спокойно лежалъ въ Гумасѣ, —
 А по пустынь, обрысканной мной,
 Мчалась молва обо мнѣ: вопрошали
 Тѣ съ любопытствомъ, а тѣ отвѣчали;
 Разный тутъ шелъ между жителей толкъ:
 «Ночью-то лаяли псы — или волкъ,
 Или гиены щенокъ, утекая,
 Бурей гонимый, во мракѣ ночномъ
 Къ намъ забѣгалъ, или птица какал
 Вилась въ испугѣ дрожащимъ крыломъ?
 Песъ заворчалъ и утихъ въ ту-жь минуту...
 Или ужъ Дивъ произвелъ эту смуту? —
 Скользь пролетѣлъ и надѣлалъ тревогъ?
 Иль... человекъ?... Это дѣло сокрыто.
 Нѣтъ! Человекъ-бы такъ много не смогъ!
 Видшь — людей-то вѣдъ сколько побито!»

Въ зной, когда день пламенѣлъ, и въ-прискокъ
 Змѣйки вились по землѣ обожженной, —
 Плащъ я дырявый надѣвъ и въ песокъ
 Кинувшись ягучій, главой обнаженной
 Солнца на бой вызывалъ, — и въ разбросъ
 Груда моихъ запыленныхъ волосъ,
 Безъ умаценыя, сплошными кусками
 Слипнувшись съ грязными лбомъ и висками,
 Тяжко висѣла...

Всѣ эти мѣста,
 Вѣчной пустыни просторъ необъятный,
 Доль, что округлостью твердо-раскатной
 Сходенъ съ горбатою спинкой щита,
 Часто босыми я мѣрлялъ ногами.
 Подъ восходящими къ небу скалами

Я на рукахъ и ногахъ проползалъ,
 Псу уподобясь, и часто влѣзалъ
 На лобъ скаламъ тѣмъ по каменнымъ склонамъ,
 Гостемъ неожиданнымъ вносясь къ антилопамъ;
 Тѣ, бѣлоногія, мягкимъ руномъ
 Пышно-одѣтыя, словно дѣвицы
 Въ платьяхъ влачащихся, ходя кругомъ,
 Смѣло свои устремляли зѣницы
 Въ очи мнѣ; и имъ являлся самцомъ —
 Стада ихъ съ смуглымъ, брадытымъ лицомъ —
 Мужемъ ихъ новымъ, съ такими рогами,
 Что при поднятіи чела въ высоту
 Вѣтви роговъ тѣхъ кидались къ хвосту, —
 Или-же ими вѣдѣясь межъ скалами
 Новый самецъ, что въ скалахъ тѣхъ засѣлъ,
 Въ небѣ, казалось, какъ птица висѣлъ.

III.

А Л Ь М О Т Е Н А Б Б И ¹⁰⁾.

Доколь, по степямъ и пустынямъ свершая проѣздъ,
 Я буду бесплодно гоняться за группами звѣздъ?

Ногъ нѣту у звѣздъ: отчего-жь быть усталости тутъ?
 Верблюды-жь и люди — съ ногами: они устають.

Проѣзжій спать хочеть; а звѣзды? — тѣ вѣчно глядятъ,
 И, вѣждъ не имѣя, бессонныя, спать не хотять.

Отъ солнца чело и лицо наше стало черно:
 Сѣдыхъ-же волосъ подчеркнуть намъ не можетъ оно.

Ужели небесный Судья для страдальцев — людей
Суровѣ будетъ безжалостныхъ дѣльныхъ судей?

Воды на дорогу намъ будетъ довольно: она,
Изъ тучъ намъ пролитая, къ кожу мѣшковъ набрана.

Верблюдовъ я гнѣвно гоню: я не гнѣваюсь тутъ,
Но знать имъ даю, что со мною въ изгнанье идутъ.

При выходѣ я изъ Египта верблюдамъ сказалъ:
«Смотрите! Чтобъ каждый изъ васъ на бѣгу понуждалъ

Переднюю ногу свою своей задней ногой!
Вѣгите!» — И вотъ — изъ Египта промчался стрѣлой

Я съ горстїю спутниковъ вѣрныхъ — съ моими людьми —
Черезъ области смежныя Джарса и Аль-Элеми.

Вотцѣ конь арабскій хотѣлъ обогнать меня: лбомъ
Летить наравнѣ онъ все только съ верблюжьимъ горбомъ.

Что за люди? Стрѣлы послушны въ рукахъ тѣхъ людей *),
Какъ тамъ, гдѣ тасуетъ ихъ, ставъ предъ толпой, чародѣй.

Чалмѹ-то какъ снимутъ — на нихъ (тутъ — природа сама!)
Изъ черныхъ курчавыхъ волосъ остается чалма.

Хоть пухъ молодой на щекахъ — руки этихъ людей
И всадниковъ валять и вмигъ забираютъ коней.

Добыча, когда-бъ и надежды ихъ всё превзошла —
И то бы въ нихъ жажду добычи унять не могла.

*) См. въ объясненїяхъ—5-е.

Они, какъ язычники, вѣчною пышутъ враждой;
Безпечны-жъ они при оружьи, какъ въ праздникъ святой.

Нѣмое копье изъ рукъ ихъ чуть въ воздухъ пошло —
Покажетъ умѣнье свистать, какъ соколье крыло.

Верблюды безъ устали мчатся, хоть въ пѣнѣхъ совсѣмъ,
И зелены ноги ихъ, вытоптавъ Регль и Ганѣмъ.

Верблюда бичомъ отгоню отъ чужихъ я луговъ,
Гдѣ-жъ принять, какъ гость я, тамъ кормъ и верблюду го-
товъ.

Арабъ, Персіанинъ — скупятея на пастбища: нѣтъ
Фатїка на свѣтѣ; поппнулъ Фатїкъ этотъ свѣтъ.

Другого Фатїка Египетъ во вѣкъ не найдетъ,
И мѣста его въ этомъ мїрѣ никто не займетъ.

Онъ живъ былъ — и всѣхъ превыпалъ онъ величиємъ своимъ;
Онъ умеръ — и всѣ поравнялись умершіе съ нимъ.

Искалъ его окомъ я, викалъ звыванїемъ устъ —
И что же нашель я? Весь мїръ безответенъ и пустъ.

Вернулся туда я, откуда какъ странникъ ушелъ,
И думалось: снова съ перомъ бы знакомства я свелъ!

Перо-жъ возразило мнѣ чернымъ своимъ языкомъ:
«Нѣтъ, славы ты мной не добудешь; добудь-ка мечомъ!

Перо ты возьмешь, какъ истратится сила плеча;
Перо вѣдь работаетъ все по приказамъ меча».

Перо этой рѣчью хотѣло меня научить
И тѣмъ отъ безумья, быть-можетъ, меня излѣчить;

Но я не послушался: самъ виноватъ теперь я,
Что разумомъ плохъ, голова не въ порядкѣ моя.

До цѣли доходить, мечомъ лишь владѣть кто гораздъ.
Спроси, кого хочешь; перо тебѣ хлѣба не дастъ.

Въ пути-ль ты находишься? Чуждый народъ на тебя
Глядитъ, какъ на нищаго: «ищеть-де крохъ для себя!»

Неправда враждой раздѣлила людей племена,
Хоть общая мать всему роду людскому дана.

Ну, — буду-жь пріема, какъ гость, я иначе просить!
Къ дверямъ подойду, да и стану мечомъ колотить!

Оружье пускай и рѣшаетъ, кто спину согнетъ —
Кто? — Тотъ-ли, кого угнетаютъ, или тотъ, кто гнететь?

Оружья у насъ не отымутъ: сумѣемъ сберечь!
Рука не дрожить у меня, не позоренъ мой мечъ.

Мой взоръ... Пусть къ картинамъ страданій приучится онъ!
Вѣдь все, что мы зримъ на-яву, пропадаетъ какъ сонъ.

Прочь жалобы! Ими народъ только тѣшится злой:
Такъ стоны предсмертныя вороновъ тѣшатъ собой.

Гдѣ вѣра прямая? — Лишь въ книгахъ убѣжище ей:
Ея не ищи ужъ ни въ словѣ, ни въ клятвѣ людей.

Хваленіе Богу, создавшему душу мою!
Съ его я пособіемъ выткну долю свою;

И въ долгомъ изгнаньи отраду себѣ обрѣту.
Тогда какъ другіе горюють и въ лучшемъ быту.

Самъ рокъ удивленъ былъ великимъ терпѣньемъ моимъ
Затѣмъ, что я крѣпче ударовъ, обрушенныхъ имъ!

Какъ грустно живется теперь межъ людей! Я-бъ желалъ,
Чтобъ жилъ я давно ужъ, а нынѣ въ могилѣ-бъ лежалъ

Намъ время — отецъ; когда мѣлодо было оно —
Тогда отъ него наши предки родились давно;

А нынѣ отецъ нашъ, на старости хилой своей
Намъ жизнь даровать, произвелъ ужъ негодныхъ дѣтей.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗИМА ВЪ ГОРОДѢ.

Прошла весна, за ней и лѣто удалилось,
Прошла осенняя дождливая пора;
Подъ снѣжной пеленой ужъ мостовая скрылась,
И грохотъ не стоитъ надъ городомъ съ утра.

На чистомъ воздухѣ, такъ долго по неволѣ
Скрываясь отъ дождей осеннихъ въ запертѣ,
Шумъ городской теперь не оглушитъ насъ болѣ
И не раздавятъ насъ колеса на пути.

О, чудная пора, привѣтъ тебѣ — здорово!..
Толпы людей себя надеждою бодрятъ,
Что возвратятся къ нимъ веселые дни снова,
Вѣжавшіе давно отъ Фавновъ и Дриадъ.

Все радуется, живить, — домашній кровъ бросаю,
Вдыхаю-ли въ себя я воздухъ иногда,
Закинувъ голову смотрю-ль на небеса я,
Иль пристально слѣжу, какъ мчитъя тучъ града.

Одна изъ нихъ въ выси куда-то уплываетъ,
Другая надъ землею повисла и стоитъ,
Та снѣгомъ падала, равнины покрываетъ,
Иль зеркало рѣки Вилии серебритъ.

Но тотъ, кто въ эти дни въ деревнѣ видитъ нивы
 Подъ саваномъ снѣговъ и сумракомъ небесъ
 И обнаженныхъ горъ песчаные обрывы,
 И голый, ледяной корою покрытый, лѣсъ.

Тотъ отъ картинъ такихъ соскучится не въ мѣру
 И броситъ сельскій міръ для городскихъ забавъ,
 Для Плутона забывъ красавицу Цереру
 И золота съ собой запасъ хорошій взявъ.

А въ городѣ зато онъ можетъ жить безопасно
 Среди палатъ, гдѣ все глазъ только веселитъ,
 И земледѣльца трудъ забудетъ онъ, конечно,
 Въ чарующемъ кругу плѣнительныхъ харштъ.

Въ деревнѣ еще свѣтъ не золотилъ востока,
 Церера будитъ насъ и поздравляетъ съ днемъ, —
 А здѣсь хоть солнышко давно взошло высоко,
 Въ тѣни алькова я еще сплю сладнымъ сномъ.

Накинувъ на себя халатъ, встаю съ постели
 Съ визитомъ молодежь является ко мнѣ,
 И начиная день безъ дѣла и безъ цѣли
 Проводимъ утро мы въ веселой болтовнѣ.

Тотъ передъ зеркаломъ на кудри золотыя,
 Умачивая ихъ, бальзамъ восточный льетъ;
 Тотъ курить и надъ нимъ, какъ облака густыя,
 Дымъ носится; а тотъ чай ароматный пьетъ.

Когда-жъ настанетъ часъ полудня, беззаботно
 Въ блестящій экипажъ я съ кѣмъ-нибудь сажусь;
 Въ бобры или соболя себя закутавъ плотно,
 Зимы холодной и вѣтра не боюсь.

Съ блестящимъ обществомъ встрѣчаюсь въ залѣ; вскорѣ
 За трапезу насъ всѣхъ сажаютъ, намъ несутъ
 Не мало всякихъ яствъ на дорогомъ фарфорѣ
 И каждый пресыщенъ избыткомъ вкусныхъ блюдъ.

Мы пьемъ столѣтнее венгерское; въ стаканѣ
 Играетъ крѣпкій пуншъ, коньякъ и старый медъ,
 А дамы пьютъ мускатъ, который, не туманя
 Головокъ слабыхъ ихъ, имъ бодрость придаетъ.

При помощи вина бесѣда оживится,
 Посыплется острогъ неистощимый рядъ,
 И не одно лицо отъ страсти разгорится,
 И помутится умъ, поймавши нѣжный взглядъ.

Но солнце ужъ зашло. Густѣютъ тѣни дружно,
 Подъ сумракомъ зимы погасъ послѣдній свѣтъ.
 Даютъ богини знакъ, что разъѣзжаться нужно.
 Шумъ, говоръ — и гостей веселыхъ уже нѣтъ.

Лишь тѣ, кто съ счастьемъ слѣпымъ за панибрата,
 Играютъ въ фараонъ, волнуясь отъ игры,
 Иль длинный кій схвативъ (оружье безъ булата),
 Катаютъ по сукну точеные шары.

Когда-жъ ночь темная сойдетъ на городъ сонный,
 И въ окнахъ кое-гдѣ огонь еще блеститъ,
 Кончатъ молодежь день шумно проведенный,
 И множество саней по улицамъ скользятъ.

ХОРЪ ОХОТНИКОВЪ.

На музыку изъ оперы Вебера «Фрейшицъ».

Черезъ нивы, черезъ горы
И овраги, и болота,
Посреди собачьей своры
И подъ звукъ роговъ охоты,
На конѣ, что птицей мчится,
Весь — огонь и удалство,
И съ ружьемъ — лишь громъ сравнится
Съ каждымъ выстрѣломъ его —
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Какъ разбойникъ безпощадный,
Какъ дитя веселый смѣло,
Принялся охотникъ жадный
За излюбленное дѣло.
Чаще выстрѣлъ раздастся
Только слышно: пуфъ, пифъ, пафъ!
Кровь вездѣ ручьями льется
Птицы падаютъ стремглавъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Кто кабану или туру
Пулю въ лобъ направить можетъ?
Кто сдеретъ съ медвѣдя шкуру
И къ ногамъ своимъ положить?
Спать лѣса и горы, что-ли?
Пусть откликнется ихъ хоръ.

Затрубилъ охотникъ въ полѣ,
Какъ король лѣсовъ и горъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря:
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Кто, давая промахъ рѣдко
Лишь завидя жертвъ крылатыхъ,
На лету сражалъ ихъ мѣтко?
Пусть-же, вѣтры, отзовется
На вопросъ вашъ буйный хоръ!
Громко выстрѣлъ раздается
Короля вѣтровъ и горъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

П Л О В Е Ц Ъ.

О бездна чудесь! На разсвѣтѣ свой чолнъ
Я въ море пустиль: улыбалась погода;
Въ тиши не смущало ничто его хода; —
И вотъ — ужъ во мглѣ, средь бушующихъ волнъ
Ни взадъ, ни впередъ не могу его двинуть...
Уже-ль и чолнъ жизни мнѣ тутъ опрокинуть?

Блаженъ, чью ладью неземная чета
Ведетъ по волнамъ посреди бушеванья:
То сестры родныя; ихъ въ мѣрѣ названья —
Одной — добродѣтель, другой — красота.
Та нектара чашей пловца успокоитъ,
А эта углѣнитъ, чуть ликъ свой откроетъ.

Хоть счастливы и тотъ, чьей душой принята
 Одна добродѣтель, за тѣмъ, что предъ храмомъ
 Веллчя и почестей римскимъ балъзамомъ
 Крѣпить его духъ, — но когда красота
 Его ужъ не тѣшитъ и глазъ поворотомъ —
 Въ храмъ входитъ облитый онъ кровью и потомъ.

Вполнѣ-ль красота вся открылась кому
 И вдругъ улетѣла потомъ съ поль-дороги,
 Оставивъ его безъ надежды, въ тревогѣ —
 Ахъ, послѣ свѣтъ цѣлый противенъ ему;
 Ему все равно ужъ — во мракѣ онъ, въ свѣтѣ-ль;
 Его не скрѣпитъ и сама добродѣтель.

Въ замѣнѣ красоты созерцанья тогда
 Онъ долженъ лишь съ бурями биться, усталый,
 Не ручки сжимать, но — хвататься за скалы;
 Встрѣчаться не съ сердцемъ, но — съ глыбами льда,
 И долго, во тьмѣ утопая, томиться,
 Не въ силахъ и отдыха смерти добиться.

Боренье такъ тяжело!.. И разомъ-бы я
 Могъ кончить!.. Потомъ ужъ и спи подъ волною.
 Но все-ль тутъ погибнетъ, исчезнетъ со мною?
 Быть-можетъ, кто разъ въ океанъ бытiя
 Ужъ кинуть, тотъ въ немъ заключенъ непреложно:
 Ни вылетѣть вонъ, ни пропасть невозможно.

«Живущее все умпраетъ» — кричатъ.
 Чтожъ крикъ этотъ вѣры моей не остудитъ,
 Что духа свѣтило горѣть также будетъ,
 Что вѣчныя силы свѣтило то мчатъ
 Въ пространствахъ эфирныхъ, гдѣ все безконечно,
 И гдѣ то свѣтило врацается вѣчно?

Кто съ берега крикнулъ? — Друзья мои! Васъ
 Узналъ я; то — вы! О, собратья! До нынѣ
 Стоите прибрежныхъ вы скалъ на твердынѣ
 И смѣтрите вы съ напряженiемъ глазъ,
 Съ волнами мое замѣчая боренье...
 И глазъ вашъ... друзья, не страшитъ утомленье.

На гибель отчаянно кинься вдругъ я —
 «Вотъ», скажутъ, «безумецъ!» и «вотъ—благодарности!»
 Вамъ тучи, что кроютъ мнѣ всю лучезарность
 Небесную, менѣ страшны, друзья; —
 Вамъ вихри чуть слышны, что рвутъ мнѣ канаты;
 Громъ бьетъ здѣсь, а къ вамъ лишь доходятъ раскаты.

И вмѣстѣ со мною вы будьте въ огнѣ
 Всѣхъ молнiй: прочувствованъ иначе будетъ
 Огонь этотъ вами. Пусть Богъ меня судитъ!
 Судья долженъ быть не со мной, но во мнѣ.
 Пути наши разны: пойдете вы къ дому,
 Я-жъ дальше — на встрѣчу и вѣтру, и грому.

THE MEETING OF THE WATERS.

Едва ли есть мѣста прекраснѣе долины,
 Гдѣ воды чистыя сливаются... О, ты,
 Долина чудная! Мнѣ будутъ до кончины,
 Вѣкъ памятна твои душистые цвѣты.

Я о тебѣ храню въ душѣ воспоминанье,
 Не потому что такъ пестры твои луга,
 Что роци я люблю, ключей твоихъ журчанье, —
 Есть вѣчто болѣе, чѣмъ мнѣ ты дорога.

Любимые друзья мои тамъ прежде жили,
И памятью о нихъ долина вся полна:
Природа намъ милѣй въ своей могучей силѣ,
Когда она въ глазахъ друзей отражена.

Дай Богъ вернуться мнѣ къ тебѣ въ иные годы
И встрѣтить вновь друзей, когда житейской тьмы
Минуютъ наконецъ волненья и невзгоды
И, какъ ручьи твои, соединимся мы.

«КОГДА-БЪ Я ЛЕНТОЙ СТАЛЪ» И Т. Д.

Когда-бъ я лентой сталъ, что золотомъ играетъ
На дѣвственномъ челѣ твоемъ, —
Когда-бъ одеждой сталъ, что перси облекаетъ
Твои воздушнымъ полотномъ:

Я-бъ сердца твоего бѣнямъ внять старался,
Отвѣта нѣтъ ли моему?
Съ твоей-бы грудью я и падалъ, и вздымался,
Дыханью вѣрный твоему.

Когда-бъ я въ вѣтерокъ крылатый превратился,
Что дышетъ, ясный день любя,
Отъ лучшихъ бы цвѣтовъ въ пути я сторонился,
Ласкалъ бы розу и тебя.

Быть можетъ Богъ тогда въ судѣ своемъ гравдивомъ
Мое-бы рвенье оцѣнилъ,
Быть можетъ сдѣлалъ-бы меня тогда счастливымъ:
Въ твое бы сердце превратилъ.

КЪ М...

Прочь съ глазъ моихъ!.. И я готовъ исполнить это...
«Долой изъ сердца!..» Прочь завѣтныя мечты!
«Долой изъ памяти!» — Нѣтъ! Этого завѣта
Не властны выполнить ни я, ни даже ты.

Чѣмъ далѣе предметъ поставленъ колоссальный,
Тѣмъ шире за собой отбрасываетъ тѣнь;
Чѣмъ дальше буду я, тѣмъ образъ мой печальный
Скорѣе омрачитъ тоской твой ясный день.

То здѣсь, то тамъ обманутый судьбою,
Дѣлалъ я смѣхъ и плачь съ одной тобой въ тиши
И вѣрь: всегда, вездѣ я буду предъ тобою,
На всемъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души.

Задумавшись въ своемъ уютномъ кабинетѣ
И къ арфѣ подойдя, займешься ли игрой —
Ты скажешь: «въ этотъ часъ при этомъ полусвѣтѣ
Онъ такъ любилъ мечтать подъ пѣсню мою, порой».

И если, въ шахматы играя, при началѣ
Увидишь, что игра проиграна твоя,
Ты вспомнишь про себя: — «вотъ такъ ряды стояли,
Когда въ послѣдній разъ съ нимъ здѣсь играла я».

Забывъ ли прошлое, въ разгарѣ шумномъ бала,
И мыслью уносясь далеко въ мѣръ иной,
Увидишь стулъ пустой въ углу большого зала,
Ты скажешь про себя: «тамъ онъ сидѣлъ со мной».

Въ романѣ ли прочтешь, какъ гибнуть вереницы,
Давно лелѣемыхъ надеждъ въ единый часъ,

Въ волненіи, закрывъ досадныя страницы,
Ты скажешь про себя: «такъ было и у насъ».

И если авторъ твой, по долгомъ испытаніи,
Уже не разлучилъ двухъ любящихъ сердецъ,
Свѣчу задувши вдругъ, ты скажешь безъ сознанья:
«Зачѣмъ же нашъ романъ имѣлъ иной конецъ?»

И въ ночь, какъ молнія все заревомя одѣнетъ,
На грушѣ высохшей зашелестятъ листы,
И филинъ вдругъ крыломъ окно твое задѣнетъ:
«О, то душа его!» въ испугѣ скажешь ты.

И всюду, гдѣ порой, обманутый судьбою,
Дѣлил я смѣхъ и плачъ съ одной тобой въ тиши,
Повѣрь, всегда, вездѣ я буду предъ тобою;
На всемъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души.

V.

НА НОВЫЙ (1827) ГОДЪ.

Промчался старый годъ, и новый наступаетъ...
Изъ пепла фениксъ вновь возникъ на Божій свѣтъ,
И снова міръ его съ надеждами встрѣчаетъ..
Чего-же отъ него желаешь ты, поэтъ?

Веселыхъ ли минутъ?.. Небесныя зарницы!
Я помню — съ вами ночь свѣтлѣла словно день;
Я думалъ, что ужъ міръ воскресъ — а на зѣнницы
Мрачныя прежняго ложилась снова тѣнь.

Любви-ль? О! знаю я весь юный бредъ желанья,
Высокій платонизмъ и райскія мечты.
И кто-жъ не испыталъ отраднато страданья,
И кто-жъ не падалъ внизъ съ небесной высоты!

И я страдалъ, мечталъ, парилъ... Цвѣтокъ прекрасный
Ужъ былъ передо мной... сорвать его хочу...
Проснулся: сонъ исчезъ: нѣтъ розы... все напрасно!
Одни шипы въ груди... Любви я не ищу.

Не дружбы-ль?.. Кто-жъ изъ насъ не чтитъ ея святыни:
Изъ всѣхъ земныхъ богинь прекрасныхъ юныхъ лѣтъ
Она всегда была прекраснѣйшей богиней,
Являлась прежде всѣхъ, за всѣми шла во слѣдъ.

Друзья! какъ будто мы единою семьею
Въ волшебномъ деревѣ Армиды всѣ живемъ,
Одна душа живить все дерево собою,
Хоть каждый листъ дрожитъ отдѣльнымъ бытіемъ.

Но вотъ запрыгалъ градъ по листьямъ или тучей
Рой насѣкомыхъ въ садъ примчится въ тишинѣ,
Какъ вѣтка каждая дрожить отъ боли жгучей,
Сочувственной!.. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно дружбы мнѣ...

Чего-жъ бы пожелать мнѣ въ этомъ новомъ годѣ?..
Уединенія... дубовую кровать...
Лишь тамъ — слезамъ друзей, ликующей природѣ
И хохоту враговъ меня не взволновать!

Тамъ только до конца, и по кончинѣ свѣта
Хотѣлось бы сквозь сонъ, который будетъ тихъ,
Мечтать, какъ промечталъ промчавшіяся лѣта,
Любить людей и свѣтъ... вдали, вдали отъ нихъ...

VI.

МОРЯКЪ.

Вдругъ покидая своихъ земляковъ,
 Какъ ты спѣшишь оттолкнуться,
 Бѣдный морякъ, отъ родныхъ береговъ,
 Съ тѣмъ, чтобъ ужъ вѣкъ не вернуться!

Поднявъ при этомъ ты очи свои;
 Радость лицо освѣтила;
 Рѣдная гостыя — улыбка — твои
 Снова уста посѣтила.

Медлятъ другіе, собираясь въ отъѣздъ; —
 Гляди! на ладѣ ужъ ты зыбкой.
 Можно-ль отъ счастья, отъ милыхъ намъ мѣстъ
 Рваться — еще и съ улыбкой? —

Видѣлъ я, знаю, — отвѣтилъ морякъ, —
 Что въ этомъ краѣ творится;
 Видѣлъ... а что? Ни единый землякъ
 Тѣмъ-бы не могъ усладиться.

Видѣлъ я доблесть мужскую — въ тискахъ.
 Тѣму — въ головахъ у народа,
 Въ умникахъ — алчность, а въ женскихъ сердцахъ —
 Мелочи разнаго рода.

Счастье?.. Увы! — Волнѣ съ приливовъ морскихъ
 Ввѣрилась часть осталная
 Мыслей и чувствъ и желаній моихъ
 Лодкѣ родимаго края.

Счастливыя я могъ-ли же быть, напередъ
 Чуя, что бурей сосѣдной
 Парусъ послѣдней ладьи изорветъ —
 Лоскутъ надежды послѣдней?

VII.

ДВѢУШКА НА ПЕРЕПУТЫИ.

ДВѢУШКА.

Двѣ дороги предо мною, но куда идти — не знаю.
 Кинувъ отчій домъ, путь новый для себя я избираю
 И ищу цвѣтовъ, чтобъ нѣжнымъ ароматомъ ихъ упитъся
 И, родителей утѣшивъ, снова въ домъ свой возвратиться.
 Гдѣ растутъ цвѣты такіе, — я не вѣдаю ей-богу,
 Потому-то, добрый странникъ, укажи ты мнѣ дорогу.

ПИЛИГРИМЪ.

Тотъ невиненъ, кто доврчивъ и дороги вѣрной ищетъ,
 Но бѣда тому, кто въ мірѣ, въ немъ путей не зная, ры-
 щетъ.

Я состарился въ услугахъ всѣмъ прохожимъ, беззаботно
 Мнѣ внимавшимъ, и тебѣ я услужить готовъ охотно.

Въ жизни нашей есть два сада, и идутъ къ нимъ двѣ
 дороги:

Первый путь въ востока вѣтся, и на немъ шиповникъ ноги
 Колеть, вокругъ тѣснится скалы съ ихъ суровой наготою
 Какъ въ саду, въ который можешь ты придти дорогой тою.
 Тверды почва и плоды въ немъ, и суровы всѣ растенья:
 Лѣсъ дубовый да утесы — вотъ его всѣ украшенья.
 Тамъ плоды растутъ не скоро и не скоро созрѣвають,

Каждый плод висить высоко, и съ трудомъ его срываютъ.
 Нѣтъ часовъ тамъ и мгновеній — только долгіе есть годы;
 Ни зимы нѣтъ, нѣтъ и лѣта въ вѣчномъ царствѣ непогоды;
 Красокъ нѣтъ, и все покрыто одноцвѣтной пеленою;
 Жизнь вся скovina повсюду неподвижностью одною.
 Межъ людей разнообразья тамъ нѣтъ вовсе никакого;
 Тамъ одинъ во всемъ походить непременно на другого,
 И однѣ и тѣ же мысли, безъ сомнѣній, ихъ гнетущихъ,
 Незмѣнныя, какъ вѣчность, занимаютъ всѣхъ живущихъ.
 Тамъ на терніяхъ и скалахъ мирно смертный отдыхаетъ
 И упорный трудъ блаженствомъ самымъ высшимъ называ-
 вается.

Тамъ эмблема жизни мирной — гладь рѣки подъ солнцемъ
 мая;
 Выраженье душъ прекрасныхъ — океана тишь нѣмая;
 Этогъ садъ, гдѣ обитаетъ Добродѣтель и гдѣ стражи
 Очень грозны, съ виду мраченъ, и для многихъ страшенъ
 даже.

Но въ комъ нравственная сила помогаетъ теплой вѣрѣ,
 Для того всегда открыты въ этотъ садъ суровыя двери.

Посмотри теперь направо — тамъ идетъ еще дорога,
 Очень гладкая, прямая, гдѣ цвѣтовъ повсюду много,
 Какъ и въ томъ саду, въ который этотъ путь людей при-
 водить;

Тамъ волшебница другая — Роскошь гордо очень бродить.
 Ты конечно замѣчала предъ закатомъ солнца, лѣтомъ,
 Какъ толкутся надъ землею мошки въ воздухъ нагрѣтомъ?
 Это — образъ всѣхъ живущихъ въ томъ саду и отраженье
 Всѣхъ ихъ помысловъ, желаній и душевнаго стремленья.
 Мурава тамъ служить ложемъ, но людей не освѣжаетъ.
 Сонъ на той постели мягкой ихъ и силъ не укрѣпляетъ;
 Тамъ цвѣты, разнообразьемъ чудныхъ красокъ привлекала,
 Днемъ цвѣтуть и умираютъ, къ ночи разомъ увядаю.
 Люди тамъ различны также, какъ букашки, какъ растенья;

Какъ цвѣты между собою не похожи ихъ сужденны.
 Садамъ пользуясь, однако, недовольны люди садомъ,
 Скоро все надобдаетъ ихъ пресытившимся взглядамъ.
 О прошедшемъ, о грядущемъ помышлять они не любятъ
 И, живя лишь настоящимъ, праздною жизнью сердце гу-
 бятъ.

Нектаръ пьютъ, чтобъ послѣ горечь пить житейской грустной
 прозы,

И летаютъ, чтобы падать, и смѣются, чтобы лить слезы;
 Все ихъ поприще земное — наслажденья и забавы;
 На себѣ зѣиры носятъ легкій тронъ ихъ краткой славы,
 Вся ихъ жизнь — сонъ мимолетный, солнца лучъ среди
 ненастья,

Ослѣпить вдругъ и исчезнуть — словно молнія ихъ счастье..
 Кто какъ вѣтеръ между небомъ и землей привыкъ по-
 сниться,

Чтобъ обманчивымъ минутнымъ счастьемъ въ мѣрѣ насла-
 диться,

Тотъ пусть съ вѣрой и надеждой Евы въ этотъ садъ сту-
 чится.

Мотылекъ откроетъ двери передъ нимъ и съ нимъ умчится

Такъ два сада, двѣ дороги предъ тобой въ открытомъ
 полѣ,

Но сама ты сдѣлай выборъ, о своей заботясь долѣ;
 Богъ на то тебѣ далъ волю: у тебя на то есть разумъ,
 И любой изъ тѣхъ путей двухъ выбирай, дѣвица, разомъ.

VIII.

СВАТОВСТВО.

Пока о красотѣ я дочкѣ напѣвалъ,
 Мамаша слушала, сидѣла за книгой дядя;

Когда-жъ на сватаньѣ намекъ я дѣлать сталъ,
Заговорили все, въ глаза мнѣ прямо глядя.

— «А сколько душъ у васъ?» разспрашивала мать,
Справлялся дядюшка о чинѣ, о доходѣ;
Мои любовныя интрижки все узнать
Служанка отъ слуги спѣшила на свободѣ.

Мамаша, дядюшка!.. Единственной душой
Своей владѣю я; Парнасъ — мое имѣнье,
Перомъ своимъ доходъ я наживу большой,
А слава мнѣ чины замѣнить, безъ сомнѣнья.

Любилъ-ли я? Вопросъ подобный глупъ вполне.
Могу-ли я любить? То докажу на дѣлѣ:
Ты, киска, брось слугу и вечеромъ ко мнѣ
Въ гостиницу тайкомъ зайди-ка на недѣлѣ.

IX.

ДВА СЛОВА.

Случается-ль порою мнѣ
Съ тобою быть наединѣ —
Я все въ глаза тебѣ гляжу,
Движенье устъ твоихъ слѣжу;
Хотѣлъ-бы мысль твою вполне
Прочестъ я прежде, чѣмъ въ огнѣ
Она очей твоихъ блеснетъ;
Схватить желалъ-бы напередъ
Я рѣчь твою, пока она
Еще мнѣ въ звукахъ не дана.

И вѣрно всякъ уразумѣлъ,
Что видѣть, слышать я-бъ хотѣлъ:
Давно извѣстныя слова!
И ихъ немного: только два.
Скажи мнѣ, милая моя:
«Люблю тебя, люблю тебя».

Когда съ тобою въ небесахъ
Я буду — пусть въ твоихъ глазахъ
Блестать два слова эти мнѣ,
По всей той горней сторонѣ
Отъ этихъ милыхъ, свѣтлыхъ глазъ
Тысячекратно отразась!

И въ той мнѣ сферѣ неземной
Не надо музыки иной.
Пускай одно лишь слышу я:
«Люблю тебя, — люблю тебя».
И мнѣ довольно! Мнѣ нужна
Лишь эта пѣсенка одна.

X.

МОЯ БАЛОВНИЦА.

Когда въ часъ веселый откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжныя голубки,
Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя,
Бокось проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного —
Все слушалъ бы, слушалъ, все слушалъ тебя.

Но глазки сверкнули живѣе кристалловъ,
 Жемчужные зубки блестятъ средь коралловъ,
 Румянецъ въ ланитахъ ужъ началъ играть,
 Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
 Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи:
 Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!

XI.

О, милая моя, къ чему намъ говорить,
 Къ чему, съ тобой любовь и чувство раздѣляя,
 Души моею въ тебя нельзя мнѣ перелить,
 На мертвыя слова ее не раздробляя!
 Какая-жъ польза намъ въ безжизненныхъ словахъ,
 Что стынуть въ воздухѣ и вянуть на устахъ?

Люблю тебя, люблю! готовъ твердить всегда я.
 Къ чему-жъ краснѣешь ты, взоръ обрати ко мнѣ?
 Увы, я не могу, любовію пылая,
 Ее ни выразить, ни высказать вполне,
 И, какъ въ летаргій, я не имѣю силы
 Хоть признакъ жизни дать, чтобъ избѣжать могилы.

Я утомилъ уста лобзаніемъ напраснымъ,
 Желая сплавить ихъ съ твоими навсегда,
 И говорить хочу бѣньемъ сердца страстнымъ
 И вздохами — и ты поймешь меня тогда;
 И вѣкъ такъ говорить, пока жизнь длится эта —
 До самаго конца и по кончинѣ свѣта.

XII.

С О Н Ъ.

Хотя бы ты меня невольно покидала,
 Но если будешь все попрежнему любить,
 Я не хочу, чтобъ ты разлуку отравляла
 И стала бы объ ней, прощаясь, говорить.

Предъ днемъ разлуки той, вечернею порою,
 Последніе часы пусть въ ласкахъ протекутъ;
 Когда-жъ настанетъ мигъ разстаться мнѣ съ тобою,
 Пусть руки милыя мнѣ яду подадутъ.

Къ устамъ твоимъ прильнувъ, сомкну невольно вѣки,
 Когда лишь только смерть закроетъ ихъ рукою;
 Пускай роскошно я засну тогда на вѣки,
 Смотри въ твои глаза, цѣлуя образъ твой.

А послѣ многихъ дней, когда промчатся лѣта
 И мнѣ придется вновь, изъ гроба вставъ, ожить,
 Ты вспомни своего уснуваго поэта
 И низойди съ небесъ, чтобъ друга пробудить.

И снова положи меня на грудь лаская,
 И снова мнѣ свои объятія открой,
 Чтобъ думалъ я, возставъ, что только мигъ дремалъ я,
 Смотри въ твои глаза, цѣлуя образъ твой.

XIII.

КЪ Д. Д.

О, еслибъ ты лишь день въ душѣ моей была!
 Зачѣмъ же день? Тебѣ я не желаю зла;
 Нѣтъ, только часъ одинъ, счастливое созданье, —
 И тутъ впервые ты узнала бы страданье.
 Всѣ чувства, какъ въ огнѣ; всѣ мысли, какъ во мглѣ:
 То гнѣвъ проводить вдругъ мнѣ складки на челѣ,
 То тихая печаль задумчивость приманить,
 То сожалѣннѣ слезою взоръ туманить —
 И ты бѣжишь меня, чужда моей борьбѣ,
 Или скучать со мной не хочется тебѣ...
 Не знаешь ты меня: такъ страсть меня пзмяла.
 Нѣтъ, въ глубь души моей ты загляни сначала;
 На днѣ ея найдешь не мало перловъ ты:
 Тамъ есть чувствительность, тамъ много доброты
 И той фантазѣ, съ которой передъ нами
 Тернистый путь покрытъ роскошными цвѣтами.
 Ты не замѣтила?.. Но вспомни, и на днѣ
 Морскомъ, въ ужасный штормъ, при молнійномъ огнѣ,
 Не видно въ глубинахъ невѣдомыхъ, завѣтныхъ,
 Красивыхъ раковинъ, коралловъ самоцвѣтныхъ.
 Такъ прежде, нежели осудишь ты меня,
 Дождися свѣтлаго и радостнаго дня...
 Когда, увѣренный въ твоей любви, пріязни,
 Я не таилъ въ душѣ мучительной боязни,
 Что будетъ и въ тебѣ довольно перемѣнъ, —
 (Не разъ ужъ мнѣ страдать случалось отъ измѣнъ!)
 Какъ духъ, по манію властительной десницы,
 Желалъ бы выполнить всѣ думы чаровницы,
 Но что же если бы твой подданный вдругъ сталъ
 Властителемъ твоимъ? Чего бы пожелалъ,

Что повелѣлъ бы онъ?.. Ты въ правѣ разсмѣяться...
 Хотя гордость не величь, но надобно совзаться:
 Онъ пожелалъ бы быть всегда твоимъ слугою —
 И не было, и нѣтъ въ немъ прихоти другой.
 Да и чего, скажи, еще желать мнѣ больше?
 Чтобъ пробыва со мной одной минутой дольше?
 Чтобъ искренній совѣтъ пороку приняла
 Оправить волосы иль платье — и была
 Со мною, позабывъ весь кругъ заботъ домашнихъ...
 Для пѣсенъ новенькихъ и клятвъ моихъ всегдашнихъ...
 Все это выполнить большого нѣтъ труда,
 Лишь стоитъ захотѣть: пожертвуй иногда
 Терпѣнья часомъ мнѣ и получасомъ скуки,
 Одной минутою загадочной науки
 Притворства женскаго; я вѣрю такъ легко:
 Дремли, умчись мечтой крылатой далеко —
 Не стану объяснять задумчиваго взгляда:
 Лишь благо въ немъ читать — одна моя отрада!
 Всю будущность мою отдавъ тебѣ во власть,
 Сложилъ бы я на грудь твою мой разумъ, страсть...
 И сердце бѣдное, забывъ о всемъ, что было,
 Съ тобой и для тебя лишь билось бы и жило;
 И дикій мой порывъ, что мной повелѣвалъ,
 Исчезъ бы вдругъ, какъ соръ изъ лодки, если валъ
 И внизъ, и вверхъ ее бросаетъ надъ пучиной...
 И тихо бы неслись мы голубой равниной.
 Пускай бы грозный валъ порой на ней кипѣлъ —
 Сиреню надъ нимъ всплывалъ-бы я и пѣлъ...

XIV.

Ч А С Ъ.

(Элегія).

Бывало, какъ настать былъ долженъ этотъ часъ,
 Отъ циферблата ты не отводила глазъ,
 И мнилось, стрѣлку тутъ, что шла съ обычной лѣнью,
 Ты взоромъ нудила къ быстрѣйшему движенью;
 Гвой напряженный слухъ сквозь общій шумъ готовъ
 Былъ уловить вдали мой шорохъ, звукъ шаговъ;
 День состоялъ тогда изъ одного лишь часу:
 Я въ память врылъ его глубоко — для запаса,
 И помню: билась грудь въ теченіе его
 Сильнѣй — не у меня лишь только одного!
 Вкругъ часа этого, стремясь къ нему сердечно,
 Какъ Иксіонъ, вращалъ свою я душу вѣчно:
 Пока онъ не пришелъ — весь день его я ждалъ;
 Прощелъ онъ — цѣлый день о немъ я размышлялъ,
 Припоминая все, и что, и какъ тутъ было;
 Всѣмъ, каждой мелочью тутъ сердце дорожило;
 Каковъ приемъ былъ твой? какъ начать разговоръ?
 Какъ горькое слово свернулось: вышелъ споръ —
 Размолвка — и потомъ — блаженство примпренья!
 Причина моего порою огорченья
 Была въ глазахъ моихъ мгновенно прочтена;
 Коль просьбы я имѣлъ — одна упреждена,
 Другая съ языка слетѣть не успѣвала:
 Я только начиналъ — ты кончить не давала...
 «Ну — завтра» думаю, а завтра тоже вновь.
 Подчасъ я, раздраженъ, сердито морщилъ бровь
 И вмигъ улыбкой былъ твоей обезоруженъ; —
 Порой, когда тебѣ былъ гнѣвъ мой обнаруженъ,
 Ты вспыхивала тожъ — и у милыхъ ногъ

Просилъ прощенія. Я въ памяти сберегъ
 Твой каждый бѣглый взглядъ и словъ твоихъ всѣ звуки,
 Всѣ наши общія и радости и муки, —
 И жадно зрѣнемъ душевнымъ углубясь
 Въ картину прошлаго, дрожу я, какъ подчасъ
 Дрожитъ надъ горами своихъ сокровищъ милыхъ
 Скупецъ, что видомъ ихъ насытиться не въ силахъ.
 Тотъ часъ... имъ прошлое отъ будущаго я
 Отрѣзалъ; — началъ имъ я въ сферѣ бытія
 Дни лучшіе свои, да имъ и кончилъ тоже
 Тѣ дни, что были мнѣ всѣхъ прочихъ дней дороже.
 Мнѣ въ ткани жизненной, подъ грязной суетой,
 Тотъ часъ одиноко былъ нитью золотой,
 Къ которой червякомъ прильнувъ, я обмотался
 Самъ ею весь кругомъ — и такъ навѣкъ остался.
 Теперь... свѣтило дня на томъ же мѣстѣ вновь; —
 Бьетъ тотъ-же самый часъ... Но гдѣ-жъ твой взоръ, любовь
 И мысль твоя? Теперь — рука твоя готова
 Жать руку — не мою; теперь къ челу другого
 Ты прикасаешься устами; грудь твоя,
 Грудь, гдѣ отвѣтному внималъ биеню я,
 Виеніемъ своимъ отвѣтствуетъ другому, —
 И если-бъ довелось удару громовому
 Меня передъ твоимъ порогомъ поразить —
 Быть можетъ, съ нимъ тебя ему-бъ не раздѣлить!

Уединеніе! Тебя презрѣвъ, покинулъ
 Я въ этотъ самый часъ. Срокъ заблужденья минулъ —
 И возвращаюсь вновь къ твоей святынѣ я:
 Такъ отвлекается приманками дитя
 На мигъ одинъ — къ чужимъ, но вскорѣ средь рыданій
 Вновь тянется къ своей кормилицѣ иль нянь.
 Я каюсь. Счастія приманка такъ сильна!
 Хотя знаешь напередъ, какъ любить лгать она,
 А увлекаешься. Быть можетъ, и заглохнешь

Негодный пламень тотъ! Тѣхъ слезъ и слѣдъ осохнуть!
Надѣюсь — время мнѣ поможетъ: въ день-изъ-дня
Скрѣплюсь я, гордое молчаніе храня...

Надежды дальнія!.. Хочу искать забвенья
Я въ полѣ, въ воздухѣ, средь воднаго движенья, —
Погода такъ ясна!.. Зачѣмъ же я нейдю?
Дверь скрипнула: отъ ней посланника я жду,
И, мнится, ужъ глаза склонилъ я надъ строкою,
Начертанной слегка измѣнницы рукою. —
Не знаю самъ — зачѣмъ? — часы свои я взялъ,
Взглянулъ, — рванулся вдругъ — и у порога сталъ:
Ахъ! То завѣтный часъ! Привычка!

Такъ, кто гробу

Былъ долженъ уступить любимую особу,
Сквозь горестъ тяжкую и вѣчный трауръ свой
Вдругъ увлекается обманчивой мечтой
И, позабывъ на мигъ о бѣдственной потерѣ,
Въ привычный часъ спѣшитъ къ ея жилищу, къ двери,
Вѣжить... вотъ добѣжалъ... ступилъ черезъ порогъ
И вдругъ онулся... Ахъ! — и хлынулъ слезъ потокъ.

XV.

ВЪ ДЕНЬ ОТЪѢЗДА.

Ну чтожь, что ѣду я? Во мнѣ вѣдь мало нужды
Живущимъ здѣсь: они душой своей мнѣ чужды.
Мой выѣздъ никому не въ трауръ. Ни одной
Слезы и не хочъ я вызывать собой

Зачѣмъ-же грустно мнѣ?.. Къ отъѣзду все готово.
Но, выравшись совсѣмъ, зачѣмъ вхожу я снова
Въ пустыя комнаты, какъ будто нѣчто тамъ
Забылъ я, — и мой взоръ блуждаетъ по стѣнамъ
Пріятельскимъ, и къ нимъ, въ коснѣннй печальномъ
Вновь обращается съ привѣтвіемъ прощальнымъ?
Ахъ! Сколько разъ онъ съ терпѣніемъ вѣчнымъ
Внимали, по утрамъ и по ночамъ, моимъ
Вздыханіямъ, когда невольно мнѣ вздыхалось!
У этого окна какъ часто мнѣ случалось
Сидѣть по вечерамъ и грустно изъ него
Выглядывать, искать... Богъ вѣдаетъ — чего?

Однообразные все виды и явленья
Надобѣдали мнѣ, и, скукою томимъ,
Порой пускался я ходить до утомленья
И эхо пробуждать хожденіемъ своимъ,
Ото дверей къ дверямъ движенье совершая
И въ тактъ подѣ малтникъ висѣвшихъ тутъ часовъ
Созвучно подводи и строго соглашая
Съ его качаніемъ размѣръ моихъ шаговъ
Иль выполняя вновь ту-жъ самую продѣлку.
Случалось иногда прислушиваться мнѣ
Къ стѣнному червячку, забывшемуся въ щелку,
Что, мнилось, тукъ-тукъ-тукъ, стучится въ дверь ко мнѣ.

Возница ждать усталъ. Ужъ близокъ часъ разсвѣта.
Поѣдемъ! — Какъ вступилъ сюда я безъ привѣта,
Такъ мнѣ и выѣзжать приходится: къ пути
Никто не скажетъ мнѣ сердечнаго «прости!»

Я помню: смолоду — откуда ни случалось
Мнѣ выѣзжать — «прощай!» — повсюду раздавалось;
Друзья, пріатели и милая моя

Меня напутствуютъ, бывало; долго я
 Ихъ слышала голоса, бывало, изъ-за лѣсу,
 Тогда какъ даль свою простерла ужъ завѣсу,
 Ихъ скрывшую отъ глазъ, — и плакала я тогда,
 Но — сладко плачется въ тѣ юные года —
 Не то, что въ старости! старикъ... охъ!.. тяжело плачетъ;
 Да ежели судьба и умереть назначитъ
 Иному въ юности — онъ гаснетъ въ цвѣтѣ лѣтъ
 Съ отрадою въ душѣ: имъ не извѣданъ свѣтъ;
 Онъ мыслить вѣчно жить въ душахъ родного круга,
 Въ груди своей жены и въ вѣрномъ сердцѣ друга, —
 А разувѣренный во всемъ уже старикъ
 Питается лестными надеждами отвыкъ
 И мѣста не даетъ много-сулящей вѣрѣ
 Въ чудесное: его ни въ сверхжизнейской сферѣ,
 Ни въ человѣчествѣ — не допускаетъ онъ:
 Онъ знаетъ, что умереть — и будетъ заключѣнъ
 Въ могилѣ цѣликомъ. — Какъ по цвѣтному лугу
 Носимый вѣтромъ пухъ увядшаго цвѣтка,
 Который наконецъ попалъ подъ злую вьюгу
 И съ вѣтки высохшей снесенъ издалека, —
 Хоть и встрѣчается съ благоуханной розой,
 Гдѣ радъ-бы отдохнуть — все жметса, подъ угрозой
 Дыханья бурнаго, готоваго сорвать
 Его съ цвѣтка любви и далѣе угнать, —
 Носился такъ и я, безвѣстный, чуже-лицый,
 Чуже-именный, здѣсь по шумнымъ площадямъ
 И улицамъ... Моимъ встрѣчались тутъ глазамъ
 Порой прекрасныя и дамы и дѣвицы, —
 Хотѣли знать, кто я... зачѣмъ? Чтобъ наконецъ
 Сказать, что я — чужой, невѣдомый пришлецъ!..
 За мотылькомъ бѣжитъ и гонится ребѣнокъ:
 Пока онъ издали глазамъ его блестя,
 Но — онъ его поймалъ, и пальцы злыхъ рученокъ
 Сжалъ — и пустилъ потомъ: пусть далѣе летать!

Лети! Остатокъ крыль спасень для поворота.
 Лети!.. Но съ этихъ поръ не повышай полета!

XVI.

ГРЕЧЕСКАЯ КОМНАТА

(въ домѣ княгини Зинаиды Волконской, въ Москвѣ)

Въ потемкахъ попіралъ стопою я несмѣлой
 Гебенный паркетъ. Она, въ одеждѣ бѣлой,
 Передо мной идетъ; и я за ней слѣжу:
 Какъ звѣздочка она ведетъ меня... Вхожу...
 Гдѣ я? Иль переплылъ я черезъ воды Леты?
 Иль Геркулана здѣсь передо мной скелеты?
 Гигантской муміи я вижу-ль здѣсь черты?
 Нѣтъ! Весь тутъ древній міръ, вельнью красоты
 Покорный, на ея властительное слово,
 Изъ праха поднялся, хоть и не ожилъ снова.
 Волшебный этотъ міръ — изъ мозаики весь.
 Искусства образецъ — обломокъ каждый здѣсь,
 Велвчя памятникъ

Нога моя боится

На камни наступать: мнѣ въ нихъ святыня зрится.
 Вотъ — дивный барельефъ! и у моихъ здѣсь ногъ
 Изъ камня этого выглядываетъ богъ!
 Въ несвойственной ему теперь являясь сферѣ,
 Онъ гнѣвенъ на людей, въ обиду древней вѣрѣ
 Здѣсь попірающихъ ногами ликъ его,
 И, чувствуя весь гнетъ позора своего,
 Онъ ненавидитъ ихъ, оковъ своихъ стыдится
 И, кажется, готовъ отъ взоровъ затаиться

Въ той глыбѣ мрамора, откуда въ міръ людской
 Былъ вызванъ нѣкогда ваятеля рукой.

Здѣсь кистью и рѣзцомъ украшенный на диво
 Я вижу саркофагъ; — онъ царскій прахъ ревниво
 Былъ долженъ укрывать, чтобъ доступа глазамъ
 Тутъ держимъ не было, — и саркофагъ тотъ самъ
 Теперь едва-ль не прахъ: ему нужна гробница. —
 Что это?.. Головы колонны! Отвалиться
 Ей было суждено отъ тѣла своего
 И, въ искаженіи, лежать здѣсь безъ него
 Разбитой чашею, у ногъ, подъ слоємъ пыли,
 Подобно черепу, что глѣбеть на могилѣ.

А тутъ — отъ старости ужъ еле на ногахъ —
 Какой-то обелискъ, возникшій въ тѣхъ мѣстахъ,
 Что были нѣкогда отчиной Мисраима,
 И надпись чудная на этомъ камнѣ зрима:
 Утраченный языкъ! Рѣчь сфинксовъ! Вотъ она!
 Въ іероглифы здѣсь, быть-можетъ, введена
 И мысль глубокая; но мысль подъ ихъ покровомъ
 Спитъ летаргически, не выражаясь словомъ —
 Тысячелѣтя спать, какъ мумія, она,
 Что въ бальзамичный гробъ навѣкъ заключена —
 Безъ поврежденія лежитъ въ своей могилѣ —
 Цѣлеховька, — но встать, воскреснуть ужъ не въ силѣ.
 Не только что твои творенья, человекъ,
 Грызетъ шагающій во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ,
 Но даже міръ стихій злымъ зубомъ постепенно
 Съдое время ѣсть. — Вотъ — камень драгоценной!
 И блескомъ взоры онъ, и дѣйствомъ поражалъ
 Въ теченіе вѣковъ, — но блескъ свой отлежалъ
 Въ могильномъ онъ пескѣ — и что-же? Обезсилѣлъ!
 Свѣтъ, заключавшійся въ его составѣ, вылилъ
 Онъ безъ остатка весь; настала чередъ —

И этотъ камень — вотъ — померкшая звѣзда!
 Среди обломковъ цѣль остался ликъ Сатурна,
 И близъ него цѣла коринтской бронзы урна:
 Изъ нѣдръ ея мнѣ лучъ блеснулъ какой-то... Вотъ!
 Смотрю: не геній-ли Эллады возстаетъ
 Изъ мертвыхъ?.. Это — она! *) Онъ чуждъ еще безсилія;
 Глаза его горять, и радужныя крылья
 Приподымаются, и воѣхъ онъ тутъ кругомъ —
 И дремлющихъ боговъ, и нимфъ, объятыхъ сномъ —
 Роскошно освѣтилъ, и Нимфы путевойной
 Облилъ сіяньемъ ликъ, надъ всѣми превосходный.

О, пусть всѣ божества во прахѣ вѣковомъ
 Спятъ вѣчно бронзовымъ и мраморнымъ ихъ сномъ.
 Проснись лишь только ты, богъ маленький, крылатый!
 Проснись! Взгляни, какъ милъ мой женственный вожатый!
 Шалунъ! Отъ персей ты Венеры ускользнулъ,
 Да въ гроздыя алыя впился и тамъ уснулъ.
 Великій грѣхъ — тебя безъ жертвоприношенья
 Оставивъ, миновать... О Нимфа, подъ вожденъ
 Меня пріившая! Будь набожна, какъ я!
 Помолимся!.. И вотъ — одна рука моя
 Простерлась въ этотъ мигъ къ Эроту, а другая...
 Увы! Суровый взоръ мнѣ Нимфа путевая
 Вдругъ бросила — и я, съ поникнувшимъ челомъ,
 Былъ словно пораженъ Меркурія жезломъ,
 И ужъ взлетѣвъ душой въ чертоги упоенья,
 Былъ изгнанъ за порогъ надеждъ безъ сожалѣнья.
 Чтожъ я скажу потомъ, вернувшись въ дальній край?
 Увы!.. Скажу, что былъ на поль-дорогѣ въ рай
 Я съ полу-сумрачной душою, полу-ясной, —
 Что райскій разговоръ ужъ слышалъ полу-гласный,

*) Поэтъ разумѣетъ Амура или Эрота.

Въ свѣтъ съ тѣнью пополамъ внеслась душа моя,
Испытывалъ — увы! — лишь поль-блаженства я...

XVII.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИИ *).

Когда я истратилъ послѣдній цехинъ
И былъ я обманутъ красоткою горской,
«Димитрій!» — сказалъ мнѣ изъ Влаховъ одинъ, —
«Что грустенъ? Пойдемъ-ка мы въ городъ приморской!
Красавицъ увидимъ въ его мы стѣнахъ,
А денегъ тамъ больше, чѣмъ камней въ горахъ.»

Въ шелку тамъ да въ золотѣ каждый солдатъ;
Пьютъ войны славно, живутъ молодцами, —
Накормятъ тебя, напоютъ, наградятъ
И пустятъ домой — не съ пустыми руками;
Кинжалъ золотымъ ты прицѣпишь шнуркомъ,
И курткой блеснешь съ золотымъ галуномъ.

Въ село-ли ты выйдешь? Замѣтятъ друзья
Красотки — и къ окнамъ прихлынутъ толпами;
Ты пѣсенку только затянешь слегка —
Тѣ всю тебѣ шапку засыплютъ цвѣтами.
Димитрій! Пойдемъ на суда! Поплывемъ!
Да тамъ поселимся — и какъ заживемъ!

Глупецъ! Я повѣрилъ; родимый пріютъ
Оставилъ, и — горецъ — я втянулъ былъ адомъ

*) См. примѣчаніе — въ концѣ этого тома.

Въ корабль бѣлокаменный тотъ, что зовутъ
Венеціей: хлѣбъ отозвался мнѣ адомъ;
Мнѣ душно; тамъ — дома — покинута мной
Свобода; здѣсь мучусь, какъ песь я цѣпной.

Я — къ дѣвушкамъ краснымъ, а тѣ на-смѣшки
Мой выговоръ тутъ поднимаютъ суровый.
Здѣсь даже и горцы — мои земляки —
Языкъ и обычай усвоили новый.
Я — кустъ, пересаженный лѣтней порой:
Измилъ меня вихрь, — иссушилъ меня зной.

Знакомцевъ встрѣчаешь, бывало, въ горахъ, —
Пріятели видишь: душѣ веселѣ!
Привѣтное слово у встрѣчныхъ въ устахъ:
А! здравствуй! Здоровъ-ли ты, сынъ Алексѣя?
А здѣсь я — какъ мошка, что вѣтеръ схватилъ
Въ лѣсу, въ прудъ забросилъ, и плавать пустил!

КЪ

Альпы. Спльогенъ.

Нѣтъ! Вѣрно суждено всегда намъ быть вдвоемъ!
Я моремъ-ли плыву, иду-ль сухимъ путемъ —
Ты тутъ-же. — Здѣсь, гдѣ льдовъ воздвигнута громада,
На нихъ блестящій слѣдъ твой вижу я: — порой
Обворожительный, небесный голосъ твой
Я въ шумѣ слышу здѣсь Альпійскаго каскада;
Власы подъемятся, когда я оглянусь...
И чаю образъ твой увидѣть — и боюсь...

Неблагодарная! Когда я здѣсь — въ горахъ,
 Взлетѣвшихъ къ небесамъ — подъ самый куполь звѣздный.
 Или, взоходя, тону въ туманныхъ облакахъ, —
 Когда съ трудомъ держусь на льду при скользкомъ шагѣ,
 И, снявъ рукой съ рѣсницъ пушинку мерзлой влаги,
 Ищу межъ тучами звѣзды полярной я,
 Литвы, и твоего жилища, — и тебя, —
 Неблагодарная, — быть можетъ, въ это время —
 Царица праздника — ты въ танцахъ передъ всѣми
 Блестяешь первою, — иль новую любовь
 Въ утѣху взявъ себѣ и забавляясь вновь,
 Съ улыбкой о любви рассказываешь нашей..
 Скажи, счастливы-ль ты стала оттого,
 Что подчиненные, предъ Милостію Вашей
 Склоняя головы, ждуть взора твоего?
 Ты ближе-ль оттого теперь къ границѣ счастья,
 Что засыпаешь ты подъ шопотъ сладострастья
 И просыпаешься, когда твой долгій сонъ
 Веселымъ кликомъ вновь и шумомъ прекращень?
 Уже-ли ни одно тебя воспоминае
 Не потревожило? Уже-ли-бъ не была
 Ты счастлива, когда-бъ удѣлъ мой приняла
 На долю и себѣ — любовь въ глуши, въ изгнань?..

Тебя-бъ я за руку по этимъ вель скаламъ,
 Твой слухъ-бы услаждалъ въ дорогѣ нѣгой пѣны;
 Гдѣ встрѣтился потокъ — я кинулся-бъ къ водамъ
 И положилъ тебѣ на переходъ камня,
 Чтوبъ переправилась ты, не смочивши ногъ;
 Я ручки-бы твои отъ холода сберегъ
 Подъ поцѣлуйми; — нашлась-бы намъ и хатка,
 Куда-бы мы вошли и отдохнули сладко
 У горца добраго; могли-бъ и сѣсть, и лечь;
 Я свой дорожный плащъ сейчасъ-бы сбросилъ съ плечъ
 И обернулъ тебя, а ты-бъ ко мнѣ склонилась

Передъ пастушескимъ, домашнимъ огонькомъ
 И, утомленная, уснула-бъ крѣпкимъ сномъ
 И на моемъ плечѣ поутру-бъ пробудилась!

КЪ МОЕМУ ЧИЧЕРОНЕ ВЪ РИМѢ.

(Генриэттѣ А.).

Мой чичероне! Здѣсь вижу я странника имя
 Чуждое мнѣ, некрасивое: онъ здѣсь его
 Въ знакъ начерталъ, что присутствовалъ нѣкогда въ Римѣ.
 Знать-бы я крайне желалъ что-нибудь про него.

Можетъ быть — вскорѣ волна его бурная смоетъ
 Съ поприща жизни, — иль прахъ въ темномъ лонѣ
 Жизнь, и дѣла его всѣ, и заслуги сокроетъ,
 И никогда ничего не узнаешь о немъ.

Я угадать-бы хотѣлъ, что онъ чувствовалъ, мыслилъ,
 Имя на память свое въ твою книжку вносилъ
 Въ свѣтлой Италіи... Можетъ быть, странникъ расчислилъ,
 Что обозначится этимъ и жизнь его вся?

Съ дрожью-ль въ рукѣ онъ, сперва все обдумавъ прилежно,
 Имя то тихо чертилъ, какъ надгробье въ скалѣ?
 Или-жъ, какъ слезку прощанія, бросилъ небрежно
 Надпись онъ эту, къ иной отъѣзжая землѣ?

Мой чичероне! Дитя ты — чертами своими,
 Разумъ-же старца чело твое кажетъ вполне;
 Между гробницъ ты и храмовъ и древностей въ Римѣ
 Ангеломъ былъ путеводнымъ — хранителемъ мнѣ.

Ты проникаешь въ сердца неземнымъ своимъ глазомъ:
Взглянешь — и прошлое все прочтено тобой разомъ.
Ахъ! Ужъ и будущность всю пилигрима равно,
Можетъ быть, знать тебѣ также дано!

XX.

ДЕРЕВА БЛАГОУХАЮТЬ.

Дерева благоухаютъ;
Воды блещутъ яснымъ лономъ;
Птички сладко распѣваютъ;
Стрекоза жужжитъ съ призвономъ.

Что-же, съ думою своею,
Я грущу, весны не чую?
Ахъ! Я сердцемъ сиротью:
Съ кѣмъ пиръ вешній раздѣлю я?

Передъ домомъ, въ сумракъ тонкой—
Чу! — напѣвъ... и кто-то брякнулъ
По струнамъ гитары звонкой:
Я открылъ окно — и всплкнулъ.

То съ любовью менестрели
Пѣснь любви поютъ, ликуя:
Пѣснь ихъ сладостна, — но — мнѣ-ли?
Съ кѣмъ напѣвъ ихъ раздѣлю я?

Горе я успѣлъ извѣдать;
Но — скиталець — тяжкой были
Никому не могъ повѣдать,
И замкну ее въ могилѣ.

Предъ свѣчой, какъ день затмится,
Сложи руки, возсѣдаю...
Часомъ въ мысляхъ пѣснь творится,
Часомъ я перо хватаю.

Мысль — что красная дѣвица!
Пѣснь — что сладость поцѣлуй!
Но душа моя — вдовица:
Съ кѣмъ ту пѣсню раздѣлю я?

Мысль родится, звукъ родится,
Но — душа полна слезами;
Грустно ей; она — вдовица —
Видитъ дѣтокъ сиротами.

При погодѣ самой ясной
Давить странника кручина —
Отъ того, что онъ, несчастный,
И вдовець, и сиротина.

XXI.

КЪ УЕДИНЕНІЮ.

Уединеніе! Къ тебѣ стремлюсь я жадно.
Средь жизненныхъ жаровъ мнѣ душно; я усталъ.
Ты — словно въ зной вода: чтобъ стало мнѣ прохладно —
Кидаюсь я въ глубокій твой кристалль.

Ныряя въ мысляхъ, я надъ мыслями всплываю,
Играю мыслями, и ихъ, какъ волны, бью, —
И, снова утомленъ, на краткій сонъ слагаю
Я персть остывшую мою.

Не ты-ль — стихія мнѣ? Вдали отъ сферы жгучей
 Ты сердце мнѣ свѣжишь, мрача разсудокъ мой.
 Зачѣмъ-же долженъ вновь я рыбою летучей
 Скакать на воздухъ — вверхъ, гдѣ солнышко и зной?

Внизу мнѣ холодно, а сверху — жаръ, истома!
 Стихи — двѣ; но въ нихъ — обѣихъ — я не дома.

«КОГДА ЛИШЬ ПРИЗРАКЪ МОЙ» И Т. Д.

Когда лишь призракъ мой тутъ среди васъ сидитъ,
 Глядитъ вамъ всѣмъ въ глаза и громко говорить,
 Душа моя тогда далѣко, ахъ, далѣко,
 Считается, полна упрека, ахъ, упрека!

Есть край родной, гдѣ мысль познала божество,
 Гдѣ сердца моего безчисленно родство:
 Мой край чудеснѣе, чѣмъ тотъ, что предъ очами,
 Родня милѣй всѣхъ тѣхъ, кто породнился съ нами...

Туда я отъ трудовъ, заботы и забавъ
 Бѣгу, подъ елими высокими скрываюсь,
 Лежу тамъ въ густотѣ благоуханныхъ травъ,
 За насѣкомыми и птичками гоняюсь;

Любуюсь, какъ съ крыльца красавица идетъ
 Къ намъ въ лѣсъ: по зелени луговъ она порхаётъ,
 Купается въ волнахъ хлѣбовъ, какъ въ лонѣ водъ,
 И утренней зарей съ высотъ для насъ сияетъ.

* * *

Ахъ, льются такъ слезы нѣмыя, святыя,
 Къ тебѣ, мой вѣкъ дѣтскій, вѣкъ майскій, вѣкъ райскій,

Къ тебѣ, мой вѣкъ юный неволи, недопъ,
 Къ тебѣ, мой вѣкъ зрѣлый, гдѣ горе, какъ море.
 Ахъ льются тѣ слезы нѣмыя, святыя...

XXIII.

ЛЮБИМЕЦЪ АНГЕЛОВЪ.

Любимецъ ангеловъ — я много ихъ встрѣчалъ;
 Ихъ глазокъ много мнѣ, какъ звѣздочекъ, мелькало, —
 И, утопающій, бывало,

Я много ручекъ ихъ прелестныхъ пожималъ,
 Но сердце сердца не встрѣчало.

Въ тѣ годы, не щадя для милыхъ ничего,
 Рукою щедрою немало

Я выдалъ сердца своего,

Какъ юный мотъ, въ теченіи часа

Готовый вынуть все изъ своего запаса,

И ничего потомъ онѣ —

Должницы милыя — не возвратили мнѣ.

Кто-жъ обвинить меня, что испыталъ потерю,

Я скупъ и остороженъ сталъ?

Прощайте, ангелы! Теперь ужъ я не вѣрю

Вамъ свой послѣдній капиталъ.

Я, взявъ изъ кладовой всю долю остальную,

Все въ землю врыть готовъ. Прочь траты! Старость чую.

Не то — лишенному всего уже вполне

Пришлось бы нищенствовать мнѣ.

Нашелъ я ангела, котораго упрѣку

Я не подвергнулъ-бы... Вмѣнивъ платежъ въ законъ,

Все выплатилъ-бы онѣ, и съ лихою, и къ сроку,

Нашелъ я: въ небѣ онѣ.

XXIV.

ГРОЗНО СКЛОНЯСЬ.

Грозно склоняся надъ водами,
Скалы воздвиглись рядами:
Въ зеркаль влаги прозрачной
Очеркъ ихъ видится мрачный.

Смутно вдали надъ водами,
Тучи несутся съ дождями:
Въ зеркаль влаги хрустальной
Виденъ ихъ образъ печальный,

Рѣзко надъ тѣми-же водами
Молніи вьются змѣями,
И, отражаясь въ знакомомъ
Зеркаль, падаютъ съ громомъ;
Воды, лишь блескъ ихъ отбили,
Стали вновь тѣ-же какъ были.

Жизнь моя — воды въ движеньи,
Молніи въ ихъ отраженьи,
Скалы и тучи — все зримо;
Все отразится — и мимо!

Скалы... Данъ видъ имъ грозящій
Тучи... Имъ — дождь всекропящій;
Молніямъ — съ громомъ паденья;
Мнѣ-же — теченье, теченье.

ПОСВЯЩЕНІЯ.

ІОАХИМУ ЛЕЛЕВЕЛЮ.

По поводу начатыхъ имъ въ Виленскомъ университетѣ 6 января
1822 года чтеній курса всеобщей исторіи.

О Лелевель, тебя мы всё устали ждать
И съ радостью теперь привѣтствуемъ опять,
Когда явился ты къ своимъ единовѣрцамъ,
Чтобъ просвѣщать умы, мирить разсудокъ съ сердцемъ.
Ахъ, не того любигъ родимый край привыкъ,
Кто остроуміемъ извѣстности достигъ
И передъ кѣмъ въ дугу книгопродавецъ гнется;
Но тотъ дороже намъ, въ которомъ сердце бьется
Любовью къ родинѣ, кто заслужитъ вѣнокъ
Лавровый личными достоинствами могъ.
Таковъ ты, Лелевель, и — справедливъ я буду —
Друзей и истину находишь ты повсюду,
Ты юноша почти, но въ жизненной борьбѣ
Сѣдые старики завидуютъ тебѣ,
И имя славное твое извѣстно стало
Въ Германіи, подъ дальнимъ небомъ Галла,
А то, что ты въ Литвѣ очаровалъ умы,
Рукоплесканьями доказываемъ мы.

Въ аудиторіи, въ знакомой всемъ намъ залѣ,
Давно рѣчей твоихъ мы вѣщихъ не слыхали.

Вновь изуми теперь своихъ учениковъ,
 Какъ прежде изумлялъ, когда изъ тьмы вѣковъ
 Ты вызывать умѣлъ волшебнымъ даромъ слова
 Героевъ Греціи и Рима, вставшихъ снова
 Изъ гроба. Мысль твоя ихъ воскрешать могла,
 Плутона шлемъ спадаль съ ихъ гордаго чела *)
 И панцири съ груди, таившей въ дни былые
 Желанья, помыслы ихъ добрые и злые.
 Вотъ персовъ грозный бичъ **), вотъ и Платонъ мудрецъ!
 Открыть намъ лабиринтъ ихъ думъ и ихъ сердець.
 Здѣсь искра свѣта, тамъ могучей власти сѣмя:
 Когда для нихъ вполне благопріятно время —
 Отъ искры зарево росло, а изъ сѣмянъ
 Рождался, цѣлый міръ давший, великанъ.
 Такъ гении царятъ по смерти надъ живыми
 И все прошедшее блѣднѣетъ передъ ними
 И даже въ будущемъ грядущихъ дней народъ
 Живетъ ихъ отблескомъ или чувствуетъ ихъ гнеть;
 Но одинаково достойно — міромъ править
 И жизнь властителей въ живыхъ чертахъ представить.

Во прахъ стираются нерѣдко города
 И истребляютъ ихъ огонь или вода;
 Живыхъ свидѣтелей такихъ событій много,
 А кто ихъ разъяснить? Не всякій, если строго
 Разсудимъ мы. Затѣмъ еще труднѣй найти
 Людей, которые, собирая по пути
 Матеріалъ, нашли безъ уклоненій ложныхъ
 Причину общую явленій всевозможныхъ,
 Изъ нѣдръ земныхъ не разъ вздымавшихъ массу водъ
 И дѣлавшихъ на всей землѣ переворотъ.

*) Шлемъ Плутона дѣлалъ невидимыми тѣхъ, которые его носили.

***) Александръ Великій.

Примѣч. автора.

Примѣч. автора.

Стараясь развивать мысль нашу въ томъ-же родѣ,
 Отъ мертвой перейдемъ теперь къ живой природѣ,
 Гдѣ люди тотъ-же міръ, стихіи — ихъ душа.
 Какъ тутъ явленій рядъ понять не погрѣша?
 Разнообразье формъ и фактовъ насъ смущаетъ,
 Свидѣтельство другихъ мыслъ только затемняетъ,
 А Истина, скупясь на благотворный лучъ,
 Не хочетъ выглянуть, какъ солнце изъ-за тучъ.
 Мы сказки иногда не отличимъ отъ были,
 Въ познаньи истины мы въ дѣтствѣ слѣпы были;
 Когда старался глазъ мракъ общій превозмочь,
 Тогда спѣшили намъ наставники помочь,
 Въ свои очки глядѣтъ насъ часто заставляли,
 Чтобъ глубже и яснѣй мы вещи понимали,
 Но цвѣтъ истинъ давалъ и всѣмъ предметамъ цвѣтъ
 И рѣдко истины мы познавали свѣтъ,
 Стараясь разъяснить все внѣшнія явленія
 Ошибками другихъ и собственного зрѣнія.
 Мы все рабы съ пеленъ. У насъ нѣтъ чувствъ своихъ
 И наши мнѣнія беремъ мы у другихъ.
 Въ ребячествѣ отцу все дѣти подражаютъ,
 Въ дни юности на насъ обычай вліяютъ,
 И мысль, которая намъ кажется своей,
 Всосали мы въ себя изъ груди матерей,
 Иль отъ наставниковъ у насъ осталось съ дѣтства
 Уроковъ прежнихъ ихъ духовное наслѣдство,
 И слово, каждое движеніе, каждый шагъ
 Сейчасъ-же выдають: — кто нѣмецъ, кто полякъ.
 А солнце Истины для всехъ равно сіяетъ
 И съ равной силою міръ цѣлый согрѣваетъ,
 Распространяя свѣтъ спасительныхъ идей,
 И ближними вездѣ считаетъ всехъ людей.
 Вотъ почему, трудясь, чтобъ къ истинѣ стремиться,
 Обязанъ человѣкъ свободно отрѣшиться

Отъ всякихъ мнѣній, имъ заимствованныхъ, думъ
Чужихъ, которымъ мы всё вѣримъ на-обумъ.

Историка зовутъ къ труду такому боги.
Но какъ легко ему свернуть съ прямой дороги,
И только тотъ, кто могъ соединить въ себѣ
И вдохновеніе, и мощный трудъ, въ борьбѣ
Мірскихъ страстей и зла лишь силы почерпая,
Корысти времени ни въ чемъ не уступая, —
Предвидитъ только тотъ грядущее земли,
Иль въ безднахъ прошлаго далекаго, въ пыли
И сумракѣ вѣковъ, презрѣвъ мечты пустыя,
Находитъ истины крупницы золотыя.
О, Лелевель, тобой по истинѣ должна,
Какъ украшеніемъ, гордиться вся страна!
Историкъ, блещешь ты какъ яркое свѣтило
И говоришь — что есть, что будетъ и что было.

Общественная жизнь явилась съ давнихъ поръ:
Тамъ, гдѣ бѣжитъ Евфратъ и до Ливанскихъ горъ,
Среди равнинъ, еще не потерявъ свободы,
Сплотились первые извѣстные народы.
Но скоро ихъ смирилъ тирановъ страшный гнѣтъ.
И въ городскихъ стѣнахъ въ цѣпяхъ ходилъ народъ
И рабски несъ ярмо неволи въ дни невзгодъ.
Въ другомъ углу земли, стремясь идти впередъ,
Устраивался грекъ, во всѣхъ своихъ приемахъ
На мирмидоновскихъ похожихъ насѣкомыхъ *),
Который, какъ они, чужіе города
Заявляя, однако ихъ обогащала всегда,
И словно муравей, живой, прагъ жизни правдой,
Чужимъ богамъ умѣлъ дать видъ своеобразный;

*) Мирмидоняне, потомки Мирмидона, сына Зевсова; по дру-
гому преданію, они произошли отъ муравьевъ. *Примѣч. автора.*

И, собственныхъ богинь создавши, элины, ты
Воздвигъ Свободы храмъ и храмъ въ честь красоты,
И, ими вдохновясь, свой прославлялъ удѣлъ,
Сражался, рассуждалъ, любилъ, училъ и пѣлъ.
Но вотъ мидійскій мечъ сверкнулъ надъ нимъ. Глубоко
Смутился цѣлый міръ предъ идоломъ востока;
Подъ щелканье бичей карающихъ тогда
Нахлынула со всѣхъ сторонъ рабовъ орда;
Ксерксъ рушилъ города и шелъ впередъ деспотомъ,
Міръ наводнилъ толпой, моря обставилъ флотомъ...
Но вдругъ громъ эллинскій ударилъ, и въ разбродъ
Бѣжало воинство и потонулъ весь флотъ.
Грекъ побѣдилъ и, избѣжавъ погрома,
Сталъ азіатцевъ бить на родинѣ ихъ, дома;
Но, нѣгой заразясь, оружье побросалъ
И самъ, какъ азіатъ лѣнивый, задремалъ.
Потомки Ромула того какъ-будто ждали
И, слабымъ овладѣвъ, легко его сковали.
Жестокіе, среди своихъ домашнихъ ссоръ
Узнавъ всѣ хитрости, чтобъ поселить раздоръ
Между сосѣдями, поладивъ межъ собою,
Въ дни мира къ новому готовились разбою
И сообща потомъ спѣшили на грабежъ...
Но не всегда враговъ для грабежей найдешь,
И смѣлые борцы, забывъ свои набѣги,
Погрязли въ праздности и утопали въ нѣгѣ.
Предъ Римомъ міръ дрожалъ, а Римъ сковалъ тиранъ;
Римъ изнемогъ, сталъ слабъ, какъ дряхлый великанъ.

Кто-жъ бранный, ветхій міръ возбудитъ къ жизни новой?
Ты, Скандинавіи герой и сынъ суровый.
Вотъ въ латахъ сюзерень — его ли не узнать? —
Съ копьемъ и четками, готовый пострадать
Во имя женщины, религіи и славы,
Зоветъ къ себѣ на пиръ вассаловъ; для забавы

У дамъ въ рукахъ вѣнки; взявъ лиру, бардъ поетъ,
 Фехтуеть молодежь и одобренья ждетъ. —
 Живѣе, чѣмъ у насъ, въ ихъ жилахъ кровь струилась.
 На ихъ призывъ съ небесъ сама Любовь спустилась,
 Которой не цѣнили, не слушались, какъ глухой,
 Ни эллинъ чувственный и ни еврей сухой.
 Когда порой законъ сомнѣваемъ колебали,
 То словомъ рыцарскимъ они его скрѣпляли.
 Спасая отъ обидъ честь милыхъ сердцу дамъ,
 Они въ пустыни шли, на встрѣчу всѣмъ одамъ;
 Какъ побѣдители рубились палладины
 Иль находили смерть подъ небомъ Палестины.
 А въ замкахъ ихъ межъ тѣмъ царилъ монаховъ клиръ,
 Священникъ въ келью шель, чтобъ позабыть весь міръ,
 Отъ грома папскихъ буллъ короны упали,
 И римляне опять владычествовать стали,
 Пока не поднялся военный грозный станъ,
 Чтобъ положить предѣлъ насилію римлянъ.

Въ странахъ, гдѣ есть законъ и правилъ строгихъ сводъ,
 Покорны хартіямъ и власти, и народъ;
 У англичанъ давно такіе есть законы;
 Такія-жъ хартіи намъ дали Ягеллоны,
 Но есть края, гдѣ все перемѣшалось вкругъ
 И равенъ мужику бунтующій барчукъ.
 Испанцы далѣе пошли: и край чудесный
 Открыли, никому донинѣ неизвѣстный;
 Искать сокровищъ тамъ свой посылали флотъ
 И угрожали всей Европѣ каждый годъ.
 Но планамъ ихъ она настойчиво мѣшала
 И, дѣйствуя мечемъ, союзы заключала.
 А дипломатія интригами жила
 И, какъ полищъ морской, таинственно росла.
 Кто дорожитъ собой и всѣмъ, что онъ имѣетъ,
 Съ оружіемъ въ рукахъ тотъ засрѣмать не смѣетъ, —

А потому никто другимъ не довѣрялъ,
 Приобрѣтеніемъ позоръ потеръ смѣнялъ;
 Считаая націи своимъ наслѣдствомъ, стали
 Ихъ короли дарить, или просто продавали;
 Защитникъ иногда былъ въ то же время врагъ
 И произволъ одинъ царилъ, какъ ночью мракъ.

Такъ шли вездѣ дѣла, когда волканъ парижскій
 Бурля заклокоталъ. Гроза казалась близкой...
 Эпоха смутная: тяжелый долгій гнетъ,
 Борьба съ папистами, измученный народъ,
 Горячность юности, заносчивость дворянства,
 Неистовство рабовъ, прогрессъ и шарлатанство...
 Какъ нѣкогда земля, зачавъ, произвела
 Титановъ, такъ въ тѣ дни, какъ пороженье зла,
 Когда Европа вся передъ грозой смутилась,
 Ты, революція, какъ гидра появилась. —
 Сломить ее тогда хотѣли, раздавить, —
 Напрасно! — мстители рождались вновь, чтобъ мстить...
 Волненіе росло. Поправъ обломки трона,
 Одни въ мечтахъ рвались къ республикѣ Платона,
 Другіе же несли богатства въ новый храмъ,
 Чтобъ ими въ свой чередъ воспользоваться тамъ,
 Когда-жъ подъ топоромъ враги ихъ умирали,
 Они то лили кровь, то кровью истекали.
 Вдругъ цезаря орелъ вспорхнулъ изъ ихъ гнѣзда,
 И грозныхъ битвъ заигласъ кровавая звѣзда,
 И хоть лежать давно въ могилѣ великаны,
 Боятся ихъ тѣней донинѣ всѣ тираны.

О, Лелевель, гдѣ я? Могу-ли воспѣвать
 Моря, когда весломъ не въ силахъ управлять?
 Ничтожный червь, съ орломъ я думалъ поравняться,
 Въ полетѣ мысленномъ съ тобой хотѣлъ тягаться:
 Такъ выручи меня, историкъ славный нашъ!

Ты никогда еще, какъ знанья вѣрный стражъ,
 Своимъ собратьямъ лгать не позволяя печатно
 И истина всегда была тебѣ понятна;
 Своей задачи ты всѣ трудности постигъ
 И сладость отъ плодовъ труда вкушать привыкъ.
 Скажи же намъ — тебѣ вся зала рукоплещеть —
 Какъ воспарилъ ты въ мѣръ, гдѣ вѣчно солнце блещеть?
 По вдохновенію, поднявшись на Парнасъ,
 Намъ открывай глаза, все видя лучше насъ;
 Среди другихъ вѣнковъ цѣнить умѣй ты тоже
 Вѣнокъ, предложенный тебѣ отъ молодежи,
 И наше хвастовство прости о томъ, что ты
 Намъ изъ того вѣнка самъ раздавалъ цѣфты.

Ш А Ш К И.

(Францу Малевскому).

Юридическія книжки, Францъ, оставь ты, ради Бога,
 Пусть онѣ подъ слоємъ пыли отдохнутъ хотя немного;
 Не разсматривай картину человѣческихъ страданій,
 Заблужденій и пороковъ и безумныхъ злодѣяній, —
 Это зрѣлище печально: сердцемъ вынесемъ немного
 Изъ него мы, хоть разсудкомъ будемъ взвѣшивать все
 строго.

Осуждать легко, хоть каждый не избѣгнетъ укоризны;
 Часто самъ законодатель оскорблялъ законъ отчизны.
 Локридянинъ, нарушая всѣ свои постановленья,
 За вину дѣтей отцовъ ихъ ослѣплялъ безъ сожалѣнья;
 Даже тотъ, кто далъ законы, всѣмъ извѣстные на свѣтѣ
 На двѣнадцати каменьяхъ, — нарушалъ законы эти.

Но зачѣмъ искать примѣровъ въ прошломъ каждаго на-
 рода?

Правду словъ моихъ, конечно, подтвердить сама природа.
 Въ городахъ законы пишутъ, а въ деревнѣ чище нравы
 И законности охотнѣй соблюдаются уставы,
 Такъ не лучше-ли въ деревню намъ скорѣе удалиться?
 Тотъ далекъ отъ преступленья, кто умѣетъ веселиться.

Если-жъ вешнее ненастье удовольствіе отравить,
 Если-жъ сырость или холодъ дома насъ сидѣть заставитъ,
 Чтѣ мѣшаетъ намъ развлечься мирно дома той порою
 И заняться на досугѣ занимательной игрою?
 Не такой игрой, конечно, за которой мы скучаемъ,
 И, не давъ разсудку пищи, только тѣло утомляемъ.
 Лишь одни пустые люди съ нескрываемымъ азартомъ
 За столомъ играютъ въ кости или страсть имѣютъ къ кар-
 тамъ;

Цѣль игры подобной — деньги, жажда выигрыша; — смѣло
 Игроки къ добычѣ рвутся и судьба рѣшаетъ дѣло.

Для людей серьезныхъ, умныхъ, для людей съ сообра-
 женьемъ,
 Только шашки служатъ нынче благодарнымъ развле-
 ченьемъ.

Та игра — игра востока; полюбивъ ее, садился
 И военному искусству молодой султанъ учился,
 Костяныя шашки, словно войско, битвой упражняя,
 То ихъ двигая въ атаку, то лукаво отступая,
 И испытывая силы непріятельскаго стана,
 И наукой — жить на свѣтѣ — были шашки для султана...
 Не султаны, не герои, — ужъ пора теперъ другая: —
 Люди кроткіе играютъ нынче въ шашки, избѣгая
 Всякихъ шумныхъ развлеченій, игръ, которыхъ имъ не
 нужно,
 И не вѣдая корысти, день кончаютъ мирно, дружно.

Въ ту игру непосвященный — прочь! Онъ долженъ удалиться.

Для такого ратоборства первый встрѣчный не годится.
Чтобъ играть въ игру такую, нужно близко знать друга-друга,

Совершенно быть подъ пару, какъ любовникъ и подруга.

Францъ! Съ душою очень нѣжной, хоть сухимъ всегда казался,

Ты надъ шашками смѣшься и ни разу не влюблялся,
Такъ позволъ-же познакомить мнѣ тебя съ игрою этой,
А влюбиться ты успѣешь, взглядомъ пламеннымъ согрѣтымъ.

Въ платье польское такъ ловко переряженный, о Видо,
Для чего съ твоею кистью я не справлюсь? Вотъ обиди!
Сдѣлай такъ, чтобъ я, твой блѣдный копійсть по подражанью,

Красоту и блескъ придать могъ своему живописанью.
Пусть такъ шашки воспою я и талантливо прославлю,
Что ихъ чтить на бѣломъ свѣтѣ повсемѣстно я заставляю,
А меня пусть тотъ читаетъ терпѣливо и безъ скуки,
Для кого рѣшился храбро я теперь перо взять въ руки.

Знай-же, Францъ, игра такая цѣлый бой изображаетъ,
А для битвы нужно мѣсто, что конечно каждый знаетъ;
Почему для боя площадь отведемъ, на ней устроивъ
Семь дорогъ пересѣченныхъ, какъ арену для героевъ,
Раздѣливши на квадраты цвухъ цвѣтовъ всю площадь,
чтобы

Войско заняло ту площадь и вступить въ борьбу могло бы
А когда все поле битвы мы очертимъ безупречно,
Намъ о рыцаряхъ придется позаботиться конечно;
По двѣнадцати на каждой сторонѣ, они дерутся.
Такъ какъ рыцари всѣ пѣши, то пусть *тычками* зовутся,
И чтобъ намъ не ошибаться при движеніи ихъ проворномъ,
У однихъ мундиры бѣлы, а другіе въ платьѣ черномъ.

Но хотя они враждуютъ и на нихъ различно платье,
Но стоять на черномъ фонѣ тѣ и эти, безъ изытъя.
Хочетъ полкъ съ полкомъ сразиться, храбрость, силу
обнаружить,

Рвется взять побольше плѣнныхъ или враговъ обезоружить,
Шагъ за шагомъ подвигаясь, каждый зорко наблюдаетъ
За противникомъ, движенія всѣ его соображаетъ

И едва замѣтитъ только, что шагнулъ неосторожно
Изъ шеренги рыцарь смѣлый, словно коршунъ, если можно
И порожнее есть мѣсто, онъ шагаетъ дерзновенно

И противника-безумца поразить спѣшитъ мгновенно. —
Ждетъ погромъ или побѣда — невозможно отступлене,

Отступать на полѣ битвы — нѣтъ ужаснѣй преступленья!
Каждый долженъ безпощадно биться такъ или иначе

И въ чужой ворваться лагерь: вотъ игры такой задача. —
Кто въ сраженіи отличился и позицію взялъ силой,

На того вѣнокъ лавровый возлагаютъ руки милой,
И какъ странствующій рыцарь, приготавливаясь къ бою,
На коня сѣвъ, даже даму можетъ онъ везти съ собою;

И пѣшкомъ ходивши прежде, онъ теперь имѣетъ право
Гарцовать верхомъ повсюду и налѣво, и направо.

Если-жъ всаднику дорогой попадется врагъ, — понятно
Онъ, убивъ его, ускачетъ на конѣ своемъ обратно;

Такъ трусливый Карлъ поспѣшно удираетъ, поднявшись съ
трона

Предъ нашествіемъ возставшихъ и предъ войскомъ Аль-
біона;

Но когда узналъ, что Жанна д'Аркъ его охраной стала,
То разбилъ онъ и британцевъ, и бунтующаго Галла.

Защищайся, ставь преграды, въ битвѣ стойкій и упрямый,
Чтобъ противникъ не былъ въ силахъ овладѣть твоею
дамой.

Если самъ не пожелаешь дамы брать въ враждебномъ
станѣ

И враговъ своихъ осилишь, то скажу тебѣ заранѣ,
 Что противниковъ разбитыхъ срамъ великій ожидается,
 И по правиламъ игры той, *пастъ коты* имъ угрожаетъ.
 На свои надѣясь силы, часто вождь въ пылу сраженья
 Не заботится о дамѣ и не чуетъ пораженья;
 Между тѣмъ его противникъ при пособьи дамы часто
 Съ нимъ справляется, наноситъ роковой ударъ — и баста!
 Врагъ шатается, роняетъ мечъ изъ рукъ и только стонетъ,
 И о немъ его подруга ни слезинка не уронитъ.
 Такъ, мечтая о побѣдѣ, умираетъ онъ, плохую
 Выбравъ долю, потому что погибаетъ *на-сухую*.
 Потому, ты добивайся дамы хитростью или силой:
 Веселѣй вдвоемъ побѣда, да и смерть пріятнѣй съ милой;
 Даже въ битвѣ пораженье такъ тебя не озадачитъ,
 Если милая подруга горько смерть твою оплачетъ.

Таковы войны законы, здѣсь изложенные кратко.
 У народовъ разныхъ, впрочемъ, свой законъ, своя повадка.
 Такъ сарматъ неустрашимый, въ храбрость собственную
 вѣря:

«Разобью, но не измѣной!» говорить «не лицемѣря»;
 Потому грудь-съ-грудью бьется, но не бьетъ бѣгущихъ въ
 спину,

Хоть-бы врагъ былъ подъ рукою, пораженный въ по-
 ливну. —

Дама тоже, какъ и рыцарь, безъ скачковъ, но шагъ за
 шагомъ

Подвигается, сражаясь, но, какъ бы особымъ благомъ
 Женскимъ, пользуется правомъ съ поля битвы удалиться
 Безъ стыда — такого шага дамѣ нечего стыдиться. —

На мечи и *пушки* смѣло все испанцы налетаютъ,
 Атакуютъ прямо съ фронта и вокругъ зорко наблюдаютъ,

Иногда они подкрасятся любить, спритавшись въ засадѣ,
 И измѣнически могутъ поразить неожиданно сзади.

Въ этихъ случаяхъ единымъ взмахомъ остраго булата

Пятерыхъ враговъ лишаютъ разомъ жизни — и тогда-то,
 У противниковъ убитыхъ отобравши ихъ доспѣхи,
 Отправляются въ свой лагерь безъ боязни и помѣхи. —
 Для кастильскихъ *дамъ* законовъ нѣтъ особыхъ и обычно
 Дозволяется въ часъ битвы всеѣмъ имъ дѣйствовать раз-
 лично.

Тѣ, которыя добычи всюду ищутъ и къ ней рвутся,
 Иногда, чтобъ грабить мертвыхъ, возлѣ труповъ остаются;
 Но когда онѣ такъ грабятъ, въ мародерствѣ этомъ ловки,
 Пѣшка выскочитъ и разомъ срѣжетъ голову воровкѣ.
 Если-жъ *дамы*, мертвыхъ бросивъ, удаляются отъ строя
 Непріятелей, ловушку для довѣрчивыхъ устроя,
 То, сражаясь въ одиночку, мертвецами устилаютъ
 Роковой свой путь и въ битвѣ просто удержу не знаютъ.
 Галль, сражаясь очень храбро, подвигается какъ лава,
 Бьетъ и спереди, и сзади, бьетъ налѣво и направо,
 Пѣшкамъ, дамамъ никакого не даетъ почти значенья;
 Но его любая пуля достигаетъ назначенья,
 Даже и при разстояньи для другихъ стрѣлковъ далеко, —
 И врывается онъ въ лагерь непріятельскій наскокомъ.

Вотъ все игры, — можешь войско выбирать себѣ любое,
 Если твой партнеръ согласенъ на извѣстный выборъ боя.
 Польскій бой обыкновенно по душѣ солиднымъ людямъ;
 По игрѣ объ ихъ искусствѣ и терпѣннн мы судимъ.
 При концѣ игры выходятъ дамки въ поле скопомъ цѣ-
 лымъ,

И преслѣдованіе дамкъ признаютъ не легкимъ дѣломъ.

Потому игра испанцевъ игрокамъ нетерпѣливымъ

Больше нравится: окончить можно партію всю живо.

Кто къ увертливости склоненъ — держитъ ушки на ма-
 кушкѣ,

Тотъ партнеру представляетъ остроумныя ловушки.

Галль игру кончаетъ скоро, далеко при томъ шагаетъ

И игрокъ горячій способъ этотъ всеѣмъ предпочитаетъ.

Ты знакомъ теперь съ ходами шапекъ, милый Франць, но
дѣло

Тутъ не въ войскѣ только: нужно — имъ командовать
умѣло.

Развѣ гетманомъ зовется тотъ, кто колетъ лишь да рубить?
Нѣтъ, умѣй построить войско, иль оно тебя погубить,
Ознакомься съ полемъ битвы, — выборъ мѣста очень ва-
женъ, —

И мои совѣты помня, будь — гдѣ ловокъ, гдѣ отваженъ.

Замѣчай: въ углу направо у тебя двойная клѣтка.

Это — *мельница*: спасенье можешь въ ней найти не рѣдко,
Въ ней вполне ты безопасенъ; несмотря на нападенъ,
Перебьешь враговъ ты много, даже сдѣлавъ отступление.
Въ польской партіи, владѣя этой мельницей, въ засадѣ
Вмѣстѣ съ дамками спокойно защищайся при осадѣ;
Если-жъ въ полѣ есть *испанка*, — ставши въ мельницу по-
спѣшно,

Ты сражаться съ этой дамкой можешь смѣло и успѣшно.

Слѣва тоже есть двойная клѣтка, — *бочкою* зовется;

Этой *бочки* бойся: — плохо отъ нея тебѣ придется,

Если тамъ засѣла дамка, наблюдая за тобою,

Ты тогда не жди пощады, и не рвись напрасно къ бою.

Съ двухъ позицій этихъ, сзади или спереди лежащихъ,

Можно бить враговъ, по крайней мѣрѣ, близко къ нимъ
стоящихъ.

Такъ какъ съ ними пограничны *уолки*, то постоянно

Начинается въ нихъ битва, разгораясь неустанно.

Тутъ игрокъ безсильный, или осторожный виденъ сразу,

И тутъ есть о чемъ подумать храбрецу или пролазу.

Потому позицій этихъ ты держись для обороны,

Какъ предписываютъ строго игрокамъ игры законы.

Въ середину поля лѣзетъ лишь плохой игрокъ: онъ мо-
жетъ

Побѣдить, но еще чаще въ битвѣ голову положить.

Если-жъ врагъ неосторожный зазѣвается, то вѣрно
Пѣшекъ многихъ онъ лишится и ему придется скверно,
А когда онъ укрѣпится въ *уолкахъ* — пиши пропало,
И оставшись на срединѣ жди погрома и скандала.

Но о правилахъ подробно для чего распространяться?

Не они ведутъ къ побѣдѣ, а вожди. Сбираясь драться,

Лишь они даютъ характеръ всей игрѣ и безъ умьня

Та игра не представляетъ никакого развлеченья.

Тотъ игрокъ насъ не заманить, не собьеть съ пути-дороги,

Что плетется еле-еле, словно Фабій въ длинной тогѣ.

Онъ боится дать сраженъе и назадъ не отступаетъ,

Отдавая приказанья ихъ тотчасъ же отмѣняетъ,

Шагъ впередъ рѣшится сдѣлать и опять шагнетъ обратно,

Что-то все соображаетъ, что-то шепчетъ все невнятно

И, въ концѣ концовъ, разбитый, рать свою все уничтожа,

Самъ скучаетъ, на партнера нагоняя скуку тоже;

Какъ дитя смѣшонъ не меньше тотъ, кто безъ сообра-
женья,

Безъ оглядки и безъ цѣли лѣзетъ въ самый жаръ сра-
женья;

Бьютъ его при нападенъи, бьютъ когда онъ удираетъ

И, противника не тѣша, наконецъ онъ погибаетъ. —

Нѣтъ, игрокъ тотъ настоящій — и, повѣрь мнѣ, это вѣрно:

У кого, съ разсудкомъ вмѣстѣ, въ дѣлѣ храбрость равно-
мѣрна.

Кто, привычный къ ратоборству, въ бой вступаетъ безъ
смущенья,

Кто, обдумавъ шагъ, приводитъ планъ свой быстро въ
исполненье.

Игроки такіе гдѣ же? Но я слышу голосъ словно:

(Мнѣ друзья мои повѣрять, — говорю не голословно)

Если дружескимъ совѣтамъ Франць послѣдуетъ, то будетъ

Игрокомъ такимъ навѣрно, и страсть къ шашкамъ не осу-
дитъ.

Отчего-жъ не приглашаю я его къ столу? скорѣе
И нагляднѣй приучилъ-бы Франца милого къ игрѣ я.
Оказать ему такую неведикуую услугу
Можетъ каждый, почему-же услужить нельзя мнѣ другу?
Для меня когда-то шашки были лучшимъ развлеченьемъ,
Почему-жъ въ нихъ не играю нынче съ прежнимъ насла-
жденьемъ?

Ты, которой не извѣстно, что въ душѣ моей творится,
Ты, чье имя я не въ силахъ прошептать, чтобъ не сму-
титься,

Съ той поры какъ миръ душевный проигралъ тебѣ я въ
шашки,

Охлаждѣлъ я къ нимъ. Игралъ, не дала ты мнѣ поблажки,
И никто тому, конечно, при игрѣ не удивлялся:
Ты за шашками слѣдила, я-жъ тобою любовался.
Отъ лица мнѣ дорогого отвести не могъ я взора,
Словно чуя, что я долженъ буду съ нимъ проститься скоро,
Раздражаемый наплывомъ разныхъ чувствъ, въ молчаньи
строгомъ

И съ пылавшими глазами, говорящими о многомъ.
Но своей безумной страсти, при страданіи глубокомъ,
Затаивши вдохъ, не выдалъ я ни словомъ, ни намекомъ:
Знатный родъ твой сталъ межъ мною и тобой, и, полный
муки,

Безнадежно могъ я только изнывать, ломая руки.
Покоряюсь волѣ рока, вслухъ не жалуясь напрасно.
Но забыть — людская память не покорна, самовластна —
Я забыть не въ состояньи той игры, когда въ ловушку
Ты моихъ поймала пѣшекъ, поваливъ ихъ другъ на дружку.
Съ этихъ поръ стоять все шашки на моемъ столѣ безъ
дѣла;

Ихъ рука моя коснулась только разъ одинъ посмѣла,
Только разъ одинъ нарушилъ долгій трауръ, но такого
Преступленія отнынѣ не рѣшусь я сдѣлать снова,

Потому что предо мною ты явилась, какъ видѣнье,
И до шапекъ не касаться отдала мнѣ повелѣнье.

Я не знаю, Францъ, на сколько ты мнѣ вѣрить поже-
лаешь,

Божество-ли это было или чувствъ обманъ,—какъ знаешь,
Такъ и думай, я пускаюсь въ разъясненія не буду,
Но то чудное видѣнье никогда не позабуду.

Помнишь, какъ страдалъ я сильно въ мукахъ страсти без
надежной

И, лишенный утѣшенія дружбы искренней и нѣжной,
Въ-заперти, въ пустынной кельѣ проводилъ и дни, и ночи
И безъ сна, вплоть до денницы, у меня горѣли очи.
Разъ, когда ночная лампа, чуть мерцаая, гаснуть стала,
Вдругъ разсѣялась тьма ночи и ея какъ не бывало!
Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, голова моя кружилась
И чудесное видѣнье предо мной тогда явилось:
То была она, съ большими, неподвижными очами,
Кудри падали на плечи серебристыми лучами,
Платьемъ облако служило ей, когда она слетѣла
И букетомъ розъ румяныхъ на ея груди алѣло,
Какъ теперь тебя я вижу, такъ ее я видѣлъ ясно
И она была, какъ прежде, несравненна и прекрасна!
Только вокругъ чела имѣла еще большее сіянье
И божественнѣе было это чудное созданье.

А потомъ тотъ призракъ милый тихо къ столу спу-
стился.

Мы смотрѣли другъ на друга; я — весь въ зрѣнье обра-
тился.

Утра ранняя блѣднѣе близъ меня она стояла,
Лишь одна доска для шапекъ насъ въ то время раздѣляла.
Съ этихъ поръ довольно часто это милое видѣнье
Я встрѣчаю, какъ отраду моего уединенья,
Призракъ къ шашкамъ подлетаетъ, ихъ какъ-будто охраняя,
Но не хочеть, чтобъ игралъ я, ихъ порядокъ измѣняя.

Понялъ я ея желанье: шашки я не безпокою,
И считаю святотатствомъ тронуть ихъ моею рукою.
Потому-то охладѣлъ я къ той игрѣ: Ее полюбишь
Ты, быть-можетъ, Франць, коль строго исполнять совѣтъ
мой будешь:

Побѣждая ближнихъ, лавровъ триумфальныхъ добивайся,
Только жительницы неба побѣдить ты не старайся.
Тотъ, кто Писеи, припомни, нанести ударъ рѣшится,
Какъ еванецъ, среди войска права дѣйствовать лишится
Такъ и я умѣлъ утѣшить друга грустнаго когда-то,
А теперъ надоѣдаю всѣмъ... Нѣтъ прошлому возврата.

ДОКТОРУ С

Предпринимающему путешествіе въ Азію съ научною цѣлью.

Жрецъ Эскулапа! Ты, заброшенный въ пустынь,
Межъ дикарей свой культъ распространяя нынѣ,
Чужому племени здоровье въ даръ несешь,
А по тебѣ въ Литвѣ скучаетъ молодежь.
Но самъ ты скуки чуждъ; куда-бъ ни шла дорога:
Въ водѣ, на сушѣ ты найдешь знакомыхъ много.
Взглянувъ на птицъ всѣхъ климатовъ и странъ,
Ты знаешь, какъ король, пернатыхъ всѣхъ гражданъ,
Умѣешь узнавать птицъ мѣстныхъ отъ залетныхъ
И дологъ или нѣтъ вѣкъ пташекъ беззаботныхъ.

Морская глубина, ужасная на видъ,
Страсть къ наблюдениямъ въ тебѣ не заглушить.
Въ глубь моря ты сойдешь, гдѣ подъ водой укрыты
Цвѣтутъ растенія изъ сада Амфитриты,
Какъ грезы нѣжныя, и ихъ измѣнивъ цвѣтъ

Какъ радуга небесь... Чего тамъ только нѣтъ!
Сіяютъ звѣзды тамъ и свѣтъ отъ нихъ струится;
Тамъ Аристотеля фонарь на днѣ таятся,
И рѣжетъ океанъ ладья весломъ живымъ,
И рыба-мечъ страшитъ оружіемъ своимъ
Китовъ...

Завидный путь! Но часто пилигрима
Ждетъ смерть и стереть его неутомимо. —
Изъ водной глубины однако перейдемъ
На землю, гдѣ чудесъ не менѣ найдемъ.
Передъ тобою, лишь сдѣлай мановенье —
И астраханскіе пески въ одно мгновенье
Раскроются; гора разступится для насъ
И мы увидимъ, какъ родится въ ней алмазь. —
Дороже всѣхъ богатствъ открытія науки,
Хоть меньше блеску въ нихъ. Мы, взявши посохъ въ руки,
Съ вершины горъ сойдемъ въ земную глубь, гдѣ скрытъ
Кладъ подъ замкомъ цвѣтныхъ гранитныхъ плитъ...
Когда въ земномъ раю при видѣ чудной дѣвы
Адамъ, вздохнувъ, упалъ къ ногамъ прекрасной Евы,
Тотъ вздохъ любви земля, подслушавъ, сберегла
И въ драгоценныя камни облекла.
На древнемъ языкѣ еврейскомъ надпись есть
Объ этомъ на скалѣ; чтобы ее прочесть
У Гумбольдта возьми ты ключъ отъ алфавита
И разъясни намъ то, что въ нѣдрахъ міра скрыто.
Пусть не страшитъ тебя трудъ зготъ. Онъ таковъ:
Ты по пластамъ земли провѣришь счетъ вѣковъ,
А тамъ гдѣ встрѣтится насчетъ годовъ сомнѣнье
Узнай отъ мамонта загадки разрѣшенье.
Когда разбудишь ты его и встанетъ онъ,
Съ себя страхнувъ столѣтій многоихъ сонъ,
Тогда раскрывши пасть, Боянусу *) стараюсь

*) Боянусъ — знаменитый профессоръ анатоміи Виленскаго университета, въ двадцатыхъ годахъ.

Полезнымъ быть, тебѣ расскажетъ не скрывалось,
 Какъ жилъ, гдѣ умеръ онъ, и новый тотъ рассказъ
 Навѣрно изумитъ какъ сонъ волшебный насъ.
 Прощай! Иди искать отъ прошлаго наслѣдства

И матери-землѣ ея напомины дѣтство.
 А я, поэтъ, инымъ желаніемъ горю:
 О будущемъ одномъ я съ небомъ говорю,
 Хочу прочесть у звѣздъ очами астролога,
 Когда земныхъ всѣхъ бѣдъ окончится тревога,
 Чтобъ освѣжить себя на новые труды.
 Въ токайское теперь прибавимъ мы воды
 И будетъ королемъ межъ нами тотъ по праву,
 Кто первый свой бокаль осушитъ по уставу.
 Тогда мы всѣхъ враговъ науки и ума
 Сочтемъ погибшими — ихъ да поглотитъ тьма! —
 И отнесемъ всѣ къ разлукѣ намъ грозящей,
 Какъ къ древней старинѣ. Лови мигъ настоящій!..

АЛЕКСАНДРУ ХОДЗЬКѢ.

(Импровизація).

Чѣмъ, Александръ, тебѣ я заплачу?
 За рѣшмы я почтять тебя хочу.
 Въ скитальчествѣ я вѣщій духъ терю...
 Какимъ цвѣткомъ тебя я увѣнчаю?

Какъ соколъ, ты увидѣлъ въ небесахъ
 Полетъ орла, поднявшись безъ усилія;
 Тѣнь одинокую бросаютъ крылья,
 Но тысячи есть звѣздъ въ его очахъ.

Изъ устъ твоихъ раскаты слышны грома,
 И быстроты глазъ много приобрѣлъ;
 Постигъ ты мощь орлиаго подъема,
 И самъ тебѣ завидуетъ орель.

Ужъ съ лебедемъ *) орель соединяетъ
 Свой звонкій крикъ въ послѣдній, можетъ, разъ;
 Его сонмъ братскій окружаетъ,
 Но близится ему грозящій часъ...

Прочь жалость, прочь вы, съ женскими сердцами!
 Въ превратности печально я пою;
 Вы повѣстѣ всѣ послушайте мою:
 Событія ужъ вырастутъ и сами.

Условились разъ птицы межъ собой
 Всѣхъ испытать въ воздушномъ перегонѣ,
 Чтобы узнать, которая судьбой
 Назначена возлѣтъ на птичьемъ тронѣ.

Орель взвился; другого нѣтъ крыла,
 Чтобы могло, какъ парусъ, съ нимъ равняться;
 Кто на вѣтрахъ опередитъ орла?
 Кого орель найдетъ, чтобы состязаться?

Колибри былъ желаньемъ распаленъ
 Побѣдой царскій тронъ себѣ воздвигнуть,
 И подъ крыло орла забрался онъ:
 Зналъ, что орла въ полетѣ не достигнуть.

Орель взвился, — но такъ измученъ былъ,
 Что внизъ упалъ, и до смерти разбился.
 Колибри же, что подъ крыломъ укрылся,
 Оттуда въ высъ лазури воспарилъ.

*) Поэтъ Нѣмцевичъ.

Орель падеть, ты будешь возноситься;
Умреть Адамъ, жизнь сохранить тебя;
На тронъ его тебѣ тогда садиться,
Его лучемъ ты озаришь себя.

Его постигъ ты, и его прославишь,
Свѣтъ огласишь ты пѣніемъ своимъ;
И о душѣ его ты въ міръ заявишь,
И выронишь слезинку ты надъ нимъ.

Такъ уронить жемчужину слезинки
Тебѣ надъ нимъ досталось, мой братъ!
И пѣть еще, твоя ему поминки,
Святую пѣснь судьбы тебѣ велятъ!

МАРИИ П... *)

Поднося ей вторую книжку стихотвореній **).

Сестра Марія! насъ не кровь соединяетъ,
Но сердцемъ и умомъ сроднились мы давно,
Когда твоей судьбы мнѣ прихоть возбраняетъ
Названья милыя, священныя равно:
Взгляни ты иначе на годы безъ возврата,
И память милаго изъ ругъ прими ты брата...

*) Съ рукописи.

**) Вѣроятно относится къ Маріи Путкаммеръ, рожденной Ве
рещакѣ, еще до ея замужества вдохновлявшей поэта въ столькихъ
его произведеніяхъ.

Примѣч. переводчика.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Б.

Дни благодатные прошли,
Когда поля пестрѣли чудно,
Когда цвѣты вездѣ росли...
Теперь цвѣтокъ найти мнѣ трудно.
Ненастье, бури и тоска...
На нивѣ, гдѣ завывла вьюга,
Не вижу я нигдѣ листа,
Чтобы сорвать его для друга.
Все что нашелъ — дарю. Такой
Листокъ не долженъ затеряться:
Онъ поданъ дружеской рукой,
Онъ даръ послѣдній, — можетъ статься.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЛУИЗЫ МАЦКЕВИЧЪ *)

Невѣдомъ, незнакомъ я на твоёмъ пути,
И намъ уже велитъ судьба разъединиться!
Чтобъ познакомиться съ тобою и проститься,
Два слова шлю: «Привѣтъ!» и «Навсегда прости!»

Такъ запоздалый гость альпійскаго ущелья
Поетъ, чтобы тоскѣ пути придать веселья.
Кому когда-то пѣль, ужъ я утратилъ всѣхъ,
Лишь милой друга пѣть осталась мнѣ утѣха;
Но въ край ея пока примчитъ ту пѣсню эхо,
Быть-можетъ, пугника засыплетъ вѣчный снѣгъ...

*) Написано по просьбѣ ея жениха І. Ц. 24 октября 1824 года:
въ день выѣзда поэта изъ Литвы.

ВЪ АЛББОМЪ Г. ГОЛОВИНСКОЙ.

Скитальцамъ на пути недолгихъ нашихъ дней
 Жизнь — узкая тропа между двумя морями:
 За нами — мгла, туманъ грядущаго предъ нами.
 Одни прямѣй идутъ, и отдохнуть скорѣй;
 Другихъ влекутъ съ пути приманки обольщенья
 Къ роскошнымъ прелестямъ и славы высотамъ.
 Счастливы, если, сонъ лова воображенья,
 Найдемъ въ концѣ пути священной дружбы храмъ.

ВЪ АЛББОМЪ *

Блаженъ, кто въ памяти души твоей потонетъ
 Какъ жемчугъ или коралль, который навсегда
 На лонѣ дѣвственномъ такъ бережно хоронитъ
 Въ лазури волнъ своихъ балтійская вода.
 Но я, какъ камешекъ, который не сравнится
 Сяньемъ съ жемчугомъ, съ коралломъ красотой,
 Хотѣлъ бы поиграть, хоть мигъ одинъ, съ волной,
 А тамъ ужъ и въ песокъ забвенья погрузиться...

ВЪ АЛББОМЪ ***,

Когда замѣтишь ты съ тоской
 Челнокъ въ пучинахъ грозныхъ моря,
 Пусть не тревожатъ твой покой
 Пловца отчаянне и горе

Въ тотъ часъ, когда могучій валъ
 Отъ корабля его умчалъ.

Когда въ волнахъ всёхъ гибель ждетъ,
 Къ чему рыдать ему, бояться.
 Не лучше-ли смотрѣть впередъ,
 Опасностямъ сопротивляться,
 Чѣмъ, къ берегу приставъ, считать
 Свои потери и вздыхать.

ВЪ АЛББОМЪ ***,

Оба смотрѣли мы въ стороны разныя,
 Въ разныхъ мірахъ жили оба; намъ видѣлись
 Разные сны, иногда неотвязные...
 Милая, какъ же съ тобою мы сблизились?

Мы, словно звѣзды по виду различныя,
 Въ разныя стороны плыть обреченныя,
 Въ мірѣ носились, свершая обычное
 Шествіе, пристани мирной лишенные.

Вѣчныхъ изгнанниковъ ждетъ лишь гоненіе.
 Къ худу-ль, къ добру-ль,—все зависитъ отъ случая,
 Сблизитъ насъ вновь ко всему отвращеніе,
 Свяжетъ насъ дружески ненависть жгучая.

ВЪ АЛЬБОМЪ РЖЕВУСКОЙ.

Два разныхъ жребія намъ вынуты судьбою:
 Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобою.
 Твоя, блестя кормой, подъ всеми парусами
 Увѣренно плывежь, гонимая волнами;
 Моя-жь — избитая, по волѣ злыхъ вѣтровъ,
 Безъ веселья и руля, кружить среди валовъ,
 И я — когда судьба пророчитъ ей невзгоду
 И червь ей точитъ грудь — компасъ кидаю въ воду.
 Разстаться мы должны! Увидимся-ль опять?
 Искать не станешь ты, я не могу искать!

ВЪ АЛЬБОМЪ А. С.

Говорять, отъ русскихъ женщинъ у тебя подарковъ много
 И что ты безъ сувенировъ не оставилъ ихъ порога.
 Отъ вражды и дружбы тоже попадетъ для назиданья
 Въ твой сундукъ сентиментальный три-четыре пожеланья.
 Въ южный край или въ край холодный можешь ѣхать ты
 свободно,
 Все пути тебѣ открыты — поѣзжай куда угодно.
 На одномъ концѣ компаса твоего пускай желанье
 Приютится, на другомъ же — мрачный трауръ и страданье.

ВЪ АЛЬБОМЪ МАРИИ ШИМАНОВСКОЙ.

На югѣ ты блисташь тепло и животворно,
 Какъ солнце южное, и вѣчно предъ тобой

Избранники толпы вѣнчанной головой,
 Какъ Парсы древніе, склоняются покорно.

Вдругъ неожиданно стучится у дверей
 Далекій, чуждый гость и слышенъ голосъ новый,
 Средь южныхъ голосовъ и рѣзкій, и суровый,
 Какъ смѣлый селянинъ въ бесѣдѣ у царей.

Царица! не кичись, не бойся этой встрѣчи,
 Прислушайся: твой гость свободный и живой;
 Веселый этотъ звукъ — знакомый старый твой,
 Сердечный звукъ твоей родимой рѣчи.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЦЕЛИНЫ ШИМАНОВСКОЙ.

Наборъ во всемъ разгарѣ. Сбѣгается пѣхота,
 Уланамъ и гусарамъ нахлынувшимъ нѣтъ счета.
 Они сошлись по зову въ красивомъ безпорядкѣ,
 Чтобы въ альбомѣ этомъ разбить свои палатки.
 Пусть будетъ то, что будетъ! Сѣдой герой, я стану
 Въ ихъ строй, примкнувъ охотно къ военному ихъ стану,
 Товарищамъ повѣдавъ, что я такимъ манеромъ
 На правомъ флангѣ войска былъ первымъ гренадеромъ.

ФРАНЦУ ГРЖИМАЛУ.

Ни съ чѣмъ мой памятникъ по блеску не сравнится,
 Костюшки славу онъ въ вѣкахъ переживетъ,
 Разрушить Виртембергъ его не умудрится

И пушками его Австріецъ не снесеть.
Извѣстенъ я теперь отъ Припети до Ковно
И до Панарскихъ горъ — пѣвецъ полей родныхъ —
И въ Минскѣ молодежь не можетъ хладнокровно
Читать моихъ стиховъ и списываетъ ихъ.
Но мнѣ благоволятъ всѣ дочки эконома,
Да и помѣщикъ самъ подчасъ благоволитъ,
И не боясь угрозъ таможни и погрома,
Мои творенія въ Литву провозить жидъ.

ГРАЖИНА.

ГРАЖИНА.

Повѣсть литовская.

Ночь ужъ наступила. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ.
Доль покрытъ туманомъ. Съ горней вышины,
Трепетно въ полглаза смотреть и блѣднѣетъ,
Перерѣзанъ тучей, томный ликъ луны.
Миръ весь — точно храма портикъ триумфальный;
Тамъ — густыя тѣни, тамъ — озарено;
Небо-же съ луною — куполь каедральный,
Гдѣ мерцаетъ тускло круглое окно.

И, при лунномъ свѣтѣ, замокъ возвышался
На одной изъ злчныхъ новогрудскихъ горъ.
Мракъ широкой тѣни съ башенъ низвергался
И чрезъ валъ дерновыи, гдѣ ходилъ дозоръ,
Падалъ, опрокинутъ, прямо въ ровъ бездонный,
Гдѣ дремала плѣсень надъ водою сонной.

Тишина повсюду; огоньки угасли;
Сномъ объять весь замокъ, и пора! Не часть-ли
Полночи глубокой? Стражи лишь не спятъ,
И, перекликаясь, съ валу вдаль глядятъ.
Тамъ имъ смутно видны, въ родѣ привидѣній,
Люди, и за каждымъ снопомъ бѣгущей тѣни.

Ихъ движенье быстро: вѣрно, на коняхъ!
 Отъ фигуръ ихъ отблескъ: знать, тѣ люди въ латахъ!
 Подвѣзжаютъ. Точно! въ шлемахъ, при булатахъ,
 Рыцари. Ихъ трое. Кони въ запыхахъ —
 Ржать. И старшій рыцарь, овираясь строго,
 Грануль тросекратно мощнымъ звукомъ рога.
 Съ башни рогъ отвѣтный протрубилъ — и вотъ
 Вспыхнулъ встрѣчный факель, и сѣдыхъ воротъ
 Петли завизжали; крюкъ съ кольца свалился:
 Брякъ — и мостъ подъемный съ громомъ опустился.

Многіе изъ замка къ всадникамъ толпой
 Вышли, знать желая: кто тамъ? что такое?
 Видятъ: главный рыцарь, въ полномъ бранномъ строѣ,
 Смотритъ истымъ нѣмцемъ, выраженнымъ въ бой.
 Грозныя движенья онъ даетъ десницъ:
 При копьѣ онъ длинномъ и стальномъ мечѣ;
 Виденъ крестъ нагрудный въ золотой петлицѣ,
 Бѣлый крестъ на черной вышитъ епанчѣ,
 И при всемъ, что нужно воину для битвы:
 Подъ рукою четки, знакъ святой молитвы.

Рыцаря литвины изъ примѣтъ узнали
 И потомъ со злостью межъ собой шептали:
 «Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!
 Тучень прусской кровью, что всѣдневно пьетъ.
 Эхъ, когда-бъ не стражал.. Чтѣ стоять въ расчетѣ?
 Подъ мостъ-бы собаку! Сгниль-бы тамъ въ болотѣ!»
 Рыцарь словъ обидныхъ будто-бъ не слыхалъ,
 Но челомъ склонился и задумчивъ сталь.
 Отчего-жъ онъ разомъ въ думу впалъ такую?
 Слышалъ! И, хотъ нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую!

«Князь вашъ въ замкѣ, дома?» вдругъ онъ крикнулъ
 грозно.

— «Дома», отвѣчаютъ, «но теперь ужъ поздно,
 Полночь! Въ это время онъ не приметъ васъ.
 Завтра, можетъ статься». — «Я хочу сейчасъ!»
 — «Но тревожить князя въ эту пору...» —
 «Мигомъ донесите князю Литавору
 О моемъ прибытьѣ! Вотъ вамъ перстень мой!
 Ктѣ мы, этотъ вензель Литавору скажетъ,
 И въ своемъ приѣмѣ онъ мнѣ не откажетъ;
 Я вамъ отвѣчаю этой головой!»

Тихо все той ночи на спокойномъ лонѣ.
 Осенью лучъ утра выйти не спѣшить.
 Чтожъ у Литавора, въ правомъ павильонѣ,
 И теперь свѣгильникъ звѣздочкой горитъ?
 Онъ далеко ѣздилъ, воротился къ ночи:
 Сна просить должны-бы княжескія очи!

Но не спитъ, не спитъ онъ. Сбѣгали, узнали,
 Что не спитъ — и только. Слуги не дерзали
 Къ князю въ это время позднее войти;
 Страшно то казалось и дворцовой стражѣ;
 И къ кому князь близокъ, тѣ не смѣли даже;
 А посоль торопить: надо донести!
 Наконецъ рѣшились — разбудить Рымвида:
 Онъ на все имѣетъ полныя права;
 Онъ въ бояхъ при князѣ — щитъ его, эгида;
 Въ княжескомъ совѣтѣ — съ толкомъ голова,
 И, всю цѣну зная таковымъ заслугамъ,
 Литаворъ Рымвида называетъ другомъ,
 И, бывая въ духѣ, онъ о немъ порой
 Говоритъ съ улыбкой: «Это — я второй».
 Спать-ли князь, не спать-ли, и здоровъ иль боленъ —
 Всюду для Рымвида входъ къ нему дозволенъ.

Тотъ пошелъ. У князя — полумракъ. Лампада,
 Кажется, сейчасъ-бы и погаснуть рада:

Литаворъ, шагами возбуждая гуль,
Тамъ ходилъ по плитамъ комнаты пустынной,
И по серединѣ этой залы длинной
Вдругъ остановившись, въ мысляхъ утонулъ.

Вдругъ—Рымвидь! Но взоромъ князь его не встрѣ-
титъ,

Выслушалъ о нѣмцахъ, только — не отвѣтилъ;
То краснѣлъ, то снова страшно блѣденъ былъ,
Быть себя спокойнымъ онъ не могъ заставить,
Подошелъ къ лампадѣ, будто-бы оправить,
И свѣтильню пальцемъ ко дну придавилъ;
Впрочемъ неизвѣстно — пусть то будетъ тайна —
Съ умысломъ то было, или такъ, случайно.
Можетъ быть, хотѣлъ онъ мрака для того,
Чтобъ лицомъ незримымъ предстать Рымвиду,
Чтобы тотъ, догадкой, по чертамъ, по виду,
Не проникъ въ мысленя тайныя его.
И пошелъ онъ снова бурною походкой;
Но когда достигнулъ до окна съ рѣшеткой,
Гдѣ лучами мѣсяцъ въ комнату проникъ,
Видны стали — лобъ тотъ, сходный съ мракомъ ночи,
Стиснутыя губы, огненные очи
И суровый, грозный, воспаленный ликъ.

Вдругъ оборотился, зашагалъ проворно,
Приказалъ Рымвиду на-глухо для всѣхъ
Дверь замкнуть, усѣлся, и, смѣясь притворно,
Произнесъ сквозь горькій, судорожный смѣхъ.

«Ну, Рымвидь, не самъ-ли ты привезъ изъ Вильны
Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всемогущий,
Лидскую мнѣ область вздумалъ даровать?
Мнѣ мое-жъ дать хочеть — то, что Литавору
За женой приданымъ шло по договору!

Правда-ль это?» — «Правда!» — «Надобно-жъ принять
Намъ теперь по-царски новую державу.
Прикажи-ка нашимъ выступить на славу!
Трубачей! штандарты! и огней! огней!
Пусть идутъ на Лиду и пируютъ въ ней!
Съ торжествомъ побѣднымъ пусть на рынкѣ станутъ,
Развяжутъ знамена, звучно въ трубы грянутъ,
И неутомно пусть трубятъ, трубятъ!
Да пускай исправно сабли наострятъ:
Пусть надежны будутъ панцыри, кирасы!
Фуражу и пищи добрые запасы
Надо взять въ дорогу. Да огня! огня!
Факеловъ! Пусть будетъ ночь яснѣе дня!
Ты, Рымвидь, веди ихъ! Въ Лиду — вамъ дорога.
Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога, —
Въ полномъ ратномъ строѣ ждите тамъ меня!»

Такъ распоряжаться князю Литавору
Было ужъ не ново; только отчего
Весь онъ такъ встревоженъ? Вдругъ, въ такую пору,
Отправляеть въ Лиду! Голосъ у него
Такъ звучитъ неровно! Рѣчь его сурова!
Это ничего-бы: онъ теперь сердитъ;
Но онъ какъ-то страненъ: выскажетъ полслова,
А полслова въ сердцѣ, кажется, сидитъ.
«Онъ иное мыслить, говоря про Лиду!»
Такъ, по всѣмъ примѣтамъ, думалось Рымвиду.

Литаворъ молчаньемъ долгимъ выражалъ,
Что Рымвидь отпущенъ съ боевымъ народомъ
Въ путь. Чего-жъ онъ медлитъ? Но своимъ уходомъ
Тотъ не торопился: онъ соображалъ
Тѣ слова, что слышалъ, и въ умѣ предвидитъ,
Что изъ словъ столь легкихъ толкъ нелегкій выдетъ.

Так! Но чтожь тутъ дѣлать? Знаеть онь, что князь,
 Если ужь однажды мысль въ немъ родилась,
 Стобень, и не внемлетъ ничьему совѣту,
 Разсуждений длинныхъ онь не терпитъ; свѣту
 Цѣлому пошелъ-бы онь на перекорь.
 Чтожь? вступать Рымвиду съ княземъ въ разговоръ?
 Иль смолчать ужь лучше? Умъ его двоился:
 Такъ и этакъ — плохо! Но Рымвидъ рѣшился.

«Князь!» сказалъ онь твердо: «Что ни повелить
 Намъ твое драгое княжеское слово,
 Наши люди, кони — все сейчасъ готово;
 Въ дѣлѣ не послѣдимъ будетъ и Рымвидъ.
 Но есть разность въ людяхъ: тѣ къ повиненью
 Рождены слѣпому, эти — къ разсужденью.
 Твой отецъ покойный собиралъ совѣтъ
 Изъ мужей достойныхъ. Самъ я «да» иль «нѣтъ»
 Въ важномъ томъ собраньи говорить могъ смѣло,
 Разумомъ спокойнымъ обсуждая дѣло.
 Такъ позволъ-же старцу, что такъ много лѣтъ
 Служить, весь израненъ, нажилъ бѣлый волосъ,
 Предъ тобой впервые здѣсь возвыситъ голосъ!
 Если ты на Лиду намъ итти велишь,
 Ты, своей-же власти, тамъ и здѣсь вредишь:
 При завоеваньяхъ, грабежи — обычай;
 Изъ людей ты напшихъ сдѣлаешь волковъ;
 Этимъ — дашь ты случай тѣшиться добычей,
 Тѣмъ — ты угрожаешь тяжестью оковъ.

«Слухъ пойдетъ по краю: «Это что за чудо!
 Это что за диво!» скажутъ тамъ и тутъ:
 «Плодъ намъ выросъ горькій: сѣмена откуда?
 Это, видишь, нынче славою зовутъ!»

Литаворъ, тамъ скажутъ, водворилъ тиранство!
 Съль вдругъ панъ, незваный, на чужое панство!»

«Нѣтъ, не такъ водилось прежде встарину.
 У князей литовскихъ: тѣ въ свою страну
 Не вносили, помню, вреднаго насилья,
 А несли порядокъ, благость, избылье,
 Рѣчь моя простая опытомъ крѣпка!
 Князь! Уважь холодный разумъ старика!»

«Мы отправимъ прежде въ Лиду приглашенье
 Къ рыцарству и разнымъ городскимъ властямъ,
 Къ гражданамъ знатнѣйшимъ: пусть на совершенье
 Праздничнаго пира соберутся тамъ!
 Пригласимъ къ собранью всѣхъ владѣльцевъ мѣстныхъ:
 Пусть придутъ въ городъ и изъ сель окрестныхъ!
 Я-жь съ разсвѣтомъ утра поспѣшу туда,
 Чинно съ капеланомъ, понабравъ народу
 И припасовъ равныхъ... вдоволь дичи, меду;

«Знаешь — угощаться наши господа,
 Такъ-же точно любить, какъ простые люди.
 Этимъ ты задобришь многихъ напередъ.
 Разспроси, коль хочешь, пожилой народъ!
 Ужь таковъ обычай на Литвѣ, на Жмуди;
 Скажутъ: «Панъ-то славный!» — и молва пойдетъ».

Кончилъ; подошелъ къ окошку, и прибавилъ:
 — «Вѣтряно. Чтобъ къ утру тучъ не нанесло!
 Эва! Что за рыцарь тамъ коня поставилъ
 И стоять, накинувъ руку на сѣдло?
 А другіе двое, вонъ, коней проводятъ!
 А! Да это — нѣмцы, тѣ послы! Походятъ
 По всему на нѣмцевъ. Ихъ позвать иль нѣтъ?
 Иль черезъ меня ты дашь имъ свой отвѣтъ?»

Съ этими словами, будто-бы случайно
Сказанными кстати, онъ прижалъ окно,
Въ щель не дулъ чтобъ вѣтеръ; самъ же жаждалъ тайно
Слышать о посольствѣ: для чего оно?

Всталъ нетерпѣливо Литаворъ съ отвѣтомъ
И сказала: «Гдѣ будутъ мнѣ для дѣлъ моихъ
Надобны совѣты, тамъ твоимъ совѣтомъ,
Вѣрь, подорожу я больше всѣхъ иныхъ.
Моего довѣрья ты вполне достоинъ,
Старый мужъ въ сужденяхъ, въ полѣ—юный воинъ;

«Правда, не люблю я, чтобъ предузнавалъ
Кто-нибудь заранѣ, что я замышляю,
И чтобъ разныхъ толковъ шумъ предупреждалъ
Будущее дѣло. Что подготовляю,
Послѣ всѣ увидятъ. Молвіи блестять
Прежде, чѣмъ намъ слышенъ громовой раскатъ.
А свершилось дѣло — пусть ужъ каждый судить!
Приказалъ — и полно: люди, кони! въ путь!»
«Какъ? Сейчасъ»: — «Въ минуточку?» — «Но куда?» —
«На Жмудъ» —
«Странно! Быть не можетъ!» — «Можетъ быть, и будетъ!
Вотъ какъ я съ другими; но передъ тобой
Я, Рымвидъ, откровенно планъ завѣтный мой.

«Для того велѣлъ я въ боевомъ порядкѣ
Выступить на Лиду, что готовлюсь къ схваткѣ.
Витольда я знаю; чай, ужъ онъ стоитъ
Съ войскомъ на дорогѣ, чтобъ меня тамъ встрѣтить;
Но на силу силой мы должны отвѣтить:
Иначе, въ плѣну я буду, иль убить.»

«Все давно предвидя, я входилъ въ сношенье
Съ орденомъ тевтонскимъ. Противъ козней злыхъ

Объщалъ grosmeisterъ дать мнѣ подкрѣпленье
И прислать на помощь рыцарей своихъ.
Имъ мы часть добычи отдадимъ въ награду.
Вотъ послы ихъ! Значить, дѣло наше къ ладу.

«Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гиады тамъ
Склонятся къ закату, подоспѣютъ къ намъ
Латниковъ нѣмецкихъ, въ ихъ тяжеломъ строѣ,
Тысячи три разомъ, да пѣхоты вдвое.
Самъ я выбиралъ ихъ: всадниковъ, коней
Взять мнѣ дали, право, лучшихъ, покрупнѣй.
Наши передъ ними — мелочь; то — громады?

«Всѣ они въ желѣзѣ, съ головы до ногъ.
Какъ напрутъ гдѣ массой, лоннуть всѣ преграды;
Каждый, мнится, стѣну проломить-бы могъ.
А копые, копые ихъ!.. Этотъ змѣй желѣзной
Съ адскимъ свистомъ вьется: смерть тутъ не долгѣ;
Жало такъ и свѣтитъ искоркою звѣздной;
Вытянута шея прямо на врага,
И едва лишь клонетъ, тотъ свернется разомъ,
Какъ подъ бурей колосъ, не мигнетъ и глазомъ.
Такъ, оставивъ славный по себѣ поминъ,
Пораженъ когда-то былъ нашъ Гедиминъ.»

«Все ужъ на готовѣ! Дѣло я заправилъ.
Боковой дорогой въ Лиду мы войдемъ:
Тамъ коварный Витольдъ войска не оставилъ,
Мы теперь подступимъ, грянемъ — и возьмемъ!»

Сей необычайной вѣстью пораженный,
Весь въ слезахъ, въ волненьи, трепетный Рымвидъ,
Въ бездну горькихъ мыслей смутно погруженный,
Голосомъ дрожащимъ князю говорить:

«Князь и властелин мой! До чего я дожил?
 Братъ пойдетъ на брата! Кто еще вчера
 Иззубрилъ на нѣмцахъ лезвій топора,
 Тотъ чтобы, сегодня, силу ихъ умножил!
 Бить иль быть побитымъ — гдѣ-жъ тутъ злѣй бѣда?
 Нѣмцы и литвины: — пламя и вода!

«Знаю я: случилось, что сосѣдъ къ сосѣду,
 Въ комъ онъ видѣлъ прежде злѣйшаго врага,
 Примирясь, шелъ въ гости, съ нимъ дѣлилъ бесѣду
 И въ дѣлахъ житейскихъ былъ ему слуга.
 Несмотря на злобу вѣковую нашу,
 Ляхи и литвины заключали миръ,
 И, одинъ къ другому приходя на пиръ,
 Вмѣстѣ испивали дружескую чашу.
 Отъ начала міра человекъ и змѣй
 Крѣпки во взаимной нелюбви своей;
 Но и между ними дружба ходъ имѣеть:
 Добрый землепашецъ иногда ужъ
 Принимаетъ въ домъ свой, кормить и лелѣть,
 Какъ хозяинъ добрый, всѣмъ ему служба;
 Змѣй ему сталъ гостемъ, гость же — милость неба,
 Онъ ужъ дастъ вдоволь молока и хлѣба,
 И не разъ случалосъ: онъ и пить давалъ
 Изъ своей-же чашки гостю поселенцу,
 И съ дѣтьми нерѣдко гость сыту пиваль,
 И безвредно тихо сонному младенцу
 Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвиваль.

«Да! Но не поладишь со змѣей нѣмецкой!
 Тутъ ничѣмъ-бы въ мірѣ ты не угодилъ.
 Мало-ли народъ-то прусскій, мазовецкой
 И земли, и денегъ нѣмцу въ ротъ всадилъ?
 Что ни съѣсть, все мало. Силою жадной пасти
 Насъ-бы, наконецъ, онъ разорвалъ на части!

«Чтобъ спасти отчизну, надо всѣмъ возстать,
 Надо вмѣстѣ грянуть. Ну, какая стать
 Братъ ихъ крѣпостишки, да палить селеня,
 Какъ доселѣ было? Въ этомъ нѣтъ спасеня
 Отъ тевтонской язвы; этотъ-же народъ
 Словно змѣй стоглавый, гидра вѣковая:
 Голову отрубишь — гляди! растеть другая,
 Эту отрубилъ ты — десять ихъ растети!
 Надо снять всѣ сразу. Намъ — страшнѣе казни
 Съ нѣмцами сближенъе. Испытали мы,
 Каковы тевтоны, и отъ ихъ приязни
 Всякій удалиться радъ, какъ отъ чумы.
 Всякій ваяль-бы лучше, несмотря на мѣку,
 Уголь раскаленный, чѣмъ у нѣмца руку.
 Пусть грозить намъ Витольдъ: съ нимъ домашній бой
 Мы безъ этихъ нѣмцевъ кончимъ межъ собой.
 Съ братомъ подеремся — и сойдемся дружно!
 Гдѣ свои въ раздѣлкѣ, тамъ чужихъ не нужно.
 Да еще и такъ-ли? Точно-ль Витольдъ вновь,
 Видя въ насъ честнѣйшихъ воиновъ суровыхъ,
 Нарушаетъ вѣрность договорныхъ словъ?
 Ты меня послалъ-бы къ Витольду для новыхъ
 Съ нимъ переговоровъ; можетъ быть, тутъ есть
 Недоразумѣнье». — «Нѣтъ, Рымвидъ, довольно!
 О переговорахъ мнѣ ужъ слышать больно
 Съ этимъ милымъ братомъ. Что тутъ долгъ и честь?
 Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое:
 Согласился Лиду мнѣ отдать; а тамъ,
 Только распустилъ я войско по домамъ,
 Онъ съ своимъ подъ Вильной и запѣлъ иное:
 Будто-бъ недовольны въ Лидѣ, — не хотятъ,
 Чтобъ я былъ тамъ княземъ. Вотъ каковъ мой братъ!
 Началъ пѣть, что Лиду за собой оставить,
 Для мена-жъ доставитъ послѣ новый край;
 Жди! Потомъ въ болота, можетъ быть, отправить,

Въ глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и ступай!
Онъ туда ссылаетъ всѣхъ родныхъ и кровныхъ,
Чтобъ его лишь только гордой головѣ,
Утѣснивъ, унизивъ близкихъ всѣхъ и ровныхъ,
Властвовать по-царски на родной Литвѣ.

«Мочи нѣтъ! Отъ брата чтó терпѣть досталось!
На конѣ будь вѣчно! Битвамъ нѣтъ числа.
Грудь, кажись, въ одно ужъ съ панциремъ сковалась;
Кажется сталь шлема ко лбу приросла.
Всюду насъ гонять: нѣтъ конца разгонямъ;
Миръ весь обошли мы: тамъ дерись съ тевтономъ;
Тамъ громи сарматовъ, тамъ руби татаръ!
Всюду за ударомъ наноси ударъ!
То по голой стени, по песчанымъ доламъ
Шлеть онъ насъ подь вѣтеръ, — гнаться за Моголомъ.
Грабили мы села, замки, городá:
Пожиналъ плоды онъ нашего труда!
Если-же чего тамъ голодъ не догубить,
Не повыжжетъ пламя, сабля не дорубить,
Все ему въ добычу шло тогда живьемъ;
Все мы отдавали Витольду, не споря:
У хазарь, у финновъ — отъ моря до моря —
Чтó мы ни забрали, все теперъ при немъ.

Дворъ его — посмотришь: пышность-то какая!
Край его — да въ мирѣ нѣтъ такого края!
Быль я у тевтоновъ: хорошо живутъ,
Пруссакамъ на диво! Слова нѣтъ: обильно!
Но неидетъ въ сравненье съ ихъ устройствомъ Вильно.
Витольда чертоги: — вотъ гдѣ диво — тутъ!
Или, вонъ, на Троцкомъ озерѣ — взгляни-ка
На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.

Да, своей землею счастливы литвины,
Видѣль я всю прелесть ковенской долины,

Ликъ небесъ въ хрустальномъ Нѣмана лицѣ;
Видѣль: тамъ русалки и весной, и лѣтомъ
Настилаютъ травку, сыплютъ цвѣты за цвѣтомъ.
Но — повѣрить трудно — въ Витольда дворцѣ,
Тамъ, гдѣ сынъ Кейстута гордый обитаетъ,
Муравá съ цвѣтами круглый годъ блистаетъ!
Чтобъ представить взору эти красоты
Серебро шло въ листья, золото — въ цвѣты;
Тамъ въ росу шель жемчугъ; перлами тамъ въ залѣ
Плѣнные сарматки стѣны унижали.
Тамъ кристалъ волшебный, за-моремъ что взять,
Вставленъ мастерами въ каждое оконце
И сверкаетъ, точно сталь литовскихъ латъ,
Иль какъ свѣтлый Нѣманъ на весеннемъ солнцѣ,
Гдѣ онъ изъ-подъ снѣгу выбьется — и радъ.

«Что же приобрѣлъ я? Видѣль лишь утраты.
Быль я изъ пеленокъ прямо втиснуть въ латы;
Князь — я, какъ татаринъ, выросъ при конѣ;
Съ дѣтства приучался я къ трудамъ, къ усильямъ;
Въ люлькѣ я кормился молокомъ кобылымъ,
Цѣлый вѣкъ служила изголовьемъ мнѣ
Конская же грива. Я былъ въ дѣлѣ, въ свалкахъ, —
Равные-жъ мнѣ въ лѣтахъ гѣшилися шути
И верхомъ скакали въ комнаты на палкахъ,
Деревянной саблей кое-какъ вертя;
И когда по-дѣтски тѣ въ войну играла,
Забавляя старшихъ шумомъ дѣтскихъ дракъ —
Предо мной татары тучи стрѣлъ метали
Или саблей острой дѣйствовали полякъ;
Но къ землѣ сызмлада, гдѣ я жилъ и правилъ,
Я, при всѣхъ дѣяньяхъ, пяди не прибавилъ;
Все я въ томъ же замкѣ мрачномъ и глухомъ;
Ни колоннъ, ни арокъ, ни прикрасъ нѣтъ новыхъ:
Посмотри на сырость этихъ стѣнъ дубовыхъ!

Жалкій этот теремъ ужъ подернуть мхомъ.
 Битвы были жарки, подвиги кровавы:
 Что-жъ изъ нихъ я вынесъ, кромѣ славы... славы!..

«Да и славу Витольдъ принялъ въ обладанье:
 Напа слава гаснетъ при его сіяньѣ.
 Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ
 Въ пѣснѣ вдохновенной славить и поетъ
 Лишь его геройство; новаго Мендога
 Въ Витольдѣ онъ видитъ, видитъ полубога;
 Витольдово имя онъ къ потомству плетъ,
 Имя-жъ Литавора недостойно пѣнья
 И умереть, покрыто плѣсенью забвенья.

«Но чужда мнѣ зависть: пусть онъ богатѣетъ
 Въ почестяхъ и славѣ! Пусть онъ вѣмъ владѣетъ!
 Но сдержи онъ звѣрской жадности порывъ:
 Не бери онъ братій кровныхъ достоянья,
 Не топчи ногами право обладанья!
 Нѣтъ! Давно-ль, въ столицу онъ Литвы вступивъ,
 Бѣднаго Скиргайлу, просто, яко сильный,
 Вдругъ спихнулъ—и только: прочь съ престола Вильны!
 Прочь! А самъ усѣлся. Такъ властолюбивъ,
 Что черезъ гонца лишь броситъ повелѣнье,
 Гдѣ князьямъ стать выше, гдѣ упасть подъ тронъ,
 Да и ждетъ, чтобъ мигомъ было исполненье:
 Не первосвященникъ, не *кривецито*-жъ онъ!
 Нѣтъ! пора покончить!.. Нѣтъ! покуда бьется
 Здѣсь, въ груди, духъ жизни... кровь покуда льется
 У меня по жиламъ, и моя рука
 Для держанья сабли и щита крѣпка —
 На себѣ мы ѣздить такъ не позволимъ!
 Нѣтъ! покуда конь мой... конь съ крыломъ соколымъ..
 Конь, что взялъ когда-то съ крымскихъ я полей,
 Давъ тебѣ, какъ другу, точно же такого...

Конь, какихъ съ десятокъ для моихъ людей
 У меня на стойлахъ — для того, другого...
 Этотъ добрый конь мой... онъ покуда живъ,
 У него покуда ноги не ослабли,
 Ржавчина не съѣла этой вѣрной сабли...
 Конь мой... конь мой... сабля...» Бѣшенства порывъ
 Не далъ кончить рѣчи, и съ кругимъ движеньемъ
 Литаворъ вдругъ звякнулъ вѣмъ вооруженьемъ,
 И своею саблей объ-поль такъ махнулъ,
 Что, вспрыгнувъ высоко изъ-подъ звучной стали,
 Какъ отъ звѣздъ падучихъ, искры засверкали,
 И въ пустынной залѣ прокатился гулъ.

Сызнава настало мертвое молчанье,
 Прерванное княземъ. «Праздное болтанье
 Не пора-ли кончить? Средь напрасныхъ словъ
 Мы вторыхъ дождемся скоро пѣтуховъ»,
 Онъ сказалъ Рымвиду: «Дѣло-же не въ словѣ;
 Ты все слышалъ, понялъ: будь-же на-готовѣ!
 Я три ночи не спалъ: лягу, отдохну,
 Укрѣплюсь немного, чтобъ начать войну.
 Знай, что дорогá намъ каждая минута.
 Пусть считаетъ Лиду княжествомъ своимъ
 Витольдъ! Но сказалъ я: пепель, прахъ и дымъ —
 Вотъ найдеть, что въ Вильнѣ гордый сынъ Кейстуга!
 Поскорѣй! Дорога будетъ намъ видна:
 Ночь свѣтла; на прибыль движется луна».

Высказавъ, захопалъ онъ рукою въ руку:
 Звукъ слугамъ призывный! Тѣ вошли по звуку.
 Онъ велѣлъ постелю приготовить имъ —
 Явно, чтобъ разстаться поскорѣй съ своимъ
 Неотступнымъ гостемъ, а не съ тѣмъ, чтобъ сонной
 Нѣгѣ предаваться. Тотъ, какъ неуклонный
 Исполнитель долга, вышелъ, затрубилъ,

Вызвалъ всёхъ, и внятно, громко объявилъ
 Княжескую волю; но потомъ обратно
 Въ замокъ порывался онъ неоднократно
 И стоялъ въ раздумьѣ. Кажется, ему
 Вновь итти хотѣлось къ князю... Но къ чему?
 Нѣтъ: онъ шагъ въ другую сторону направилъ;
 Устремаясь на лѣвый замка павильонъ,
 Черезъ особый мостикъ переходить онъ
 И идетъ къ княгинѣ. Князя онъ оставилъ...

Что была за прелесть юная Гражина,
 Дочь вельможи въ Лидѣ! Какъ жива, ловка!
 Нѣмана родного свѣтлая долина
 Украшалась блескомъ этого цвѣтка;
 Нынѣ-жъ, хоть къ другому возрасту склонялась,
 Все въ ней свѣжесть дѣвы съ зрѣlostью жены
 Такъ непостижимо, чудно соединялась!
 Тутъ, при лѣтнемъ зноѣ, былъ свѣжокъ весны,
 Былъ тутъ жгучій полдень съ алыми чертами,
 Что проводить въ небѣ утренній восходъ;
 Взглянешь: это — вѣтка съ вешними цвѣтами
 И на той-же вѣткѣ спѣлый, сочный плодъ.
 Но лицо... Не вся тутъ красота княгини,
 Нѣтъ: она и ходитъ попусту богини.
 Ростъ ея чудесный возвышалъ красу.
 На нее да князя какъ, бывало, взглянуть —
 Всё кричать: «вотъ пара!» А они, какъ встанутъ
 Вмѣстѣ межъ народомъ, — кажется, въ лѣсу,
 Лѣсъ тотъ перевыснѣвъ, передъ общимъ взглядомъ,
 Тополи два вмѣстѣ въ высь несутся рядомъ.

Одного съ нимъ роста, и лицомъ похожа
 На него Гражина; даже суждено,
 Чтобъ супруга князя духъ геройскій тоже
 Царственно имѣла, съ княземъ заодно.

Плмы, вертеѣна за ничто считала
 И порою ловко острый мечъ хватала,
 Или, давъ медвѣжьей грубой епанчѣ
 Тяжело повиснуть на своемъ плечѣ,
 Въ лѣсъ неслась, оставивъ замокъ новгородской,
 Съ бойкими стрѣльцами, на лошади жмудской,
 И обратно съ поля, гордо избочася,
 Какъ проселкомъ ѣдетъ съ смѣlostью не женской, —
 Кланяется низко людъ весь деревенской
 И несетъ ей дани: думаютъ, что — князь!

Съ княземъ все Гражина дѣлать — и забавы,
 И заботы тягость, и пріятность славы,
 И его надъ краемъ княжескую власть.
 Судь, война, управа — часомъ то и это —
 Отъ ея зависить тайнаго совѣта:
 Князь во всемъ княгинѣ предоставилъ часть,
 Но не проникали постороннихъ взгляды
 Въ этотъ ладъ домашній, и не изъ такихъ
 Женъ была княгиня, мелкихъ и пустыхъ,
 Что своимъ влияньемъ выказаться рады.
 Все и было скрыто. Но теперь Римвидъ,
 Кое-что смекая умною догадкой,
 Видѣлъ лучъ надежды, хоть надежды шаткой,
 Въ помощи Гражины. Ей онъ и спѣшитъ
 Высказать, какое угрожаетъ горе;
 Что въ своемъ тяжеломъ съ княземъ разговорѣ
 Онъ узналъ, увѣдалъ, ей передаетъ: —
 Чтобъ она спасала князя и народъ.

Эта вѣсть Гражину привела въ волнение,
 Но она сдержала внутренній порывъ,
 И свое смятеніе предъ Римвидомъ скривъ,
 Выразила только тихое сомнѣнье;
 Но ни видъ, ни голосъ ей не измѣнили.

«Можно-ли — сказала — чтобы князь склонился
 Къ женскому совѣту властное вниманье
 Въ этомъ важномъ дѣлѣ? Знаю я, что онъ
 Слишкомъ стоекъ въ мысляхъ. Что мое влиянье?
 Вздорь! Своя лишь воля — у него законъ,
 Впрочемъ, иногда онъ, вспыхнувъ, вдругъ рѣшится,
 И разгулъ дастъ полный гнѣву своему;
 Но тогда не надо возражать ему:
 Послѣ онъ утихнетъ самъ и вразумится;
 Послѣ-жъ и забудетъ скоро обо всемъ.
 Мы теперь оставимъ это: подождемъ!»

— «Нѣтъ, княгиня, это не такое слово
 Вырвалось у князя, что потомъ готово
 Скоро и забыться. Знаю я его.
 Мнѣ ужъ не впервые! Было ясно слишкомъ,
 Что нельзя причислить къ мимолетнымъ вспышкамъ
 Этихъ словъ, столь рѣзкихъ. Я вѣдь у него
 Лѣтъ двѣнадцать въ службѣ: никогда, ни разу
 Не было такого грознаго приказу.
 Тутъ не искры только, и не дымъ да паръ:
 Тутъ — прямое пламя. Намъ грозитъ пожаръ!
 Ждать ужъ я не смѣю. Приказалъ онъ строго
 Выступить намъ ночью. Сборъ нашъ — гробъ Менюгда.
 Имъ рѣшенъ на Лиду роковой ударъ.
 Ночь свѣтла, сказалъ онъ, и видна дорога. —

«Какъ? Теперь же? Ночью? И пойдутъ литвины
 Грудью братъ на брата? Понимаю я:
 Дѣло о приданомъ тутъ идетъ Гражины,
 И рѣзня межъ братьевъ будетъ за меня!
 Я отправлюсь къ князю. Нѣтъ! онъ насъ не сгубитъ.
 Я иду! Я брошусь къ княжескимъ стопамъ,
 Я — его супруга! Онъ меня такъ любитъ!
 Я во всемъ успѣю: ты увидишь самъ!»

Тутъ они растались. И подъ темнымъ сводомъ
 Та пустилась къ князю потаеннымъ ходомъ,
 И невѣрный, робкій шагъ ея дрожалъ;
 Тотъ дворомъ туда-же; въ сѣни приближалъ,
 Въ дверь войти не смѣетъ, и, подкравшись глухо,
 Къ щелкѣ приближаетъ онъ то глазъ, то ухо.

Не прошло минуты: щелкнуло въ замкѣ
 Скрытой съ боку двери... кто-то входитъ въ бѣломъ...
 «Кто тамъ?» князь окликнулъ, вставъ съ мечомъ въ рукѣ.
 «Я!» отвѣтилъ кто-то голосомъ несмѣлымъ,
 Но знакомымъ князю. Кажется, она!
 И — потомъ не слышно: разговоръ сталъ тише;
 Звукъ, то глотала мертвая стѣна,
 То они глушились глубио спальной ниши;
 Иногда слыньѣ, ярче зазвучитъ
 Голосъ тотъ или тотъ, и промчится съ эхомъ;
 Больше голосъ женскій слышенъ; тотъ молчитъ,
 Или, какъ казалось, отвѣчаетъ смѣхомъ.

Словъ не слышно. Что-же видно тамъ? Она
 Стала на колѣни, трепетна, блѣдна.
 Онъ ее скорѣ встать, казалось, просить,
 Рѣчь свою съ движеньемъ жаркимъ произносить
 И умолкъ. А бѣлый призракъ тотъ, въ рукѣ
 Ключъ держа и къ тайной устремившись двери,
 Тамъ исчезъ, и снова щелкнуло въ замкѣ.
 Чтожъ? Успѣхъ тутъ дѣлу, или все въ потерѣ?
 Смутный умъ Рымвида разгадать не могъ;
 Все въ его мышленьѣ было такъ нестройно!
 Отпустивъ княгиню, князь поспѣшно легъ
 И уснулъ, казалось, крѣпко и спокойно.

Возвращаясь съ поста своего, Рымвидъ
 Вдругъ случайно видитъ: въ лѣвомъ павильонѣ,

Гдѣ живетъ княгиня, стоя на балконѣ,
 Пажъ съ посломъ нѣмецкимъ что-то говоритъ.
 Вѣтеръ не давалъ хоть этой рѣчи звуку
 Прилетать къ Рымвиду, но былъ внятень жестъ:
 Пажъ стоялъ, къ воротамъ простирая руку,
 Явно указуя рыцарю отъѣздъ.
 Тотъ, въ порывѣ яромъ на коня кидаясь
 И спѣша изъ замка, крикнувъ, обращаясь
 Къ вѣстнику отказа: «Еслибъ не посломъ
 Былъ я здѣсь тевтонскимъ, то, клянусь крестомъ,
 Вмигъ я проучилъ бы здѣсь же Литавора!
 Да, крестомъ клянусь я: этого позора
 Не перенесла-бы честь и кровь моя!
 При посольствахъ выросъ межъ монарховъ я;
 Но не смѣлъ ни цезарь, ни святѣйшій папа,
 Чревъ пажа простаго вдругъ сказать мнѣ: прочь!
 Здѣсь, въ поганомъ замкѣ вашего сатрапа,
 Подъ открытымъ небомъ я провелъ всю ночь!
 И зачѣмъ вамъ было поднимать тревогу?
 Съ умысломъ коварнымъ звать насъ на подмогу,
 Въ Витольда чтобъ грянуть! Втайнѣ-жъ мысль у васъ
 Вдругъ ударить вмѣстѣ съ Витольдомъ на насъ.
 Нѣтъ! клянусь я; это не пройдетъ вамъ даромъ!
 Сами подойдете къ нашимъ вы ударамъ,
 Идолопоклонцы! Громъ нашъ васъ сразить,
 И тогда самъ Витольдъ васъ не защититъ.
 Ожидайте казней! Приготовьтесь къ карамъ?»

«Передай все князю! Самъ ему готовъ
 Я сказать все то же, а изъ нашихъ словъ,
 Рыцарскихъ, нельзя ужъ выбросить ни звука,
 Словно изъ молитвы Божьей: «Отче нашъ»;
 До послѣдней буквы все ты передашь,
 Я же все исполню: небо — въ томъ порука.
 Въ яму, что копали для тевтонцевъ вы,

Вамъ же ровалиться съ ногъ до головы!
 Прежде, чѣмъ денница будетъ на восходѣ,
 Это совершится. Я — не кто иной,
 Какъ комтуръ тевтонскій, Дидрихъ фонъ-Книпроде.
 Объяви же князю! Всадники! за мной!»

Но еще онъ медлил, словно ждалъ призыва...
 Наконецъ, пустился въ путь нетерпѣливо
 И за нимъ тѣ двое. Издали, порой,
 Ихъ вооруженья слышалось брачанье,
 Видѣлось на латахъ лунное мерцанье,
 Дальше... меньше... тише... скрылись за горой.

«Убирайтесь!» молвилъ, глядя вслѣдъ за ними,
 Папъ Рымвидъ съ усмѣшкой: «И впередъ, чтобъ вы
 Вѣкъ не приближались къ рубежамъ Литвы!
 Добрая княгиня! Это все твоими
 Пъемъ мы медъ устами. Вотъ, поди-жъ, узнай
 Сердце человѣка! Князь упорный, мнилось,
 Ни за что не сдастся: прочь! не возражай!
 А пошла княгиня — все переимѣнилось.
 Эхъ, забылъ я, старецъ, мировой законъ:
 Вѣдъ она прекрасна, и вѣдъ молодъ онъ!»

Ждетъ Рымвидъ и смотреть; нѣтъ-ли ужъ и свѣту
 Въ теремѣ у князя! Онъ не всталъ-ли? Нѣту.
 Вонъ онъ къ павильону, въ сѣни, да къ дверямъ:
 Ничего не слышно, все спокойно тамъ.
 Тщетно напрягаетъ онъ и слухъ, и око:
 Князь угомонился, спитъ себѣ глубоко

«Все тутъ непонятно — мыслить онъ — все диво!
 Князь кричалъ и рвался такъ нетерпѣливо,
 Чтобъ сбиралось войско, торопилъ всѣхъ насъ,
 Самъ же спитъ такъ долго: что съ нимъ стало нынѣ?»

Нѣмцевъ звать на помощь, а послу отказъ
 Черезъ кого-жъ объявленъ? Черезъ пажа княгини!
 Въ сенѣ той, хоть словъ я слышать и не могъ,
 Мнѣ, казалось, были тщетны всѣ моления
 Плачущей княгини: князя видъ былъ строгъ...
 Развѣ ужъ Гражина, все его вельнѣя
 Преступивъ отважно, на себя посла? —
 Этакую дерзость — отпустить посла!
 Прелестію женской послѣ полагая
 Князя гнѣвъ разнѣжить, тучи разогнать;
 Ей ужъ не впервые смѣло поступать;
 Но не черезмѣрна-ль смѣлость въ ней такая?»

И Римвидъ терялся, въ думы погруженъ;
 Все ему казалось странною загадкой...
 Вдругъ ему киваютъ, знакъ даютъ украдкой,
 Чтобы шель скорѣе къ лѣвой башнѣ онъ:
 Женщина, что въ близкой службѣ при княгинѣ,
 Вводитъ старца... Что-то будетъ съ нимъ теперь!
 Видитъ онъ, что снова предстоитъ Гражинѣ;
 Ихъ осталось двое — и закрылась дверь.

«Ну, почтенный другъ мой, намъ удалось»,
 Говоритъ Гражина; «Впрочемъ, дѣйствуй бодро!
 Нынче непогода, завтра будетъ ведро.
 Да смотри, тревоги чтобъ не поднялось
 Въ войскѣ! Намъ здѣсь надо такъ распорядиться,
 Чтобы князь отвѣта дать не поспѣшилъ
 Нѣмцамъ чрезъ пословъ ихъ. Съ нѣмцемъ съединиться—
 Онъ теперь, въ волненьи, дѣло такъ рѣшилъ,
 А потомъ, быть можетъ, иначе разсудитъ,
 Какъ поодохнетъ онъ и спокоенъ будетъ.
 Ничего не бойся! Что онъ повелѣлъ,
 Послѣ то исполнимъ. Если въ прежнемъ словѣ
 Будетъ князь упоренъ, войско на-готовѣ».

Но теперь-же, ночью, онъ въ походъ хотѣлъ?..
 Вѣрить невозможно! Съ разумомъ несходно!
 Съ бою онъ явился въ замкѣ лишь своему,
 Чуть лишь латы сбросилъ, чтобъдохнуть свободно,
 И опять на битву! Полно!... Подождемъ!»

— «Добрая княгиня! Въ этомъ насъ обманетъ
 Легкая надежда: ждать ужъ князь не станетъ.
 «Дорогá минута!» мнѣ онъ прокричалъ,
 Гнѣвно отвергая всѣ мои сужденья.
 Но, моей княгини просьбы, убѣжденья...
 Что на нихъ, не знаю, князь мой отвѣчалъ!» —

Только лишь Гражина говорить хотѣла,
 Разговоръ былъ прерванъ... туча налетѣла.

Стукъ подковъ раздался: гляди! во весь опоръ:
 Юноша какой-то мчался черезъ дворъ.
 То былъ пажъ княгини. Весь въ пыли, ворвался
 Къ ней онъ съ донесеньемъ, что сейчасъ попался
 Въ плѣнъ къ литвинамъ нѣмецъ, посланнымъ въ на-
 рядъ

Нѣмецъ тотъ литовскимъ былъ патрулемъ взятъ
 По дорогѣ въ Лиду; отъ него-жъ узнали,
 Что весь лѣсъ окрестный нѣмцы занимали,
 Конница, пѣхота, — и при этомъ цѣль
 Ихъ вожда, комтура, дерзкаго тевтонца,
 Вдругъ на городъ хлынуть и на цитадель.
 Приступомъ ударить, при восходѣ солнца.

«Пусть Римвидъ теперь-же къ князю поспѣшитъ!»
 Пажъ прибавилъ: «дѣло князь пускай рѣшитъ:
 Ждать-ли за стѣной намъ, иль, не медля болѣ,
 Выходить и встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ.
 Лучше-бъ до прибытья ихъ бомбардъ, стрѣльцовъ,

Такъ сказалъ начальникъ нашего отряда,
 Къ намъ на встрѣчу выйти; чтобъ со всѣхъ концовъ
 Насъ не обступили намъ ударить надо.
 Тѣ не ожидаютъ, чтобъ мы вышли къ нимъ;
 Вдругъ мы ихъ откинемъ конницу къ болоту,
 А потомъ, всей силой грянуть на пѣхоту —
 Этыхъ скорпионовъ всѣхъ мы истребимъ!»

И Рымвидъ, какъ громомъ, пораженъ. Гражинѣ
 Эта вѣсть ужасна по иной причинѣ.
 «Пажъ!» она вскричала: «гдѣ же тѣ послы?»
 Пажъ, не отвѣчая съ явнымъ удивленьемъ
 Смотритъ на княгиню. Не ся-ль велѣнемъ
 Онъ же опустилъ ихъ? Тѣ какъ были злы!

— «Но, княгиня, вы мнѣ, въ этой самой залѣ,
 Говорить онъ робко: «какъ второй ужъ разъ
 Пѣтухи запли, сами приказали
 Объявить тевтонцу княжескій отказъ». —

«Да!» она сказала, видимо блѣднѣя,
 «Да!.. ты правъ... забыла»... и слова, коснѣя,
 Какъ-то обрывались. «Да, ты правъ, мой другъ,
 Такъ все это было... Я припоминаю...
 Я пойду... Позвольте... Остаюсь... Не знаю...
 Нѣтъ, нельзя остаться»... и замолкла вдругъ;
 Разъ еще тревожно взорами обводитъ
 Сумрачную залу, и склоняетъ ницъ
 Бахрому пушистыхъ, трепетныхъ рѣсницъ;
 По челу, казалось облако проходить;
 На туманномъ склонѣ этого чела
 Мысль, казалось, зрѣть... Вотъ яснѣе стало!
 Вотъ еще яснѣе?.. Мигъ — и засіяло:
 «Рѣшено! Идите!» и она пошла,

«Я иду, чтобъ мужа разбудить, и скоро
 Войско поведетъ онъ. Пажъ! сѣдлатъ коня!
 Быть сейчасъ, въ минуту, всѣмъ на мѣстѣ сбора!
 Мигомъ! Это слово вамъ не отъ меня;
 Знайте: это слово — князя Литавора!
 И Рымвидъ отвѣтитъ послѣ головой
 За неисполненъе. Планъ у насъ какой,
 Пусть никто не знаетъ, пусть никто не видитъ!
 Ожидайте князя тамъ, въ сѣняхъ: онъ выйдетъ».

И Гражина вышла въ маленькую дверь,
 А Рымвидъ; «что-жъ съ нами станется теперь?
 И куда идти мнѣ?» смутно разсуждаетъ;
 «Все въ походъ готово; войско ожидаетъ;
 Но къ чему все это, наконецъ, вѣдетъ?»
 Самъ въ раздумѣ тихомъ онъ идетъ, идетъ...
 Вдругъ остановился, и по мысли склону
 Поворотъ онъ сдѣлалъ къ князя павильону.

«Спитъ онъ тамъ, не спитъ-ли, я къ нему войду:
 Надо объясниться. Вѣдь утро скоро!»
 Такъ Рымвидъ подумалъ. Но у всѣхъ въ виду
 Вдругъ въ сѣняхъ явился образъ Литавора.
 Золото и пурпуръ царственно блестятъ
 На его прекрасной боевой одеждѣ;
 Легкій панцырь занялъ мѣсто тяжкихъ латъ,
 Что для битвъ опасныхъ надѣвалъ онъ прежде;
 Плащъ немного спущенъ съ праваго плеча;
 Перьями украшенъ шлемъ его батальный,
 И, имѣя справа перевязъ меча,
 Львою рукой онъ щитъ держалъ овальный.

Изнуренъ казалось, гнѣвомъ иль трудами
 Бывшаго похода, зыбкими шагами
 Выступалъ онъ тихо. Гордо принявъ онъ

Войсковымъ начальствомъ сдѣланный поклонъ,
Слова не промолвилъ съ главными вождами,
И рукой невѣрной, и почти дрожа,
Лукъ съ колчаномъ принялъ онъ изъ рукъ пажы;
Даже мечъ свой славный, свой булатъ завѣтный,
По ошибкѣ странной, справа прицѣпилъ,
И хоть всѣмъ былъ явнѣ промахъ столь замѣтный,
Но съ поправкой къ князю кто-бы подступилъ?

Изъ сѣней онъ вышелъ. Знамя золотое
Поднято; несется передъ нимъ оно.
На коня вскочилъ онъ: войско въ ратномъ строѣ
Крикнуть ужъ готово, грянуть въ трубы... Но
Князь даль знакъ рукою, что гремѣть не нужно.
Выступили тихо; у воротъ затворъ
За собой скрѣпили. Разный людъ прислужной
Выведенъ былъ за мость, на отдѣльный дворъ.

Вышли, взяли вправо съ главнаго пути
И межъ горныхъ склоновъ скрылись за кустами;
Послѣ-жь, чтобъ къ дорогѣ накосъ перейти,
Имъ пришлось тянуться узкими мѣстами;
Съ двухъ сторонъ давилъ ихъ тѣсный косягоръ,
Но, по мѣрѣ хода, ширился просторъ.

Вотъ уже отъ замка разстоянье это
Было на нѣмецкій выстрѣлъ изъ мушкета.
Тутъ струею тонкой, незамѣтно текъ
Миру неизвѣстный свѣтлый ручеекъ,
Змѣйкой серебристой по-лѣсу блуждая
И хрустальнымъ устьемъ въ озеро впадая;
Озеро-жь блестѣло чище серебра,
Справа, слѣва — роши, впереди — гора.

Глядь: кирасы, каски подъ горой мелькаютъ,
Отражая лунный серебристый свѣтъ.

Искры тамъ сверкнули, прогремѣлъ мушкетъ
И тевтонцевъ тучи — тучи выступаютъ;
Всадники и кони, въ массѣ ихъ сплошной,
Взгромоздившись, стали мѣдною стѣной.
По брегамъ гористымъ Вилия лѣса
Такъ стоятъ во время лунной ночи холодной,
А на нихъ, подмерзнувъ, крупная роса
Нижется жемчужной бахромой нарядной,
И, какъ путникъ входитъ въ этотъ край чудесъ —
Глядь: окристаллованъ, высеребрень лѣсъ.

Князь, воспламененный жаромъ боевымъ,
Съ поднятою сталью кинулся на встрѣчу
Конницы тевтонской; многіе — за нимъ.
Какъ-же онъ такъ странно начинаетъ сѣчу,
Не раздавъ приказовъ по войскамъ своимъ?
Гдѣ сосредоточить главныя усилія?
Кто быть долженъ въ центрѣ? въ чьей командѣ крылья?

Вѣрно, волю князя вѣдаетъ Рымвидъ, —
Старый вождь, кѣмъ нѣмецъ былъ не разъ ужъ битъ:
Боевымъ порядкомъ, точно, онъ и править
Предъ горой своихъ онъ въ полумѣсяцъ ставить:
Латниковъ — въ средину, по бокамъ — стрѣлковъ.
(На Литвѣ обычай былъ всегда таковъ).
Данъ сигналъ: подѣмлясь, копы задрожали!
Засверкали сабли. Начинай! Пора!
Луки зазвенѣли, стрѣлы завизжали.
«Иисусъ! Марія!» — Гопъ, гопъ, гопъ, ура! —

Всадники сдѣпились, копы на осадку
Къ стременамъ приткнули, и, грудь съ грудью, въ
схватку!

Все перемѣшалось, и со всѣхъ сторонъ
Звонъ и стукъ оружія, ломка сабель, стонъ.

Тѣ кричатъ въ паденьи, тѣ лежатъ ужь нѣмы,
Сыплются, крутятся головы и шлемы;
Тотъ, кого безвредно обошелъ булатъ,
Конскими ногами стоптанъ и измятъ.

Князь гдѣ? Впереди онъ, въ свалкѣ самой бурной,
Вонъ, — врагами узнанъ плащъ его пурпурный,
Шлемъ его пернатый, и его девизъ, —
И назадъ отъ страха нѣмцы подались:
Онъ-же все тѣснить ихъ, невоздержно пылокъ;
Тѣ бѣгутъ — онъ гонитъ, съѣвъ имъ на затылокъ...
Хлещетъ по карасамъ саблей, но зачѣмъ
Безъ малѣйшей пользы тратитъ столько жара?
Мечъ свой только тупитъ; ни одинъ, межъ тѣмъ,
Врагъ еще не падалъ отъ его удара;
Сталь его то плашмя на врага падетъ,
То пустымъ размахомъ воздухъ разсѣчетъ.

И тевтоны, видя, что лишь страхъ великъ,
А вреда нимало, ободрились вмигъ:
Съ крикомъ повернулись, стали, и всѣмъ вѣсомъ
Конницы тяжелой сдѣлали отпоръ,
Такъ что былъ охваченъ тутъ-же цѣлымъ лѣсомъ
Дротиковъ и копій слабый Литаворъ;
Страхъ иль утомленіе эту слабость множить:
Ни мечомъ владѣть онъ, ни щитомъ не можетъ.

Тутъ-бы и погибъ онъ, но одинъ отрядъ
Доблестныхъ литовцевъ врѣзался, вломился
Въ гущу этой свалки: быстро князь былъ взятъ
Ими въ охраненіе, ими онъ прикрылся.
Тотъ свой щитъ подставилъ, чтобъ его сберечь;
Тотъ мечомъ проворно встрѣтилъ вражій мечъ.

Утро ужь! Сквозь дымку утренняго пара
Рѣжуся съ востока первые лучи.

Битва роковая продолжалась яро;
Воины все были также горячи.
Тѣ и эти — стойки. Богъ кровавой брани
Жертвы собираетъ тучныя со всѣхъ;
Ровно съ тѣхъ и съ этихъ требуетъ онъ дани;
Ровно тѣмъ и этимъ видится успѣхъ.

Такъ родной нашъ Нѣманъ, старецъ челноводный,
Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ,
Прямо, снизу, сбоку, бьетъ волной холодной,
Но Румшисъ упорный крѣпко въ землю вросъ.
Нѣманъ съ напряженьемъ бьется грудью въ стѣну
Мощнаго утеса; но стоять скала,
И утесъ не сдался, и рѣка, вся въ пѣну
Съ шумомъ обратившись, русло сберегла.

Ужъ тевтонъ, измученъ битвою напрасной,
Чтобъ покончить участь боевой игры,
На литовцевъ двинулъ свой отрядъ запасной:
Самъ комтуръ отрядъ сей въ бой ведетъ съ горы.
Это силъ нѣмецкихъ явно къ перевѣсу
Послужило разомъ... Стойте! изъ-за лѣсу
Скачетъ новый рыцарь къ схваткѣ боевой.
Чу! Какъ мощно грянулъ голосъ громовой!
Спущено забрало. Кто онъ? Появленіе
Грозно и внезапно. Всѣ въ недоумѣньи:
За кого онъ станеть? Противу кого?
Широко развѣянъ черный плащъ его;
Онъ подъ шлемомъ чернымъ: цвѣта нѣтъ иного;
Даже взялъ коня онъ къ бою вороного;
Словно, весь одѣтъ онъ мракомъ. Такъ, порой,
Гдѣ покровомъ зимнимъ доли заблѣли,
Въ полѣ, надъ высокой снѣжною горой,
Стелется, чернѣя, тѣнь вѣтвистой ели.

Онъ летитъ на нѣмцевъ, прямо въ самый жаръ
Смертоносной битвы. Имъ — его ударъ!
Въ середину стычки не проникнешь глазомъ,
Многихъ оцѣнъ кровавыхъ не обнимешь разомъ;
Только, гдѣ сильнѣе пораженныхъ стонъ
И гдѣ свалка гуще, тамъ ужъ вѣрно онъ!
Гдѣ валятся больше, при рѣзнѣ упорной,
Шлемы и штандарты — тамъ и рыцарь черный.

Такъ, порой, при рубкѣ, гордый лѣсъ трепещетъ,
Падаютъ — гдѣ сосны, гдѣ упрямый дубъ.
То топоръ тамъ звякнетъ, то пила скрежещетъ,
По стволамъ съ сучками проводя свой зубъ;
Послѣ-жъ въ прѣсѣкѣ видно, гдѣ сѣкира блещетъ,
И межъ падшихъ бревенъ виднѣнъ дроворубъ;
Такъ себѣ, средь нѣмцевъ, средь толпы ихъ тѣсной,
Рубить путь къ литвинамъ рыцарь неизвѣстный.

Подвизайся, рыцарь! Бейся! Поспѣшай!
Бѣдные собратья изнемогутъ скоро.
Въ помощь имъ, не медля, руку простирай!
Гибнуть; не сдержатъ имъ вражяго напора!
Самъ комтуръ тевтонскій здѣсь изъ края въ край
Носится, и взоромъ ищетъ Литавора...
Встрѣтилъ — и смянувшись оба межъ собой,
Кинулись другъ къ другу на смертельный бой.

Князь лишь поднялъ мечъ свой, жребій совершился;
Нѣмецъ поражаетъ выстрѣломъ его;
Мечъ изъ длани выпалъ, шлемъ съ чела свалился,
И литовцы видятъ князя своего,
Какъ, съ сѣдла сползая, на бокъ онъ склонился,
Какъ всё ослабѣли члены у него,
И съ коня онъ долу навзничъ былъ низверженъ,
Поздно ужъ слугами вѣрными поддержанъ.

Черный рыцарь, страшнымъ ревомъ разразясь,
Вмигъ, подобно гучѣ, что въ догонку грому
Сыплетъ градъ свой крупный по лицу земному,
Бросился къ комтуру, къ мѣмъ низложенъ князь,
Съ градомъ злыхъ ударовъ... Мигъ — и вождь тев-
тонской
Ранень, опрокинуть, смять подковой конской.

И туда, гдѣ падшій князь со всёхъ сторонъ
Окруженъ усерднымъ сборищемъ прислуги,
Какъ стрѣла, несется черный рыцарь. Онъ
Разрываетъ князю сѣтъ его кольчуги,
Прочъ металлъ снимаетъ, гдѣ пристыла кровь,
Глубока-ли рана — смотреть осторожно,
Съ нѣжною заботой дѣлаетъ, что можно,
Раненому въ помощь. Но изъ раны вновь
Токъ кровавый хлынулъ, и отъ боли входитъ
Изнемогшій въ чувство: взорами обводитъ
Всѣхъ кругомъ стоящихъ, и наличникъ свой
На чело спускаетъ слабою рукой,

И потомъ, услуги прочихъ устрояя,
Старику Рымвиду руку протянулъ:
«Кончено! Умру я!» старцу онъ шепнулъ:
«Грудь не открывать мнѣ, тайну сохраняя!
Но не здѣсь я душу небу поручу:
Въ замокъ! Тамъ я, въ замкѣ, умереть хочу!»

И Рымвидъ, внимая этой рѣчи звуку,
Вздвигнулъ, обезумѣвъ, потъ на лбу застылъ
И ему предсмертно поданную руку
Онъ, обливъ слезами, тихо опустилъ.
Какъ-же не узналъ онъ средь ночного сбора
Тамъ... вчера... То нѣ былъ голосъ Литавора!

Между тѣмъ тотъ рыцарь, своего коня
 Поручивъ Рымвиду и чело склоня,
 Раненаго принявъ на руки, большое
 Время это поднималъ, на обратный путь
 Приказавъ Рымвиду къ замку повернуть,
 И, усѣвшись, ѣдутъ съ поля битвы тросе.
 Ужь окопы близко. Городской народъ
 Къ нимъ идетъ на встрѣчу праздно-любопытный;
 Тѣ-же, сохраняя видъ возможно-скрытный,
 Сквозь толпу проникли. Вотъ ужъ у воротъ!..
 Въѣхали... замкнулись... Полно! Для народа
 Стражей не дается выхода и входа.

Вотъ ужъ потянулось къ замку остальное
 Княжеское войско, и хоть въ этомъ боѣ
 Выиграно дѣло, но видна печаль
 На туманныхъ лицахъ: людямъ князя жаль!
 Воины въ тревогѣ, хлопцы ищутъ пана:
 Что онъ? Гдѣ онъ? Живъ-ли? Не опасна-ль рана?
 Какъ развѣдать? Замка недоступенъ дворъ:
 Ровъ глубокъ, мость поднять, глухъ воротъ затворъ—
 Между тѣмъ драбанты мрачно хлопотали,
 И, вѣщавъ въ кустарники, опускались въ ровъ,
 Къ лѣсу шли съ желѣзомъ палъ и топоровъ,
 Деревя рубили, хворостъ набирали
 И переправляли сушей и водой
 Тотъ запасъ горючій. Вѣяло бѣдой...

Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ буръ шумли-
 выхъ,
 И на алтаряхъ ихъ, посреди жрецовъ,
 Кровь лилась вседневно: то коней ретивыхъ,
 То серебрянныхъ агнцевъ, то тельцовъ,
 Тамъ костеръ воздвигнуть. Тотъ костеръ былъ важенъ:
 Занилъ онъ пространства ровно въ двадцать сажень.

Дубъ по-серединѣ этого костра.
 Кто-же этотъ всадникъ, весь вооруженный
 И тройною цѣпью къ дубу пригвожденный?
 То комтуръ, который былъ посломъ вчера,
 Дерзкій вожь тевтонцевъ, знаемый въ народѣ,
 Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ-Книпроде.

Рыцари, мѣщане, весь народный сборъ —
 Здѣсь. Но чтожь здѣсь будетъ? Угадать боятся.
 Страхъ, тоска, надежда, въ душу вдругъ тѣнятся.
 Всѣ на замокъ грустный обращаютъ взоръ,
 И тая волненья трепетнаго духа,
 Напрягаютъ силу зрѣнія и слуха.

Чу! Гудитъ звукъ трубный съ башни замка даль-
 ной.

Мость опущенъ. Тихо выходъ погребальный
 Двигается, чернѣя, и героя прахъ
 Воины выносятъ на своихъ щитахъ.
 Ратное оружье праху служить рамой:
 Мечъ, копьё и стрѣлы падшаго бойца.
 Это князь! Вотъ пурпуръ! Это плащъ тотъ самый...
 Но валичникъ спущенъ: не видать лица.

«Это онъ!» вскричали. «Равнаго подь солнцемъ
 Нѣтъ ему другого. То нашъ князь молодой,
 Тотъ, что многократно былъ грозой тевтонцамъ
 И не разъ съ ногайской вѣдался ордой;
 Князь, водившій войско на погромъ и славу,
 И творившій дома судъ намъ и расправу!
 Отчего-жь въ обрядѣ княжскихъ похоронъ
 Дѣдовскій обычай здѣсь не соблюденъ?»

«Гдѣ конюшій князя? Трауромъ покрытый,
 Всадника лишенный, гдѣ парадный конь?»

Развѣ не пойдутъ съ нимъ на костеръ, въ огонь?
Гдѣ краса охоты, соколъ знаменитый?
Отчего не видно псовъ его лихихъ,
Этихъ вѣтрорѣзовъ, гончихъ и борзыхъ?»

Такъ толпа роптала. Смутный разговоръ
Вскорѣ разомъ стихнулъ. Въ черныхъ одѣяныхъ
Рыцари возносятъ тѣло на костеръ.
Вотъ ужъ, при протяжныхъ трубныхъ завываньяхъ,
Жертвенно лѣтся молоко и медъ.
Вотъ ужъ съ гимномъ смерти вышелъ вайделотъ!
Жрецъ взялъ ножъ и факель на обрядъ тлетворный..
Чу! остановитесь: Бѣдетъ рыцарь черный.

«Кто онъ?» вопрошаютъ. «Это — да! — тотъ са-
мый,

Что въ бою на нѣмцевъ громы низвергаль,
Тотъ, подъ чьимъ ударомъ палъ комтуръ упрямый,
Тотъ, что такъ усердно князю помогалъ,
Онъ, что спасъ литовцевъ въ томъ бою упорномъ:
Конь и плащъ — все тѣ-же; весь онъ также въ чер-
номъ.

Только и узнали. Но отколь? Зачѣмъ?
Кто онъ? какъ зовется? Вотъ стойте, скоро,
Скоро всѣ узнаютъ!» Снялъ онъ черный шлемъ
И народъ увидѣлъ ликъ знакомый всѣмъ:
То былъ ликъ печальный князя Литавора!

Весь отъ изумленья онѣмѣлъ народъ,
Обомлѣлъ; но радость быстро верхъ беретъ:
«Живъ нашъ князь!» вскричали, и неукротимый
Крикъ поднялся къ небу: «Живъ онъ, нашъ родимый!»

Блѣдный и смущенный князь челомъ поникъ.
Онъ ушью принявъ сей народный кликъ.

Медленно потомъ онъ, взоръ свой поднимал,
Тихою улыбкой людямъ отвѣчалъ,
И, собранье взоромъ обводя, молчалъ.
То была улыбка, только не такая,
Что живетъ сердечною вою черты лица,
И въ очахъ сияетъ; проявясъ насильно,
Съ устъ улыбка эта смотреть такъ могильно,
Какъ цвѣтокъ въ холодной длани мертвеца.

«Зажигаите!» вдругъ онъ произнесъ — и вспых-
нулъ

Весь костеръ, и слезы градомъ изъ очей.
«Этотъ прахъ безцѣнный — знаете-ли чей?»
Онъ сказалъ, и шопотъ межъ людьми утихнулъ.

«Это — хоть оружие вокругъ ея чела
Вонна и мужа — женщина была!»
Весь народъ склонился напряженнымъ слухомъ
Предъ словами князя: «То была женщина цвѣтъ,
Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ!
За себя отпустила я; но ея ужъ нѣтъ!»

Кончивъ рѣчь, исчезнулъ съ прахомъ онъ люби-
мымъ

На кострѣ, обаятый пламенемъ и дымомъ.

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Читатель! Если терпѣливо
Прочелъ ты длинный сей рассказъ
И не доволенъ, то — не диво!
Неясность — горе, особливо
Гдѣ любопытство мучитъ насъ.
Князь, напримѣръ, зачѣмъ напрасно

Женѣ своей оружье даль,
 А самъ на битву опоздалъ?
 Или Гражина самовластно
 Пла вмѣсто мужа своего,
 Совсѣмъ безъ вѣдома его?
 Но какъ-же онъ, о томъ не зная,
 Вдругъ самъ на нѣмцевъ налетѣлъ?
 Читатель! все-бъ ты знать хотѣлъ,
 Но авторъ, слухи собирая
 Въ мѣстахъ при-нѣманскаго края,
 Объ этомъ дѣлѣ что узналъ,
 То вкратцѣ, бѣгло записалъ;
 Сказавъ-же то или иное,
 Прошелъ молчаньемъ остальное,
 Чтобъ въ историческую вѣсть
 Досужихъ вымысловъ не ввестъ.
 Онъ умеръ; рукопись-же эта
 Досталась мнѣ: отъ взоровъ свѣта
 Ее подъ спудомъ не тая,
 Теперь издать рѣшился я.
 И чтобъ дополнить, что неясно,
 Я къ новогрудцамъ на разспросъ
 Кидался, рыскалъ, но напрасно:
 Мнѣ ничего не удалось,
 Одинъ Рымвидъ могъ вѣдать много,
 Но онъ, какъ старый человѣкъ,
 Уже давно свой кончилъ вѣкъ;
 При жизни-же молчалъ онъ строго,
 Какъ будто клятвой связанъ былъ
 Или подъ старость все забылъ.
 Однако-же въ краю томъ нынѣ,
 Извѣстиемъ каждымъ дорожа,
 Я отыскалъ того пажу,
 Что былъ въ услугахъ при княгинѣ,
 И онъ, какъ человѣкъ простой,

Весьма болливый и пустой,
 Что зналъ, сказалъ при первомъ шагѣ,
 А я скорѣй — къ перу, къ бумагѣ.
 Но я за вѣрность словъ его
 Не поручусь: перо готово
 Лишь передать здѣсь слово въ слово
 Все, что я слышалъ отъ него.

«Княгиня долго, на колѣняхъ, —
 Сказалъ онъ, — мужа своего,
 При жалобныхъ упрекахъ, пеняхъ,
 Просила на литовскій край
 Не накликать враговъ опасныхъ;
 Но онъ не слушалъ словъ напрасныхъ
 И все твердилъ: оставь! ступай!
 Пороку-жъ отвѣчалъ лишь смѣхомъ.
 Княгиня вышла съ неусѣхомъ,
 Надѣясь; видно, выбравъ часть,
 Счастливей бытъ въ другой ужъ разъ;
 Пословъ-же удержать, оставить
 Въ стѣнахъ иль какъ-нибудь отправить
 Княгиня мнѣ дала приказъ.
 Я ихъ отправилъ. За живое
 Задѣлъ я нѣмца. Кутерьмы
 Немало вышло: въ этомъ мы
 Съ княгиней виноваты двое.
 Комтуръ, поднявъ нѣмецкій носъ,
 Сейчасъ въ мѣстахъ разставилъ скрытныхъ
 Тьму войскъ, орудій стѣнобитныхъ,
 И я объ этомъ вмигъ донесъ
 Княгинѣ. Я-ль не обваражу
 Нѣмецкихъ штукъ? Княгиня къ мужу,
 А я за ней вошелъ тайкомъ.
 Князь почивалъ глубокимъ сномъ;
 Гражина стала возлѣ ложа,

Но побоявшись, может быть,
 Иль пожалѣвъ его будить,
 Предприняла иное. Что-же?
 Она беретъ у князя мечъ,
 Спѣшитъ на брови шлемъ надвинуть
 Грудь легкимъ панциремъ облечь,
 И пурпуръ княжескій накинуть
 На бѣлизну прекрасныхъ плечъ;
 Потомъ, скользнувъ подобно тѣни,
 Замкнула дверь и вышла въ сѣни,
 Не позабывъ мнѣ приказать
 Языкъ на-привязи держать.
 Ужъ конь и все готово было,
 Все: у воинственной жены
 Лишь сабли съ лѣвой стороны
 Недоставало... Позабыла,
 Иль уронила какъ-нибудь
 Въ потемкахъ, отправляясь въ путь.
 Туда, сюда я и обратно
 Метался. Слышу стукъ воротъ:
 Замкнули; войско ужъ идетъ.
 Меня тутъ ужасъ непонятной
 Вдругъ одолѣлъ. Какъ быть мнѣ здѣсь?
 Что дѣлать? Я увязъ въ задачѣхъ,
 И такъ мечусь, какъ будто весь
 Я былъ на угольяхъ горячихъ.
 Вдругъ дальній проблескъ!.. Чу! стрельба!
 То нашпхъ съ нѣмцами борьба:
 Сменнулъ я: разумъ мой очнулся
 Межъ тѣмъ и князь, гляжу, проснулся;
 Не знаю, такъ поднялся онъ,
 Иль громомъ битвы пробужденъ;
 Кричитъ, людей зоветъ, но тщетно:
 Кругомъ все глухо, безотвѣтно;
 Я-жъ князю въ комнату ползкомъ

Проникъ, и, темнымъ угломъ
 Доволенъ, въ уголъ тотъ забился,
 Свернуся, сжался, притаился;
 Смотрю: чтó станется теперь?
 Князь бѣсится, колотить въ дверь,
 И, словно вспомнивъ о княгинѣ,
 Онъ къ лѣвой замка половинѣ
 Понесся; тамъ онъ побывалъ,
 Туда спустившись ходомъ скрытымъ, —
 И воротясь назадъ сердитымъ,
 Дверь въ сѣни съ петель онъ сорвалъ
 И на дворѣ ужъ очутился,
 А я къ окошку подмогнулся,
 Чтобъ видѣть... (Дѣло шло къ зарѣ
 И ужъ свѣтлѣло на дворѣ.)
 Опять кричать онъ попытался:
 И тутъ никто не отозвался;
 Кричалъ онъ, какъ въ лѣсной глуши
 Не вызвавъ крикомъ ни души.
 Чтожъ!.. Онъ къ конюшнямъ, и оттуда
 Летитъ на ворономъ конѣ,
 И самъ весь въ черномъ былъ онъ. Чудо.
 Какимъ онъ тутъ явился мнѣ!
 Глядь! На валу ужъ онъ высоко,
 И въ даль свое вперяетъ око;
 Гдѣ битва, слушаетъ, глядитъ...
 Да вдругъ, что молнія сверкнула,
 Черезъ окопы, черезъ мостъ
 Мелькнулъ мнѣ только конскій хвостъ,
 И все въ туманѣ утонудо.
 Я у окна сидѣлъ и ждалъ;
 Что будетъ? думалъ да гадалъ.
 Когда лучъ первый солнца вспыхнулъ;
 Гулъ дальнихъ выстрѣловъ утихнулъ.

Вернулись Литаворъ, Рымвидъ
 И на рукахъ у нихъ Гражина;
 Страхъ вспомнить! На лицѣ кончина;
 Изъ тяжкой раны кровь бѣждетъ...
 Упала, и ея моленій
 Послѣднихъ звуки слышалъ я.
 Кончаясь, госпожа моя
 У мужа обняла колѣни,
 Къ нему свой обратила взоръ,
 И съ дрожью судорженной муки,
 Къ нему протягивая руки,
 Она сказала: «Литаворъ!
 Твои лобзаю я колѣна.
 Мой другъ! мой мужъ! прости меня!
 Прости! Здѣсь первая моя,
 Здѣсь и послѣдняя измѣна!»

Князь плакалъ. Онъ хотѣлъ поднять
 Гражину; но она опять
 Къ землѣ всей тяжестью склонилась:
 Она была ужъ при концѣ;
 Еще одна минута длилась...
 Прошла — и смерть изобразилась
 На измѣнившемся лицѣ.
 Князь всталъ, пошелъ, потомъ руками
 Закрывъ глаза; они полны,
 Полны казались, слезами!..
 Я видѣлъ все со стороны.
 Вѣкъ не видать такого вида!
 Потомъ, при помощи Рымвида,
 Князь поднималъ прахъ своей жены,
 Чтобъ помѣстить на смертномъ ложѣ
 Гражины тѣло. Ну, а тамъ,
 Что дальше было, мнѣ на что-же
 Рассказывать? Извѣстно вамъ.»

Такъ пажъ повѣствовалъ объ этомъ
 Событїи, прѣжде подъ секретомъ:
 Рымвидъ велѣлъ ему молчать,
 А послѣ, какъ того не стало,
 Онъ не боялся ужъ нимало
 О всемъ на кровляхъ прокричать,
 И даже пѣсня о Гражинѣ
 Давно въ краю томъ сложена:
 Межъ новогрудскимъ людомъ нынѣ
 Кому невѣдома она?
 Ее, гуляючи на волѣ,
 Поютъ подъ дудку, гдѣ пришлось,
 И прежней славной битвы поле
 Литвинки полемъ нареклось.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

(ИЗЪ ДѢЯНІЙ ЛИТОВСКИХЪ И ПРУССКИХЪ)

Dovete adunque sapere come sono
due generazioni da combattere... bi-
sogna essere volpe e leone.

Macchiavelli.

БОНАВЕНТУРУ и ЮАННѢ
ЗАЛЪСКИМЪ

НА ПАМЯТЬ ГОДА ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАГО.

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Литовскій народъ, слагающійся изъ племенъ: Литовцевъ, Пруссовъ и Летговъ (Латышей), немногочисленный, поселенный въ краю необширномъ, недостаточно плодородномъ, долго неизвѣстный Европѣ, набѣгами сосѣдей былъ вызванъ къ болѣе видной дѣятельности около тринадцатаго вѣка. Когда Пруссаки стали уступать оружію Гевтоновъ, Литва, выйдя изъ своихъ лѣсовъ и болотъ, начала истреблять мечемъ и огнемъ окрестныя государства и скоро сдѣлалась страшною на Сѣверѣ. Исторія еще достаточно не выяснила, какимъ образомъ народъ, столь слабый и такъ долго подвластный чужимъ, могъ вдругъ противустать и сдѣлаться грознымъ всѣмъ своимъ врагамъ, ведя, съ одной стороны, постоянную и убійственную войну съ орденомъ Крестоносцевъ, грабя, съ другой стороны, Польшу, собирая дань съ Великаго Новгорода и заглядывая даже на берега Волги и на Крымскій полуостровъ. Самая блестящая эпоха Литвы относится ко временамъ Ольгерда и Витолда, которыхъ владычество простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Но это огромное государство, возрастая черезъ лѣту быстро, не было въ состояніи выработать въ себѣ внутренней силы, которая-бы спаяла и способна была оживить разнородныя его части. Литовская народность, раскинутая на слишкомъ обширномъ пространствѣ, утратила свойственный ей колоритъ. Литовцы подчинили себѣ много русскихъ родовъ и вошли въ политическія сношенія съ Польшей. Славяне, уже издавна христіане, находились на высшей ступени образованія, и хотя одни покоренные, другіе угрожаемые Литвой, снова, медленнымъ вліяніемъ, приобрѣли нравственный перевѣсъ надъ сильнѣмъ,

но варварским притѣснителемъ и поглотили его, какъ Китайцы татарскихъ наѣздниковъ. Ягеллоны и болѣе могущественные вассалы ихъ сдѣлались Поляками; многие литовскіе князья на Руси приняли вѣру, языкъ и народность русскую. Такимъ образомъ Великое княжество Литовское перестало быть Литовскимъ; народъ собственно Литовскій увидѣлъ себя въ прежнихъ своихъ границахъ, рѣчь его перестала быть языкомъ двора и сильныхъ, и сохранилась только въ простонародіи. Литва представляетъ любопытное зрѣлище народа, который исчезъ въ массѣ своихъ завоеваній, какъ ручеекъ опадаетъ послѣ чрезмѣрнаго разлива и течетъ по болѣе узкому чѣмъ прежде руслу.

Уже нѣсколько вѣковъ закрываютъ отъ насъ приведенныя здѣсь событія. Сошли со сцены политической жизни и Литва, и самый жестокой врагъ ея — Орденъ Крестоносцевъ; отношенія сосѣднихъ народовъ измѣнились совершенно, расчеты и страсти, которые зажигли тогдашнія войны, исчезли, даже воспоминанія о нихъ не сохранили народныя пѣсни. Литва вся уже — въ прошедшемъ. Ея дѣянія представляютъ счастливый просторъ для поэзіи, съ той точки зрѣнія, что поэтъ, воспѣвающий тогдашнія событія, долженъ заниматься только однимъ историческимъ предметомъ, изслѣдованіемъ событій и художественнымъ произведеніемъ, не подчиняясь ни расчету, ни страсти, ни модѣ читателей. Такихъ именно предметовъ велѣлъ искать Шиллеръ:

„Was unsterblich im Gesang soll leben,

„Muss im Leben untergehen“.

„Что должно воскреснуть въ пѣснѣ, должно погибнуть въ дѣйствительности“.

Вотъ уже третье польское сочиненіе, которое я издаю въ свѣтъ въ столицѣ Монарха, который изъ всѣхъ царей земли насчитываетъ въ своемъ государствѣ наиболѣе племенъ и языковъ. Будучи одинаково отцомъ всѣхъ, онъ одинаково всѣмъ обезпечиваетъ свободное обладаніе земными благами и еще болѣе драгоценными благами нравственными и умственными. Онъ не только оставляетъ каждому изъ своихъ подданныхъ исповѣдующую имъ вѣру, обычаи и языкъ, но даже повелѣваетъ розыскивать и оберегать затерянные или прихо-

дядіе въ разрушеніе памятники былыхъ вѣковъ, какъ наслѣдіе, принадлежащее грядущимъ поколѣніямъ. Поддержанные его щедростью, ученые предпринимаютъ трудныя путешествія, для изслѣдованія и сбереженія финскихъ памятниковъ; удостоенныя чести его покровительства, ученые общества воздѣлываютъ и лелѣютъ древній языкъ Латышей, сродниковъ литовскихъ. Дай Богъ, чтобы имя Отца столькохъ народовъ было одинаково славимо во всѣхъ поколѣніяхъ, всѣми языками!

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сто лѣтъ свершалось съ тѣхъ поръ, какъ сталъ
Тевтонъ

Въ крови полуночныхъ язычниковъ купаться;
Какъ Пруссъ сталъ подъ яро желѣзное склоняться,
Или, спасая жизнь, бѣжалъ изъ края вонъ.
Погони Нѣмецъ слалъ во слѣдъ за бѣглецами,
Вплоть до Литвы разилъ и отягчалъ цѣпями.

Границей Нѣманъ сталъ Литовцевъ и враговъ:
На этой сторонѣ блестять межъ дровъ могучихъ
Кумирни, и шумятъ лѣса — приютъ боговъ;
На той, средн холма, съ челомъ подъятымъ въ тучи,
Съ простертыми къ Литвѣ руками, водружень
Крестъ грозный, знаменье нѣмецкаго закона.
Какъ будто съ высоты всѣй земли Палемона
Обнять и захватить себѣ хотѣлъ-бы онъ *).

На этой сторонѣ бойцы Литвы толпами.
Въ медвѣжьихъ охабняхъ и въ рысбихъ колпакахъ,

*) Палемонъ — родоначальникъ литовскаго народа, пришедшій будто-бы изъ Рима съ дружиной, и потому Lithuania — Литва считалась въторыми искаженіемъ слова Italia.

Примѣч. переводчика.

Спують съ запасомъ стрѣль и съ лукомъ за плечами,
Слѣдя, куда шаги свои направитъ врагъ.
И очи устремивъ въ окопъ, на вражи сходки
Съ противной стороны, въ доспѣхахъ и бронѣ,
Нѣмецкій паладинъ, недвижный на конѣ,
Вбивая въ стволъ зарядъ, перебираетъ чотки.

И переправу съ двухъ блюдуть они сторонъ,
И Нѣманъ, съ давнихъ поръ струей гостепріимной
Два братскихъ племени связующій взаимно,
Порогомъ вѣчности ужъ сталъ для двухъ племенъ:
Кто не хотѣлъ терять ни жизни, ни свободы,
Не могъ переступить заповѣдныя воды.
Одинъ литовскій хмѣль съ родимыхъ береговъ
Ползеть, карабкаясь, межъ вербъ и тростниковъ
До прусской тополи, плѣненъ ея краскою
Онъ руки распростеръ, пурпуровымъ вѣнкомъ
Перескочилъ рѣку и, смѣлый, съ дорогію
Ужъ обнимается на берегу чужомъ.
Дубравы ковенской лишь соловьи съ пѣвцами
Запушанской горы — родными соловьями —
Ведутъ по-старому литовскій разговоръ,
Иль, вольные, вспорхнувъ, слетаются гостями
На общихъ островахъ пѣвцы долинъ и горъ.

А люди? — злая брань давно ихъ раздѣлила!
Литвиномъ, Пруссаконъ забвенью предана
Старинная пріянь: порой любовь одна
Людей сближаетъ... Двухъ мнѣ память сохранила

О, Нѣманъ! ринуться въ струи твои къ тебѣ готовъ,
Неся огонь и смерть, врагъ тишины и мира.
Снесетъ тогда съ твоихъ хранимыхъ береговъ
Зеленые вѣнки нещадная сѣкира;
Орудій гуль въ садахъ разгонитъ соловьевъ;

Что золотая дѣль сочувственной природы
Связала, разорвутъ враждой своей народы.
Народы разорвутъ, но любящихъ сердца
Вновь сочетаетъ пѣснь народнаго пѣвца.

ИЗБРАНІЕ.

I

Ужъ колоколь гудитъ съ Маріенбургской башни,
Рокочетъ барабанъ и выстрѣлы гремятъ.
День праздника насталъ. Покинувъ бытъ всегдашній,
Комтуры Ордена въ столичномъ собраніи,
Въ кругу капитула, въ торжественномъ собраніи,
Призвавши Духъ Святой, должны они рѣшить:
Кому воздѣтъ на грудь, по строгомъ совѣщаньи,
Великій крестъ? Кому великій мечъ вручить?
Въ совѣтахъ день прошелъ, дней много протекало:
Такъ много рыцарей къ избранію предстало.
Заслуги Ордену всѣхъ доблестныхъ мужей
Равны, и знатностью равна у нихъ порода;
Однако, общее согласье братьи всей
Доселѣ ставило всѣхъ выше Валленрода.

Безвѣстный въ Пруссіи пришлецъ онъ; но объ немъ
Геройской славы шумъ дошелъ уже съ чужбины:
За Маврами-ль гнался въ Кастиліи съ мечомъ,
За Турками-ль леталъ чрезъ водныя пучины, —
Онъ въ битвахъ впереди, онъ первый на стѣнахъ,
Онъ первый настигалъ ихъ корабли въ волнахъ.
И если выступалъ въ турнирахъ на арену
Забрало приподнявъ, — ему всѣ знали дѣву:

Переломить копыя никто съ нимъ не дерзалъ,
И первый лавръ ему на долю выпадалъ.

Не доблестью одной межъ рыцарей Совѣта
Онъ въ юности своей прославиться успѣлъ;
Украсили его сіянемъ чистыхъ дѣлъ —
Смиренье, нищета, презрѣнье къ блеску свѣта.

Не славился Конрадъ среди толпы князей
Изысканностью словъ, изяществомъ поклоновъ;
Оружья никогда изъ прибыли своей
Не продавалъ въ борьбѣ враждующихъ бароновъ.
Онъ рано схоронилъ всѣ юности мечты
Въ стѣнахъ монастыря, и шумъ рукоплексаній,
И честь, и санъ презрѣлъ, и высшей славы дані:
Ни менестрелей гимня, ни взгляды красоты
Его холоднаго не волновали духа.
Нѣтъ, Валленродъ къ хваламъ не преклоняетъ слуха,
На прелесть женскую лишь издали глядитъ,
Отъ словъ чарующихъ, какъ отъ чумы, бѣжитъ.

Онъ отъ природы гордъ, иль страстныхъ чуждъ
желаній —

То трудно угадать; съ годами-ль сталъ такой?
Хоть молодъ, заклеименъ онъ старостью страданій:
Морщинами чела и ранней сѣдиной.
Порой бывали дни, когда бросалъ онъ взоры
На молодежь, и съ ней веселіе дѣлилъ
Былъ даже женскіе радъ слушать разговоры;
За шутку, при дворѣ, онъ шуткою язвилъ.
Учтивой лестью словъ онъ тѣшилъ дамъ свободно,
Какъ лакомствомъ дѣтей, съ улыбкою холодной,
Но это только былъ забвеня рѣдкій мигъ...
И слово лишь одно, неважное для нихъ,
Изъ беззаботныхъ устъ случайно вылетало —

Внезапно въ страстный жаръ оно его бросало,
 Слова: отчизна, долгъ, любовь, живая рѣчь
 О рыцаряхъ, Литвѣ, исходѣ грозныхъ сѣчь
 Смущали невзначай веселость Валленрода.
 Онъ отвращалъ лицо, стѣснялась словъ свобода,
 Онъ становился вновь безчувственъ, нѣмъ и глухъ,
 И погружался весь въ таинственныя думы:
 Быть можетъ, сихъ утѣхъ его чуждался духъ,
 На память приводя обѣтъ поста угрюмый.
 Утѣхи дружбы онъ одной лишь принималъ.
 Онъ друга одного, надежнаго избралъ,
 Святаго жизнию, божественнаго саномъ:
 То былъ сѣдой монахъ и звался онъ Гальбаномъ.
 И Валленрода онъ во всемъ сподвижникъ сталъ.
 Онъ былъ и духовникъ, и думъ его властитель:
 Его сердечныхъ тайнъ онъ былъ нѣмой хранитель.
 Блаженная приязнь! Святой въ семь мѣрѣ тотъ,
 Кто у святыхъ приязнь такую обрѣтетъ.

Такъ въ мысляхъ старшины Совѣта оцѣняли
 Конрада качества. Но былъ и въ немъ порокъ;
 Кого-же на землѣ грѣхи всѣ оставлял?
 Конрада суеты не увлекалъ потокъ;
 Онъ избѣгалъ пировъ веселыхъ посѣщенья;
 Но въ келии своей, задумчивъ я забыть,
 Когда его тоски тревожили мученья,
 Въ напитокѣ огневомъ искалъ онъ усладенья.
 И весь его тогда преображался видъ:
 Тогда въ его лицѣ и блѣдномъ, и суровомъ,
 Пятномъ болѣзненнымъ румянецъ выступалъ,
 И взоръ, что грузъ годовъ гасилъ и притуплялъ,
 Изъ синихъ нѣкогда очей, въ блистаньи новомъ,
 Огня давнишняго вдругъ молнии металлъ,
 Скорбящій вздохъ его изъ груди раздавался
 И вѣжды наполнилъ жемчужною слезой;

Ужъ ищетъ струнь рука, изъ устъ ужъ пѣсня льется, —
 Хотя въ пѣснѣ у него звучалъ языкъ другой;
 Но сердцу внемлющихъ доступны были звуки,
 Понятна музыка могильная разлуки.
 Довольно поглядѣть на видъ одинъ пѣвца,
 Усилыя памяти въ чертахъ его лица;
 Бровь къверху, къ долу взоръ, какъ будто въ на-
 приженны

Онъ что-то силится изъ нѣдръ земли достать.
 Какое-жъ пѣснь его могла-бъ имѣть значенье?
 Невѣрной мыслию онъ гонится опять
 Въ волнахъ минувшаго за днями упований.
 А гдѣ душа его? — Въ краю воспоминаній.

Но тоновъ радостныхъ изъ лютни никогда
 Рука не извлечетъ, хоть онъ одушевится
 Восторгомъ музыки. Улыбки и слѣда,
 Какъ смертнаго грѣха, лицо его боится,
 Онъ по порядку струнь ихъ всѣ переберетъ,
 Не тронувъ лишь одной, закрывъ на радость вѣжды!
 Всѣ состоянья чувствъ съ нимъ каждый перейдетъ
 И только одного не обрѣтетъ — надежды.

Изъ братья кто его нежданно посѣщалъ,
 Необычайной всѣ дивились переменѣ:
 Конрадъ встревоженный сердился и дрожалъ,
 И лютни прерывалъ восторженныя пени.
 Хуленья тяжкія онъ вслухъ произносилъ
 И неизвѣстно что шепталъ тогда Гальбану;
 Кричалъ на рыцарей; повелѣвая стану,
 Невѣдомо кому нещадно онъ грозилъ...
 Тревожились они. Гальбанъ сидитъ, ни слова;
 Въ лицо Конрада взглядъ какъ-бы вонзаетъ онъ.
 Взглядъ охлаждающій, пытующій сурово,
 Который силою былъ тайной одаренъ.

Напоминаетъ-ли, даетъ-ли онъ совѣты,
Иль въ Валленрода онъ вселяетъ смутный страхъ:
Но вдругъ съ его чела онъ гонять бурь примѣты
И студитъ жаръ въ лицѣ, и гаситъ блескъ въ очахъ.

Такъ укротитель львовъ, всѣхъ взорами окинувъ,
И съ дозволенья дамъ и избранныхъ гостей,
Жельзнаго дворца рѣшетку разодвинувъ;
Дастъ знакъ трубой: воспрянувъ, царь звѣрей
Подъемлетъ грозный ревъ, всѣ зрители въ смятеньи:
Одинъ смиритель львовъ, недвижимъ, безъ смущенья,
Скрестивши на груди спокойно руки, вдругъ
Очами льва разитъ въ его разбѣгъ рьяномъ,
И этимъ лишь души безсмертной талисманомъ
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.

28 ноября 1870 г.

II.

Ужъ колоколь гудитъ съ Маріенбургской башни.
Изъ залы выборовъ идутъ въ домовый храмъ:
Комтуръ старѣйшій, сонъ сановниковъ всегдашній,
Каплены, рыцари, капитулъ весь, чтобъ тамъ
Вечерню отстоять, привычную ихъ слуху.
И въ деркви гимнъ они поютъ Святому Духу

гимнъ.

Богъ, Святыи Духъ!

Голубъ Сиона!

Днесъ христіанскій міръ твой вокругъ —
Землю, подножье вѣчнаго трона,

Чуднымъ явленьемъ твоимъ озари,
Крылья надъ братьей Сионской простри,
Солнцемъ пусть лучъ изъ-подъ крылъ засіяетъ;
Власти достойнаго пусть освѣщаетъ
Онъ благодати вѣнкомъ золотымъ,
Пусть надъ избраннымъ почиетъ опека
Крылъ лучезарныхъ; сыны челоуѣка —
Ницъ упадемъ мы тогда передъ нимъ —
Сынъ, Искупитель!

Дай указанье всеильной рукой,
Кто здѣсь ревнитель
Жизни святой,

Жизни вѣчной твоими страстями,
Воинство вѣры кому предводити,
Мышцей Петра у враговъ предъ очами
Царства Христова хоругви развить:
Тотъ пусть сердца всѣхъ себѣ покоряетъ,
Крестъ на чей груди звѣздой заблестаетъ.

Всѣ вышли, помолясь. Архиматуръ рѣшилъ:
Давъ отдыхъ, въ хоръ вернуться для отвѣта,
И вновь просить, чтобъ Богъ сознаниемъ просвѣтилъ
Каплановъ, братію и рыцарей Совѣта.

Ночной прохладой духъ всѣ вышли освѣжить:
У замка на крыльцѣ стеклась толпа густая;
Кто по садамъ пошелъ и рошамъ побродитъ.
Стояла тихая погода ночи мая,
Неясно вдалекѣ свѣтъ утренній дрожалъ,
А мѣсяцъ, обѣжавъ поля лазури чистой,
Мѣняя и лицо, и ока блескъ, дремалъ
То въ темномъ облакѣ, то въ тучѣ серебристой,
Внизъ одинокое къ землѣ склонивъ чело.
Такъ брошенный въ степи, въ мечтахъ своихъ влюб-
ленный,

Все-жъ много прежняго въ душѣ твоей осталось,
 Того-же, что во мнѣ доселѣ удержалось!
 Хотя-бъ опущенный въ могилу ты возсталъ,
 Все-жъ воинъ-бы креста еще тебя узналъ»...
 Внимаютъ рыцари: то голосъ заключенной;
 И видятъ станъ ея къ рѣшеткѣ наклоненный,
 И руки, кажется, простерла внизъ она —
 Къ кому-жъ?.. пустыня вся окрестная страна,
 Лишь блескъ издалека какой-то отвѣчаетъ,
 Какъ-бы забрала сталь свернула огонькомъ,
 И тѣнь здѣсь на землѣ... не плащъ-ли то мелькаетъ?
 Исчезло призракомъ все въ воздухѣ пустомъ...
 То утренней звѣзды, конечно, взоръ румяный,
 То въ полѣ пронеслись холодные туманы.

«Хвала, сказалъ Гальбанъ, и слава небесамъ:
 Настъ, братья, привело сюда ихъ указанье;
 Повѣримъ вѣщямъ мы отшельницы словамъ.
 Вы слышали ея Конраду прорицанье;
 Конрада именемъ зовется Валленродъ!
 Давайте руки, пусть онъ будетъ на примѣтѣ,
 И слово рыцарей, что завтра онъ пройдетъ
 Въ магистры!..» и кричатъ: «согласье на Совѣтѣ!»
 И съ криками пошли. Ихъ возгласы звучатъ
 И эхомъ понеслись побѣднымъ по долинямъ:
 «Да здравствуетъ магистръ, да здравствуетъ Конрадъ,
 А съ нимъ и Орденъ! Смерть язычеству отнынѣ!»

Гальбанъ отъ нихъ отсталъ, весь въ думы погру-
 жень;
 На уходящихъ взглядъ презрѣнья бросилъ онъ,
 И тихимъ голосомъ, на башню угловую
 Взглянувъ и уходя, онъ пѣснь запѣлъ такую:

ПѢСНЬ.

Вилія, нашихъ потоковъ царица,
 Съ дномъ золотистымъ, съ лазурнымъ лицомъ,
 По-воду ходить къ ней чудо-дѣвица
 Сердцемъ чистѣе, яснѣ челомъ.

Вилія въ Ковенской, милой долиня
 Между тюльпановъ бѣжитъ по равнинѣ;
 Возлѣ Литвинки цвѣтъ нашихъ сыновъ
 Краше тюльпановъ и розы цвѣтовъ.

Вилія дола цвѣты презираетъ,
 Нѣмана милаго ищетъ волна:
 Между Литвиновъ Литвинка скучаетъ,
 Юношу пришлога любить она.

Вилію, Нѣманъ схвативъ на равнинахъ,
 Въ дикія скалы и дебри несетъ,
 Къ лону холодному милую жметъ,
 Съ нею въ морскихъ пропадая пучинахъ...

Также съ пришельцемъ ты, скорби полна,
 Бросишь, Литвинка, родныя селенья!
 Также утонешь въ пучинѣ забвенья,
 Только печальнѣй, утонешь одна...

Сердца не удержишь, не удержишь потока!
 Любить дѣвица, стремится вода: —
 Въ нѣманѣ Вилія нѣтъ и слѣда,
 Въ башнѣ дѣвица груститъ одиноко...

III.

Когда святой уставъ магистръ обლობывалъ,
 Молитву совершилъ и знаки повелѣнья:
 Великій крестъ и мечъ изъ рукъ комтура взялъ —
 Онъ гордо взнесъ чело. Хоть туча размышленья
 Надъ нимъ, нависла, всѣхъ онъ взоромъ оглянулъ,
 Пылаетъ радость въ немъ и гнѣвъ поперебѣнно,
 И гость невиданный въ лицѣ его мелькнулъ —
 Улыбка слабая, пропавшая мгновенно,
 Какъ блескъ, что на зарѣ мракъ тучи-бы расцѣлъ,
 И солнечный восходъ, и громы-бы прорекъ.

Такой магистра пылъ, его грозящій ликъ
 Сердца отраднѣю надеждой оживляютъ:
 Добычи ждутъ они, ужъ битвы слышать крикъ,
 И въ мысляхъ щедро кровь невѣрныхъ проливаютъ.
 Вождю подобному кто-жъ переступить шагъ?
 Кто-жъ взора и меча его не утрашится?
 Такъ трепещи, Литвинъ! часъ близокъ, совершится!
 Заблещетъ знакъ креста на виленскихъ стѣнахъ.

Надежды тщетныя. Проходятъ дни, недѣли,
 Въ покоѣ ужъ протекъ и цѣлый долгій годъ.
 Литва грозитъ, и чтожь? — постыдно Валленродь
 Ни самъ неидетъ, ни войскъ не шлетъ къ желанной
 цѣли,

А лишь проснется онъ и дѣйствовать начнетъ,
 Порядокъ старый весь безъ толку извращаетъ.
 Кричатъ, что Орденъ додѣ священныи попираетъ;
 Обѣтовъ, братію связавшихъ, не блюдетъ;
 «Молитесь,» онъ кричитъ, «сокровищъ прочь стяжанье
 Въ добрѣ вся наша честь, пусть царствуетъ покои!»
 Велитъ посты нести и тягость покаянья;

Не терпитъ въ строгости утѣхи никакой,
 Караетъ легкій грѣхъ, проникшій въ стѣны кельи —
 Мечемъ, изгнаніемъ, истомой въ подземельи.

А между тѣмъ Литвинъ, который съ давнихъ поръ
 Ворота обѣгалъ ихъ Орденской столицы,
 Лишь ночь, деревни жжеть, палитъ сосѣдній боръ
 И безоружныя хватаетъ вереницы;
 У замка самаго слышна его хвальба,
 Что онъ идетъ во храмъ магистра славить Бога...
 И въ первый разъ дѣтей у отчаго порога
 Дрожать заставила литовская труба.

Когда-же для войны часъ болѣе счастливый?
 Терзается Литва, внутри ея вражда,
 То храбрый Русскій тамъ, то Ляхъ идетъ кичливый,
 То Хана крымскаго къ ней тянется орда.
 Витольдъ Ягеллоу, съ престола совлеченный,
 Защиты прискакалъ у Ордена просить,
 Дары и области въ награду послудить,
 Но помощи досель вотще ждетъ побѣжденный.

И братья ропшутъ вслухъ. Сбирается совѣтъ:
 Бѣжитъ старикъ Гальбанъ. Нигдѣ магистра нѣтъ:
 Ни въ замкѣ не нашель, ни въ церкви онъ Конрада.
 Гдѣ-жъ онъ? Конечно тамъ, — у башни угловой.
 Напала братія на слѣдъ его ночной;
 Извѣстно стало всѣмъ, лишь вечера прохлада
 Дохнетъ на мѣръ и мракъ вокругъ густѣть начнетъ,
 Бродить по берегамъ онъ къ озеру идетъ,
 Иль на колѣнахъ онъ, къ стѣнѣ прижавши тѣло,
 Окутанный плащемъ, до самой зорьки бѣлой
 Статуей мраморной задумчивый стоитъ,
 И сонъ ему всю ночь рѣсницы не смежаетъ.
 Отшельница его чуть слышно вопрошаетъ,

И тихій отзывъ онъ привставши дать спѣшить;
Ихъ шопота въ ночи не дослѣдять дозоры,
Подъятое-жь чело и рукъ тревожный всплескъ
И потрясеннаго забрала легкій блескъ —
Все знакъ, что важные ведутся разговоры.

ПѢСНЬ ИЗЪ ВАШНИ.

Кто вздохи, кто слезы взялся-бъ мой счастье?
Иль столько ужъ лѣтъ меня слезы томилл,
Въ груди и въ очахъ столько горечи есть,
Что ржавчиной вздохи рѣшетку покрыли?
Тутъ въ камень холодный, упавъ изъ очей,
Слеза проникаетъ какъ въ сердце людей.

Есть вѣчный огонь у столповъ Свенторога,
Огонь оживляетъ кумирни слуга,
Есть вѣчный источникъ въ горѣ у Мендога,
Источникъ питають туманъ и снѣга.
Никто моихъ вздоховъ и слезъ не питаетъ,
А скорбь, какъ и прежде, мнѣ сердце снѣдаетъ.

Веселый нашъ край и богатый нашъ домъ,
Отповскій ласки и матери нѣжность,
И дни безъ печали, и снова безмятежность:
Покой, точно ангелъ, и ночью, и днемъ,
И въ полѣ, и въ домѣ съ семьею родной
Хранилъ меня вѣрно, хотя и незримый.

Красавицъ у матери три было насъ,
Искать меня первую стали въ замужество;
Счастливая юность, богатства запасъ;
Кто-жъ счастья другаго вселилъ въ меня чувство?
Ты, юноша чудный! зачѣмъ мнѣ сказалъ,
Чего у Литовцевъ никто не слыхалъ?

О Богѣ великомъ, объ ангелахъ ясныхъ,
О каменныхъ градахъ, гдѣ слышенъ напѣвъ
Молитвы священной во храмахъ прекрасныхъ,
Князья гдѣ съ покорностью слушаютъ дѣвъ,
Какъ войны наши въ бояхъ безмятежны,
Въ любви, какъ пастухъ нашъ съ пастушкою, нѣжны.

Гдѣ смертный, сложивши покровъ свой земной,
Въ блаженное небо взлетаетъ душой...
Ахъ, вѣрила я... и небснаго рай
Вкусила ужъ въ жизни, тебѣ я внимаю!
Ахъ, въ счастье и въ горѣ предметы мечты
Съ тѣхъ поръ — только небо, съ тѣхъ поръ — только ты!

Въ крестѣ на груди твоей жизнь мнѣ блеснула,
Знакъ будущій счастья я видѣла въ немъ...
Увы, съ него молнія только сверкнула,
И тотчасъ все стихло, погасло кругомъ!..
Не жаль ничего мнѣ, хоть полны слезъ вѣжды,
Пускай ты все отнял, оставилъ надежды...

«Надежды» — отдалось окрестъ, среди долинъ,
Прибрежій озера и въ дѣбряхъ, тихимъ эхомъ.
Конрадъ, воспріянувши, воскликнулъ съ дикимъ смѣхомъ:
«Надежды? слышу я. Гдѣ я, злой доли сынъ?!..
Къ чему такая пѣснь?.. Свѣжо былого чувство:
Вы были три сестры, во цвѣтѣ красоты,
И стали первую тебя искать въ замужество...
О, горе, горе вамъ, прекрасные цвѣты!
Чудовище-змѣя попала въ садъ украдкой;
Гдѣ грудью скользкою она лишь проползетъ,
Засохнуть травы тамъ, цвѣтъ розы опадетъ,
И пожелтѣетъ все, какъ грудь эхидны гадкой!
Дай волю мысли ты, зови на память дни
Которые-бъ досель ты въ счастье проводила,

Когда-бы... чтожь молчишь?.. Пой пѣсню и клини;
 Пусть страшная слеза, что камень проточила,
 Не падаетъ вотще; я снялъ мой шлемъ и жду —
 Пусть падаетъ сюда и мнѣ чело сжигаетъ,
 Пусть падаетъ сюда — и мукой донимаетъ:
 Хочу я знать впередъ, что ждетъ меня въ аду».

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Прости вину мою, прости мнѣ, другъ, — довольно.
 Ты поздно такъ пришелъ, мнѣ грустно стало ждать,
 Ребяческая пѣснь на умъ пришла неволью...
 Оставимъ эту пѣснь!.. Могу-ли упрекать?
 Съ тобой, мой дорогой, мнѣ небо даровало
 Лишь мимолетный мигъ: но мигъ одинъ такой,
 Который промѣнять я все-жь бы не желала
 На вилое житье, влачимое толпой!
 Людей, погрянувшихъ въ ничтожной днѣ заботѣ,
 И самъ ты сравнивалъ съ улитками въ болотѣ:
 Волною бури разъ срываемы въ годъ,
 Онѣ покажутся на свѣтъ изъ мутныхъ водъ,
 Едва откроютъ ротъ, дохнуть въ просторъ небесный,
 И вновь зарюются въ иль тинистаго дна.
 Для счастья этого — нѣтъ, я не создана!
 Еще въ отечествѣ и въ долѣ неизвѣстной,
 Нерѣдко посреди ликующихъ подругъ
 Вздыхала тайно я, о чемъ-то все тоскуя,
 И безпокойное бѣенье сердца чуя,
 Равнины неизменной я покидала лугъ,
 И думала, на холмъ взбѣгая не однажды:
 Когда-бъ по перышку мнѣ жаворонокъ каждый
 Могъ, съ высоты спустясь, изъ легкихъ крыльевъ дать,
 Взвилась-бы съ ними я, и только межъ цвѣтами
 Мнѣ-бъ незабудки цвѣтъ съ холма того сорвать,
 А тамъ за облака, надъ доломъ и горами,
 Летѣть все вверхъ и вверхъ! — и скрыться навсегда..

Ты выслушалъ меня! Царь птицъ, меня тогда,
 Вознесъ ты до себя орлиными крылами!
 А нынѣ, птички, мнѣ васъ не о чемъ просить.
 Тому-ль искать утѣхъ, кому дано такъ много —
 Кто могъ великаго познать на небѣ Бога
 И мужа на землѣ великаго любить?»

КОНРАДЪ.

«Величье и опять величье, ангелъ милый!
 Изъ груди все объ немъ стонъ жалобный летитъ.
 Немного дней еще пусть сердце поболитъ,
 Немного лишь, и такъ ихъ мало до могилы.
 Свершилося! вотще безвременно тужить,
 Поплачемъ, но пускай враговъ трепещетъ стая;
 Конрадъ заплакался, чтобъ смертью ихъ разить.
 Но ты зачѣмъ пришла, зачѣмъ-же, дорогая,
 Ты монастырскихъ стѣнъ оставила покой?
 Я посвятилъ тебя въ вихрь Богу на служенье,
 Не лучше-ль, за его оградою святой,
 Земные дни кончать и плакать въ отдаленнъ,
 Чѣмъ въ пылкѣ медленной, какъ въ гробѣ, угасать
 Въ сей башнѣ здѣсь, въ краю обмана и разбоя,
 И очи сирьи печально отверзать,
 И предъ желѣзною своей рѣшеткой стоа
 Молить о помощи... И надо слушать мнѣ,
 Глядѣть со стороны, какъ смерть простретъ объятъ,
 И изрекать за то душѣ моей прокляты,
 Что есть еще у ней остатки чувствъ на днѣ.»

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Не приходи-жь сюда меня ты упрекать,
 Придешь, и пламенно ты станешь умолять,
 И не услышишь ты! Закрою я окно,
 И въ башню темную спущусь опять на дно.
 Пусть молча проглочу я слезы огорченья,

Прости, единственный, отнынѣ навсегда
И мигъ, когда ты былъ ко мнѣ безъ сожалѣнья,
Пусть не придетъ тебѣ на память никогда!»

КОНРАДЪ.

«Ты ангелъ, такъ имѣй хоть искру состраданья!
Остановись! когда не можешь прособѣ внять,
Ударюсь я челомъ объ этотъ уголь зданья
И смертью Каина я буду заклинать...»

ГОЛОСЪ ИЗЪ ВАШНИ.

«О, будемъ сами мы себѣ защитой мирной!..
Какъ необъятенъ мѣръ въ величїи красы,
Ты вспомни — двое насъ на всей землѣ обширной,
Въ песчаномъ морѣ мы двѣ капельки росы;
Чуть дунеть вѣтерокъ, и изъ земней юдоли
Исчезнемъ навсегда: — пусть вмѣстѣ пропадемъ.
Не растравлять я шла твоихъ страданій боли,
Я не постриглася въ монастырѣ святомъ,
Нѣтъ, сердца обручить я не посмѣла,
Пока возлюбленный, ты въ немъ царилъ, всецѣло.
Хотѣла скромно я, въ усердїи своемъ,
Послушницею быть монахинь строгихъ лика;
Но, безъ тебя, мнѣ вдругъ представилося въ немъ
Все непривычно такъ, все чуждо такъ и дико...
Я вспомнила тогда, что долженъ былъ прибыть
Ты послѣ многихъ лѣтъ опять во градъ Марїи,
Чтобъ въ мщенїи сокрушить враговъ несмѣтныхъ выи,
И дѣло бѣднаго народа защитить...
«Кто ждетъ, тотъ мыслю ужъ сокращаетъ годы»,
Себѣ сказала я: «вернется дорогій,
Вернулся, можетъ быть»... Желань-ль нѣтъ свободы?
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ во мглѣ сокрыться гробовой,
Еще я на тебя хоть разъ-бы поглядѣла,
Въ присутствїи твоємъ я-бъ легче умерла.

«Пойду, сказала, въ домъ забытый, опустѣлый,
Гдѣ у крутой горы дорога пролегла,
Запруса въ немъ одна, и рыцарь неизвѣстный,
Быть можетъ, проходя вблизи той кельи тѣсной,
Мнѣ нма милое произнесетъ хоть разъ.
Межъ шлемовъ ихъ чужихъ, быть можетъ, тамъ,
Его замѣтитъ знакъ; другое пусть надѣнетъ
Оружье онъ, чужой наложить гербъ на щитъ,
Но, даже издали, хоть онъ лицо измѣнитъ,
Любимаго отъ всѣхъ все-жъ сердце отличитъ.
Когда-жъ тяжелый долгъ свершать ему придется,
Все истреблять кругомъ и кровью обливать,
Всѣ проклянуть его, — одна душа найдется,
Чтобъ издали его еще благословлять!..
И вотъ нашла я домъ и гробовое ложе,
И стонъ подслушать мой, въ священной тишинѣ
Завѣтнаго угла, здѣсь не дерзнетъ прохожїй.
Я знаю, тутъ бродить ты любишь въ сторонѣ.
«Онъ вырвется сюда подъ вечеръ, — я мечтала, —
Товарищей своихъ покинувъ кругъ, усталый,
Чтобъ съ вѣтромъ говорить и озера волной;
Онъ вспомнить обо мнѣ, услышитъ голосъ мой...»
Исполнилось мое невинное хотѣнье,
И ты пришелъ сюда, мое ты понялъ пѣнье.
Молилася прежде я, чтобъ образомъ твоимъ
Меня живили сны, хоть образомъ нѣмымъ.
Теперь-же можемъ мы — о, сколько счастья, Боже! —
Наплакаться вдвоемъ...»

КОНРАДЪ.

«И выплечемъ мы что-же?»

Я плакалъ, помнишь ты, когда изъ рукъ твоихъ,
Прощаяся на-вѣкъ, со стономъ вырывался,
Когда по волѣ я отъ счастья отказался,
Чтобъ замысль свершить кровавыхъ дѣлъ моихъ.

Теперь-же долги увѣнчаны мученья,
 У цѣли удалось давно желанной стать,
 Могу я на враговъ излить всю ярость мщенья,
 А ты пришла ко мнѣ побѣду вырывать.
 Изъ башни на меня ты только поглядѣла,
 И все въ кругу земли какъ будто потемнѣло,
 И съ той поры опять въ глазахъ моихъ одно:
 Прибрежье озера, и башня, и окно.
 Здѣсь все вокругъ меня кипитъ военнымъ духомъ,
 Но средь призыва трубъ, оружья слыша стукъ,
 Я въ нетерпѣннн все напряженнымъ ухомъ
 Усть ангельскихъ твоихъ ловить стараюсь звукъ.
 И цѣлый день я жду; такъ дни текутъ за днями.
 Когда-жъ до вечера придется мнѣ дожить,
 Я памятью еще хочу его продлить,
 Считаю жизнь мою я только вечерами!
 А Орденъ, между тѣмъ, на пагубу свою,
 Все требуетъ войны, покой свой проклинаятъ,
 И мстительный Гальванъдохнуть не позволяетъ —
 Обѣты старые онъ мнѣ припоминаетъ;
 Убийства въ деревняхъ, грабительство въ краю;
 Когда-же къ жалобамъ безчувственъ я стою,
 Однимъ движеніемъ и вздохомъ, и очами
 Потухшій мщенья жаръ умѣетъ онъ раздуть,
 И кажется, къ концу меня приводитъ путь, —
 Ужъ рыцарей ничто не сдержитъ предъ врагамп.
 Изъ Рима прибылъ къ намъ вчера еще гонецъ:
 Изъ разныхъ свѣта странъ, духъ ревности могучій
 Несмѣтныя нагналъ, въ поля къ намъ, ратей тучи
 И всѣ кричатъ, чтобъ я повелъ ихъ наконецъ,
 Съ мечомъ и со крестомъ, на виленскія стѣны.
 Когда-жъ свершаются, я каюсь со стыдомъ,
 Великія въ судьбахъ народовъ перемѣны,
 Ищу промедлить я, стараюсь о томъ,
 Чтобъ только день еще одинъ прожить съ тобою.

О, юность! жертвъ твоихъ необозримъ предѣлъ:
 Любовью, счастіемъ и наконецъ душою,
 Народу жертвовать я смолоду умѣлъ,
 Скорбя, но съ мужествомъ! теперь я устарѣлъ.
 Отчаянье меня, и долгъ, и воля Божья
 Зовутъ на брань, и чтожъ? — не смѣю оторвать
 Я головы сѣдой отъ этихъ стѣвъ подножья,
 Чтобъ только мнѣ бесѣдъ съ тобой не прерывать».

Умолкъ! и слышатся изъ башни лишь рыданья.
 И долгіе часы текли среди молчанья;
 Рѣдѣла ночь, и лучъ, означившій восходъ,
 Сумяннть начиналъ лицо спокойныхъ водъ;
 Прохлада утреннимъ пахнула дуновеньемъ,
 Зашелестивъ листву проснувшихся кустовъ,
 И птички раннія откликнулись пѣньемъ,
 Опять умолкнули — надолго голосовъ
 Былъ прерванъ тихій хоръ, какъ будто пробудило
 Еще не во-время. Конрадъ поднялъ чело,
 И на рѣшеткѣ взоръ его остановился.
 Защелкалъ соловей. Въ долину ужъ свѣтло.
 Конрадъ взглянулъ вокругъ и опустил забрало,
 Надвинулъ на лицо свой плащъ, какъ покрывало,
 Отшельницѣ рукой прощанья знакъ послалъ,
 И средь кустовъ пропалъ.
 Такъ, колоколь гудѣтъ лишь утромъ начинается,
 Отъ врагъ отшельника духъ адскій исчезаетъ.
 2 февраля 1871 г.

IV П И Р Ъ.

Былъ праздникъ хромовой, великій день Патрона.
 Комтуры съ братіей снѣгать въ столичный градъ;

На башняхъ бѣлыя распущены знамена:
Задумалъ рыцарей на пиръ собрать Конрадъ.

И блещутъ за столомъ вокругъ сто мантий бѣ-
лыхъ,
Чернѣется поверхъ на каждой длинный крестъ —
То братья; позади ея почетныхъ мѣстъ
Стоитъ для службы рядъ оруженосцевъ смѣлыхъ.

Конрадъ въ челѣ гостей. По лѣвой сторонѣ
Витольдъ и гетманы. Онъ, местию пылавшій,
Давно-ль былъ врагъ? — теперь гость Ордена, къ войнѣ
Себя на страхъ Литвы союзомъ съ нимъ связавшій.

Подъемлетъ Магистръ, и рѣчь его слышна:
«Веселье въ Господѣ!» и кубки заблестали,
«Веселье въ Господѣ!» усть тысячи воззвали,
И серебро звенить, и брызнулъ токъ вина.

Садится Валленродъ, исполненный презрѣнья,
На локоть опершись, внимаешь толкамъ онъ;
Умолкъ разгула шумъ, лишь шуткой, на мгновенье,
Бокаловъ легкій звукъ пороку заглушень.

«Пируемъ, онъ сказалъ. — Гляжу я, братья...
Что-же,
Ужели рыцарямъ такъ пировать пригоже?
Сначала пьяный крикъ, теперь васъ не слышать...
Такъ могутъ иноки иль воры пировать!

«Иной обычай былъ во дни мои законнымъ,
Когда на полѣ битвъ, тѣлами утучненнымъ,
Въ лѣсахъ Финляндіи, иль межъ Кастильскихъ горъ,
Мы пили у костра, раскинувши шатеръ:

«Тамъ пѣсни пѣли намъ!.. Ужель здѣсь не най-
дется
Иль менестрель, иль бардъ съ былиною своей?
Отрадно веселитъ вино сердца людей,
Для мысли пѣснь — вино, пускай она польется».

И разные пѣвцы встаютъ тогда кругомъ.
Вотъ сынъ Итали, искуснымъ соловьемъ,
Конрада доблести поетъ въ стихахъ блестящихъ;
Съ Гаронны трубадуръ, откликнувшись на зовъ;
Передастъ дѣла влюбленныхъ пастушковъ,
Завороженныхъ дѣвъ и рыцарей бродячихъ.

И Валленродъ уснулъ; всѣ пѣсни смолкли вдругъ.
И, шумомъ прерваннымъ внезапно пробужденный,
Пѣвцу Итали далъ златомъ стяженный
Онъ поясъ и сказалъ: «ты одному пѣль, другъ,
Одинъ не можешь дать инаго награжденья:
Бери и съ глазъ долой!.. А трубадуръ молодой,
Что служитъ красотѣ, поетъ любви томленье,
Проститъ, что съ вами нѣтъ дѣвицы ни одной,
Которая ему на грудь, кипитъ сердечно,
Могла-бы приколоть цвѣтъ розы скоротечной...

«Увiali розы здѣсь... другихъ хочу пѣвцовъ,
Я рыцарь и монахъ, другую пѣснь мнѣ надо:
Пусть будетъ пѣснь дика, такого точно склада,
Какъ стукъ оружія, какъ музыка роговъ,
Какъ видъ монастыря урюма, столь-же рьяна,
Полна огня, какъ иннокъ пьяный...

«Намъ, благодать и смерть вносящимъ въ кругъ
людей,
Убийственная пѣснь пусть святость оглашаетъ,
Пусть нѣжитъ и томитъ, и гнѣвъ воспламеняетъ,

И истомленныхъ страхъ пусть поражаетъ въ ней.
Такая жизнь у насъ — и пѣснь у насъ такая!..
Кто можетъ спѣть намъ?»...

«Я», откликнулся, вставая,
Маститый старецъ, — онъ у выходныхъ дверей
Межъ юношей сидѣлъ, войдя съ пажами прежде, —
Пруссака или Литвиня, какъ видно по одеждѣ.
Лытами борода и бровь убѣлены,
На головѣ вѣнкомъ остатокъ сѣдины,
Глаза и лобъ прикрылъ навѣсъ изъ ткани,
Морщины на лицѣ отъ лѣтъ и отъ страданій.

Онъ лютню прусскую въ одной рукѣ держалъ,
Другую протянулъ къ средѣ всего собранья,
Тѣмъ знакомъ онъ просилъ его къ себѣ вниманья.
Настала тишина.

«Я буду пѣть, сказалъ. —
Литвѣ Пруссакамъ когда-то я пѣвалъ:
Теперь одни легли, отчизну защищая,
Другіе, чтобъ конца ея не пережить,
Рѣшились жизнь свою надъ трупомъ прекратить;
Такъ слуги, на кострѣ владыки погибая,
И добрый жребій съ нимъ, и злой хотятъ дѣлать.
Иные же въ лѣсахъ, презрѣнные, укрылись,
Иные — какъ Витольдъ, межъ вами здѣсь явились...

«По смерти, Нѣмцы, чтожь... Вы знаете о томъ,
Самихъ измѣнниковъ спросите на совѣтѣ,
Что сдѣлаютъ они, на томъ терзаясь свѣтѣ,
Когда, палимые мучительнымъ огнемъ,
Ликующихъ въ раю отцовъ своихъ помянуть?
На языкѣ какомъ ихъ звать на помощь стануть?
Ужели въ варварской, нѣмецкой рѣчи ихъ
Узнаютъ праотцы призывъ дѣтей своихъ?..

«О, дѣти, какъ Литвы позоромъ вы покрыты!
Никто, никто руки мнѣ не далъ для защиты,
Когда отъ алтаря, вашъ старый вайделотъ,
Въ нѣмецкихъ былъ влачимъ оковахъ я... и вотъ
Совсѣмъ старался, забытый на чужбинѣ;
Пѣвецъ, увы! а пѣть ужъ не кому мнѣ нынѣ;
Всѣ очи выплакалъ я, глядя на Литву...
Вздохнуть-ли захочу я о своемъ жилищѣ,
Не знаю, гдѣ мой домъ, куда къ нему взову,
Въ какомъ углу мое родное попелище...

«Но сохранились тутъ, тутъ въ сердцѣ лишь одномъ
Всѣ наилучшія отечества даянья...
Богатствъ утраченныхъ берите, Нѣмцы, въ немъ
Остатки бѣдные и всѣ воспоминанья!

«Какъ на ристалищѣ свою теряетъ честь
Оставшійся въ живыхъ воинъ побѣжденный,
Лишь на посмѣшище влачить свой вѣкъ презрѣнный,
И побѣдителя спѣшитъ ударъ нанести,
Оружье сокрушивъ подъ вражими стопами,
Онъ напрягаетъ длань свою въ послѣдній разъ...
Такъ вдохновенъ мнѣ пришелъ послѣдній часъ.
Касаюсь лютни я дрожащими перстами:
Пускай вамъ на Литвѣ послѣдній вайделотъ
Послѣднюю же пѣснь литовскую споетъ».

Умолкъ и идетъ; всѣ ждуть въ молчаніи глубо-
комъ,
Что дать въ отвѣтъ на то магистръ благоволитъ:
Конрадъ пытающимъ и оживленнымъ окомъ
Движенія и лицо Витольдовы слѣдитъ.

И всѣ замѣтили въ Витольдѣ перемѣну;
Какъ только вайделотъ имъ молвилъ про измѣну,

Синѣть, блѣднѣть онъ сталь, потомъ онъ покраснѣль,
 Терзаетъ стыдъ его, и гнѣвъ въ немъ закипѣль,
 И наконецъ свой мечъ онъ у бедра сжимаетъ,
 Идетъ, смущенную толпу онъ раздвигаетъ,
 И сталъ какъ вкопанный; — на старца поглядѣль.
 И туча, на челѣ нависшая угрюмо,
 Вдругъ разразилася обильныхъ слезъ дождемъ.
 Вернулся онъ и сѣль, закрывъ лицо плащемъ,
 И погрузился весь въ таинственные думы.

А Нѣмцы шепчутся: «ужели собрать
 Мы нищихъ стариковъ должны на шированье?
 Тѣ пѣсни для кого, кто можетъ ихъ понять?...»
 Въ толпѣ пирующихъ такія восклицанья
 Все чаще и слышнѣй перерываетъ смѣхъ,
 И рѣзвые паки кричатъ, свистя въ орѣхъ:
 «Вотъ нота вѣрная литовскаго напѣва!»

И всталъ тогда Конрадъ; «по праву старины,
 Сегодня, рыцари, нашъ Орденъ принимаетъ
 Подарки, что намъ князь или городъ посылаетъ,
 Какъ дань покорную подвластной намъ страны.
 Вамъ нищій жертвуетъ, онъ пѣсню предлагаетъ;
 Такъ старцу дань принести не возбраняйте вы,
 Примите пѣснь его, то лепта отъ вдовы.

«Вы видите, и князь Литвы пируетъ съ нами,
 Вожди ея сидятъ здѣсь Ордена гостями:
 Приятно слышать имъ о подвигахъ своихъ
 Преданье старины, въ словахъ для нихъ родныхъ.
 Кому понять нельзя, пускай тотъ удалится.
 Я иногда люблю унылый этотъ тонъ
 Литовской пѣсни ихъ, хотя непонятенъ онъ:
 Люблю какъ шумъ волны, когда она дробится,

Какъ тихій стукъ дождя роскошною весной,
 Подъ звукъ ихъ сладко спать... Пѣвецъ маститый,
 пои?»

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

«Когда несетъ въ Литву зараза истребленье,
 Провидитъ ходъ ея пророческое зрѣнье:
 И, если вѣрите народнымъ вы пѣвцамъ,
 Среди глухихъ кладбищъ, по дебрямъ и холмамъ
 Является не разъ намъ дѣва моровая,
 Вся въ бѣломъ, на челѣ съ пылающимъ вѣнкомъ,
 Ростъ бѣловѣжскихъ древъ главою превышая,
 И окровавленнымъ въ рукѣ грозить платкомъ.

«У замковъ стражи ихъ подѣ шлемы очи кроютъ;
 А псы у поселанъ, уткнувши морды въ прахъ,
 И чуя злую смерть, на всю окрестность воютъ.

«И устремляется злобѣщій дѣвы шагъ
 На веси, города, богатыя владѣнья:
 И каждый разъ, когда платкомъ она махнетъ,
 Какой-нибудь дворецъ приходитъ въ запустѣнье;
 Гдѣ ступить, свѣжая могила ужъ растеть.

«Видѣнье горькое, но горшею бѣдою
 Съ нѣмецкой стороны грозилъ Литвы покою
 Шлемъ свѣтлый, страуса украшенный перомъ,
 И съ нимъ широкой плащъ и черный крестъ на немъ!

«Гдѣ то страшилище прошло, являя силу,
 Что гибель поминать тамъ селъ и городовъ?
 Тамъ цѣлая страна низринута въ могилу!
 Ахъ! въ комъ еще живъ духъ изъ всѣхъ Литвы оы-

новъ,

Приди ко мнѣ сюда, на гробъ народовъ взглянемъ,
Въ раздумьѣ сѣвъ на немъ, мы пѣть и плакать ста-
немъ...

«О, будь народная! Ковчегъ завѣта ты,
Давно отжившаго съ живымъ ты единенье;
Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье,
И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты!

«Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испытаній
Народъ не запятналъ того, что ты хранишь;
О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь
У храма дорогихъ его воспоминаній,
И крылья у тебя Архангела, и рѣчь: —
Порой Архангела ты также удержишь мечъ...

«Дѣлъ громкихъ истребить огонь изображенья,
Богатства разнесетъ губительный злодѣй:
Безвредно пѣснь уйдетъ и обойдетъ людей;
Когда-жъ у низкихъ душъ не достаетъ терпѣнья
Питать ее тоской, надеждою поить,
Бѣжить въ ущелья горъ, вокругъ развалинъ вьется,
Чтобъ о быломъ еще оттуда говорить...
Такъ и изъ зданія, гдѣ пламя разольется,
Взлетаетъ соловей, на мигъ присядетъ онъ
На крышу — рухнула! — въ лѣса онъ улетаетъ,
И грудью звонкою, гробами окружень,
Прохожимъ скорби пѣснь надъ пепломъ запѣваетъ.

«Я слухала пѣснь. Сохой за кости задѣвалъ
Столѣтній селянинъ, идя по лону нивы,
И начиналъ играть въ свирѣль изъ вѣтки ивы
Усопшимъ гимнъ, иль васъ онъ пѣснью поминалъ,
Отцы — бездѣтныя... и эхо отвѣчало.
Я слухала издали. Казалось, средь долинъ

Тѣмъ выше зрѣлище, тѣмъ пѣснь грустнѣй звучала,
Что видѣлъ я его, внималъ ему — одинъ.

«Какъ въ страшный день суда воздвигнетъ изъ
могилы

Архангела труба давно остывшій прахъ:
Такъ кости изъ-подъ ногъ сдвигались на поляхъ,
Отъ пѣсни, въ образы несокрушимой силы.
Изъ пыли — арки вдругъ встаютъ ряды столбовъ,
Шумятъ подъ веслами озѣра голубья,
И видны двери тамъ отверстія дворцовъ,
Вѣнцы князей, войны dospѣхи боевые;
И пляшетъ дѣвъ кружокъ, пѣвцами оживленъ —
Чудесно грезилъ я — жестоко пробужденъ!

«И нѣтъ лѣсовъ, и горъ родимыхъ предъ очамъ!
Мысль, утомленными взмахнувъ еще крылами,
Спустилась, сжалася въ домашнемъ уголкѣ,
И лютиа замерла въ хладѣющей рукѣ;
Ужъ голосъ прошлаго не слышенъ мнѣ порою,
Когда собратій стонъ доходитъ до меня!
Но искры иного досель во мнѣ огни
Все глѣбютъ въ глубинѣ, вдругъ вспыхнуть предо мною
И жизнь въ душѣ зажгутъ, и память озарятъ.
И какъ хрустальная тогда она лампада,
Которой живопись дала красу наряда;
Царапины и пыль ее хотъ потемнить,
Но красокъ свѣжестью она приманитъ взоры,
Когда свѣтильню ты зажжешь внутри у ней,
И по стѣнамъ она обители царей
Разстелетъ чудные, хотъ тусклые, узоры.

«О, еслибъ только могъ огонь свой перелить
Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій
Могъ вырвать прошлое! Когдабъ сердца собратій

Умѣлъ я звучными словами шевелить,
 Быть можетъ, что еще они-бы въ то мгновенье,
 Когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ,
 Сердцецъ, какъ встарину, почувяли биенье;
 Отцовъ великій духъ тогда-бъ проснулся въ нихъ,
 И такъ возвышенно хоть мигъ они-бъ прожили,
 Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили.

«Но что минувшіе вѣка тревожить намъ?
 Пѣвецъ не оскорбитъ дѣяній современныхъ:
 Есть близко мужъ живой, великій изъ рожденныхъ...
 Учитесь, спюю о немъ, Литовцы, вамъ!»

И замолчалъ старикъ, и слушаетъ сурово,
 Какъ Нѣмцы приняли восторженность пѣвца.
 Царица тишина подъ сводами дворца.
 Она пѣвцу даетъ огонь какъ будто снова.
 И такъ другой предметъ для пѣсни онъ избралъ:
 Размѣру рѣчи далъ свободное теченье,
 Слабѣе по струнамъ и рѣже ударялъ,
 И повѣстью простой смѣнилось гимна пѣнье.

17 сентября 1871 г.

V.

П И Р Ъ.

(Продолженіе).

пѣсня вайделота.

Бдуть Литовцы, откуда? Съ ночнаго вернулись набѣга;
 Груды добычи везуть изъ разграбленныхъ замковъ и хра-
 мовъ.

Плѣнные Нѣмцы толпами бѣгутъ у коней побѣдившихъ,
 Скручены руки у нихъ, а на шеяхъ ихъ петлей веревки:
 Только на Пруссію взглянуть они, и зальются слезами,
 Взглянуть на Ковно — и Богу себя поручаютъ со страхомъ.
 Въ городѣ Ковнѣ лежитъ по срединѣ долина Перуна:
 Послѣ побѣды, дружины литовскихъ князей лишь вернуться,
 Рыцарей-Нѣмцевъ тамъ въ жертву ему сожигаютъ обычно.
 Двое изъ схваченныхъ рыцарей бдуть безъ страха до

Ковна:

Молодъ одинъ и прекрасенъ, другой уже въ лѣтахъ пре-
 клонныхъ.

Сами они среди битвы покинули полчища Нѣмцевъ,
 И приближали къ Литовцамъ; князь Кейстутъ ихъ принялъ
 охотно,

Но окружилъ онъ ихъ стражей и въ замокъ ведетъ за собою.
 «Прибыли съ цѣлью, какой, и откуда?» онъ ихъ вопро-
 шаетъ.

Юноша такъ говоритъ: «я не знаю, какъ родъ мой и имя,
 Ибо ребенкомъ еще я былъ Нѣмцами схваченъ въ неволю.
 Помню я только, что гдѣ-то въ Литвѣ, среди града большаго,
 Домъ нашъ отцовскій стоялъ. Деревянной постройки былъ
 городъ

И на высочихъ пригоркахъ, нашъ домикъ былъ красный,
 кирпичный;

Вкругъ тѣхъ холмовъ на равнинахъ шумѣла еловая роща,

Озеро бѣлое тамъ издалека средь лѣса блистало.
 Ночью, однажды, неистовымъ крикомъ нарушенъ былъ
 сонъ нашъ,
 День засіялъ вдругъ огнистый къ намъ въ окна, затреска-
 лись стекла,

Дыма по зданію клубы неслись; мы бѣжали въ ворота.
 Пламя по улицамъ вѣяло, искры въ насъ сыпались градомъ;
 Крикъ раздавался: «къ оружію! въ городъ Нѣмцы къ
 оружію!..»

Бросился живо съ оружіемъ отецъ, и назадъ не вернулся.
 Нѣмцы къ намъ въ домъ ворвались, одинъ-же пустился за
 мною,

Быстро настигъ, подхватилъ на коня, и что дальше — не
 знаю:

Только лишь матери долго и долго все слышала я стоны...
 Въ стугѣ оружія и въ грохотѣ зданій, валившихся шумно,
 Стоявъ этотъ неся за мною, и въ ухѣ моею онъ остался.
 Даже теперь, какъ увижу пожаръ я, какъ стоятъ я услышу,
 Въ сердцѣ тотъ стонъ отдается, какъ эхо въ далекой пе-
 щерѣ

Вслѣдъ за ударами грома... Вотъ все, что о краѣ родномъ я,
 Что о родителяхъ помню. Порой въ сновидѣніяхъ вижу
 Матери образъ почтенный, отца предъ собою и братьевъ:
 Только, чѣмъ далѣе время уходитъ, все больше и больше
 Съ каждымъ мгновеньемъ таинственный мракъ ихъ черты
 застилаетъ.

Дѣтскіе годы текли, между Нѣмцами жилъ я какъ Нѣмецъ,
 Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа:
 Имя нѣмецкое было, душа оставалась литовской,
 И оставалась по родинѣ грусть, къ иностранцамъ недружба.
 Винрихъ магистръ крестonosцевъ, въ своемъ воспиталъ
 меня замкъ,

Самъ восприемникомъ былъ мнѣ, любилъ и лелѣялъ, какъ
 сына,

Сталъ я скучать во дворцахъ, и его покидая колѣна,

Вдругъ убѣгалъ къ вайделоту сѣдому. Въ то время ментъ
 Нѣмцевъ

Жилъ вайделотъ, изъ Литвы увезенный когда-то въ неволю.
 Войску служилъ толмачемъ онъ. Когда обо мнѣ онъ раз-
 вѣдалъ,

Что сирота я, и тоже Литвинъ, то меня призывать сталъ—
 Часто мнѣ пѣлъ о Литвѣ, оживлялъ тосковавшую душу
 Ласками, звуками рѣчи родимой, а также рассказомъ.

Къ берегу синяго Нѣмана часто меня приводилъ онъ,
 Было приятно глядѣть мнѣ оттуда на горы отчизны;
 Въ замокъ когда возвращались, старикъ отиралъ мои слезы,
 Чтобъ не подозрели насъ: отиралъ мои слезы, но мѣняеъ
 Къ Нѣмцамъ во мнѣ распалая онъ. И помню, что, въ
 замокъ вернувшись,

Ножикъ точилъ я украдкой; съ какимъ наслажденьемъ
 мести

Винриха рѣзалъ ковры, разбивалъ зеркала дорогія,
 Щипъ его свѣтлый пескомъ засыпалъ и плевалъ на до-
 спѣхи.

Часто, какъ юношей сталъ я, прибывши на пристань
 Клейпеды,

Въ лодку мы съ старцемъ сѣли и берегъ Литвы посѣ-
 щали.

Рвалъ я цвѣты тамъ родные, ихъ запахъ волшебный какъ
 будто

Темное въ душу вливалъ мнѣ о прошломъ, далекомъ со-
 знанье.

Запахомъ чуднымъ упившись, я дѣбался снова ребенкомъ,
 Въ отчемъ саду я и братья малютки со мною играли.

Памяти старецъ тогда помогалъ и словами, живѣ
 Трава и цвѣтовъ полевыхъ, рисовалъ онъ счастливое время.
 Какъ мнѣ отраднo въ отечествѣ было-бъ съ друзьями, съ
 родными,

Юности время дѣлать; и какъ много литовскихъ малютокъ
 Счастья такого не знаютъ и стонутъ въ оковахъ Тевтоновъ!

Такъ средѣ равнинъ, говорилъ онъ, но тамъ на прибрежьяхъ
Полонги,

Гдѣ расшибается бѣлое море гремящею грудью,
И изъ гортани потоки песка выливаетъ и пѣны,
Видишь, говаривалъ старецъ, коверъ тотъ прибрежнаго луга
Желтый песокъ ужъ засыпалъ? Ты видишь, душистыя травы
Сияютъ смертный покровъ пробуривать головками стебля?
Ахъ, все напрасно! ужъ новая гидра съ пескомъ нанесется;
Бѣлые плѣсы расширить, живой материкъ уничтожить,
Дикое царство пустыни все дальше кругомъ раздвигая...
Сынъ мой, весенніе всходы, что заживо взяты могилой,
Это — подъ гнетомъ народы, то наши собратья Литовцы;
Сынъ мой, изъ-за моря бурей гонимый песокъ — это
Орденъ!..

Слушалъ, и сердце болѣло. Хотѣлъ истребить крестоносцевъ,
Или въ Латву убѣжать; но порывы удерживалъ старецъ.
Рыцарямъ вольнымъ, говаривалъ, выборъ оружія вольный;
Вольно на полѣ открытомъ при равныхъ условіяхъ драться:
Ты-же — невольникъ: одно у рабовъ есть оружье — измѣна.
Съ нами останься учиться искусству военному Нѣмцевъ,
Пусть довѣряютъ тебѣ; а потомъ мы увидимъ, что дѣлать...
Старцу послушенъ и преданъ, я шель за войсками Тев-
тоновъ:

Въ первой, однако-же, битвѣ, какъ только увидѣлъ знамена,
Только военныя пѣсни роднаго народа услышалъ:
Къ нашимъ я бросился въ станъ, и повелъ старика за собою.
Какъ на гнѣздѣ своемъ пойманный соколъ, вскормленный
въ клѣткѣ,
Пусть у него истязаніемъ ловчій отнявши разсудокъ,
Въ гонку пускаетъ, чтобъ соколовъ-братьевъ на бой вызы-
валъ онъ:
Только поднимется въ тучи, и только свободно глазами
Всю беспредѣльную область лазурной отчизны окинетъ,
Воздухомъ вольнымъ дохнетъ лишь и шумъ своихъ крыльевъ
услышитъ,

Сокола ловчій не жди, и домой съ своей клѣткой вер-
нися...»

Юноша кончилъ, а Кейстутъ все слушалъ и слушала
также

Кейстута дочь молодая Альдона, красою богиня.
Осень настала, и съ нею длиннѣй вечера потянулся;
Кейстута дочь, въ кругу обращаюсь сестеръ и ровес-
ницъ,

Ткать за станокъ свой садится, или садится за прялку,
Иглы сверкаютъ у нихъ, вертена мелькаютъ въ движеньи, —
Вальтеръ тогда о нѣмецкихъ краяхъ чудеса сообщаетъ,
Или о дняхъ своей юности. Все, что рассказывалъ Валь-
теръ,

Ухомъ ловила дѣвица, и мыслью своею поглощала;
Все заучила на память, порой и во снѣ повторять.
Сказывалъ Вальтеръ какъ стали велики за Нѣманомъ замки
И города, какъ роскошны наряды, какъ пышны забавы;
Какъ на турнирахъ отважные рыцари копыя ломаютъ,
Смотрятъ съ балконовъ дѣвицы, вѣнки присуждаютъ до-
стойнымъ.

Вальтеръ повѣдалъ о Богѣ великомъ, за Нѣманомъ чтимомъ,
И о пречистой и дѣйственной Матери Сына Господня,
Тутъ-же небеснаго лика Ея показалъ онъ имъ образъ.
Юноша свято хранилъ на груди образокъ тотъ чудесный:
Отдалъ его онъ Литвинкѣ, какъ сталъ утверждать ее въ
вѣрѣ

И возносить съ ней молитвы; всему, въ чемъ познаваемъ
богатъ былъ,

Думалъ наставить; нежданно, увы, и тому научилъ онъ,
Самъ чего прежде не вѣдалъ: любить научилъ ее первый.
Много и самъ узнавалъ онъ. Съ какимъ упоеніемъ слушалъ
Рѣчи литовской, забытой, въ устахъ у нея выраженной.
Съ каждымъ воскреснувшимъ словомъ новое чувство рож-
далось

Искрой из пепла, и сладкія были все это названья:
Дружбы, сладостной дружбы, родства и, сверхъ этихъ на-
званій,
Сладостью всѣхъ превзошедшее, слово любовь, каковому
Равнаго нѣтъ на землѣ, исключая названья — отчизна.

Кейстутъ сталъ думать: откуда-же въ дочери вдругъ пе-
ремѣна?

Гдѣ ея прежнія радости, гдѣ ея дѣтскія игры?
Въ праздникъ гурьбою идутъ всѣ дѣвицы забавиться пля-
ской:

Все одинока она, либо съ Вальтеромъ рѣчи заводить.
Въ будничныи день за иглою дѣвицы сидятъ или за при-
жей:

Иглы изъ рукъ у нея выпадаютъ, свиваются нитки,
И ужъ не видятъ, что дѣлаетъ, — всѣ говорятъ мнѣ объ
этомъ.

Самъ я замѣтилъ случайно вчера, что зеленымъ зашила
Розы цвѣточекъ и краснымъ задѣлала шелкомъ листочки.
Какъ-же могла-бы она видѣть, когда ея мысли и очи
Она лишь Вальтера ищутъ и съ Вальтеромъ лишь разго-
вора?

Сколько-бы разъ ни спросилъ я, куда уходила? — «въ до-
лину»;

Или откуда пришла? — «изъ долины»; но чтоже въ долинѣ?

Юноша садъ насадилъ ей. Неужели садъ тотъ красивый
Замка садовъ (а роскошными Кейстутъ гордился садами:
Полные яблокъ и грушъ, они ковенскихъ дѣвъ привлекали?)
Это не садъ ее манитъ. Зимой ея окна я видѣлъ;

Цѣлыя стекла у оконъ, которыя вышли на Нѣманъ,
Чисты какъ будто средь мая. Морозъ не темнитъ ихъ кри-
сталла.

Вальтеръ тамъ ходитъ. Она подъ окномъ, безъ сомнѣнья,
сидѣла

И растопила на стеклахъ горячимъ дыханіемъ льдинки.

Думалъ я, вѣрно, онъ чтенью ее и писанью научить,
Слыша, что здѣсь у князей начинали всѣ дѣти учиться...
Малый онъ добрый, отважный, въ писемъ-же какъ ксендзъ
изощренъ онъ:

Выслать изъ дому ужель мнѣ его? Онъ такъ нуженъ въ
Литвѣ намъ;

Войско всѣхъ лучше онъ строить, всѣхъ лучше окопъ на-
сыпаетъ,

И съ огнестрѣльнымъ оружіемъ знакомъ, онъ одинъ мнѣ
за войско...

Вальтеръ, поди-же, будь зятемъ моимъ и дерись за Литов-
цевъ!..

Вальтеръ Альдону взялъ за себя...—Полагаете, Нѣмцы,
Вѣрно конецъ тутъ и повѣсти: въ вашихъ любовныхъ ро-
мансахъ.

Въ бракъ когда рыцарь вступилъ, трубадуръ заключаетъ и
пѣсно,

Только прибавить, что прожили долго они и счастливо...

Вальтеръ супругу любилъ — но онъ былъ съ благородной
душою;

Счастья онъ въ домѣ не встрѣтилъ, его не нашлось въ
отчизнѣ.

Только снѣга распустилися, жаворонокъ первый спѣлъ
пѣсню!..

Вѣстникъ любви и блаженной отрады въ другихъ сторо-
нахъ онъ,

Бѣдной Литвѣ ежегодно пожары, рѣзню предвѣщаетъ.

Все выдвигаются въ силахъ несмѣтныхъ ряды крестонос-
цевъ,

И изъ-за нѣманскихъ высей до Ковно ужъ эхо доноситъ
Войска огромнаго говоръ, стукъ брони и ржаніе коней.

Иглою спускается станъ, облегаетъ равнины широко,

Ближе и дальше мелькаютъ переднихъ отрядовъ знамена

Змѣйками молній предъ бурю. Нѣмцы у берега стали,

Кинули мость чрез Нѣманъ и Ковно кругомъ обложили.
Каждый ужь день отъ тарановъ ихъ рушатся стѣны и
башни,

Каждую ночь, какъ кроты, подь землей они рокошь подкопы,
Огненнымъ бомба полетомъ несется подь небомъ высоко,
Съ выси, какъ соколъ на птицу, она упадаетъ на крыши.
Ковно ужь въ грудахъ развалинь, Литва отступаетъ въ
Кейданы,

Въ грудахъ развалинь Кейданы, Литва по лѣсамъ и при-
горкамъ

Бьется, а Нѣмцы все грабятъ и жгутъ, и впередъ подаются.
Первые въ битвахъ и Кейстуть, и Вальтеръ — послѣднiе въ
бѣгствѣ.

Кейстуть покоенъ все время: усвоилъ онъ съ дѣтства при-
вычку

Драгьяе съ врагами: напасть, побѣдить и уйти защищаясь;
Зналъ онъ, что съ Нѣмцами предки его воевали обычно;
Слѣдуя предкамъ сражался и онъ, не заботясь, что будетъ.
Мысли другія у Вальтера были: возросшій средь Нѣмцевъ,
Вѣдалъ онъ Ордена силу; онъ зналъ, что магистра воззвание
Цѣлой Европы богатства, войска и оружье притянетъ;
Пруссы сперва защищались, но стерли Пруссаковъ Тевтоны:
Рано иль поздно Литва покорится судьбѣ съ ними равной:
Видѣлъ онъ Пруссовъ невзгоду, дрожаль и за жребій Ли-
товцевъ.

«Сынъ, обращается къ Вальтеру Кейстуть, пророкъ ты
зловѣщій;

Снялъ ты завѣсу съ очей у меня, чтобъ разверзлися
бездны.

Рѣчи внималъ я твоей и, казалось мнѣ, руки слабѣли,
Вмѣстѣ съ надеждой побѣды отвѣга изъ груди бѣжала.
Что-же вамъ съ Нѣмцами дѣлать?» — «Отець, говорилъ
ему Вальтеръ,

Знаю единственный способъ, ужасный, увы! но успѣшный!
Послѣ повѣдаю...» Такъ послѣ битвы они разсуждали,

Къ новому горю и битвамъ пока ихъ труба не сзы-
вала.

Кейстуть печальнѣе съ часу на часъ; измѣнился и
Вальтеръ!

Прежде, хотя не бывалъ никогда онъ особенно веселъ,
Легкая тѣнь размышленья въ счастливыя даже минуты
Часто лицо застилала его — но въ объятяхъ Альдоны
Прежде чело и лицо у него оставались спокойны;
Шелъ къ ней на встрѣчу съ улыбочкою, нѣжнымъ прощаномъ
съ ней взглядомъ...

Нынѣ-же тайной болѣзни какъ-будто терзался онъ мукой;
Руки скрестивши, онъ цѣлое утро стоитъ передъ домомъ,
Смотритъ на дымъ (въ отдаленнiи пылаютъ мѣстечки и
села),

Дикими смотреть очами; отъ сна пробуждается ночью:
И за кровавымъ разливомъ пожаровъ слѣдитъ изъ окошка.
«Мужъ дорогой, что съ тобою?» въ слезахъ вопрошаетъ
Альдона;

— «Какъ что со мной? не дремать-ли, куда ворвутся къ
намъ Нѣмцы,

Соннаго свяжутъ, потомъ палачу отдадутъ меня въ руки?»
— «Боже, супругъ мой! надежная стража стоитъ у око-
повъ».

— «Правда, есть стража, не сплю я, въ рукѣ моей вѣрная
сабля:

Слушай-же, если до старости жить мнѣ, до старости
дряхлой!..»

— «Богъ утѣшенье даруетъ намъ въ дѣтяхъ...» — «Такъ
Нѣмцы ворвутся,

Стубятъ жену и, исторгнувъ дѣтей, увезутъ ихъ далеко,
Стрѣлы въ роднаго отца выпускать ихъ, пожалуй, на-
учать!..

Самъ я, быть можетъ, родителя, можетъ быть, братьевъ
убилъ-бы,

Если-бъ не нашъ вайделоть...» — «Дорогой ты мой Вальтеръ, уйдемъ
Дальше въ Литву, чтобъ въ лѣсахъ и горахъ намъ укрыться
отъ Нѣмцевъ».

— «Да, мы уйдемъ, другихъ матерей и дѣтей мы оставимъ».

Такъ убѣгали Пруссаки, а Нѣмецъ въ Литвѣ ихъ настигнулъ.

Если въ горахъ насъ откроетъ?» — «И снова мы дальше уйдемъ».

— «Дальше, злосчастная, дальше! куда-же уйдемъ изъ Литвы мы?»

Въ руки Татаръ или Русскихъ?» На то возраженье Альдона Вдругъ умолкла смущенная: ей представлялось досель, что безъ конца широка и длинна, какъ весь мѣръ нашъ, отчизна...

Слышитъ впервые, что въ цѣлой Литвѣ нѣтъ угла, гдѣ-бы скрыться.

Руки ломая, просила, чтобъ Вальтеръ сказалъ ей: что дѣлать? «Средство одно есть, Альдона, одно остается Литвинамъ, Ордена мощь сокрушить, и способъ мнѣ этотъ извѣстенъ.

Но, ради Бога, узнать не старайся! будь проклять стократно

Часъ тотъ, въ который, врагомъ принужденный, возьмусь за то средство!»

Больше сказать не хотѣлъ и не слушалъ моленій Альдоны: Только Литвы злополучье одно онъ и слышалъ, и видѣлъ; Мщенія пламя, которому пищу давали въ молчаньи Видъ поражений и зла, наконецъ охватило и сердце; Всякое чувство въ немъ выжгло, и даже сильнѣйшее чувство,

Даже и чувство любви, услажденье досель его жизни. У бѣловѣжскаго дуба такъ точно, когда звѣроловы Тайный огонь разведутъ, сердцевину глубоко въ немъ выжгутъ:

Скоро царь лѣса утратитъ листы, разносимые вѣтромъ,
Съ вѣтромъ слетятъ его вѣтки, и — даже послѣдняя зелень,
Дубъ украшавшая прежде — засохнетъ корона омелы.

Долго Литовцы по замкамъ, лѣсамъ и пригоркамъ бродили,

Иль нападая на Нѣмцевъ, иль ихъ нападенья встрѣчая;
Страшная битва потомъ закипѣла въ равнинахъ Рудавы,
Гдѣ молодежи литовской свалилися тысячь десятки,
Возлѣ нихъ столько-же тысячь вождей и простыхъ крестоносцевъ.

Къ Нѣмцамъ изъ-за моря свѣжія все набиралися силы;
Съ горстїю смѣлыхъ и Кейстутъ, и Вальтеръ пробился въ горы.

Сабли у нихъ зазубрились, щиты ихъ порублены были,
Пылью и кровью покрыты, угрюмые въ домъ возвратились.

Вальтеръ жену не окинулъ и взглядомъ, ей слова не молвилъ,

Съ Кейстутомъ рѣчь и потому съ вайделотомъ завелъ по нѣмецки.

Не понимала Альдона, но сердце предвѣстникомъ было
Страшныхъ какихъ-то событїй. Икончивъ свое совѣщанье,
Горестный взглядъ на Альдону они обратили всѣ трое.
Вальтеръ всѣхъ долѣе смотрѣлъ, какъ нѣмой, съ безнадужною скорбью;

Крупными каплями вдругъ изъ очей его хлынули слезы,
Бросился въ ноги къ Альдонѣ и къ сердцу прижалъ ей руки,
Началъ молить о прощеньи за все, что она претерпѣла.
«Женщинамъ горе, сказалъ онъ, когда онѣ любятъ безумцевъ,

Око которыхъ привыкло глядѣть за предѣлы селенья,
Мысли которыхъ какъ дымъ безпрестанно надъ крышею
вьются,

Сердцу которыхъ домашняго счастья не будетъ довольно.

Души великія ульямъ просторнымъ подобны, Альдона,
Медь ихъ не можетъ наполнить, гнѣздомъ они ящерицы
стануть...

Другъ мой Альдона, прости мнѣ! я дома останусь сегодня,
Все позабуду сегодня, сегодня другъ другу мы будемъ
Тѣмъ, чѣмъ бывали мы прежде; а завтра... — И кончить
не смѣлъ онъ.

Радость какая Альдонѣ! бѣдняжкѣ приходитъ на мысли:
Вальтеръ измѣнится, будетъ спокоенъ и веселъ какъ прежде —
Видитъ, что меньше задумчивъ, глаза его стали явнѣе
Свѣжій опять на ланитахъ румянецъ. У ногъ онъ Альдоны
Цѣлый тотъ вечеръ проводить: Литву, Крестовосцевъ и
битвы

Предалъ на мигъ онъ забвенью, о времени вспомнилъ сча-
стливомъ,

Какъ онъ пріѣхалъ къ Литовцамъ, о первой бесѣдѣ съ
Альдоной,

Первой прогулкѣ въ долину, и вспомнилъ о всѣхъ, хотя
дѣтскихъ,

Въ памяти сердца оставшихся, первой любви приключе-
ченьяхъ.

Чтожъ прерываетъ столь сладкія рѣчи онъ возгласомъ:
«завтра!»

Вновь погружается въ думы и долго глядитъ на супругу,
Слезы въ глазахъ накаплиютъ, и хочетъ сказать и не смѣетъ,
Вызвалъ мгновенно ужель для того лишь, чтобъ съ ними
проститься,

Прежнія чувства и счастья прежняго сладкую память?
Всѣ разговоры въ тотъ вечеръ и всѣ того вечера ласки
Будутъ ужель послѣднимъ блистаньемъ свѣтла любви
ихъ?..

Щетныя разспросы. Альдона глядитъ, ожидая въ сомнѣньи,
И, осторожно изъ комнаты выйдя, смотритъ сквозь щели.
Вальтеръ вино наливалъ, осушая бокалъ за бокаломъ,
И старика вайделота оставилъ съ собою онъ на ночь.

Солнышко только всходило; звенять о каменья, копыта,
Тамъ пробираются съ раннимъ туманомъ два рыцаря въ
горы,

Всѣхъ провели они стражей — одинъ не поддался обману;
Чутки влюбленной глаза: угадала ихъ бѣгство Альдона!
И забѣжала въ долину; печальна была у нихъ встрѣча.
«Въ домъ свой вернись, дорогая, вернися, ты счастлива
будешь,

Счастлива, можетъ быть, будешь въ объятіяхъ родины
милой;

Ты молода и прекрасная, найдешь утѣшенье, забудешь!
Многіе прежде князья получить твою руку стремились!

Нынѣ вдова ты великаго мужа и стала свободна,
Даже тебя онъ покинуть рѣшился для блага отчизны!

Другъ мой, прости и забудь; обо мнѣ иногда и поплачь ты:
Вальтеръ лишился всего, безъ пристанища Вальтеръ остался,
Вѣтру степному подобенъ, онъ долженъ по свѣту ски-
таться,

Жить все измѣной, губить и погибнуть позорною смертью.
Годы умчатыся, и Альфово имя опять пронесется
Громомъ въ Литвѣ, и быть можетъ изъ устъ вайделотовъ
узнаешь

Подвигъ его. И тогда, дорогая, тогда ты помыслишь:
Страхъ наводящій тотъ рыцарь, одѣянный облакомъ тайны,
Только тебѣ лишь извѣстный, твоимъ былъ когда-то супру-
гомъ,

И сиротства пусть отрадою будетъ достойная гордость».
Внемлетъ Альдона въ молчаньи, хотя и не слышитъ ни
слова.

«Бѣдешь, ты ѣдешь!» она закричала, сама испугавшись
Слова: *ты ѣдешь*, — то слово одно въ ея ухѣ звенѣло.
Думать и помнить она не могла ни о чемъ; у ней въ мы-
сляхъ,

Все, что прошло и что будетъ, смѣшалось и сплѣталось
вмѣстѣ:

Сердцемъ однако постигла она невозможность вернуться,
И невозможность забыть. Глаза, обезумѣвъ, вращала,
Нѣсколько разъ повстрѣчались съ ней Вальтера дикіе взоры:
Не обрѣтала отрады въ тѣхъ взорахъ она, какъ бывало,
Новаго будто чего-то искала повсюду, и снова
Вдругъ озиралась... Кругомъ разстлались лѣса и пу-
стыни:

Блещетъ за Нѣманомъ башня средь лѣса, она одинока,
Женскій то былъ монастырь, христіанъ опустѣлое зданье...
Къ башенкѣ той прильпились очи и мысли Альдоны:
Такъ голубокъ надъ пучиною морскою, подхваченный вѣт-
ромъ,

Жметса у мачтъ одинокихъ, упавъ на корабль неизвѣстный.
Вальтеръ тутъ понялъ Альдону, послѣдовалъ молча за нею,
Замысль свой расказалъ, заповѣдалъ таить передъ свѣ-
томъ,

И у воротъ разлучились! — то страшное было прощанье —
Альף съ вайделотомъ уѣхалъ. Не слышно объ нихъ и
донинѣ.

Горе когда бы доселѣ онъ клятвы своей не исполнилъ:
Если, отрекшись отъ счастья и счастье сгубивши Аль-
доны...

Если, пожертвовавъ столькимъ, все въ жертву принесъ онъ
напрасно...

Время покажетъ, что будетъ... — Окончилъ я пѣсню мою,
Нѣмцы...

«Конецъ, уже конецъ!» — ужасный ропотъ въ залѣ.
«Чтожь Вальтеръ? подвиги какіе онъ свершилъ?
Гдѣ мщеніе? кому?» внимавшіе кричали.
Одинъ магистръ еще молчаніе хранилъ,
Съ поникшей головой средь шумной сидя сцены,
Взволнованъ глубоко, хватаетъ каждый мигъ
За чашей чашу онъ и осушаетъ ихъ.
Въ наружности его видъ новой перемѣны,

Ужь чувства разныя, какъ молніи въ вѣнцѣ
Грозы, на огненномъ скрещаются лицѣ.
Все хмурится чело часъ отъ часу грозяще,
Уста дрожащія сжимаются синѣя,
Глаза, какъ ласточки предъ бурей, снуютъ,
Плащъ сбросилъ и вскочилъ — «конецъ гдѣ-жь пѣсни тутъ?
Скорѣ допѣвай конецъ ты пѣсни нашей,
Иль лютню дай. Зачѣмъ трепещешь ты, пѣвецъ?
Дай лютню мнѣ скорѣй, виномъ наполни чашу,
Когда боишься ты, и самъ спою конецъ.»

«Я знаю васъ!.. Лишь пѣснь раздастся вайделота,
Пророчить скорѣ она, какъ завываніе псовъ:
Убийства только вамъ, пожары пѣтъ охота;
Даете муки намъ и шумъ хвалебныхъ словъ...
Закравшись въ колыбель, такая пѣснь лукаво
Еще ребенка грудь змѣною обовьетъ
И яды въ духъ ему жестокіе вольетъ:
Любови къ отечеству и глупой жажды славы!

«За юношей она стремится по пятамъ,
Какъ тѣнь врага, что палъ печальной жертвой мщенья;
Является она на пиръ нерѣдко къ намъ,
Чтобъ крови подмѣшать въ сосуды наслажденья.
Наслушался, увы... узналъ я пѣсень чары!..
Свершилося... Знакомъ ты мнѣ, измѣнникъ старыи!..
Ты побѣдилъ, поетъ — пускай кипитъ война!
Исполнится обѣтъ, давайте мнѣ вина!

«Конецъ я знаю: пѣтъ... другую пѣсню вамъ надо;
Когда въ Кастилии сражались по горамъ,
Тамъ Мавры насъ свои учили пѣтъ баллады.
Старикъ, играй мнѣ пѣсню ту дѣтскую, что намъ
Въ долинѣ пѣлася... то было время счастья!
Поди эту музыку я пѣтъ всегда привыкъ.»

Вернись, старикъ, не то боговъ тебѣ проклятыя
Нѣмецкихъ, прусскихъ, всѣхъ»... Былъ вынужденъ ста-
ричь

Вновь выступить, и въ тонъ Конрада пѣсни дикой
Онъ робко слѣдовалъ, играя на струнахъ,
Какъ за разгнѣваннымъ рабъ слѣдуетъ владыкой.

А между тѣмъ огни ужъ гасли на столахъ,
Пируя рыцари въ дремоту погрузились;
Но лишь запѣлъ Конрадъ, всѣ снова пробудились,
Встаютъ со всѣхъ сторонъ, столпились въ тѣсный кругъ,
И слово каждое ихъ жадный ловить слухъ.

БАЛЛАДА АЛЬПУХАРА.

Въ горахъ развалины у Мавровъ посады,
Цѣпи народъ ихъ влачатъ,
Держатся только твердыни Гренады,
Но ужъ чума въ нихъ царить.

Бьется на высяхъ еще Альпухары
Съ горстью людей Альманзоръ.
Къ утру Испанецъ готовить удары,
Близко раскинулъ шатеръ.

Солнца съ восходомъ орудья взревѣли.
Стѣны въ обломкахъ лежатъ,
На минаретахъ кресты заблестѣли,
Замокъ Испанцами взятъ.

Но Альманзоръ, лишь отрядъ его смѣлый
Въ битвѣ отчаянной палъ,
Самъ прорубился сквозь сабли и стрѣлы,
Всѣхъ обманулъ и бѣжалъ.

Въ замкѣ, средѣ камней и тѣлъ искаженныхъ,
На удѣльвшеи стѣнѣ,
Дѣлить Испанецъ добычу и плѣнныхъ,
Тонетъ, пируя, въ винѣ.

Вѣрная стража вождямъ вдругъ доносить:
Рыцарь явился чужой —
Ихъ о приѣмѣ немедленномъ просить,
Вѣсти привезъ онъ съ собой.

То Альманзоръ былъ, король мусульманскій;
Самъ онъ отдаться спѣшилъ,
Бросивъ убѣжище, въ лагерь Испанскій,
Только о жизни молилъ.

«Къ нашему, рекъ онъ, Испанцы, порогу
Прибыль чело преклонить,
Вашему стать на служеніе Богу,
Вашихъ пророковъ почитать.

Слава пускай прогремитъ передъ свѣтомъ:
Мавръ, съ сокрушеннымъ вѣнцомъ,
Братскимъ желаетъ васъ встрѣтить привѣтомъ,
Власти чужой быть рабомъ».

Храбрость Испанцы въ бою уважаютъ;
Узнавъ лишь былъ Альманзоръ,
Вождь его объялъ, и всѣ обнимаютъ —
Имъ онъ товарищъ съ тѣхъ поръ.

Лаской имъ воѣмъ Альманзоръ отвѣчаетъ,
Онъ у вождя на плечахъ, —
Шею ужъ обвилъ и руки хватаетъ,
Крѣпко повисъ на устахъ.

Паль на колѣна, дрожащей рукою,
 Чѣмъ-то внезапно томимъ,
 Ноги Испанца опутала чалмою,
 По земли ползала за нимъ.

Взоромъ повелъ онъ, и всѣ изумились:
 Блѣдно и сине чело,
 Смѣхомъ ужаснымъ уста искривились,
 Кровью зрачки налило.

«Синь я и блѣденъ, Глуры, смотрите!
 Чей, угадайте, посолье?
 Васъ обманулъ я — въ чумѣ пропадите —
 Я изъ Гренады пришель».

Пролили въ душу мои вамъ лобзанья
 Ядъ, что васъ долженъ пожрать;
 Вы на мои наглядитесь терзанья,
 Такъ вѣдь и вамъ умерать».

Съ криками рвется, объятіемъ вѣрнымъ
 Хочетъ Испанцевъ всѣхъ сжать;
 Къ сердцу онъ, смѣхомъ залившись сердечнымъ,
 Ихъ-бы хотѣлъ приковать.

Смѣхомъ и кончилъ онъ — губы и вѣки
 Въ мукахъ при страшномъ концѣ
 Все не сомкнулись, смѣхъ адскій на-вѣки
 Замеръ на хладномъ лицѣ.

И побѣжали Испанцы отъ кары,
 Съ ними чума по пятамъ,
 Такъ и не вышли изъ горъ Альпухары —
 Пало все войско ихъ тамъ.

«Арабы нѣкогда отмщали такъ сурово;
 Хотите знать, какъ мстить Литовцу суждено?
 Чтожь, если въ будущемъ свое онъ сдержитъ слово
 И точно такъ придетъ заразу влить въ вино...
 Но нѣтъ, — другой теперь у насъ обычай въ модѣ:
 Витольдъ! князей Литвы должны мы принимать,
 Они приходятъ къ намъ владѣнья отдавать,
 Чтобъ злобу выместить на страждущемъ народѣ!

«Не всѣ однако, нѣтъ! Перуномъ я клянусь!
 О, есть еще въ Литвѣ — еще спою какъ прежде...
 Оборвалась струна — такъ съ лютней расстаюсь,
 Не будетъ пѣсни вамъ — однако я въ надеждѣ
 Когда-нибудь вамъ спѣть... теперь... вино струей...
 Я нынче много пилъ — ликуйте — праздникъ славьте.
 Ты-жь. Аль... манзоръ — старикъ, съ очей моихъ
 Долой Альбанъ — меня вы одного оставьте».

Сказалъ и, отойдя невѣрною стопой
 До мѣста своего, на кресло опустился,
 Кому-то все грозилъ, вдругъ столъ толкнулъ ногой,
 И столъ гремя съ виномъ и чашами свалился.
 Онъ скоро ослабѣлъ, склонилась голова
 На ручку кресель, взоръ горѣлъ уже едва,
 Чуть двигались уста, ротъ пѣною покрылся,
 И въ сонъ онъ погрузился.

Минуту рыцари задумавшись стояли:
 Конрада знали всѣ губительный порокъ,
 Когда въ немъ бѣшевала вина излишній токъ,
 Безпамятство и гнѣвъ движенья обличали;
 Но на пиру позоръ публичный настаетъ!
 Въ присутствіи чужихъ гнѣвъ дикий ихъ смущаетъ.
 Кто возбудилъ его? гдѣ этотъ вайделотъ?
 Исчезъ среди толпы, никто объ немъ не знаетъ

Была молва, что то Гальбанъ переодѣтый
Литовскую тогда Конраду пѣсно пѣлъ,
Что снова, христіанъ волнуя пѣснью этой
Онъ на язычниковъ войной поднять хотѣлъ.
Но отчего магистръ мѣнялся такъ неожиданно?
За что Витольдъ во гнѣвъ такой жестокой впалъ?
И смыслъ какой магистръ давалъ балладѣ странной? —
Тутъ каждый тщетно умъ въ догадкахъ изощрялъ.

VI.

В О Й Н А.

Война. Уже Конрадъ не въ силахъ преклонить
Совета стойкости и утишить волненья;
Давно уже весь край взываетъ отомстить
Витольду за обманъ, Литвѣ за нападенъя.

Витольдъ, который самъ у Ордена молилъ
Возврата виленской, утраченной столицы,
Теперь, отбивши пиръ, лишь вѣсти получилъ,
Что войны креста войдутъ въ его границы,
Вдругъ обманулъ друзей, перемѣнилъ свой планъ
И, витязей своихъ собравъ, покинулъ станъ.

Къ Тевтонамъ въ крѣпости, что по пути лежали,
Вошелъ съ поддѣланнымъ магистровымъ письмомъ,
У стражи войны оружье отобрали,
И все онъ истребилъ желѣзомъ и огнемъ.
И Орденъ, пристыженъ и злобою пылая,
Грозитъ язычникамъ кровавою войной.
Шлютъ буллу; и моря, и земли покрывая,

Слетается бойцовъ неистощимый рой;
Могучіе князья, вассаловъ ихъ дружины,
Съ крестами красными на панцыряхъ, идутъ,
Всѣ жизнью поклялись, что на поляхъ чужбины
Цѣвѣрныхъ окрестягъ — или смерти предадутъ.

Вошли въ Литву они: и чтожъ тамъ совершилось?
Когда ты хочешь знать, взойди на валъ, съ высотъ
Взоръ обрати къ Литвѣ; лишь солнце закатилось,
Увидашъ зарево, оно небесный сводъ
Огня кровавыми ручьями обливаеъ.
Въ войнѣ съ обидчикомъ всегда одно и то-жъ,
Всѣмъ вѣдомо: рѣзня, пожары и грабежъ
И блескъ, что глупую толпу увеселяетъ,
Въ которомъ лишь мудрецъ со страхомъ познаеъ
Тотъ голосъ мщенія, что къ Богу вопіеъ.

По вѣтру дальше все пожары разносились,
И дальше рыцари во глубь Литвы все шли,
Ужъ Ковно, слухи есть, и Вильно облегли;
Но наконецъ гонцы и вѣсти прекратились.
Не видно пламени нигдѣ уже окрестъ,
А только зарево пожаровъ отдаленныхъ.
Напрасно рыцари изъ покоренныхъ мѣстъ
Добычи вѣрной ждутъ и появленъя плѣнныхъ;
Напрасно частыхъ шлютъ гонцовъ, гонцы спѣшатъ —
Не возвращается никто изъ нихъ назадъ,
Когда терзаеъ всѣхъ тяжелое сомнѣнье,
Дождаться каждый радъ хоть горькаго рѣшенъя.

И осень ужъ прошла, и вокругъ по горамъ
Мятели зимнія, дороги засыпая,
Сіянемъ сѣвернымъ, войны-ль огнемъ пылая
Вновь зарево вдали горитъ по небесамъ,

Блескъ грозный пламени часть отъ часу виднѣе,
И небо отъ него краснѣе и краснѣе.

Съ Мариенбургскихъ стѣнъ глядятъ во все концы:
Тамъ кто-то движется за снѣжными буграми...
Ужъ не Конрадъ-ли то съ родными намъ вождями?
Чтожъ, — побѣдители они, иль бѣглецы?
И гдѣ-жъ остатки войскъ?.. Конрадъ тогда рукою
Толпу отсталую вдали имъ показалъ:
Ахъ, уже видѣ одинъ ихъ тайну обличалъ!..
Въ сугробахъ тащатся нестройною гурьбою;
Тѣшатся, падаютъ, какъ насѣкомыхъ рой,
Что гибнуть въ тѣсотѣ безвыходной сосуда.
По трупамъ вверхъ ползутъ, доколѣ снова гряда
Валась не увлечетъ на дно ихъ за собой.
Одни еще влачатъ хладѣющія ноги,
Другіе на ходу застыли у дороги,
И мертвецы съ рукою приподнятой стоятъ,
Какъ тѣ столпы, что путь указываютъ въ градъ.

Изъ крѣпости толпа къ нимъ хлынула народа,
Не смѣетъ разспросить, ее объемлетъ страхъ,
Она исторію несчастнаго похода
Прочла у рыцарей на лицахъ и въ очахъ.
Надъ ними смерть уже холодная висѣла,
И голодъ высосалъ, какъ Гарпія, ихъ тѣло.
Литовцы гонятся — вотъ слышенъ звукъ роговъ,
Тамъ на равнинахъ вихрь вдымаетъ снѣгъ клубами,
И воетъ тощая поодаль стая псовъ,
И выются вороновъ стада надъ головами.

Чась гибели настала, Конрадъ всѣхъ погубилъ;
И онъ, который такъ удачей возносился,
И онъ, который такъ предвѣднѣемъ гордился,
Въ послѣднихъ бѣдствіяхъ лишился вовсе силъ.

Сѣтей Витольдовыхъ не помялъ ухищренія,
Обмануть, ослѣпить кровавой жаждой мшенья,
Войска въ степяхъ Литвы напрасно разбросалъ,
И Вильно медленно и вяло осаждалъ.

Когда запасовъ складъ былъ истощенъ войною,
И голодъ началъ станъ нѣмецкій посѣщать,
А врагъ раскинувшись сталъ смѣлою рукою
Ихъ подрѣзненія, обозы истреблять,
И Нѣмцевъ сотнями день каждый выбывало,
Войну бы приступомъ покончить надлежало,
Или не мѣшая съ войсками отступить;
Но Валленродъ тогда, спокойный и веселый,
Съ зарею уѣзжалъ въ лѣса звѣрей травить,
Или въ шатрѣ одинъ ковалъ свои крамолы,
И не хотѣлъ вождей къ совѣту допустить.

И дотогу угасъ воинственный въ немъ пылъ,
Что, войска своего нетронутый слезами,
Въ защиту Ордена меча не обнажилъ:
Дни цѣлые стоялъ съ скрещенными руками
Въ раздумьи, или съ нимъ бесѣдовалъ Гальбанъ...
Межъ тѣмъ зима снѣговъ сугробы навалила,
И свѣжею, Витольдъ, вооруженный силой,
Ихъ войско окружалъ, и нападалъ на станъ...
Какое Ордену отважному безчестье! —
Магистръ великій вдругъ бѣжалъ изъ-подъ знаменъ!..
И вмѣсто плѣнниковъ, добычи, лавровъ, онъ
О торжествѣ Литвы привезъ съ собой извѣстье!..

Вы видѣли-ль, когда съ кровавыхъ онъ полей,
За тѣмъ погромомъ вслѣдъ, вель войско упырей?..
Чело омрачено тоской воспоминаній,
Лицо его точилъ нещадно червь страданій,
И мучился Конрадъ — но ты-бы увидалъ,

Хоть тѣню у него лазурь очей одѣта,
 Что стрѣлы яркія взоръ искоса металлъ,
 Какъ будто бѣдствіемъ грозящая комета,
 Мѣняясь каждый мигъ, какъ огонекъ ночной,
 Который путнику засвѣчень сатаной;
 Слива бѣшенство съ какимъ-то упоеньемъ,
 Весь сатанинскимъ онъ свѣтился выраженьемъ!

Страшась народъ ропталъ. Конрадъ презрѣлъ укоръ,
 Въ совѣтъ свой рыцарей онъ созвалъ недовольныхъ;
 Взглянулъ, поговорилъ, махнулъ рукой — позоръ!
 Всѣ вѣрять, слушая, что чуждъ онъ думъ крамоль-
 ныхъ;
 Въ ошибкахъ смертнаго всѣ видятъ Божью казнь:
 Кого же изъ людей не убѣдитъ боязнь?

* * *

Владыка гордый, стой! Есть судъ и надъ тобою!
 Въ Мариенбургѣ есть, ты знай, подземный сводъ:
 Туда, какъ только ночь одѣнетъ городъ тьмою,
 Ужасный трибуналъ совѣтъ держать идетъ.

Одна лампада тамъ подъ сводами плафона
 Въ завѣтной залѣ ихъ, и день и ночь горитъ;
 Дѣвнадцать кресель тамъ всегда стоять вкругъ трона,
 Тайственный уставъ на тронѣ томъ лежитъ;
 Дѣвнадцать судей всѣхъ, всѣ въ черномъ одѣяньи,
 Глухими масками закрыты лица ихъ,
 Укрылись отъ толпы они въ подземномъ зданьи,
 И каждый прячется подъ маской отъ своихъ.

Всѣ поклялись, вездѣ, всегда, безъ лицедрѣнья,
 Карать преступныя дѣла своихъ владыкъ,
 Соблазномъ тяжкія, гдѣ явныхъ нѣтъ уликъ.

Когда произнесли послѣднее рѣшенье,
 И брату кровному отъ нихъ пощады нѣтъ;
 Измѣной, силой-ли, но каждый выполняетъ,
 Что о преступникѣ постановилъ совѣтъ:
 Въ рукѣ у нихъ кинжалъ, а съ боку мечъ сверкаетъ.

Приблизилась одна изъ маскъ къ подножью трона
 И, ставъ съ мечемъ предъ книгою закона,
 «О судьи грозные!» рекла,
 «Тѣнь подозрѣнья насъ къ открытью привела:
 Тотъ, кто считается Конрадомъ Валленродомъ,
 Не Валленродъ.

Невѣдомо кто онъ, но самый тотъ,
 Дѣвнадцать лѣтъ тому назадъ, передъ походомъ,
 Когда графъ Валленродъ шелъ ко святымъ мѣстамъ,
 Въ прирейнскій прибылъ край, оруженосцемъ тамъ
 Имъ принятъ; вскорѣ графъ пропалъ, и въ убіеніи
 Его тотъ человекъ остался въ подозрѣннѣ,

Изъ Палестины онъ бѣжалъ,
 И путь свой къ берегамъ Испаніи направилъ.
 Тамъ съ Маврами въ бояхъ себя прославилъ,
 И на турнирахъ тамъ всѣ лавры пожиналъ,
 За Валленрода слылъ онъ въ возвышеннѣ быстромъ;
 Постригшись, наконецъ, монахомъ строгимъ сталъ;
 На гибель Ордена онъ избранъ былъ магистромъ;
 Какъ правилъ, знаете, когда мы той зимой
 Боролсь съ голодомъ, морозомъ и Литвой,
 Конрадъ все уѣзжалъ одинъ въ лѣса и горы,
 Чтобы съ Витольдомъ тамъ вести переговоры.
 Давно слѣдятъ за нимъ; вечернею порой
 Шпіоны прятались подъ башней угловой,
 Но словъ не поняли отщельницы съ Конрадомъ —
 Они на языкѣ литовскомъ рѣчь вели.
 Что тайно люди намъ недавно донесли

О человекѣ томъ, все сопоставивъ рядомъ
 Съ тѣмъ, что и мой доносить мнѣ шпионъ,
 Съ тѣмъ, что молва трубитъ со всѣхъ сторонъ,
 Магистра предаю: виновенъ, судьи, онъ
 Въ подлогѣ, ереси, убійствѣ и измѣнѣ.

Тутъ обвинитель палъ предъ книгой на колени.
 Простертою рукой коснувшись креста,
 Присягой, подтвердилъ всю правду обвиненій,
 И клялся Господомъ и муками Христа.

Умолкъ! Ни шопота, ни звука: разсмотрѣнье
 Чинить торжественно и строго дѣлу судъ,
 Лишь взгляда молнія или головы движенье
 Грозу и глубину ихъ мысли выдаютъ;
 И каждый въ свой чередъ ступилъ къ подножью трона.
 Книжка остріемъ у хартіи закона
 Перевернулъ листы, параграфъ прочиталъ
 И руку, положивъ на грудь, о приговорѣ
 Своей лишь совѣсти сознаніе пыталъ —
 И общимъ хоромъ всѣ произнесли: о горе!
 За ними повторилъ холодный сводъ стѣны:
 О горе, отзывомъ протяжнымъ тоекратно!..
 Въ томъ словѣ приговоръ, и судьямъ ужъ понятно:
 И разомъ всѣ мечи у нихъ извлечены,
 Въ одну Конрада грудь они устремлены.
 Въ молчаньи вышли всѣ, и стѣны глухо вторя,
 За ними разъ еще вслѣдъ простонали: горе!

VII.

ПРОЩАНІЕ.

Вотъ утро зимнее, крутится вихрь и снѣгъ.
 Подъ холодной Валленродъ мятелью править бѣгъ;
 У берега озера едва остановился,
 Кричить, и объ стѣну стучить своимъ мечемъ.
 «Альдона, онъ кричить, Альдона, поживемъ!
 Обѣтъ исполнился, твой милый возвратился,
 Они истреблены, — конецъ трудамъ моимъ!»

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Альфъ?.. Голосъ Альфа то!.. Мой Альфъ тутъ въ
 порогомъ!

Какъ такъ! ужели миръ? вернулся невредимъ
 И не поѣдешь вновь?»

КОНРАДЪ:

«О! заклинаю Богомъ,
 Не спрашивай меня, мой несравненный другъ!
 Пусть слову каждому твой жадный слухъ внимаешь,
 Они истреблены... Пожары тѣ вокругъ
 Ты видишь-ли? Литва край Нѣмцевъ попираетъ!»
 Тевтону ранъ своихъ не поцѣлать въ сто лѣтъ.
 Стрѣла въ стоголавое чудовище впиалась,
 Источника ихъ силъ — сокровищъ больше нѣтъ,
 Сгорѣли города, кровь моремъ разлилася...
 То дѣло рукъ моихъ; исполнилъ я обѣдъ;
 Не выдумаетъ адъ ужаснѣйшаго мщенья!
 Но человекъ я, мнѣ довольно этихъ бѣдъ!..
 Средь лицемѣрія я росъ почти съ рожденья,
 Среди грабительства... Въ преклонныхъ-же годахъ

Измѣна мнѣ тошна; негоденъ и въ бояхъ;
 Довольно мщенія — вѣдь Нѣмцы люди тоже!
 Я ѣду изъ Литвы, Господь мнѣ свѣтъ открылъ.
 Я видѣлъ тѣ мѣста и замокъ твой, о Боже!
 Тотъ замокъ Ковенскій... и очи отвратилъ —
 Однѣ развалины... я мимо пролетаю,
 Во всю несуся прыть къ долинѣ намъ родной:
 Какъ прежде всѣ!.. лѣса, цвѣты все тѣ-жъ встрѣчаю;
 Все такъ осталось, какъ въ вечеръ, той порой,
 Когда, уже давно, прощались мы съ долиной.
 Ахъ! мнѣ казалось, что было то вчера!..
 Ты камень помнишь-ли, тотъ камень надъ стремниной,
 Прогулокъ нашихъ цѣль, у самага бугра!
 Лежитъ донинѣ тамъ, поросшій только мхами,
 Едва мнѣ удалось въ травѣ его сыскать.
 Я мхи повѣдѣлъ, аль, обмылъ его слезами;
 Дерновую скамью, гдѣ въ лѣтній зной вкушать
 Средь яворовъ покой любила ты перѣдко,
 Источникъ гдѣ тебѣ напитокъ подавалъ,
 Я все нашель, взглянулъ на все, все объжалъ;
 Цѣла еще твоя укромная бесѣдка,
 Которую обнесъ сухою я лозой...
 Сухія вербы тѣ, Альдона, удивленья!
 Въ сухой песокъ моей воткнутыя рукой,
 Теперь ихъ не узнать, — огромныя растеня.
 И сѣть на нихъ дрожитъ весенняя листовъ.
 И свѣжій зыблется надъ ними пухъ цвѣтовъ!..
 При видѣ томъ восторгъ съ невѣдомою силой
 Мнѣ чувствомъ счастья всю душу охватилъ;
 Лобзая вербы, я колѣна преклонилъ,
 Воскликнулъ: Боже мой, когда-бы все такъ было!
 Когда-бы, возвратясь въ родной для насъ предѣлъ,
 И поселенные вновь на литовскомъ полѣ,
 Воскресли мы опять; пускай и въ нашей долѣ
 Надежды снова-бы листокъ зазеленѣлъ.

«Вернемся-жъ! согласись!.. я здѣсь повелѣваю,
 Я отворить велю, но для чего приказъ!
 Пусть были-бъ ворота твои во много разъ
 Упорнѣй стали, я снесу ихъ, раскидаю!
 Туда я на рукахъ тебя хотѣлъ-бы несть;
 Бѣжимъ, любовь моя, туда, къ родной долинѣ,
 Иль дальше мы пойдемъ, въ Литвѣ вѣдь есть пустыни,
 У Бѣловѣжскихъ пуць глухія тѣни есть,
 Не слышно вражескихъ доспѣховъ тамъ бряцанья,
 Ни побѣдителя восторговъ боевыхъ,
 Ни братьевъ сверженныхъ тяжелого рыданья...
 У лона твоего, въ объятяхъ твоихъ,
 За безмятежною, пастушеской оградой
 Забуду, что есть свѣтъ какой-то, что кипитъ
 Народовъ тьма на немъ, жить для себя намъ надо.
 Вернись, скажи, позволь!..»

Альдона все молчитъ,

Конрадъ умолкъ. Пока ея онъ ждалъ отвѣта,
 Кровавая заря блеснула въ небесахъ:

«Альдона, преклонись! недолго до разсвѣта,
 Проснутся, и тогда у стражи мы въ рукахъ,
 Альдона!..» онъ зывалъ, дрожалъ отъ нетерпѣнья;
 Не стало голоса, глазами умолялъ,
 И руки, къ башнѣ вверхъ простертыя, ломалъ,
 Какъ нищій ползая, искалъ онъ сожалѣнья,
 И стѣны зданія холоднаго лобзалъ.

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Нѣтъ, — грустнымъ голосомъ, но твердымъ отвѣ-
чала, —

Богъ дастъ еще мнѣ силъ... пора ужъ миновала!
 Послѣдній отъ меня ударъ Огъ отвѣдетъ...
 Когда сюда вошла, клялась я у порога

Для гроба развѣ лишь покинуть башни сводъ,
 Боролась я съ собой — телеры же противъ Вога.
 Ты думаешь своимъ щитомъ меня покрыть!...
 На свѣтъ вернуть — кого? одно лишь привидѣнье.
 Подумай, если я, презрѣвъ ума внушенья,
 Покину этотъ смель и дамъ себя склонить,
 Съ восторгомъ упаду опять въ твои объятя. —
 А не узнавъ меня, ты спросиши, отвратясь.
 Или въ образъ упыря Альдона облеклись?
 И даже мнѣ не дашь руки твоей пожатя,
 И будешь все искать въ тупомъ зрачкѣ тогда,
 Въ лицѣ, которое... отъ мысли льются стоны!
 Нѣтъ, скорбь отшельницы пускай ужъ никогда
 Не исказитъ лица прекраснаго Альдоны!

Прости, возлюбленный, сама откроюсь въ этомъ:
 Когда горитъ живѣй луна дрожащимъ свѣтомъ,
 Я прячусь за стѣну, слышавъ голосъ твой,
 Я близко не хочу тебя увидѣть, милый,
 Ты нынѣ, можетъ быть, и самъ ужъ не такой,
 Какимъ былъ встарину, въ разгарѣ юной силы,
 Какъ въ замокъ вѣхалъ нашъ, въ кругу родныхъ
 вондей;

До сей поры въ груди ты сохранилъ моей
 Все тѣ-жь: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
 Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
 Наружность вѣкъ хранитъ роскошнаго созданья.
 Остаться лучше, Альфѣ, какими на зарѣ
 Дней нашихъ были мы, какими въ лучшей долѣ
 Соединимся вновь, но не въ земной юдоли!..

Долины свѣтлыя счастливымъ отдадимъ:
 Люблю теперь свою я каменную крышу,
 Довольно счастья мнѣ, когда тебя живымъ
 Я вижу здѣсь, когда твой милый голосъ слышу...

Мои несравненный Альфѣ, могли бы намъ служить
 Убійщемъ отъ мукъ и этой башни стѣны;
 Оставь убійства ты, поджоги и измѣны,
 Старайся ранѣе и чаще приходить.

Послушай... еслибъ ты... здѣсь на краю равнины
 Похожую на ту бесѣдку заложилъ
 И вербы милыя свои пересадилъ,
 И тѣ цвѣты привезъ, тотъ камень изъ долины...
 Пусть дѣти иногда въ тѣни деревъ родныхъ
 Рѣзвятся прибѣгутъ изъ ближняго селенья,
 Пусть станутъ плестъ въ вѣнокъ родимое растенье,
 И понесется звукъ литовской пѣсни ихъ —
 Напѣвы родины въ насъ думы пробуждаютъ,
 Объ Альфѣ, о Литвѣ они наводятъ сны,
 Потомъ, какъ будутъ дни мои изочтены,
 Пускай они твою могилу оглашаютъ...»

Но Альфѣ ужъ не слышалъ. По берегу бродилъ
 Одинъ безъ цѣли онъ, безъ мысли, безъ желанья,
 Тамъ льду гора, тамъ боръ влекутъ его вниманье,
 Въ той дикой красотѣ и въ бѣгѣ находилъ
 Истома сладость онъ и будто облегченье.
 Отъ жару, средь зимы, онъ тяжело вздыхалъ;
 Свой панцырь скинулъ, плащъ, одежду разорвалъ,
 И съ груди сбросилъ все, все — кромѣ угрызаенья.

Ужъ утромъ подошелъ онъ къ городскимъ валамъ,
 Увидѣлъ чью-то тѣнь и сталъ въ недоумѣнья;
 Обходить тѣнь кругомъ, чуть слышно по снѣгамъ
 Скользить все далѣе, во рвахъ исчезла вскорѣ,
 И только раздалось: о горе, горе, горе!

И встрепенулся Альфѣ отъ звука, изумлень.
 Съ минутою размышлялъ, и все постигнувъ разомъ

Выдергиваетъ мечъ, вокругъ озираясь, онъ,
 Слѣдить внимательнымъ и безпокойнымъ глазомъ...
 Но пусто все кругомъ, по выгонамъ летѣль
 Снѣгъ клубомъ съ сѣвера, и вѣтеръ лишь шумѣль.
 Взволнованъ Альфъ, глядитъ на ледяные склоны,
 Невѣрной поступью и медленной опять
 Онъ возвращается къ убѣжищу Альдоны.

И, у окна ее увидѣвъ, сталъ звать:
 «День добрый! сколько лѣтъ ночью лишь порою
 Другъ съ другомъ видѣться намъ приходилось такъ:
 Теперь же добрый день!.. какой пріятный знакъ!
 То послѣ столькихъ лѣтъ мой первый день съ тобою!
 Зачѣмъ я прихожу такъ рано, угадай?»

А Л Д О Н А.

Я не хочу и знать; мой дорогой, прощай!
 Уже совсѣмъ свѣтло, что если бы узнали?..
 Не уговаривай... До вечера мы врозь.
 Не выйду, не могу».

А Л Ф Ъ.

Но мы ужъ опоздали!..
 Ты знаешь-ли, о чемъ прошу я?.. Вѣтку сбрось...
 Нѣтъ у тебя цвѣтовъ, такъ нитку хоть изъ платья,
 Хоть ленту изъ твоихъ волосъ хотѣль-бы взять я.
 Или хоть камешекъ отъ башни сбрось своей.
 И тотчасъ, — доживутъ до завтра вѣдь не всѣ же —
 Хотѣль бы я имѣть на память даръ твой свѣжій,
 Который въ этотъ день былъ на груди твоей,
 Твоя еще горитъ слезинка на которомъ;
 Хочу хранить его на сердцѣ я своемъ,
 Хочу проститься съ нимъ моимъ послѣднимъ взо-
 ромъ...

Погибнуть долженъ я; погибнемъ-же вдвоемъ!
 Бобойницу видишь тамъ, за городскими рвами?
 Въ ней буду я. Какъ знакъ, съ утра на цѣлый день
 Я черный вывѣшу платокъ между столбами,
 Лампаду выставлю, какъ ночи ляжетъ тѣнь:
 Ты не спускай съ нихъ глазъ, пусть мысль туда
 стремится,
 Сорву-ли я платокъ, лампы-ль свѣтъ затмится,
 Ты затвори окно; быть можетъ: не придутъ...
 Прощай!»

Пошелъ, исчезъ; еще глядитъ Альдона,
 Къ рѣшеткѣ наклонясь; прошло въ свою черду
 И утро, солнце внизъ катилось съ небосклона,
 Но долго въ башнѣ все бѣлѣлись на углахъ
 Одежда, съ вѣтрами игравшая вокругъ стана,
 И руки изъ окна простертыя къ землѣ.

«Зашло, воскликнулъ Альфъ и подозвалъ Гальбана,
 На солнце указавъ изъ келии своей,
 Въ которой запершись и не сводя очей
 Съ окна отпелъницы, сидѣлъ, условью вѣрный:
 Дай плащъ и саблю мнѣ. Прощай, слуга примѣрный,
 Пойду къ той башнѣ я. Прощай на много дней,
 Быть можетъ, навсегда... Гальбанъ, прошу вниманья,
 Какъ завтра лишь начнетъ на небѣ день свѣтитъ,
 И не вернуся я: покинь ты это зданье.
 Хотѣль-бы и еще тебѣ я поручить...
 И въ небѣ и подъ нимъ... какой я одинокій!
 Кому-же, гдѣ и что предъ смертью въ часъ же-
 стокій —
 Васъ исключая двухъ — я могъ-бы передать!..
 Итакъ, прощай, Гальбанъ! Она ужъ будетъ знать:
 Коль завтра... сбрось платокъ, вотъ вся твоя забота...
 Но что тамъ? слышишь-ли?.. Тамъ стукнули въ во-
 рота.»

Привратникъ—«кто идетъ?» три раза прокричалъ;
 «О горе!» голоса вслѣдъ дико простонали.
 Замѣтно, что имъ стражъ противился не сталъ;
 Подъ сильнымъ натискомъ ворота затрещали.
 Ужъ ходы нижніе перебѣжалъ отрядъ,
 По лѣстницѣ витой они уже летать,
 Которая ведетъ въ жилище Валленрода;
 Ихъ ногъ окованныхъ все громче стукъ у входа.
 Тяжелымъ болтомъ Альфъ имъ заграждаетъ дверь,
 Исторгнувъ мечъ, съ стога взявъ чашу, наливаетъ,
 Потомъ пошелъ къ окну: «свершилось», восклицаетъ,
 И выпилъ изъ нея. «Тебѣ, старикъ, теперь!»

Гальбанъ вдругъ поблѣднѣлъ, руки своей движеніемъ
 Хотѣлъ разлить питье, но сдержанъ размышленіемъ
 И слышали ближе все къ дверямъ желѣза звукъ,
 Онъ руку опустилъ: «идутъ ужъ въ келью нашу».

«Старикъ! ты знаешь-ли, что значить этотъ стукъ?
 О чемъ же думаешь? ты взялъ съ напиткомъ чашу,
 Свое ужъ выпилъ я... Старикъ, теперь тебѣ!»

Гальбанъ глядѣлъ кругомъ въ отчаянной борьбѣ:
 «Нѣтъ, сынъ, пускай переживу мои надежды!
 Останусь, и еще твои закрою вѣжды,
 Хочу жить для того, чтобъ на крылахъ молвы
 Разнесся подвигъ твой: пусть онъ въ вѣкахъ блюдетъ.
 Я вѣси обѣгу и города Литвы;
 Куда я не дойду, — пусть пѣсня донесется;
 И будетъ бардъ ее пѣть рыцарямъ въ боюхъ,
 Мать ея огласитъ домашнюю обитель,
 Пѣть будутъ — и потомъ возстанетъ всѣмъ на страхъ,
 Отъ пѣсни въ будущемъ, за кости наши мстителя»...

На переплетъ окна, рыдая, Альфъ упалъ,
 И долго башню онъ глазами пожиралъ,

Какъ будто-бы хотѣлъ еще налюбоваться
 Приятнымъ зрѣлищемъ, чтобъ съ нимъ уже разстаться.
 Съ Гальбаномъ обнялся; смѣшались вздохи ихъ
 Въ объятяхъ трепетныхъ, протяжныхъ и нѣмыхъ.
 Ужъ съ трескомъ люди дверь желѣзную ломаютъ,
 Вошли, по имени ужъ Альфа называютъ:

«Измѣнникъ! подъ мечемъ глава твоя падетъ!
 Сегодня-же и казнь принять готовься, вотъ
 И старецъ — нашъ капланъ тебѣ для покаянья,
 Съ нимъ душу облегчивъ, умри для назиданья!»

И съ обнаженнымъ Альфъ встрѣчаетъ ихъ мечемъ;
 Но опускается, блѣднѣя и шатаясь,
 Оперся на окно и, гордо озираясь,
 Срываетъ плащъ, повергъ магистра знакъ къ ногамъ,
 И топчетъ на землѣ съ улыбкою презрѣнья:

«Вотъ жизни всей моей предъ вами прегрѣшенья!..
 Готовъ я умереть, чего-же больше вамъ?
 Отчетъ правленія вы выслушать хотите?
 На тысячи людей погибшихъ поглядите,
 На груды городовъ, пожары пѣлыхъ странъ!
 Вы слышите-ли вихрь? то снѣжный ураганъ:
 Остатки вашихъ войскъ замерзли, не вернутся!
 Голодныхъ, слышите-ль, тамъ воюетъ стаи псовъ?
 Изъ-за обѣдковъ лишь теперь они грызутся!»

«Все это сдѣлалъ я! такъ много съестъ головъ —
 Какъ гордъ я и великъ! — однимъ у гидры взмахомъ!
 Потряси, какъ Самсонъ, столбъ храма у враговъ,
 Разрушить зданіе, и пасть подъ этимъ прахомъ!»...

Сказалъ, взглянулъ въ окно, и чувство лишился
 вдругъ.

Но прежде ужъ съ окна имъ сброшена лампада.
 Блестить она, чертя собой три раза кругъ,
 И наконецъ легла у головы Конрада.
 Въ разлитой жидкости чуть тлѣть огонекъ,
 Тускнѣть каждый мигъ, въ потокъ утопаеть,
 И смерти наконецъ оповѣщая срокъ,
 Послѣдній свѣта кругъ огромный разливаеть.
 И очи Альфа онъ въ тотъ озаряеть часъ:
 Ужъ поблѣлъ зрачекъ — и лампы свѣтъ погасъ.

И пронизаль въ тотъ мигъ вдругъ башни сводъ
 могильный,
 Нежданный, долгій крикъ, отрывистый и сильный...
 Изъ чьей-же груди онъ? Не трудно угадать;
 Услышавши его, легко-бы понялъ каждый,
 Что грудь, откуда стонъ тотъ вырвался однажды,
 Не можетъ глоса ужъ больше издавать:
 Вся жизнь отозвалась какъ-будто въ этомъ стонѣ...

Такъ струны средъ игры восторженной пѣвца
 Вдругъ лопнуть зазвуча, и пѣснь, смѣшавшись въ
 тонѣ,
 Началомъ лишь своимъ затронетъ всѣ сердца —
 Но ужъ затѣмъ никто не ждетъ ея конца.

Такъ пѣсня и моя; ту пѣсню объ Альдонѣ
 Пусть Ангелъ музыки по небу разнесетъ,
 А вѣжннй слушатель въ душѣ пусть допосетъ

13 марта 1872 г.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

А КЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ просторъ зеленаго вливаю океана:
Телѣга, какъ ладья, въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветь,
Мнѹя острова колючаго бурьяна.
Темнѣть; впереди ни знака, ни кургана.
Вѣтрясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? Облако-ль? денницы-ли восходъ?
Тамъ Двѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Аермана.
Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола-бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ
Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой —
Такая тишина, что зовъ съ Литвы-бъ далекой
Быть слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

II.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

Скользятъ вѣтерокъ, чуть касаясь до флага.
Спитъ море: чуть выbleтся ясная влага.
Такъ въ грезахъ невѣста подъ радугой снова

Проснется, вздохнетъ лишь — и спать уже вновь.
 Лечь парусъ на мачту и дремлетъ, какъ знамя
 На древкѣ, — гдѣ брани угаснуло пламя.
 Корабль, какъ прикованный къ мѣсту, слегка
 Колеблется. Отдыхъ для силъ моряка!
 О море! Полипа таятъ твои воды:
 На днѣ спать онъ, сжавшись, средь бурной погоды,
 А въ тишь свои вѣтви спѣшить растянуть.
 О памяти! На днѣ твоемъ гвдра есть злая:
 Подъ бурей страстей она спитъ, отдыхая,
 И жало воззаетъ въ спокойную грудь.

III.

ПЕРЕЪЗДЪ ПО МОРЮ.

Волны растутъ; пиръ чудовищамъ моря открылся.
 Вотъ на веревочной сѣткѣ матросъ паукомъ
 Вдернулся вверхъ, въ паутину свою углубился,
 Въ нитяхъ чуть зримыхъ виситъ онъ, и смотритъ кругомъ.

Вѣтеръ! Вотъ вѣтеръ! Надулся корабль, отцѣпился;
 Стѣны валовъ встаютъ: онъ идетъ на проломъ;
 Рѣжетъ ихъ, топчетъ, — взлетѣлъ, съ ураганомъ схватился,
 Бурю подъ крылья забравъ, рвется въ небо челомъ.

Мысли, мечты тутъ, какъ парусы, я распускаю;
 Духъ мой надъ бездной, какъ мачты подьемаюсь, идетъ, —
 Крикъ чуть раздастся — и въ шумѣ веселомъ замретъ.
 Вытянувъ руки, я къ палубѣ ницъ припадаю:
 Кажется, грудь моя силъ кораблю придаетъ;
 Любо! Легко мнѣ! Что значить быть птицей — я знаю.

IV.

Б У Р Я.

Парусъ въ ключки; руль оторванъ. Шумъ! Ревъ! Завыванья!

Крики и вопли! — Отчаянно помпы скрипятъ.
 Вывранъ изъ рукъ моряковъ ихъ послѣдній канатъ.
 Солнце кровавое никнетъ: — закатъ упованья!

Вихрь торжествуетъ... Идетъ къ кораблю по волнамъ
 Вставшій изъ бездны духъ смерти, — шагаетъ по влажнымъ
 Моря уступамъ — по этимъ горамъ сто-этажнымъ:
 Воинъ такъ штурмомъ несется къ разбитымъ стѣнамъ!

Тѣ еле живы; тотъ въ корчахъ страдаетъ жестоко;
 Тотъ на прощанье склонился въ объятья друзей; —
 Э тотъ въ молитвахъ предъ смертью — противится ей.

Одалъ одинъ сѣлъ — и мыслить себѣ одиноко:
 «Счастливъ, кто можетъ молиться на смертномъ пути
 Или имѣть кому хоть промолвить: прости!»

V.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни,
 Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
 Притоны ангеламъ своимъ?
 Иль дивы, словомъ роковымъ,

Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скаль нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ-ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтиль?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная мятель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ
И дремлетъ громъ надъ глубиною;
И тамъ, гдѣ надъ моею чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ!..

ПИЛИГРИМЪ.

А!..

VI.

БАХЧИСАРАЙ.

Еще великъ, но пусть дворецъ Бахчисара:
Челомъ нашей здѣсь пыль обметена — и вотъ

На тѣхъ диванахъ, гдѣ мощь нѣжилась людская,
То скачеть саранча, то гадина ползеть.

Въ цвѣтныя огна плюощь, ворвался, и на своды,
На стѣны дерако влѣвъ и, человека тронъ
Занявъ, во имя здѣсь владычицы-природы,
Какъ новый Валтасаръ: «руина» пишеть онъ.

Средь залы мраморный ковчегъ стоитъ донныѣ:
Фонтанъ гарема здѣсь; источникъ уцѣлѣлъ;
Онъ точить перлы слезъ и говорить въ пустынѣ:

«Гдѣ ты, земная власть, гдѣ выпреннѣй удѣлъ?
Гдѣ роскошь и любовь?—Потокъ вашъ бурно мчался,
Но — вы минули здѣсь! А водный токъ — остался.

VII.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Темнѣеть. Изъ джаміи расходятся суниты:
Умолкъ изана звукъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зари рубинами ланиты;
Слѣпить къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на небѣ огнями звѣздъ залиты,
И тучка чистая плыветь межъ тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремяющий на озерѣ: у ней
Обводы золотомъ, грудь жемчужомъ — увиты.

Здѣсь тѣнь отбросила вершины кипариса,
Вдали чернѣются громады скаль толпой;
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвлиса,

Подъ мгlistымъ пологомъ. Съ вершины скалъ
порой,
Проснувшись, молнія летитъ быстрѣй фариса,
И тонетъ въ синевѣ бездонной и нѣмой.

VIII.

ГРОБНИЦА ПОТОЦКОЙ.

О роза юная! Въ садахъ, средѣ упоенья,
Ты сгибла. Прошлаго счастливыя мгновенья,
Вспорхнувъ, какъ мотыльки, отъ сердца твоего,
Пылъ ѣдкую оставили въ глубѣ его.

Туда — на сѣверъ все стремятся звѣзды — къ
Польшѣ...
Но отчего-жъ въ тотъ край онѣ тѣснятся больше?
Не взорь-ли твой, пока горѣлъ въ немъ Божій свѣтъ,
Черезъ небо шелъ туда и выжегъ звѣздный слѣдъ?

И мой здѣсь грустный вѣкъ въ уединеньи минетъ, —
И пусть тутъ гореть земли на гробъ мой дружба
кинеть!
Порой межъ странниковъ бесѣда тутъ идетъ:

Меня родная рѣчь здѣсь, можетъ быть, возбудитъ; —
Когда-жъ тебѣ поэтъ слагать здѣсь пѣсню будетъ —
Вблизи узрѣвъ мой холмъ — и мнѣ пусть пропоетъ,

IX.

МОГИЛЫ ГАРЕМА.

(Мирза къ пилигриму).

Здѣсь изъ виноградника гроздыя недоспѣлыя
Взяты въ свѣдъ Аллахову безошадной силою.
Здѣсь — средѣ моря счастья — скрыты перлы бѣлые
Раковинной вѣчности — мрачною могилою; —

Кроетъ ихъ склепъ времени и забвенья пыльнаго,
И чалмы, что видны здѣсь, жизнью не колышутся,
Словно бунчуки онѣ войска замогильнаго; —
Вскользь, внизу, Гаурами имена ихъ пишутся.

Розы сада райскаго! Вы, едва развитыя,
Отцвѣли безвременно, навсегда закрытыя
Листьями стыдливости отъ очей невѣрнаго.

Гробъ вашъ здѣсь позорится чужеземца зрѣніемъ...
Я позволялъ: чувствую грузъ грѣха безмѣрнаго...
Но — изъ чуждыхъ, онъ одинъ смотритъ съ умиле-
ніемъ.

X.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, дѣсь мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться — люблю мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
 Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
 А предъ усталыми очами все несется
 Тотъ вихорь образомъ — долины, скалы, лѣсъ...

Все спать, не спится мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
 Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
 Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся; хаосъ повлекъ меня —
 И я, какъ въ безднѣ чолнъ крутимый, ожидаю,
 Что вкусить хоть на мигъ забвенья мысль моя.

 XI.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой по-
 кровь;

Слѣшить свершить намазъ свой нива золотая,
 И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
 Какъ съ ханскихъ четогъ, дождь камней и жемчуговъ.

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
 Рой пестрыхъ бабочекъ — цвѣтовъ летучихъ рой —
 Что пологъ зыблется алмазными волнами;
 А выше — саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая,
 Бурунь къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
 И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходить, съ мыслию — нагрянуть въ тотъ же часъ;
 Но море синее спокойно — чайки рѣвють,
 Гуляють лебеди и корабли бѣлѣють.

 XII.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Тяжелый лѣтній зной остужень вѣтерками;
 Упалъ на Чатырдагъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
 Змѣнится пурпуромъ надъ склонами хребтовъ
 И гаснетъ. Ночь паритъ въ горахъ и за горами.

Сталь робче пѣшеходъ. Чу! слышенъ звонъ ручьевъ;
 На ложѣ сладкихъ грезъ, увитомъ васильками,
 Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
 И сердцу говорить беззвучными рѣчами.

Смыкаетъ сонъ мои усталые глаза...
 Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновенье ока
 Онъ облилъ золотомъ и доль, и небеса...

О ночь восточная! Какъ гурія Востока,
 Едва навѣешь сонъ ты нѣгою своей.
 Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

XIII.

ЧАТЫРДАГЪ.

МИРЗА.

Цѣлую съ трепетомъ твой прахъ я подъ стопами
 О, мачта крымская, великій Чатырдагъ!
 Ты свѣта минаретъ, утесовъ падишахъ,
 Ты въ облака бѣжалъ, вознесся надъ скалами,

И подъ небесными возсѣлъ себѣ вратами,
 Какъ вѣрный Габріель въ эдемѣ при дворцахъ.
 Твой плащъ — дремучій лѣсъ; а янычара страхъ —
 Тюрбанъ изъ облаковъ, шить молніи струями.

Печетъ ли солнце насъ, знобить ли осень мглой,
 Несется ль саранча, иль жжетъ гяуръ селенья —
 О, Чадырдагъ! ты глухъ, невозмутимъ бѣдой.

Подъ небомъ на землѣ, какъ драгоманъ творенья,
 Ты подостлалъ людей и громы предъ собой
 И только слушаешь Господнія велѣнья.

XIV.

ПИЛИГРИМЪ.

У ногъ моихъ страна избытка и красота,
 Надъ головой блеститъ на небѣ лучъ денницы,
 А подлѣ — чудныя, плѣнительныя лица.
 Зачѣмъ-же сердце вдаль, къ минувшему влечетъ?

Литва! твой мрачный лѣсъ отраднѣ поеть,
 Чѣмъ соловьи Байдаръ, Салгирскія дѣвицы!
 И ананасъ златой, рубины шелковицы
 Не замѣнятъ твоей трясины и болотъ.

Въ разлукѣ, далеко я истомленъ тоскою!..
 Зачѣмъ безъ устали вдыхаю я по ней,
 По той, что такъ любилъ въ дни юности моей?

Она на родинѣ, утраченной ужъ мною,
 Гдѣ все еще твердить о вѣрномъ другѣ ей,
 Тамъ слѣдъ мой, — обо мѣ мечтаетъ-ли пороку? —

XV.

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТЪ-КАЛЕ ²³).

МИРЗА.

Молитву прочтя и поводи съпустивъ, отвернись!
 О, всадникъ! Здѣсь разумомъ конскимъ ногамъ покорись! ²⁴
 Конь вѣрный! Смотри, какъ, склонясь надъ оврагомъ от-
 крытымъ,
 Колѣни пригнулъ онъ, за край ухватился копытомъ.

Шагнуль — и повиснуль! Туда не заглядывай! Взоръ
 До дна не дохватитъ внизу и не станетъ въ упоръ.
 Руконъ не тянись туда: надо сперва окрылиться; —
 И мысли туда не звергай: ея грузъ углубится,

Какъ якорь, опущенный съ мелкой ладьи въ глубину, —
 Но моря насквозь не пронзивъ, не прицѣпится къ дну,
 А только ладью опрокинетъ въ пучину и втянетъ.

XVIII.

А Ю Д А Г Ъ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнясь и дробясь, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живою.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается — беретъ оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стяга,
Кораллы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Незгоды тайныя и бури набѣгаютъ:
Но арфу ты берешь — и горестямъ конецъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

ОБЪЯСНЕНИЯ КЪ СОНЕТАМЪ.

- 1) Изъ 24-хъ сонетовъ этого отдѣла, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій А. Мицкевича, здѣсь переведены 22, собственно ему принадлежащіе: два-же непереведенные взяты имъ изъ Петрарки.
- 2) Поэть *Алмей*—редился въ Митиленахъ около 604-го года до Р. X.
- 3) «Историческія пѣсни» Урсины Нѣмцевича написаны особеннымъ ладомъ, изобрѣтеніе котораго принадлежитъ автору этихъ пѣсенъ.

ОБЪЯСНЕНИЯ КЪ МИСТИЧЕСКИМЪ СТИХОТВОРЕНИЯМЪ.

Къ стр. 168; 1) *Фарисъ*—значитъ Арабскій наѣздникъ, рыцарь. *Кассида*—пѣсьнъ или стихотвореніе, родъ поэмы; въ кассидахъ обыкновенно прославлялись подвиги героев Востока.—*Тадждъ-узъ-бежанъ*—имя, подъ которымъ прославился на Востокѣ графъ Венцеславъ Ржевускій—рenegатъ, достигшій званія Эмира.

Къ стр. 176; 2) *Антаръ*—имя одного изъ знаменитѣйшихъ фарисовъ Арабскихъ до Магомета. Онъ былъ поэтъ и воинъ изъ племени *Аздъ*. Будучи оскорбленъ нѣкоторыми наѣздниками изъ племени *Силаманъ*; онъ рѣшился отмстить и поклялся умертвить лично сто фарисовъ изъ этого племени. Онъ уложилъ ихъ уже девяносто девять, какъ попался въ руки противниковъ: отрубленная голова его подверглась ихъ поруганіямъ, но при этомъ, когда одинъ изъ враговъ толкнулъ голову Антара ногою, то зашлъ себѣ ногу черепомъ такъ сильно, что пошатился живіио и дополнилъ единицею число жертвъ Антарова мщенія.

- Къ стр. 176; 3) ... «На ноги ставте верблюдовъ!» и проч. Верблюды, подгибая подь себя ноги, ложатся и въ такомъ положеніи ихъ вьскачать; а потомъ, когда караванъ долженъ тронуться съ мѣста, человекъ, сѣвъ на животное, тянетъ къ верху поводья и поднимаетъ его: *стачитъ на ноги*.
- Къ стр. 177; 4) Черныя брови — необходимое условіе красоты у Арабовъ. Щеголи у нихъ занимались тщательною отдѣлкою бровей своихъ, употребляя для подкрашиванія ихъ порошокъ, называемый — *коль*.
- Къ стр. 178; 5) У древнихъ Арабовъ, до Магомета, хранились во храмѣ ихъ, въ Меккѣ, *священныя стрѣлы*. Пукъ этихъ стрѣлъ, въ рукѣ жреца, приводился въ движеніе такъ, что стрѣлы перѣщались между собою, тасовались, — и звуки, издаваемые при соудареніи ихъ, были толкуемы авгурами, чародѣями или гадалеями къ предъзнанію будущаго.
- Къ стр. 179; 6) Когда фарисъ погибаетъ въ битвѣ, то жены и дочери убитаго, вьходя на холмъ, оплакиваютъ его, протяжно воя, пока за убитаго не отомститъ кто-либо изъ соплеменныхъ фарисовъ.
- Къ стр. 179; 7) Цистерны или водохранилища устраиваются въ разныхъ безводныхъ мѣстахъ Аравіи для скопленія на нихъ дождевой воды къ утоленію жажды путниковъ. Фарисы должны знать мѣста, гдѣ находятся такіа водохранилища.
- Къ стр. 179; 8) Казуары — родъ страусовъ. Они летаютъ большими стаями, произвоя сильный шумъ своими полетомъ.
- Къ стр. 180; 9) Поэтъ взялъ это выраженіе отъ обычая Арабовъ *метать жребій*, опредѣляющій, кому какая часть должна достаться отъ убитаго верблюда, когда это животное убиваютъ для употребленія въ пищу.
- Къ стр. 183; 10) *Альмотнаби* — славный наѣздникъ, воинъ и поэтъ арабскій. Будучи изгнанъ изъ своего отечества, онъ отправился въ Египетъ къ другу своему — султану Абу-Шоджа-Фатиму, котораго однако уже не нашель въ живыхъ, и тогда, оставивъ Египетъ, онъ сложилъ дорогою переведенную здѣсь кассиду.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РАЗНЫМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

Стихотворенія этого отдѣла: «The meeting of the waters», «Сватовство»; «Два слова въ день отъѣзда» — взяты изъ альбома П. Мошинскаго; при чемъ нѣкоторыя піесы внесены авторомъ въ альбомъ съ разными вариантами. Стихотворенія: «Къ моему чичероне въ Римѣ» — и за нимъ слѣдующія взяты изъ рукописей. Въ этомъ отдѣлѣ заключается между прочимъ стихотвореніе. «Морлахъ въ Венеціи», взятое съ сербскаго, какъ показано у Мицкевича. Піеса эта у Пушкина въ «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» носитъ заглавіе: «Влахъ въ Венеціи» и имѣетъ явное превосходство передъ польскимъ переводомъ по своей суровой простотѣ и сжатости. Пушкинъ въ примѣчаніи своемъ сказалъ, что Мицкевичъ *украшилъ* эту піесу. Для сличенія здѣсь помѣщенъ точный переводъ съ польскаго.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ГРАЖИИМЪ.

Стр. 260, ст. 12. *На одной изъ главныхъ новогрудскихъ горъ.*

Новогрудокъ — старинный литовскій городокъ, которымъ сначала владѣли ятвяги, а потомъ русины. Онъ былъ разрушенъ татарами во времена Батты, а послѣ занятъ и восстановленъ литовскимъ княземъ Эрдивиломъ, о чемъ Стрыйковскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Перешавъ черезъ Нѣманъ и пройдя далѣе около четырехъ миль, литовцы встрѣтили на пути своемъ высокую, красивую гору, на которой стоялъ древній замокъ князей русинскихъ, разгромленный Батмемъ. Замокъ тотъ назывался Новогрудкомъ. Эрдивиль установилъ здѣсь свою резиденцію и возобновилъ замокъ; причемъ овладѣлъ значительною частію земель русинскихъ безъ всякаго кровопролитія, такъ какъ некому было ихъ оспаривать. Съ этихъ поръ Эрдивиль сталъ именоваться великимъ княземъ новогрудскимъ». Развалины замка видны донынѣ.

Стр. 262, ст. 23. *Вотъ съ тевтонской псарни несъ негодный! Вотъ!*
Орденъ рыцарей креста, называвшійся также ордепомъ

страннопримныхъ братьевъ, маріанитовъ или тевтонскихъ рыцарей, основанъ былъ въ Палестинѣ, въ 1190 г., и призванъ былъ потомъ, около 1230 г., княземъ Мазовецкимъ, Конрадомъ, для обороны его владѣній, которымъ угрожали пруссы и литвины. Впослѣдствіи рыцари эти сдѣлались страшнѣйшими врагами не только племень азычскихъ, но и христіанъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ странахъ. По единогласному свидѣтельству дѣписателей того времени, они были жестоки, кровожадны и мало заботились о вѣрѣ Христовой. Епископы жаловались на то, что тевтонскіе рыцари служили препятствіемъ къ обращенію въ христіанство азычниковъ, что они грабили церкви и притѣсняли духовенство, чему можно было бы привести многія доказательства, указавъ на обвинительные акты, представленныя противъ рыцарей папамъ и императорамъ; но для сомнѣвающихся достаточно привести здѣсь слова безпристрастнаго лѣтописца, Іоанна Винтертурскаго (Johannes Witoduganus); «Около этого времени—говоритъ онъ—тевтонскіе рыцари, обладатели земель прусскихъ, объявивъ войну князю литовскому, отняли у него часть его владѣній. Мендогъ соглашался принять вѣру католическую, съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было его достоиніе; но, видя, что рыцари не расположены исполнить съ своей стороны даннаго слова, сказалъ: «Вижу, что у тевтоццевъ дѣло идетъ не о моей вѣрѣ, а только о моемъ имуществѣ; поэтому остаюсь азычникомъ». Увѣряютъ даже, что рыцарямъ пріятнѣе было, когда тѣ или другія племена упорно оставались идолопоклонниками, потому что тевтонцы въ этихъ случаяхъ могли, подъ благодѣльнымъ предлогомъ усердія къ вѣрѣ, захватывать ихъ земли и облагать ихъ данью. Нѣмецкій писатель Авг. Коцебу, вообще нерасположенный къ Литвѣ и Польшѣ, въ своемъ сочиненіи: Preussens ältere Geschichte, сообщаетъ многія подробности о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ рыцарей съ литвинами. Нельзя безъ содроганія читать описанія этихъ дѣйствій. Приведемъ одинъ примѣръ; въ концѣ XIV столѣтія, когда пруссы были уже совершенно подчинены ордену тевтонскому, великій магистръ ордена, Конрадъ Валленродъ, будучи раздраженъ противъ епископа курляндскаго, приказалъ отрубить правыя руки и всѣхъ поселянъ въ области епископа. Объ этомъ свидѣлствуютъ Лео, Третеръ и Лукашъ Давидъ. Таковы были рыцари ордена

тевтонскаго, состоявшаго единственно изъ нѣмцевъ. За эти-то поступки литовцы и славяне ихъ и ненавидѣли, называли ихъ псами. Вандткъ полагалъ, что и Песье-поле, памятное по триумфу Болеслава III, названо такъ потому, что на немъ погибло много нѣмцевъ.

Стр. 262, ст. 26. *Подъ мостъ бы собаку! Отилъ бы тамъ въ болотъ.*

Ненависть пруссовъ и собратіевъ ихъ литвиновъ къ нѣмцамъ укоренилась въ этихъ племенахъ до такой степени, что стала неотъемлемою чертою ихъ національнаго характера. Не только во времена азычества, но даже по принятіи христіанской религіи, когда хоронили литвина или прусса, планальщики обыкновенно произносили между прочимъ слѣдующія слова: «Иди, бѣдный усопшій, изъ этого презрѣннаго міра въ лучшій, гдѣ владычество принадлежатъ будутъ тебѣ надъ нѣмцемъ, а не ему надъ тобою!» Денги въ глубинѣ прусской Литвы нельзя сдѣлать простоловину большаго обиды, какъ называлъ его нѣмецъ.

Стр. 262, ст. 30. *Смысла! И, хотъ нѣмецъ, поныя урчъ лодскую.*

Нѣмецъ—нѣмой, и потому какъ будто бы и не понимающій, въ противоположность славянину или словянину (отъ «слово»), т.-е. человѣку говорящему. Не только о характерѣ, но даже и объ умственныхъ способностяхъ нѣмецъ пруссы и литвины имѣли самое невыгодное мнѣніе. Выраженіе: «глушь, какъ нѣмецъ», вошло у нихъ въ поговорку. (См. Коцебу).

Стр. 294, ст. 28. *Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ все-сильный.*

Витольдъ, сынъ Кейстута—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, представляемыхъ исторіею Литвы. О его воинскихъ и политическихъ подвигахъ; сверхъ того, что о нихъ говорится въ національныхъ лѣтописяхъ, упоминается и въ сочиненіи Коцебу, на которое мы выше ссылались, равно какъ и въ его исторіи Свидригайлы.

Стр. 268, ст. 15. *Утро чутъ освѣтитъ славный гробъ Мендога.*

Мендогъ, Миндогъ, Миндакъ или Мандуальфъ Рингольтовичъ, великій князь литовскій, былъ первымъ освободителемъ Литвы отъ ига чужеземнаго. Сдѣлавъ литовецъ опасными для сосѣдей, онъ принялъ христіанскую вѣру и,

съ соизволения папы, короновался въ Новогрудкѣ и принималъ титулъ короля литовскаго въ 1252 году. Недалеко отъ Новогрудка показываютъ донынѣ мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, варыть прахъ этого героя.

Стр. 267, ст. 17. *И припасовъ разныхъ... одоволь дичи, меду.*

Дичь и медъ въ древней Литвѣ были двумя главными предметами угощения.

Стр. 269, ст. 1. *Обычай гроемейстеръ дать мнѣ подкупленсе.*

Орденъ тевтонскихъ рыцарей управлялся великимъ магистромъ (гроемейстеромъ), который избирался былъ орденскимъ капитуломъ. Послѣ него самымъ важнымъ лицомъ былъ великій комтуръ или казначей ордена; далѣе слѣдовали маршалъ и комтуры или командиры мѣстныхъ округовъ при городахъ и замкахъ.

Стр. 269, ст. 5. *Глянь на звезды! Пржеде, чымъ Глады тамъ.*

Литовцы особеннымъ образомъ означали времена года, мѣсяцы и часы дня или ночи. Упоминаемое здѣсь совѣздіе (Глады) у нихъ называлось Retis.

Стр. 269, ст. 8. *Тысли три разомъ, да тхоты вдвое.*

Войско тевтонское состояло, во-первыхъ, изъ рыцарей или братьевъ, потомъ—изъ конюшнихъ или служителей, состоявшихъ при ордени, изъ рейтаровъ или всадниковъ, служившихъ волонтерами, или набранныхъ изъ вассаловъ, и изъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ на жалованьи и называвшихся ландскнехтами, фусскнехтами или просто кнехтами.

Стр. 269, ст. 11. *Наши передъ тми—мелочъ; то—громады.*

При описаніи битвъ между орденомъ и литовцами, летописцы свидѣтельствуютъ, что нѣмцы превосходили литовцевъ ростомъ и силою. Нельзя было противостоять ударамъ ихъ копій. Кейстутъ и Нариндъ были при поединкахъ съ нѣмцами выбиты изъ седла ударами нѣмецкихъ копій.

Стр. 270, ст. 8. *Иззубрилъ на тмцахъ отпущъ топора.*

Топоры и палицы были страшнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ литвиновъ.

Стр. 270, ст. 27. *Онъ, етникомъ свернувшись, перси обвивалъ.*

Литовцы чтили ужей, которыхъ приучали къ дому и кормили. Іоаннъ Лавицій (Joannes Lascius Polonus) гово-

рить «des diis Samogitarum»: «nutriunt etiam, quasi deos penates, nigri coloris obesos et quadrupes serpentes quosdam, givoitos vocatos». Еще и Стрыйковский въ свое время видѣлъ остатки этихъ обычаявъ у латышей, равно какъ и Гвагнинъ, въ четырехъ миляхъ отъ Вильно.

Стр. 270, ст. 27. *Онъ одно сегодня, завтра онъ другое.*

Все, что говоритъ Литаворъ о Витольдѣ, есть вѣрное изображеніе мифній, которая нѣмцы о немъ удѣльные литовскіе князья того времени.

Стр. 272, ст. 1. *Въ глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ—и ступай!*

Здѣсь разужются отравы, прилегавшія къ морю Варяжскому или Нормандскому, что нынѣ Балтійское море. Въ политику великихъ князей литовскихъ входилъ обычай раздавать роднымъ земли, отнятыя у непріятеля. Монгивилъ, Мендогъ и Гедининъ пользовались этимъ феодальнымъ правомъ.

Стр. 272, ст. 23. *У казаръ, у финновъ—отъ моря до моря.*

Отъ Балтійскаго до Чернаго. Последнее называлось тогда Хаварскимъ моремъ.

Стр. 272, ст. 31. *На его столу, идъ онъ панъ-владыка.*

Мѣсто съ двумя замками, изъ которыхъ одинъ построенъ былъ на островѣ, посреди Троицкаго озера, называлось Троки. Здѣсь была столица Кейстута, а потомъ Витольда (см. Коляновича). Развалины замка еще существуютъ.

Стр. 272, ст. 33. *Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины.*

Въ нѣсколькихъ перстахъ отъ Ковна тянется между горами долина, испещренная цвѣтами и пересѣкаемая рѣкою. Это—одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ Литвѣ.

Стр. 274, ст. 6. *Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ.*

Вайделотами, сигонотами, лингустонами назывались жрецы, которыхъ обязанностію было повѣствовать о дѣлахъ предковъ или воспѣвать ихъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Что литвины и пруссы любили поэзію, доказательствомъ тому служитъ множество древнихъ пѣсней, сохранившихся въ народѣ и донынѣ. Стрыйковский рассказываетъ, что при погребеніи князей, вайделотъ, обыкновенно, выступалъ съ пѣсней, въ которой просла-

лялись дѣла почившаго. Любопытнѣйшій по этому предмету подробности можно найти въ сочинении: «*Versuch einer Geschichte der Hochmeister. Berlin, 1798.*» Авторъ этой замѣчательной книги, Веккеръ ссылается на древнюю хронику Винченца Могунтшика, который былъ капелланомъ у великаго магистра Дусенера фонъ-Арбферга и описывалъ событія своего времени (съ 1346 г.). Тамъ между прочимъ разсказывается, что при пиршествѣ, бывшемъ по случаю набранія въ великіе магистры Витриха фонъ-Книпрорде, пѣлъ одинъ нѣмецкій миннезингеръ, который за свое пѣніе былъ осыпанъ похвалами и награжденъ золотымъ кубкомъ. Такой почетъ, оказанный поэту, соблазнилъ одного прусака, которому имя было Ризелусъ: этотъ, испросивъ позволеніе пропѣть что-нибудь на своемъ литовскомъ языкѣ, прославилъ въ пѣснѣ своей дѣянія перваго короля литовскаго Вайдевута. Великій магистръ и нѣмецкіе рыцари, не понимавшіе и не любившіе языка литовскаго, осмѣяли поэта и поднесли ему въ подарокъ тарелку пустыхъ орѣховъ. Коцебу и Богущъ никакъ не шутятъ, когда говорятъ, что литовская литература была богата поэтическими произведеніями, гдѣ воспѣвались историческія событія и подвиги героевъ, хотя до насъ дошли изъ этихъ произведеній весьма немногія. Рыцари креста воспретили употребленіе языка литовскаго всѣмъ служачимъ и близкимъ ко двору, даже выгнали, вмѣстѣ съ цыганами и жидами, вайделотовъ и бардовъ литовскихъ, которые одни только и могли знать и воспѣвать все, что было тогда популярно. Да и въ самой Литвѣ, со введеніемъ христіанства и языка польскаго, древніе обычаи и національное нарѣчіе стали приходить въ упадокъ и забвеніе. Простой народъ, обращенный въ рабство и употребленный на обработываніе земли, отвыкнувъ отъ оружія и дѣла ратнаго, забылъ и пѣсни рыцарскія, которыя замѣнились другими, болѣе соотвѣтствующими положенію народа: послѣднія имѣли уже характеръ идиллическій или элегическій. Если и оставалось еще что-нибудь отъ старыхъ народныхъ преданій и героическихъ пѣсней, то это имѣло мѣсто развѣ только подъ кровомъ домашнимъ или при особыхъ церемоніяхъ, и то при соблюденіи глубокой тайны Гривау, бывъ въ XVI столѣтіи въ Пруссіи, случайно видѣлъ празднованіе агнца и потому, для спасенія своей жизни, долженъ былъ дать поселявамъ клятву не открывать ничего изъ видѣннаго и

слышаннаго. При этомъ празднованіи, по совершеніи извѣстнаго обряда, вайделотъ началъ воспѣвать подвиги древнихъ литовскихъ воиновъ, присоединяя къ тому политымъ и нравственнымъ поученіямъ. Гривау, совершенно понимавшій литовскій языкъ, говоритъ, что никогда не чаялъ слышать ничего подобнаго изъ устъ литвина: столько тутъ было красоты и выразительности!

Стр. 274, ст. 20. *Вдуръ спихнулъ — и толкно: прочь съ престола Вильны.*

Витольдъ выгналъ изъ Вильны Скиргайлу Ольгердовича и самъ завладѣлъ великимъ княжествомъ. Скиргайло былъ братъ Ягеллы.

Стр. 274, ст. 25. *Не первосвященникъ, не кривейто-же онъ.*

Правленіе въ древней Литвѣ было отчасти теократическое. Жрецы имѣли на дѣла сильное вліяніе. Главный жрецъ или первосвященникъ назывался криве-кривейто. Лѣтописцы, приписывавшіе литовцамъ римское или греческое происхожденіе, полагали, что это названіе возникло отъ *κρίβοι κριβάτοιοι*. Мѣстопребываніе этой духовной особы было въ Пруссіи, тамъ, гдѣ нынѣ селеніе Гейлигенбейль. Тамъ, подъ тѣнью святаго дуба, криве-кривейто принималъ жертвы и отдавалъ повелѣнія свои вайделотамъ и синонтамъ, которые потомъ объявляли всѣ мѣста со знаками своей миссіи и всюду объявляли волю первосвященника.

Стр. 277, ст. 6. *Съ бойкими ступльцами, на лошаадкѣ жмудской.*

Жмудскія лошади считались у литовцевъ для верховой ѣзды весьма годными. Надобно полагать, что природе этихъ лошадей была прежде не такъ слаба, какъ нынѣ. Костати помѣщаемъ здѣсь (въ переводѣ съ польскаго) старую литовскую пѣсню о конѣ князя Кейстуга:

«Пусть у нѣмцевъ славны брони
У татаръ отличны кони:
Добрый конникъ есть и тутъ,
На немъ ѣдитъ князь Кейстугъ,
Да и сабелька Кейстуга
Изъ желѣза тутъ-же гнута.
Жмудскій конь — неваженъ ростъ!
Видъ литовской сабли простъ;
Отъ Кейстуговой-же бурки

Вѣгутъ нѣмцы, бѣгутъ турки;
 Нѣмца хитраго булатъ
 Съ саблей встрѣтиться не радъ.
 Булатъ славится разрѣзомъ,
 Да не справится съ желѣзомъ.
 На конѣ, нашъ князь, нашъ панъ —
 Убрайся, крымскій ханъ!
 Отъ Кейстутовой погони
 Не спасутъ татарскіе кони!
 Знать, могучая рука
 Силу лѣтъ въ металлъ вланка,
 Съ нимъ сплавляясь въ жизнь едину,
 И въ конѣ на половину
 Бьется сердце вѣдока!»

Стр. 287, ст. 28. *Иисус! Марія! Гопъ, гопъ, гопъ; ура!*
 «Нор. hop, hop! dastich und ross», кричали обыкновенно
 нѣмцы, кидаясь на неприятелей.

Стр. 289, ст. 8. *Повстрѣчалъ Румишса въковой утесъ.*
 Неподдалеку отъ мѣстечка Румишнекъ, есть въ Нѣманѣ
 огромная, небезопасная для пловцовъ скала, называемая
 гигантомъ.

Стр. 292, ст. 27. *Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шуми-
 емъ.*

Перкунасъ — богъ грома въ Литвѣ и Похвиастъ — богъ
 бурнаго вѣтра и ненастья на Руси. Въ Новогрудкѣ до
 сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ стояли жертвенники
 этихъ идоловъ. Тешеръ тутъ костель бадилянотъ.

Стр. 293, ст. 6. *Злой убійца князя, Дмитръ Фомъ-Книпродъ.*

Литвины, въ честь богамъ своимъ, сжигали военноплѣн-
 ныхъ, особенно нѣмцевъ. Для такихъ жертвъ избирались
 изъ плѣнниковъ преимущественно тѣ, которые отличались
 знатностію рода или подвигами; есл-же такихъ было
 много, то между ними дѣлали выборъ по жребію. Послѣ
 пораженія, которое литвины нанесли рыцарямъ въ 1315 г.,
 по расказу Стрыйковского, «литвины и жмудъ, въ благо-
 дарность богамъ за одержанную ими побѣду и захваченную
 добычу, приступили къ совершенію молитвъ и жертвопри-
 ношеній и повели на огромный костеръ почтеннаго воина,
 Герарда Рудда, бывшаго старостою (войтомъ) въ области
 Самбійской, вмѣстѣ съ боевымъ конемъ его. Конь былъ

во всей сбруѣ, а воинъ въ полномъ вооруженіи. Рудда
 былъ живой преданъ пламени костра; душу его приняло
 небо, а вѣтры разнесли пепелью. Въ концѣ того-же сто-
 лѣтія пруссы, уже принявшіе крещеніе, разбивъ при воз-
 станіи 4.000 нѣмцевъ, схватили и сожгли мемельскаго
 коштура (Лукасъ Давидъ).

Стр. 294, ст. 9. *Жертвенно лѣтся молоко и медъ.*

Обычай сжиганія тѣлъ, общій почти всѣмъ народамъ
 древности, соблюдался въ Литвѣ до самаго введенія хри-
 стианства. Литвины и въ этомъ усматривали доказатель-
 ство, что литовцы происходятъ отъ грековъ или римлянъ.
 Стрыйковский описываетъ подробно погребальные обряды
 ихъ, особенно церемоніаль погребенія Кейстута. «Тѣло
 его, говоритъ онъ между прочимъ, было препровождено въ
 Вильну Скиргайлою, братомъ Ягеллы, со всѣми подобаю-
 щими почестями. Тамъ, на обычномъ мѣстѣ, сложенъ былъ
 большой костеръ изъ сухаго дерева и сдѣланы всѣ приго-
 товленія къ сожженію тѣла по языческимъ обрядамъ. По-
 томъ надѣли на покойнаго всѣ его княжескія облаченія,
 придали ему всѣ воинскіе доспѣхи: конь, саблю, лукъ и
 проч., и вознесли на костеръ, причемъ тутъ-же обрели
 сожженію вѣрнаго его слугу, коня во всей парадной сбруѣ,
 пару соколовъ, пару гончихъ собакъ и разныхъ другихъ
 псовъ; тутъ были медвѣжки и рыси кости, охотничій
 рогъ и проч. Послѣ этого совершены были молитвы и
 принесены жертвы; потомъ воспѣты были подвиги покой-
 наго князя, а затѣмъ зажгли костеръ; когда тѣло сго-
 рѣло, пепель и обгорѣлыя кости собрали и сложили въ
 приготовленный для нихъ гробъ. Такъ совершилось поgre-
 беніе славнаго князя Кейстута».

Стр. 295, ст. 18. *Съ прелестію женскою и геройскимъ духомъ.*

Характеръ и дѣйствія Гражины могутъ показаться фан-
 тастическими и несоотвѣтствующими духу того времени,
 такъ какъ историки представляютъ положеніе женщинъ
 древней Литвы вовсе не въ цвѣтущихъ краскахъ. Эти не-
 счастливыя жертвы варварства и угнѣнія дѣйствительно
 жили въ преврѣтнн и осужденн были на исполненіе раб-
 скихъ обязанностей; но, съ другой стороны, у тѣхъ-же
 самыхъ историковъ мы находимъ черты, показывающія
 иногда совсѣмъ противополож. По свидѣтельству Шютца
 (Kotzebue, Belege und Erläuterungen), на древнихъ моне-

тахъ и знаменахъ прусскихъ находили изображение коро­ нованной женщины, изъ чего можно заключить, что жен­ щина была здѣсь нѣкогда владычицею края. Въ преда­ нияхъ болѣе достоверныхъ и болѣе близкихъ къ нашему времени, сохраняются имена Гезаны и Кадины, двухъ знаменитыхъ жрицъ, возбуждавшихъ религіозное къ себѣ благоговѣніе. Реликвіи ихъ сохранились потомъ въ хра­ махъ, обращенныхъ въ христіанскіе костелы. Свѣдущій во всемъ, что касается народныхъ древностей, П. Ошачевичъ сообщаетъ, что по древней волынской хроникѣ одно изъ мѣстъ Литвы славилось женщинами, которыя, по отпра­ вленіи мужей на войну, сами защищали городскія стѣны, и, будучи наконецъ не въ силахъ противостоятъ неприя­ телю, предпочли добровольную смерть позору пѣвня и рабства. Нѣчто подобное рассказываетъ Кромеръ (Polonia sine etc.), повѣствуя о замкѣ Пулень. Эти, повидимому, противорѣчаща одно другому извѣстія могутъ быть согла­ шены, если сообразимъ, что литовцы состояли изъ двухъ искони соединенныхъ, но все-же различныхъ между собою племенъ, т. е. изъ туземцевъ и пришельцевъ, вѣроятно нормановъ; эти послѣдніе, конечно, и сохранили чувство уваженія къ женщинамъ, составлявшее коренную черту ихъ характера. Даже по древнимъ уставамъ и обычаямъ литовцевъ, женщины этого племени были особенно ува­ жаемы. Вообще униженіе женскаго пола въ томъ краю на­ должно отнести ко временамъ, предшествовавшимъ той эпохѣ, къ которой принадлежитъ повѣсть о Гражнѣ и въ ко­ торой духъ рыцарства и романтическихъ похожденій имѣлъ уже значительную силу. Князь Кейстутъ нѣжно любилъ свою Виругу, которая была дѣвухною простаго происхож­ денія, посвященною на служеніе богамъ. Кейстутъ, под­ вергая себя большой опасности, исторгнулъ ее изъ этой должности и сдѣлалъ своею женою. Въ послѣдующее время супруга Витольда своею ловкостью и неустранимостью освободила мужа своего изъ заключенія и избавила его отъ угрожавшей ему смерти.

Стр. 295, ст. 22.

На костръ, облятій пламенемъ и дымомъ.

Литвины, въ тяжкихъ болѣзняхъ или при большихъ несчастіяхъ, имѣли обычай сжигать себя живыми въ до­ махъ своихъ. Подобную смерть принималъ первый князь ихъ и первосвященникъ Вайдевуть, и приѣхру его слѣдовали

его преемники сжигалъ себя на костръ добровольно. На такое самоожженіе народъ смотрѣлъ съ особеннымъ ува­ женіемъ, какъ на самый почетный родъ смерти.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КОНРАДУ ВАЛЛЕНРОДУ“.

Стр. 312, ст. 1. *Уясъ колоколъ удитъ съ Маріенбургской башни.*

Маріенбургъ, укрѣпленный городъ, нѣкогда столица крестоносцевъ, присоединенный при Казимирѣ Ягеллонѣ къ польской Рѣчи-Посполитой, впоследствии отданный въ за­ логъ маркграфомъ бранденбургскимъ, перешелъ наконецъ во владѣніе королей прусскихъ. Подъ нижними сводами маріенбургскаго замка находились гробницы великихъ ма­ гистровъ; нѣкоторыя донныя уцѣлѣли. Кенигсбергскій профессоръ Фойхтъ издавъ много лѣтъ тому назадъ исторію Маріенбурга, важное сочиненіе для исторіи Пруссіи и Литвы.

Стр. 312, ст. 7. *Кому водить на грудъ, по строгому совѣщанью, Великій крестъ? Кому вслнкій мечъ вручить?*

Крестъ и мечъ знаки великихъ магистровъ.

Стр. 313, ст. 1. *Переломить копья никто съ мнѣ не дерзалъ.*

Старое польское выраженіе; combattre à outrance.

Стр. 316, ст. 13. *И этимъ мнѣ души безсмертной талисманъ Безумной силъ онъ безвредный чертитъ кругъ.*

Взглядъ человѣка, говорить Кооперъ, когда блестящъ смѣлостью и разумомъ, производить сильное впечатлѣніе даже на дикихъ зѣбрѣй. Сошлемся по этому случаю на истинное происшествіе съ американскимъ охотникомъ, ко­ торый, прокрадываясь къ уткамъ, услышалъ шелестъ, под­ нялся и увидалъ со страхомъ огромнаго, тутъ-же лежав­ шаго льва. Зѣбрь казался равно удивленнымъ при внезап­ номъ появленіи человѣка атлетическаго роста. Охотникъ не смѣлъ выстрѣлить, имѣя ружье заряженное дробью, и потому сталъ неподвижно, только грозя неприятелю взглядомъ. Левъ, съ своей стороны, сидя спокойно, не спускалъ глазъ съ охотника; черезъ нѣсколько мгновеній

отвортилъ голову и медленно удаллся, но едва ушелъ на десятокъ съ небольшимъ шаговъ, остановился и вернулся снова. Найдя на мѣстѣ неподвижнаго охотника, встрѣтился съ нимъ снова глазами и наконецъ, какъ будто признавая превосходство человѣка, потупилъ глаза и ушелъ. Bibliothèque universelle, 1827. Fevrier. Voyage du capitaine Head.

Стр. 317, ст. 18. *Вся вышнимъ помолясь. Архимонтуръ тшилъ...*
Grosskomthur — первый сапожникъ послѣ великаго магистра.

Стр. 318, ст. 20. *Какая-то жена мѣтъ за десять назадъ.*

Хроники тѣхъ временъ упоминають о поселанкѣ, которая, прибывъ въ Мариенбургъ, требовала, чтобы ее замуровали въ особенной кельѣ, и тамъ окончила жизнь. Могилу ея славилась чудесами.

Стр. 320, ст. 17. *Попыримъ вышнимъ мы отшельницы словамъ.
Конрада именовъ зовется Валленрода!
..... Онъ пройдетъ
Въ магистры!*

Во время выбора, если мѣнья были раздѣлены или сомнительны, то подобныя случаи, принимаемые за пророчество, вліяли на совіщаніе капитула. Такимъ образомъ, Винрихъ Книпродѣ получилъ всѣ голоса, потому что нѣсколько братьевъ будто-бы слыша и въ могилѣ магистровъ троератное воззваніе: Vinrice! Ordo laborat (Винрихъ! Орденъ въ опасности!).

Стр. 324, ст. 18. *Есть вышній огонь у стомого Свенторога.*
(Виденскій замокъ, гдѣ нѣкогда хранился Зичъ, т.-е. вѣчный огонь).

Стр. 332, ст. 18. *«Вселемъ съ Господи!» и кубки заблестали.*
Лозунгъ орденскихъ пировъ того вѣка.

Къ стр. 337.

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА

Смотри на стр. 174 объясненіе стиха «Гражина» Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ...

Стр. 337, ст. 9. *Является не разъ намъ дѣва моровая.*

Простой народъ представляеть себя повѣтріе въ образѣ дѣвы, которой появленіе, здѣсь описанное, предшествуетъ,

по народному преданію, страшной болѣзни. Привоку, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, нѣкогда слышанную мною въ Литвѣ Валладу: Въ деревнѣ явилась моровая дѣва и, по обычаю, просовывая руку въ двери или окно и махая краснымъ платкомъ, распространила смерть въ домахъ. Жители запирались крѣпко, но голодъ и другія потребности принуждали вскорѣ къ пренебреженію этими мѣрами осторожности, и такъ всѣ ждали смерти. Одинъ шляхтичъ, хотя достаточно обезпеченный пищей и имѣвшій возможность долге всѣхъ выдерживать эту необыкновенную осаду, рѣшился, однако, посвятить себя пользѣ ближняго, взявъ саблю-сигмунтовку, на которой было имя Іисусъ и имя Марія, и, вооруженный такъ, отворилъ окно дома. Шляхтичъ однимъ взмахомъ отсѣкъ у страшилаца руку и завладѣлъ платкомъ. Правда, онъ умеръ и вымеръ весь его родъ: «но съ того времени никогда не знали въ деревнѣ мороваго повѣтрія». Говорили, что этотъ платокъ хранился въ костелѣ, не помню какого мѣстечка. На востокѣ передъ появленіемъ чумы показывается, говорить, привидѣніе съ крыльями летучей мыши и указываетъ пальцами на обреченныхъ смерти. Кажется, народное воображеніе хотѣло представить въ подобныя образахъ то тайное предчувствіе и тотъ необычайный ужасъ, который обыкновенно предшествуетъ великимъ несчастіямъ или смерти и который очень часто ощущають не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя народы. Такъ въ Греціи предчувствовали долгое продолженіе и важна послѣдствія пелопонесской войны, въ римскомъ государствѣ — паденіе монархіи, въ Америкѣ — прибытіе испанцевъ и т. д.

Стр. 342, ст. 28. *Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа.*

Walther von Stadion, вѣмецкій рыцарь, взятый въ плѣнъ литовцами, женился на дочерѣ Кейстуга и съ нею тайно уѣхалъ изъ Литвы. Часто случалось, что пруссаки и литовцы, похищенные въ дѣтствѣ и воспитанные въ Германіи, возвращались въ отечество и становились самими ожесточенными врагами вѣмцевъ. Такимъ былъ извѣстный въ исторіи Ордена пруссакъ Herkus Monte (Геркусъ Монте).

Стр. 360

ВОЙНА.

Образъ этой войны начертанъ по указанію исторіи.

Стр. 364. ст. 18. Ужасный трибунал советъ держать идетъ.

Въ среднѣ вѣка, когда могущественные герцоги и бароны очень часто дозволяли себѣ всякія злодѣяства, когда авторитетъ обыкновенныхъ судовъ былъ слишкомъ слабъ для ихъ обузданія, образовалось тайное братство, котораго члены, не будучи знакомы между собою, обзываются клятвой карать виновныхъ, не щадя собственныхъ друзей, даже родственниковъ. Какъ скоро тайные судьи изрекли приговоръ смерти, то предувѣдомляли осужденнаго, крича ему подъ окнами или гдѣ-нибудь въ его присутствіи: weh! (горе!). Это слово, трижды повторенное, было предостереженіемъ; кто его услышалъ, готовился къ смерти, которую долженъ былъ непременно и неожиданно принять отъ невѣдомой руки. Тайный судъ назывался еще Vehmgericht или вестфальскимъ судомъ. Трудно опредѣлить, когда онъ получилъ свое начало; по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ учрежденъ Карломъ Великимъ. Бывъ въ началѣ необходимыми, въ послѣдствіи онъ далъ поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и правительства вынуждены были не разъ строго преслѣдовать самихъ-же судей, пока наконецъ не былъ упраздненъ совершенно этотъ институтъ.

Мы назвали нашу повѣсть историческою, потому что характеры дѣствующихъ лицъ и всѣ разсказанныя въ ней болѣе важныя происшествія основаны на историческихъ данныхъ. Хроника того времени, въ отрывочныхъ и неполныхъ спискахъ, часто должны быть дополнены догадками и предположеніями, чтобы создать изъ нихъ какое-нибудь историческое цѣлое. Хотя въ разсказѣ о Валленродѣ я позволялъ себѣ догадки, однако надѣюсь оправдать ихъ правдоподобностію. Слѣдующимъ хроникамъ, Конраду Валленродову, хотя выдавалъ себя за его члена: онъ былъ, говорятъ, чѣмъ-то незаконнорожденнымъ сыномъ. Кенигсбергская лѣтопись (библіотеки Валленрода) повѣствуетъ: er war ein Pfaffenkind. О характерѣ этого страннаго человека читаемъ разныя и противорѣчивыя преданія. Большая часть лѣтописцевъ укоряетъ его въ гордости, лютости, пьянствѣ, жестокости къ подвластнымъ, маломъ усердіи, къ вѣрѣ и даже въ ненависти къ духовнымъ. Er war ein rechter Leuteschinder (хроника библіотеки

Валленрода). Nach Krieg, Zang und Hader sein Hertz immer gestanden, und ob er gleich ein Gott ergebener Mensch von wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Grauei gewesen (David Lucas). «Er regierte nicht lang, denn Gott plagte ihn inwendig mit dem laufenden Feuer». Съ другой стороны, тогдашніе писатели признаютъ за нимъ величіе ума, мужество, благородство и силу характера, и дѣйствительно безъ рѣдкихъ качествъ онъ не могъ-бы сохранить своей власти среди всеобщей ненависти и бѣдствій, которыя навлекъ на Орденъ. Припомнимъ теперь поведеніе Валленрода. Когда онъ принялъ на себя управленіе Орденомъ, наступало удобное время войны съ Литвою, потому что Вытольдъ самъ обѣщала нѣмцамъ вести ихъ на Вильну и щедро награждать ихъ за поддержку. Валленродъ однако оттягивалъ войну, мало того оттолкнулъ Вытольда и такъ безразсудно вѣтрился ему, что этотъ князь, тайно помирившись съ Ягеллой, не только ушелъ изъ Пруссіи, но, входа по дорогѣ въ нѣмецкія замки, какъ союзникъ, сжигалъ ихъ и вырывалъ гарнизоны. При такой неудачной перемѣнѣ обстоятельствъ надлежало отсрочить войну, или приступить къ ней очень осторожно. Великій магистръ провозглашаетъ крестовый походъ, расточаетъ сокровища Ордена на приготовленія (5.000.000 марокъ, около милліона венгерскихъ золотыхъ: сумму громадную для того времени), идетъ на Литву. Онъ могъ-бы взять Вильну, ежели-бы не потерялъ времени въ пирахъ и охидахъ подкрѣпленій. Наступила осень; Валленродъ, оставившій лагерь безъ продовольствія, въ величайшемъ беспорядкѣ, уходитъ въ Пруссію. Лѣтописцы и позднѣйшіе историки не могутъ угадать причины столь внезапнаго отъѣзда его отъ войска, не находя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ никакого къ этому повода. Нѣкоторые приписывали бѣгство Валленрода умопомѣшательству. Всѣ здѣсь приведенныя противорѣчія въ характерѣ и дѣяствіяхъ нашего героя примиряются, если допустить, что онъ былъ литвинъ и что вступилъ въ Орденъ, чтобы отомстить ему. Въ самомъ дѣлѣ, его правленіе нанесло самый жестокой ударъ могуществу крестоносцевъ. Мы допускаемъ, что Валленродъ былъ тѣмъ Вальтеромъ Стадіономъ, сокращая только на десять съ чѣмъ-нибудь лѣтъ время, протекшее между отъѣздомъ Вальтера изъ Литвы и появленіемъ Конрада въ

Marienburg. Valленродъ умеръ въ 1394 году внезапной смертію. Странные случаи, говорятъ, сопровождали его смерть. Er starb, повѣствуетъ хроника, in Raserei ohne letzte Oehlung, ohne Priestersegen. Kurz vor seinem Tode wütheten Stürme, Regengüsse, Wasserfluthen; die Weichsel und die Nogat durchbrachen ihre Dämme... hingegen kühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht». Гальбанъ, или, какъ его называютъ лѣтописецъ, докторъ Leander von Albanus, монахъ, единственный и неразлучный товарищъ Валленрода, хотя прикидывался благочестивымъ, былъ, слѣдую лѣтописцамъ, еретикомъ, язычникомъ, а можетъ быть колдуномъ. О смерти Гальбана нѣтъ вѣрныхъ извѣстій. Нѣкоторые пишутъ, что онъ утопалъ; другіе, что ушелъ тайно или былъ похищенъ сатаной. Мы по большей части правили лѣтописи изъ сочиненія Кодебу: Preussens Geschichte, Belege und Erläuterungen. Гартнохъ, называющій Валленрода unsinnig, сообщаетъ о немъ очень короткое извѣстіе.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КРЫМСКИМЪ СОНЕТАМЪ“.

- Стр. 379, ст. 4. *Бурьянъ* — великорослое растеніе степей Украины и Поневья; въ лѣтнее время бурьянъ цвѣтетъ своимъ придаетъ много красоты тамошней мѣстности.
- Стр. 379, ст. 5. *Буртаны* — высокія, надгробныя, земляныя насыпи. По берегамъ Чернаго моря ихъ много, и они нѣрѣдко помогаютъ путешественнику ориентироваться.
- Стр. 381, ст. 4. *Дивы*, по древней мѣологии персовъ это — злые гении, способствовавшіе нѣкогда на землѣ, но потомъ изгнанные ангелами и обитающіе нынѣ за горою Кафъ.
- Стр. 382, ст. 20. *Чатырдагъ* — высшая изъ горъ Крымскаго полуострова на южномъ берегу его. Онъ усматривается съ разныхъ сторонъ вереть за двѣсти въ видѣ большого облака сѣро-синеватаго или свинцоваго цвѣта. Вершины Чатырдага по

захожденіи солнца въ теченіе нѣкотораго времени кажутся еще какъ-бы облитыми пламенемъ.

- Стр. 382. *Бахчисарай*, нѣкогда бывшій столицей Гиреевъ — хановъ крымскихъ, расположенъ въ долинѣ, окруженной горами.
- Стр. 383. Въ оригиналѣ сказано: народъ расходится изъ *джамидовъ*. Месджиды или джамиды — *магометанскія мечети*. *Земль* — магометанскій люциферъ, владыка тьмы. *Фарисъ* — наѣздникъ у бедуиновъ.
- Стр. 384. Неподалеку отъ ханскаго дворца въ Бахчисарай возмывается воздвигнутая въ восточномъ вкушѣ гробница съ полу-сферическимъ куполомъ. Есть народное въ Крыму преданіе, что памятникъ этотъ поставленъ ханомъ Кемимъ-Гиреемъ надъ одною изъ плѣницъ, которую онъ необычайно любилъ. Это, говорятъ, была полянка изъ рода Потоцкихъ. Авторъ прекрасно написанной и имѣющей научное достоинство книги: «Путешествіе по Крыму», Муравьевъ-Апостолъ, утверждаетъ, что вышеприведенное сказаніе не имѣетъ исторической основы и что памятникъ поставленъ надъ какою-то умершею грузинкою; — но основательно-ли мнѣніе самого автора «Путешествія по Крыму»? По крайней мѣрѣ, доводъ его, что будто-бы татары въ половинѣ XVIII столѣтія не могли такъ легко захватывать плѣницъ изъ дома Потоцкихъ, нельзя признать за достаточный. Известны послѣднія возмущенія казакіи на Украинѣ, откуда немало людей выслено и продано соседнимъ татарамъ. Въ Польшѣ многія шляхетскія фамиліи именуются Потоцкими, и упоминаемая выше плѣницка, будучи Потоцкою, могла и не принадлежать къ дому владѣтелей Умани, который былъ для наѣздовъ татарскихъ и наскоковъ казакскихъ менѣе доступенъ. Изъ народныхъ разсказовъ о бахчисарайскомъ памятникѣ Пушкинъ очеркнулъ сюжетъ для известной поэмы своей: «Бахчисарайскій фонтанъ».
- Стр. 385. Въ прелестномъ саду, между шелковичными деревьями и тополями, возмываются бѣломраморныя гробницы хановъ, жень ихъ и родныхъ. Въ боковыхъ двухъ слышатъ плачущи гробы въ безпорядкѣ. Когда-то они были богато

украшены, но нынѣ торчатъ только голыя доски и видны обрывки савановъ.

У мусульманъ могольские памятники мужчинъ и женщинъ вѣнчаются обыкновенно каменными чалмами, изъ которыхъ мужскія видовъ своимъ отличаются отъ женскихъ.

Глуръ или правильнѣе — *кафиръ* — значить: «нехристіанскій». Такъ мусульмане называютъ христіанъ.

Стр. 385.

Прелестною *Байдарскою долиною* путешественники обыкновенно выѣзжаютъ на южный берегъ Крыма.

Стр. 386.

Алушта — одно изъ самыхъ благодатныхъ мѣстъ въ Крыму. Сѣверные вѣтры сюда отнюдь уже не проникаютъ, и путешественники въ ноябрѣ мѣсяцѣ нерѣдко ищутъ здѣсь прохлады подъ тѣнью огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ (грецкіе орѣхи), одѣтыхъ еще зеленью.

Намазъ — молитва мусульманская: ее читаютъ сидя и кланаясь.

Мусульмане употребляютъ при молитвахъ четки, которыми дѣлаются для знатныхъ особъ изъ драгоценныхъ камней. Кранатовыя и шелковичныя деревья, ярко украшенныя багрянцами плодовъ своихъ, весьма обыкновенны на южномъ берегу полуострова.

Стр. 388.

Здѣсь употреблено имя Гавриила (Габріель), какъ наиболѣе извѣстное; но настоящей припрятникъ небесный, по восточной мифологіи, есть Рамекъ — одна изъ двухъ блестящихъ звѣздъ, называемыхъ *ас-семекимъ* (звѣзда Арктуръ).

Стр. 389.

Самиръ — крымская рѣка, вытекающая изъ-подъ дошвы Чатырдага.

Стр. 389.

Чуфутъ-Кале — мѣстечко, расположенное на высокой голой скалѣ. Домики, на краю пропасти стоящіе, похожи на гнѣзда ласточекъ. Тропинка, по которой надобно взбираться на гору, для путника затруднительна и опасна: она виситъ надъ бездною. Если взглянуть внизъ изъ окна одного изъ тѣхъ домиковъ, то взоръ падаетъ въ глубину неизмѣримую.

Лошади крымскія, при трудныхъ и опасныхъ переправахъ, обнаруживаютъ удивительный инстинктъ осторожности. Прежде, чѣмъ поставить ногу, лошадь крымская,

поднявъ ее и сдерживая на воздухѣ, пробуетъ камень, гдѣ-бы можно было ступить съ большею безопасностію, и не прежде, какъ сдѣлавъ надлежащій выборъ, *совершаетъ шагъ свой*.

Стр. 390.

Итакъ-гора извѣстна изъ «Тисячи одной ночи». Это — славная въ персидской мифологіи и многими восточными поэтами упоминаемая птица *симургъ*: она величиною съ гору (говоритъ Фирдуси въ «Пѣснѣхъ») «и крѣпка она, какъ твердыня, а сильна такъ, что слона поднимаетъ и уноситъ въ когтяхъ своихъ», — и далѣе: «увидѣвъ воиновъ, симургъ рванулся, какъ туча, со скалы своей и помчался, какъ ураганъ, отбрасывая тѣнь свою на всю рать конную». См. Гаммера «Geschich derte Redekünste Persens. Wien, 1818.» стр. 65.

Съ высоты горы, возносящихся надъ облаками; если кинуть взглядъ на плывущее надъ моремъ облако, то оно представляется лежащимъ на самой водѣ большимъ бѣлымъ островомъ. Любопытное явленіе это наблюдаемо было авторомъ «Крымскихъ сонетовъ» съ Чатырдага.

Стр. 391.

Надъ Балаклавскимъ заливомъ стоятъ развалины замка, построеннаго нѣкогда греками — выходцами изъ Милета. Генуэзцы возвели потомъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе «Цембало».

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА

Биографія А. Мицкевича, составленная П. Н. Полевымъ 1—XV

Баллады и Романсы.

	СТР.
Первоцвѣтъ; переводъ Н. П. Семе- лова	3
Романтизмъ; пер. Д. Д. Минаева	5
Свѣтъ. Его-же и В. Г. Бенедик- това	7
Свитозанка; пер. Л. А. Мея	14
Рыба; пер. В. Г. Бенедиктова	20
Воавращеніе тати. Его-же	25
Курганъ Мариси; пер. Д. Д. Минаева	28
Къ друзьямъ; пер. В. Г. Бенедик- това	32
Вотъ люблю! Его-же	34
Пани Твардовская; пер. Л. А. Мея	39
Тукай или испытанія дружбы; пер. В. Г. Бенедиктова	44
Ляля; пер. Оммулевскаго	58
Гудочникъ; пер. В. Г. Бенедиктова	69
Восходъ; пер. А. С. Пушкина	76
Бѣгство; пер. В. Г. Бенедиктова	78
Будрысь и его сыновья; пер. А. С. Пушкина	88
Ренегатъ; пер. Л. А. Мея и В. Г. Бе- недиктова	89
Молодой панъ и поселанка. Ихъ-же	92

Сонеты.

Воспоминаніе; пер. Н. Луговскаго	99
Къ Лаурѣ; пер. Оммулевскаго	100
Съ тобою говорю я; съ другими изъ- мѣю. В. Г. Бенедиктова	—
Ты ходишь такъ просто; блестящую сразу; пер. Его-же	101
Свиданіе въ лесу; пер. А. А. Фета	102
Ханжа вѣстъ бранить, а шалуна въ легкокрыломъ. В. Г. Бенедик- това	—

Повѣсти и сказки.

	СТР.
Утро и вечеръ; пер. Кн. Кострова	103
Къ Нѣману; пер. Оммулевскаго	104
Стрѣлокъ; пер. В. Г. Бенедиктова	—
Жалокъ тотъ, чье сердце безвѣст- ность губитъ. Его-же	105
Къ..... Его-же	106
Въ адомъ	—
Неволя въ первый разъ меня лишь веселитъ; пер. В. Г. Бенедик- това	107
О, милан! поверь, мой воспоминанья; пер. Д. Д. Минаева	108
Съ добрымъ утромъ. Его-же	—
Спокойной ночи; пер. В. Г. Бенедик- това	109
Добрый вечеръ; пер. Д. Д. Минаева	110
Къ Д. Д. пер. В. Г. Бенедиктова	—
Къ дѣлателямъ визитовъ. Его-же	111
Прощаніе. Его-же	112
Лявды. Его-же	113
Извиненіе. Его-же	—

Корчма въ Улитѣ; пер. Д. Д. Ми- наева	117
Королева Ляля и король Бобо. Его-же	121
Врито—стрижено. Его-же	126
Баронъ. Его-же	129
Колоколь и колокольчики. Его-же	134
Блоха и равнинъ. Его-же	135
Друзья. Его-же	—
Большой король и лисцы. Его-же	136
Тройка. Его-же	138
Хорекъ на выборахъ. Его-же	139
Оседлъ и собака. Его-же	141
Упрямая жена. Его-же	143

Мистическія стихотворенія.	СТР.	Посвященія.	СТР.
Гимнъ на день Благовѣщенія; пер. В. Г. Бенедиктова	147	Иоакиму Делевелою; пер. Д. Д. Ми-наева	231
Къ Маріи Л. Его-же	149	Шашки. Его-же	238
Ариманъ и Ормуздъ. Его-же	150	Доктору С.	248
Вазумъ и вѣра. Его-же	151	Александрѣ Ходзькѣ; пер. Н. П. Семенова	250
Верховный Художникъ. Его-же	153	Маріи П.	252
Мурдены. Его-же	—	Его-же	253
Полуночная беседа. Его-же	154	Въ альбомъ С. В.; пер. Д. Д. Ми-наева	253
Видѣніе. Его-же	156	Въ альбомъ Луизы Мацкевичъ; пер. Н. П. Семенова	—
Богдану Балъскому; пер. Н. П. Семенова	159	Въ альбомъ Г. Голвинской. Его-же	254
Ода къ молодежи; пер. Н. П. Семенова	—	Въ альбомъ. Его-же	—
Пѣсни эларетовъ; пер. Д. Д. Ми-наева	182	Въ альбомъ; пер. Д. Д. Минова	255
Тосты. Его-же	182	Въ альбомъ. Его-же	255
Чины. Его-же	184	Въ альбомъ К. Ржевуской; пер. Н. Гербеля	256
Смерть Полковника. Его-же	185	Въ альбомъ А. С.; пер. Д. Д. Ми-наева	—
Пѣсня солдата. Его-же	187	Въ альбомъ Маріи Шимановской; пер. Н. В. Берга	—
Фарисъ; пер. В. Г. Бенедиктова	188	Въ альбомъ Целны Шимановской; пер. Д. Д. Минова	257
Апатаръ. Его-же	176	Францу Гржималу. Его-же	261
Альмотеаоби. Его-же	183	Гражина	—
		Конрадъ Валленродъ. Историческая повесть (изъ дѣяній литовскихъ и прусскихъ)	303
Разныя стихотворенія.		Крымскіе сонеты.	
Зима въ городѣ; пер. Д. Д. Ми-наева	191	Акерманскіе степи	379
Хоръ охотниковъ. Его-же	194	Морская тишь	—
Пловецъ; пер. В. Г. Бенедиктова	195	Переѣздъ по морю	380
The meeting of the waters; пер. Д. Д. Минова	198	Буря	381
«Когда-бъ я лянтой сталъ» и т. д.; пер. Н. П. Семенова	198	Видъ горъ изъ степей козлова	—
Къ М.; пер. П. Петровскаго	199	Бахчисарай	382
На новый (1827) годъ. Его-же	200	Бахчисарай ночью	383
Морякъ; пер. В. Г. Бенедиктова	202	Трѣбица Поточкой	384
Дѣвушка на перепутьи; пер. Д. Д. Минова	203	Могилы гарема	385
Свѣтство. Его-же	205	Байдарская долина	—
Два слова; пер. В. Г. Бенедиктова	206	Алушта днемъ	383
Моя саловница; пер. кн. Голицына	207	Алушта ночью	387
О, милая моя; пер. П. Петровскаго	208	Чатырдагъ	388
Сонъ; пер. кн. Кострова	209	Пилигримъ	—
Къ Д. Д.; пер. М. Петровскаго	210	Дорога надъ пропастью въ чуждѣ-нае	389
Часть; пер. В. Г. Бенедиктова	212	Гора Кикинейст	390
Въ день отъѣзда. Его-же	214	Развалины вѣмка въ Балаклавѣ	391
Греческая комната. Его-же	217	Аюдагъ	392
Морлахъ въ Венеци. Его-же	220	Объясненія къ сонетамъ	392
Къ Его-же	221	Объясненія къ мистическимъ стихо-твореніямъ	—
Къ моему чичероне въ Римѣ. Его-же	223	Примѣчаніе къ разнымъ стихотво-реніямъ	303
Дерева благоухають. Его-же	224	Объясненія къ гражинѣ	—
Къ уединенію. Его-же	225	Объясненія къ «Конрадѣ Валлен-роду»	405
«Когда лишь призракъ мой» и т. д.; пер. Н. П. Семенова	226	Объясненія къ «Крымскимъ сонетамъ»	410
Ахъ льются тамъ слезы и вѣмыя, свя-тыя; пер. Н. В. Берга	—		
Любимецъ ангеловъ; пер. В. Г. Бе-недиктова	227		
Грозою слякисъ. Его-же	228		

225
226